

MORDVIN LANGUAGES IN THE FIELD

Uralica
Helsingiensia 10

Mordvin languages in the field

EDITED BY
KSEНИЯ ШАГАЛ
WITH HEINI ARJAVA

HELSINKI 2016

Ksenia Shagal with Heini Arjava (eds):
Mordvin languages in the field.
Uralica Helsingiensia 10.

Cover Eduard Shagal
Back cover picture Stephan Schulz
Layout Anna Kurvinen, Katriina Ketola

ISBN 978-952-5667-78-3 (print)
ISBN 978-952-5667-83-7 (online)
ISSN 1797-3945

Printon
Tallinn 2016

Orders • Tilaukset

Tiedekirja
Snellmaninkatu 13
FI-00170 Helsinki
<www.tiedekirja.fi>
<tiedekirja@tsv.fi>

Uralica Helsingiensia

Uralica Helsingiensia is a series published jointly by the University of Helsinki Finno-Ugric Language Section and the Finno-Ugrian Society. It features monographs and thematic collections of articles with a research focus on Uralic languages, and it also covers the linguistic and cultural aspects of Estonian, Hungarian and Saami studies at the University of Helsinki.

The series has a peer review system, i.e. the manuscripts of all articles and monographs submitted for publication will be refereed by two anonymous reviewers before binding decisions are made concerning the publication of the material.

Uralica Helsingiensia on Helsingin yliopiston suomalais-ugrilaisen kielialaineiden yhdessä Suomalais-Ugrilaisen Seuran kanssa julkaisema sarja, jossa ilmestyy monografoita ja teemattisia artikkeliarkoelmia. Niiden aihepiiri liittyy uralilaisten kielen tutkimukseen ja kattaa myös Helsingin yliopistossa tehtävän Viron kielen ja kulttuurin, Unkarin kielen ja kulttuurin sekä saamentutkimuksen.

Sarjassa noudatetaan refereekäytäntöä, eli julkaistavaksi esitettävien tutkimusten käskirjoitus annetaan kahden nimettömän asiantuntijan arvioitavaksi ennen kuin lopullinen julkaisupäätös tehdään.

Publishers • Julkaisijat

University of Helsinki: Department of Finnish, Finno-Ugric and Scandinavian Studies •
Helsingin yliopisto: Suomen kielen, suomalais-ugrilaisen ja pohjoismaisten kielen ja
kirjallisuuskrikoitusten laitos
Finno-Ugrian Society • Suomalais-Ugrilainen Seura

Editors • Päätoimittajat

Ulla-Maija Forsberg, Riho Grünthal

Editorial board • Toimitusneuvosto

Márta Csepregi, Cornelius Hasselblatt, Magdolna Kovács, Johanna Laakso, Helle Metslang, Matti Miestamo, Irma Mullonen, Karl Pajusalu, Janne Saarikivi, Anneli Sarhima, Elena Skribnik

www.sgr.fi/uh

The publications are indexed in ARTO data base with the index Urbis.

Julkaisut luetteloidaan ja indeksoidaan ARTO-tietokantaan tunnuksella Urbis.

Contents

Introduction

7

I

Нина Казаева

Топонимия Дубенского района Республики Мордовия
(на материале нескольких эрзянских сел)

17

Мерья Пиккарайнен

Языковые биографии жителей Дубенского района
Республики Мордовия

43

Елена Ломшина

Некоторые элементы праздничной культуры
мордовского этноса по итогам экспедиций 2013 года

63

II

Иван Рябов

Об исследовании эрзянских диалектов методами
лингвистической географии

91

Jack Rueter

Towards a systematic characterization of dialect variation
in the Erzya-speaking world: Isoglosses and their reflexes
attested in and around the Dubyonki Raion

109

Нина Агафонова

Варьирование детерминативных суффиксов
в диалектах и говорах эрзянского языка

149

III

Надежда Кабаева Фонетические особенности говора села Адашево юго-восточного диалекта мокшанского языка	171
Merja Salo On the meanings of the suffix <i>-ńek/-nek</i> in Erzya: A comitative case or derivational suffix?	187
Maria Kholodilova Moksha Non-Verbal Predication	229
Rigina Ajanki & Anna-Maria Kangastus Subject person indexation in Erzya	261
Riho Grünthal Transitivity in Erzya: second language speakers in a grammatical focus	291
Heini Arjava Experimenting on spatiality: Elicitation with three-dimensional toys in a field study of Erzya	319

IV

Boglárka Janurik The structural analysis of intrasentential code-switches in bilingual Erzya–Russian spoken discourse	341
Ksenia Shagal Contact-induced grammatical phenomena in the Russian of Erzya speakers	363
List of contributors	378

Introduction

1. Background of the book

This volume is a collection of articles based on the papers presented at the seminar “Erzya language and culture in the field”, which took place in Helsinki on 18–19 November 2013. The seminar was organized by the Helsinki Area & Language Studies initiative (HALS), a community involving researchers working in a number of fields, including general linguistics, Finno-Ugric studies, Slavonic studies, Asian studies, and African and Middle-Eastern studies. The HALS initiative emerged as an offshoot of the LDHFTA (Linguistic Diversity: Historical, Functional and Typological Approaches) research community, which was assessed as among the most successful research clusters at the University of Helsinki in the International Evaluation of Research and Doctoral Training at the University of Helsinki 2005–2010. Currently active members of a steering group are Axel Fleisch, Ulla-Maija Forsberg, Riho Grünthal, Ekaterina Gruzdeva, Juha Janhunen, Jouko Lindstedt, Matti Miestamo, and Janne Saarikivi, as well as Stephan Schulz who coordinates a range of tasks in connection with HALS.

Based at the University of Helsinki, HALS aims to promote language studies that take into account linguistic diversity, language contact and historical linguistics, and which are thoroughly grounded in the cultural context of the speaker communities; research produced by HALS participants includes linguistic ethnographies, as well as language documentation and description. In the course of the last four years, HALS has been organizing a wide range of activities, such as field trips, conferences, teaching events coordinated by various departments, lectures by invited speakers, thematic workshops and intensive courses on languages that are not frequently taught in Helsinki.

An important aspect of HALS activities is the organization of annual field trips which bring together experienced researchers specializing in particular areas and students on different stages of their studies. During HALS field trips, students and researchers work on a range of topics individually or in small teams, which provides the chance to learn how to carry out fieldwork in a real-life environment. Throughout the stay, there is the opportunity to discuss results and challenges with fellow students and more advanced researchers in a confidential and collaborative atmosphere. The participants, therefore, gain substantial expertise as to linguistic fieldwork skills, while making a valuable contribution to the linguistic documentation and analysis of the target languages.

Seven out of fourteen articles presented in this volume are largely based on research results obtained during the first HALS field trip, to the Republic of Mordovia, in August 2013. The team representing the University of Helsinki was led by Riho Grünthal and Jack Rueter, while Elena Lomshina from the Mordovian State University in Saransk acted as a local organizer. The group also included researchers and students of various linguistic and cultural programs both from Helsinki and Saransk. The fieldwork was conducted in the surroundings of the regional centre Dubyonki (Erzya: Дубинька), and the smaller villages visited were Morga (Erzya: Мопро), Kochkurovo (Erzya: Кочкур), Ardatovo (Erzya: Орданьбуе), Povodimovo (Erzya: Поводеле), Chindyanovo (Erzya: Кендя) and Kabayev (Erzya: Кобале). The area was chosen for being representative of an Erzya-speaking society and relatively understudied if compared to some other parts of Mordovia.

During the trip, it became a routine after a breakfast of millet to board a small school bus of bright colours for one of the villages, where usually a traditional welcoming ceremony opened the day. Thus, the field interviews were often carried out amidst feasting and singing. The participants of the trip had a chance to meet Erzya-speaking people of different ages and social statuses. A large part of this book has its roots in the rich Mordovian soil, quite literally, since its writers have been collecting potatoes and beetroots alongside the cultural and linguistic data on the Erzya language.

The other seven articles included in this volume have been written by researchers of Mordvin languages and culture from Helsinki, Saransk, Saint Petersburg and Tartu, who participated in the November seminar. The volume presents many different perspectives on the study of the Mordvins, and the authors employ various theoretical and methodological approaches. It is noteworthy, however, that the majority of the articles are based on first-hand data, primarily collected in the field.

The authors were free to choose either of the two languages, English or Russian, for their contributions. All of the articles were peer-reviewed by two anonymous reviewers in order to guarantee the scientific quality of the series. The editors have, in most cases, preserved the terminological choices and the transcription of the Mordvin names in the English text. Thus, for instance, the name of Dubyonki district (*Дубёнский район*) can be transcribed in different ways throughout the volume.

2. Structure of the volume

The first three articles present the Dubyonki district from different aspects. The article by **Nina Kazaeva** provides an overview of the toponymy. Kazaeva analyzes phonetic and morphological dialectal features reflected in the geographical names of the district, and discusses the etymology of the toponyms, paying particular attention to those derived from Finno-Ugric and adapted Russian appellatives. She also suggests possible etymologies for several substrate toponyms attested in the region.

Merja Pikkarainen studies the language biographies of the residents of the Dubyonki district collected through semi-structured interviews, as well as people's attitudes towards the languages spoken in the district. Pikkarainen shows that the Erzya language has a fairly high prestige in the district, and it is transmitted to next generations by their parents and especially grandparents. As she argues, however, there also exist several factors that threaten the status of the language, such as massive migration of younger people out of the district.

Elena Lomshina's contribution is a survey of the Mordvin festive culture, primarily based on the field data collected in the Dubyonki and Zubovo-Poljana districts of the Republic of Mordovia. Lomshina relates the properties of the Mordvin rituals to the perception of time and space characteristic of the Erzya and Moksha people. She discusses the connection between feasts and myths, analyzing the cultural symbols and their representation in traditional games. The article also shows the recent development of the folk traditions and their place in the modern life.

The second part of the book is dedicated to dialectology. The contribution by **Ivan Rjabov** is a report on the current work related to creating the dialectological atlas of the Mordvin language varieties. Rjabov provides an overview of the recent achievements in this field, outlines the problems, and suggests possible directions for further development. The article is illustrated by several examples of dialectological maps, which are discussed in connection with the methodology of their design.

The article by **Jack Rueter** aims to develop research methods for establishing affinities between individually documented language materials and descriptions of the Erzya dialects. For this purpose, Rueter studies the isoglosses of several Mordvin phonological and morphological characteristics, and describes the views on Mordvin dialectal division. Erzya is assessed in its relation to Moksha as its Mordvinic counterpart. Rueter argues that identification of isoglosses will contribute to the already existing systematic classification of the Erzya language.

Nina Agafonova considers the classification of Erzya dialects in connection to one particular grammatical feature, namely the determinative suffix occurring in the nominal paradigm, and its variation. Agafonova discusses possible ways to express definiteness on the noun in Erzya varieties, based on the extensive dialectal data collected during numerous field trips. The proposed classification also makes a significant contribution to the study of case systems in Erzya dialectal varieties.

The next six articles are concerned with research on particular topics in phonetics and grammar of the Mordvin languages, as well as with the collection of data for such research. **Nadezhda Kabaeva**

studies the phonetic characteristics of the Moksha dialectal variety spoken in the village of Adashevo in the Republic of Mordovia. The article focuses primarily on the constriction of front vowels and the reduction of unstressed narrow vowels, as the main distinctive features of the variety. Kabaeva shows that both processes are to a large extent connected to accentuation. She also provides an overview of the consonantal system of the dialect, and compares the phonetics of the Adashevo variety to other Moksha dialects and the literary standard.

Merja Salo's article is a close-up study on the Erzya *-nek/-nek* suffix expressing comitative meaning. The main question is whether this marker should be treated as a grammatical case ending or a derivational suffix. Salo compares the use of the *-nek/-nek* suffix in Erzya to the corresponding suffixes in other Uralic languages, and presents new data collected during the field trip to the Dubyonki district. She shows that the Erzya suffixes traditionally referred to as comitatives behave similarly to associative markers in many languages.

The topic of **Maria Kholodilova's** contribution is non-verbal predication in Moksha. Kholodilova gives a general overview of the morphological and syntactic properties of conjugated non-verbal predicates, and compares them to verbs and non-verbs. She also investigates the conditions that regulate the use of verbal markers on non-verbal predicates, and discusses non-predicative uses of verbal marking. Finally, the field data on Moksha collected by the author is compared to the existing descriptions of Erzya.

The article by **Rigina Ajanki** and **Anna-Maria Kangastus** is concerned with subject person indexation in Erzya, especially with the cases of cross-indexing, that is co-occurrence of free and bound person indices in one clause. Ajanki and Kangastus aim to determine the factors that affect the employment of cross-indexing. They argue that cross-indexed subjects are an indicator of importance in the discourse. It is also discovered that cross-indexing is more common in spoken language or in written texts representing the spoken language, which is in line with the typological observations regarding subject indexation.

Riho Grünthal examines the domain of transitivity in Erzya spoken as a second language. Grünthal's questionnaire included

transitive clauses representing patterns of both high and low transitivity, and the data was collected during the field trip to the Dubyonki district. The study shows that non-native speakers of Erzya adopt transitivity as a system involving both nominal and verbal inflection. However, the overall variation among the answers of individual non-native speakers is much greater than among the answers of those speaking Erzya as their first language.

Heini Arjava experimented with three-dimensional elicitation method during the HALS field trip, and her contribution discusses methodological issues in the study of spatial expressions. Arjava argues that toy settings of static and dynamic situations are a good way to avoid interference from a metalanguage and enable quasi-spontaneous, speaker-focused answers. The article also presents several case studies, which provide valuable information on the spatial map of modern Erzya, as well as on the linguistic choices made by people of different ages and backgrounds.

Finally, the fourth part of the volume comprises two studies in the field of language contact. The article by **Boglárka Janurik** examines the structure of intrasentential code-switches in bilingual Erzya–Russian discourse. Janurik argues that the occurrence of the different code-switching types depends on the degree of congruence between Erzya and Russian structures. She explains the variation of code-switching types referring to both the models used in the grammatical analysis of intrasentential code-switches, as well as pragmatically oriented approaches.

The contribution by **Ksenia Shagal** is concerned with the peculiarities of the Russian language spoken by the Erzya community in the Dubyonki district. The study focuses on those grammatical phenomena that she suggests can be explained by the influence of the mother tongue of the Erzya people on their Russian speech, and further discusses the possible mechanisms of their emergence. Shagal thus demonstrates how a local variety of Russian reflects structural features of Erzya, as manifested in recurring deviations from the standard Russian in the speech of bilingual individuals.

3. Acknowledgements

We would like to thank all the people and institutions whose support made the publication of this book possible.

The field trip to Mordovia in August, as well as the subsequent seminar in November, was generously sponsored by HALS, so we would like to thank all those who are responsible for obtaining funding for these great events.

Our sincere thanks goes to all the researchers and lecturers who shared their knowledge and experience with the students during the preparations for the field trip in the spring semester of the academic year 2012/2013. We are especially grateful to Olga Yerina, who taught an introductory course in Erzya intended for all those who had little previous experience with the language.

We would like to express our deepest gratitude to the trip organizers, both from Helsinki and from Saransk, who made the weeks in Mordovia such an unforgettable experience. Of course, we are also extremely grateful to all the wonderful people who welcomed us in Mordovia, our patient and devoted language consultants and everyone else who helped us in working and experiencing the culture to the fullest.

This book could have never appeared without the help from the anonymous reviewers, who carefully read the earlier versions of the articles and commented on them. The valuable insights they provided helped the authors improve the texts and raised the overall quality of the volume. We are also indebted to the proofreaders, Stephen Jones, Don Killian, Andrew Logie, Daniel Quayle, Ollie Sayeed and Elysia Warner. It is a pleasure to work with people who do their job so thoughtfully and efficiently.

Finally, we are particularly grateful to Jouni Harjumäki, a former coordinator of HALS, who took part in working on this book during its early stages and undertook many other important tasks ensuring HALS continued success.

НИНА КАЗАЕВА
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарёва

**Топонимия Дубенского района
Республики Мордовия**
(на материале нескольких эрзянских сел)¹

Резюме Данная статья посвящена исследованию топонимии Дубенского района Республики Мордовия. Для более полного представления о системе эрзянских географических названий района в статье дана краткая историческая справка и географическое описание исследуемой территории, а также представлена история возникновения населенных пунктов Дубенского района и этимология ойконимов. В работе также отмечены некоторые фонетические и морфологические особенности говоров, нашедшие отражение в топонимах. Большое место в статье удалено рассмотрению эрзянской топонимии Дубенского района с точки зрения участия в ней appellативной лексики. В образовании топонимической системы данного региона принимают участие преимущественно appellативы с географической семантикой, а также лексемы, обозначающие практическую деятельность человека. Основной фонд лексики, формирующий эрзянские топонимы Дубенского района, представлен словами финно-угорского происхождения. Кроме того, важное место в топонимии исследуемой территории занимают лексемы русского языка, изменившие свой фонетический облик в результате адаптации. В последней главе работы обсуждаются некоторые трудно поддающиеся этимологизации топонимы Дубенского района. Автор представляет мнения исследователей и высказывает свою точку зрения относительно их происхождения.

---

1. Фактическим материалом исследования послужили названия некоторых эрзянских сел Дубенского района, отобранные из топонимических словарей (Инжеватов 1987; Цыганкин 2005; Цыганкин 2010), а также полевые записи, сделанные автором во время лингвистических экспедиций в эрзянские районы Республики Мордовия.

1. Краткая историко-географическая справка района

Дубенская земля хранит в себе следы древнейших людей эпохи камня — далеких предков современных финно-угорских народов, к числу которых относится мордва-эрзя, коренное население Дубенского Присурья (Илюшин 2008: 4). На территории Дубенского района находится крупнейший археологический памятник Среднего Поволжья — городище *Osh пандо* III–II веков до н. э., расположенное близ села Сайнино.

История Дубенского Присурья с древности и до наших дней довольно подробно описана в работах мордовских ученых и краеведов (ДР 2008; Илюшин 2006; 2008). Опираясь на обобщающие труды по истории Мордовии, различные архивные материалы и археологические свидетельства, исследователи доказали, что территория Дубенского района уже в далеком прошлом была освоена человеком. Еще во II тысячелетии до н. э., т. е. 4000 лет тому назад, здесь обитали различные племена эпохи бронзы (ДР 2008: 22).

В середине I тысячелетия н. э. на территорию Присурья проникли племена так называемой именьковской культуры эпохи раннего средневековья (V–VII вв. н. э.), предки современных венгров — угры-мадьяры (ДР 2008: 15). Затем в VII–VIII вв. в Среднее Поволжье вторглись булгарские племена, которые оказались ближайшими соседями древней мордовы (ДР 2008: 22). Ссылаясь на работы А. П. Смирнова (1952; 1958: 229–243; 1965: 18–28), краевед Г. В. Илюшин (2008: 11) отмечает, что Дубенское Присурье с середины XI в. по первую половину XIV в. было составной частью северо-западной окраины огромного региона расселения буртасов — многочисленных мордовских племен, занимавших территорию нынешних Саратовской и Пензенской областей, западную часть Ульяновской области и юго-восточную часть современной Мордовии.

Массовое заселение территории происходило со II половины XVI в. до середины XVII в., после окончательного присоединения к Московскому государству восточных мордовских земель войсками Ивана Грозного и одновременно с созданием

оборонительных и погранично-сторожевых постов Российского государства.

Таким образом, к концу XVII в. сложился современный национальный состав населения Дубенского района, состоящего из мордовы-эрзи, русских и татар (Илюшин 2008: 7).

Дубенский район расположен в восточной части Республики Мордовия, в долине р. Чеберчинка, на границе с Ульяновской областью. Его территория составляет 896,9 кв. км, из которых 50,8 тыс. га занимают сельскохозяйственные угодья (в том числе 40,8 тыс. га отведено под пашни) и 25,2 тыс. га — лиственные и хвойные леса, расположенные вдоль р. Суры и ее притоков — Лаши, Ломатки, Чеберчинки и Штырмы.

Преобладающая форма рельефа — равнина, приподнятая на севере и северо-востоке и постепенно опускающаяся на юг и юго-восток к долине реки Суры. Поверхность сильно изрезана оврагами, направляющимися к рекам — Чеберчинке, Лаше, Суре и Штырме, — которыми орошаются район. В пойме реки Суры имеется множество больших и малых озер. Вода в озерах, прудах и реках используется для орошения пастбищ и полей, засеянных кормовыми культурами.

Растительный мир Дубенского района весьма богат и разнообразен. Преобладающими лесообразующими породами являются сосна, дуб, липа, осина, береза, ольха, ясень. Поймы рек богаты зарослями ивняка, ольшаника, черемухи, калины. На территории Дубенского района в изобилии представлена лугово-степная растительность, в том числе и редкие в Мордовии виды растений (качим высочайший, ковыль перистый, лен желтый, тимьян клоповский, ястребинка ядовитая и др.).

Основными представителями фауны края являются лоси, кабаны, волки, лисицы, зайцы, белки, барсуки. Из птиц встречаются глухари, утки, тетерева, рябчики. В реках, озерах и прудах района обитают разнообразные виды рыб, такие как карась, карп, щука, вьюн, линь и др.

Полезными ископаемыми район не богат. В основном они представлены осадочными горными породами, такими как глина, мергель, опока, песок, бутовый камень, щебень, мел (ВоМ 1997; Илюшин 2008).

2. Ойконимия Дубенского района

По данным «Статистического ежегодника» (Мордовия 2013: 37) на 1 января 2013 г., в Дубенском районе зарегистрировано 29 сельских поселений. В более ранних справочниках (ВоМ 1997: 152; РМ 1998: 19–20) было отмечено, что в 15 населенных пунктах Дубенского района (с. Ардатово, пос. Красные Луга, пос. Свиносовхоз, с. Дубенки, с. Кабаево, с. Сайнинко, с. Турдаково, с. Кочкурово, с. Морга, с. Поводимово, с. Антоновка, пос. Залесье, пос. Михайловка, с. Пуркаево, с. Чиндяново) преобладающей национальностью является мордва (эрзя), один населенный пункт — Ломаты — выделен как татарский, в остальных преобладает русское население.

В данной работе из представленных эрзянских населенных пунктов мы рассмотрим следующие: *Дубин(ъ)ка* (карт. Дубенки), *Ордан(ъ)буе* (карт. Ардатово), *Кочкурвеле* (карт. Кочкурово), *Кобале* (карт. Кабаево), *Тыргак* (карт. Турдаково), *Морга/Mоргэ* (*веле*) (карт. Морга), *Повадәле* (карт. Поводимово), *Кэнде* (карт. Чиндяново), *Красной (Луга)* (карт. Красные Луга). Стоит отметить, что все вышеуказанные поселения (кроме с. Кочкурово и пос. Красной Луга) упомянуты в «Переписной книге мордовских селений Алатырского уезда 1671 года» (ПК 1979). Это означает, что к концу XVII в. они уже существовали. В «Переписной книге ...» названия населенных пунктов зафиксированы в русском звучании, т. к. писцы, как правило, были русскоязычными.

Эрзянское село *Дубин(ъ)ка* (карт. Дубенки) — районный центр, находится на р. Сюксюрма (Сучерма). Село основано в XVII в. выходцами из с. Дубенки на Солослейке (ныне Ичалковский район Республики Мордовия). В «Переписной книге мордовских селений Алатырского уезда 1671 года» сообщается: «Деревня Дубенки — выставилась из деревни Дубенок, что на речке на Солослейке; мордва выставилась на новые поля в Верхосурской стан и живут на Ногаевской пустоши» (ПК 1979: 49).

И. К. Инжеватов (1971: 213) название данного населенного пункта связывает с дохристианским именем мордвина, «... видимо, первопоселенца Старых Дубенок (на Солослейке)». Позднее, в «Топонимическом словаре Мордовской АССР» (1987: 65),

в основе названий Старые и Новые Дубенки он выделяет апеллятив *дуб*. Д. В. Цыганкин (2005: 99) также связывает его с русским термином *дубняк* ‘дубовый лес’.

Село Ардатово (эрз. *Ордан(ъ)буе*) основано в начале XVII в. беглыми крестьянами на Метяковской пустоши. В «Переписной книге ...» (ПК 1979: 47) находим: «Деревня Ардатова на Метяковской пустоши». Как отмечает И. К. Инжеватов (1987: 23), в других источниках упоминается как «Ордатова на речке Кардалее» или «Ордатова на Метякове». Название села — антропоним, оно связано с эрзянским дохристианским именем *Ордатка/Oрдай/Aрдат*.

Населенный пункт Кочкурово (эрз. *Кочкурвеле*) не зафиксирован в «Переписной книге мордовских селений Алатырского уезда 1671 года». Упоминается с конца XVII в. как «Кочкурово на Ломате», по переписи мордовского населения Алатырского уезда, проведенной в 1696 году С. Ф. Грибоедовым (Инжеватов 1971: 212). В основе ойконима — языческое личное имя *Кочкур*.

Эрзянское село *Кобале* (карт. Кабаево) находится на речке Явлейка. В «Переписной книге ...» (ПК 1979: 40) отмечено: «Деревня Кобаева, что под Сурским лесом». Населенный пункт назван по имени первопоселенца *Кобая* (*Кабая*). По Д. В. Цыганкину (2005: 125), имя *Кобай* имеет тюркское происхождение: *коба* ‘бледно-бурый’ + суффикс *-ай*.

Название села Турдаково (эрз. *Тыргак*) в «Переписной книге ...» (ПК 1979: 39) упоминается как «Деревня Тургакова, что под Сурским лесом на речке на Сорокомандылее». Д. В. Цыганкин (2005: 371) в основе ойконима выделяет дохристианский антропоним *Турдай/Tурдей*, И. К. Инжеватов (1987: 231) — антропоним *Тургак* (*Турдак*), *Турган*.

Населенный пункт Морга (эрз. *Морга/Mоргэ* (*веле*)) в «Переписной книге мордовских селений Алатырского уезда 1671 года» (ПК 1979: 44) упоминается вместе с деревней Налетева: «Деревня Налетева, а Малая Морга тож». Ранее она упоминалась как «Морга, Старая Морга на речке Пиртаноземер Кильдюшевского беляка Верхосурского стана» (1624 г.). Из этого следует, что существовало 2 населенных пункта: *Старая* (возникла раньше) и *Малая Морга* (отделилась от *Старой*). По мнению

исследователей, основа названия — лексема *морго* ‘сук’, в топонимии выступает со значением ‘выселок, починок’.

Село Поводимово (эрз. *Повадәле*) находится на речке Покшельме, притоке р. Чеберчинка. В «Переписной книге ...» (ПК 1979: 50) зафиксирована как «Деревня Паводимова». Населенный пункт получил название по фамилии *Поводимов*.

Населенный пункт Чиндяново имеет также мордовское название *Кэнде*. Из «Переписной книги ...» (ПК 1979: 48) видим, что он был зарегистрирован уже в 1671 году: «Деревня Чиндянова, а Кенде тож на речке на Керсалее». В основе названий, по мнению ученых (Инжеватов 1987: 243; Цыганкин 2005: 399), лежат личные дохристианские имена *Чиндяс* (*Чиндян*) и *Кенде* (*Кендес*).

Поселок *Красной (Луга)* (карт. Красные Луга) основан в 1925 г. переселенцами из с. Морга. Это название-символ, прилагательное *красный* указывает на то, что поселок возник в советское время. Отметим, что в послереволюционный период на карте Мордовии появилось немало ойконимов с атрибутом *красный* в значении ‘советский’: *Красная Горка*, *Красная Зорька*, *Красная Поляна*, *Красная Стрелка* и др.

Из высказанного видно, что к 1671 году рассматриваемые населенные пункты (кроме с. Кочкурово и пос. Красный Луг) уже существовали, их возникновение относится к началу или середине XVII в., о чем свидетельствуют переписные книги и другие документальные источники.

Этимология названий данных населенных пунктов прозрачна. В основе 6 ойконимов лежат личные дохристианские (языческие) имена и фамилии: *Орданьбуе* (< морд. *Ордатка*/*Ордай*), *Повадәле* (< морд. *Поводим*, *Поводимов*), *Кобале* (< морд. или тюрк. *Кобай*/*Кабай*), *Тыргак* (< морд. *Тургак*/*Турдак*, *Турдай*/*Турдей*), *Кочкурвеле* (< морд. *Кочкур*), *Кэнде* (< морд. *Кенде*/*Кендес*). В официальном названии Чиндяново также сохранилось дохристианское имя *Чиндяс*/*Чиндян*. Следует подчеркнуть, что в настоящее время эти и другие мордовские личные имена и фамилии, явившиеся основой названий многих поселений, у мордвы не встречаются. Корневая часть некоторых из них не соотносится с лексемами или глагольной основой современного эрзянского языка: *Орданьбуе* < антр. *Ордатка*/*Ордай* < *оргадамс* ‘обидеться’;

‘закапризничать’; ‘заупрямиться’ (ЭРС 1993: 442), *Тыргак* < антр. *Тургак*/*Турдак* < ? *тург-*/*турд-*, *Повадәле* < антр. *Поводим* < ? *повор-емс* ‘подвесить’; ‘привязать’ (ЭРС 1993: 442).

В названиях населенных пунктов *Дубин(ъ)ка* и *Морга* представлены лексемы *дуб* (*дубняк*) и *морга* ‘сук’. Последняя в топонимии означает ‘выселок, починок’. Как отмечает И. К. Инжеватов (1987: 111), в ойкониме *Красной Луга* сочетаются природные особенности края (*луг*) и топонимическая символика советского времени (*красной*).

Заметим, что элементы *-веле/-але/-әле* (< эрз. *веле* ‘село’) и *-буе* (восходит к общефинно-угорскому слову *тиё* ‘сын’, ‘мальчик’), встречающиеся в эрзянских названиях, заменяются русскими суффиксами *-ово/-ево*, сравните: эрз. *Кочкур-веле* — русск. *Кочкур-ово*, эрз. *Ордань-буе* — русск. *Ардат-ово*, эрз. *Коб-але* — русск. *Каба-ево*, эрз. *Повад-әле* — русск. *Поводим-ово*. Эта замена произошла в результате фонетической и морфологической адаптации мордовских названий под влиянием русского языка.

3. Фонетико-морфологические особенности говоров и их отражение в географических названиях

Названия мелких географических объектов функционируют на определенной территории и возникают на базе диалектных форм языка (Самарова 2010: 34). Диалектные особенности языка местных жителей, несомненно, находят отражение в микротопонимах, что не является исключением и для рассматриваемой территории.

Эрзянский язык, функционирующий на территории Дубенского района, в диалектном отношении не представляет собой единого образования. Здесь сосредоточены говоры, тяготеющие по ряду признаков к юго-восточному и центральному диалектным типам.

По классификации Д. В. Цыганкина (2011: 98) говоры сел Кабаево, Поводимово, Чиндяново и Морга образуют кабаевско-поводимовский куст. Отметим, что ранее эта подгруппа

юго-восточного (присурского) диалекта называлась кабаевской, в нее, кроме вышеперечисленных, Д. В. Цыганкин (1968: 390) относил говоры сел Пуркаево, Дубенки, Ардатово. По фонетико-морфологическим особенностям говоры сел Кочкурово и Пуркаево близки к центральному диалектному типу и объединены в кочкуровско-пуркаевский куст.

Главной отличительной чертой большинства говоров мордовского Присурья, как отмечает Д. В. Цыганкин (1968: 383), является редуцированное произношение неударных гласных. Редукция гласных (главным образом гласных непереднего образования) значительно отличает исследуемые говоры от других эрзянских говоров, сближая их с говорами мокшанского языка.

Наличие редуцированных гласных характерно и для говоров кабаевско-поводимовского куста. Здесь в непервом слоге слова вместо эрзянского литературного *о* произносится редуцированный гласный э, по своей артикуляции близкий к нередуцированному э: *кунсэлэда* (вместо литер. *кунсолодо* ‘слушайте’), *мастэрга* (вместо литер. *масторга* ‘по земле’); в топонимии: холм *Омэд пандэ* (омут–гора) (Пвд), овр. *Родник латкэ* (родник–овраг) (Мрг), троп. *Макэ ряд* (мак–ряд) (Чнд) и др.

Характерной особенностью рассматриваемых говоров является функционирование в фонологической системе гласного ä (переднего ряда нижнего подъема) в качестве самостоятельной фонемы: *вайдь* ‘вода’, *кäдень* ‘ручной’, ‘кожаный’. Она находит отражение и в топонимах: родн. *Чай лисьма* (осока–колодец) (Дб), родн. *Сувозай лисьма* (глухарь–колодец) (Пвд, Чнд) и др. Отметим, что данная фонема отсутствует лишь в говоре жителей села Кочкурово.

Таким образом, в обоих рассматриваемых диалектных кустах насчитывается шесть гласных фонем: *и, е, ä, а, о, у* (в эрзянском литературном — 5).

Система согласных, характерная для кабаевско-поводимовского и кочкуровско-пуркаевского кустов, состоит из 28 согласных звуков (как и в эрзянском литературном языке). В этом плане консонантизм данных говоров не отличается от других говоров мордовского Присурья.

В области согласных характерными особенностями являются:

- 1) ограничения на стечение согласных в начале слова, присущее финно-угорской основе слова. В русских заимствованиях раннего периода произошло опущение одного из согласных (*чельник* < russk. *пчельник*, *нуцька* < russk. *внучка*, *пасиба* < russk. *спасибо*);
- 2) преобладание в начале слова глухих и сонорных согласных. Звонкие согласные, а также согласные ф, х, ц встречаются в заимствованиях и ономатопоэтических словах. Звуки ф и ц часто заменяются звуками к и ч (*Кома* < russk. *Фома*, *цясовня* < russk. *часовня*); в топонимии – реч. *Цярманав* < Чермелей (Ббр), родн. *Цясовня лисьма* (часовня–колодец) (Ард).

Из морфологических особенностей Д. В. Цыганкиным (1968: 392; 2011: 105) были выделены следующие:

- 1) употребление в кабаевско-поводимовском кусте говоров наряду с суффиксом *-нь* при образовании форм указательного склонения суффикса *-сть*: *кудо-сть* и *кудо-нь* ‘дома (этого)’; в кочкуровско-пуркаевском — только *-нь*;
- 2) употребление суффикса 1 л. мн. числа настоящего времени *-нак* (-нок) вместо литер. *-но*: *а вайдявловда-нак* вместо литер. *а велявлотовта-но* ‘не можем/сумеем вернуться’;
- 3) функционирование в говорах кабаевско-поводимовского куста древней формы местоимения *меје* (в диалектном произношении *мäје* ‘что’).

На основе анализа топонимического материала нами была выявлена еще одна особенность в области морфологии: функционирование кратких причастий и причастий прошедшего времени на *-сь* (-ць) вместо литературного *-зь* (диал. *сола* — литер. *солазь* ‘растаявший’, ‘талый’, диал. *палсь* — литер. *палозь* ‘сгоревший’, ‘горелый’). В топонимах: уроч. *Палсь вайдъгев* (растаявший–лес) (Кбв) и др.

4. Участие апеллятивной лексики в топонимообразовании Дубенского района

В данном разделе рассматривается микротопонимия исследуемых населенных пунктов с точки зрения участия в ней апеллятивов и лексем с географической семантикой.

Основу топонимической системы любой территории, в том числе и рассматриваемой в настоящей статье, составляют имена нарицательные, или апеллятивы, входящие в структуру названия и определяющие его смысловое содержание. Они являются «строительным материалом» топонимов.

Активность апеллятивов в географических названиях различна: некоторые из них часто повторяются как в первой, так и во второй частях сложных названий (лексемы эрз. *кужсо*, м. *кужса* ‘поляна’, ‘улица’, эрз. *лей*, м. *ляй* ‘река’, эрз. *лисьма*, м. *лихтибря* ‘колодец’, ‘родник’, эрз. *пандо*, м. *панда* ‘гора’, ‘возвышенность’, эрз. *эрьке*, м. *эрьхке* ‘озеро’ и т. д.), другие выступают лишь в единичных названиях (эрз. *нар* ‘трава’, ‘луг’, эрз. *сильдей* ‘кочка’, эрз. *усия* ‘остров’, ‘залив’, эрз., м. *ян* ‘тропинка в лесу’ и т. д.).

Функциональность апеллятивной лексики также неоднозначна. В зависимости от степени участия апеллятивов в топонимообразовании и занимаемой ими позиции они могут выступать в качестве:

- 1) самостоятельного названия, когда апеллятив (обычно с географической семантикой) онимизируется: эрз. *кужсо* ‘поляна’ > *Кужсо* (карт. Новая Поляна БИг), эрз. *лей* ‘река’ > реч. *Лей* (БлИг БИг), м. *ляй* > оз. *Лай* (Прм ЗП);
- 2) детерминанта (определенного элемента): ул. *Вяре кужса* (наверху–поляна) (МрПш Рз), луг *Васоло кужсо* (далекий–поляна) (Лбс Ич), руч. *Липки лай* (липки–река) (Шд Квл), овр. *Поки лей* (большой–река) (Бл, Кнд Ич);
- 3) атрибута (определенного элемента): лес *Кужса вирь* (поляна–лес) (Пдл ЗП), овр. *Лей латко* (река–овраг) (Ат Ат), ул. *Лай кура* (река–улица) (Жрв, Прм ЗП).

Важно отметить, что некоторые апеллятивы могут выступать как во всех трех функциях (в вышеприведенных примерах), так и только в одной. Особенно интересна роль апеллятивов, выполняющих функцию определяемого элемента. Обычно в качестве детерминантов в двух- и трехкомпонентных названиях выступают лексемы с географической семантикой, т. е. слова, обозначающие определенные географические реалии. Многие из них являются системными (эрз. *лей*, м. *ляй* ‘река’, эрз. *эрьке*, м. *эрьхке* ‘озеро’, эрз., м. *пакся* ‘поле’, ‘пашня’ и др.). В ряде названий (чаще всего в ойконимах и гидронимах) первоначальный смысл некоторых из этих лексем отходит на второй план, так что они начинают восприниматься как своеобразные топонимические форманты. Иллюстрацией сказанному могут служить следующие названия: ойк. *Каньфкужс* (карт. Каньгуши Елн) < м. *каньф* ‘конопля’ + *-кужс* < *кужса* ‘поляна’, *Мокшалей* (Чмз) < *мокша* + *-лей*, ойк. *Сайгуши* (Чмз) < тюрк. *сай* ‘сухое русло, овраг’ + *-гуши* < *кужсо* ‘поляна’, ойк. *Шуварляй* (ЗП) < м. *шувар* ‘песок’ + *-ляй* и др.

Все апеллятивы, входящие в состав географических названий Мордовии, в зависимости от их семантики были разделены нами на следующие группы: 1) гидрографические апеллятивы; 2) орографические апеллятивы, обозначающие: а) возвышенный (положительный) и б) низинный (отрицательный) рельеф; 3) апеллятивы, указывающие на растительный мир края; 4) апеллятивы, указывающие на характер животного мира края; 5) апеллятивы, обозначающие типы жилищ и поселений; 6) экономико-географические апеллятивы; 7) апеллятивы, отражающие духовную область жизни народа (религия, обряды и верования), социальные, этнические и другие отношения; 8) апеллятивы, выражющие пространственные отношения; 9) метафорические апеллятивы (Казаева 2005: 9).

Анализ мордовских топонимов показал, что ведущую роль в их образовании играют гидрографические апеллятивы, характеризующие различные виды водных объектов и детали гидрореалий. Среди речных терминов можно выделить термин *лей/ляй* ‘река’; ‘овраг с водой и без воды’, который в мордовских географических названиях выступает как детерминант и атрибутив, а также как топонимический (гидронимический) формант,

участвующий в образовании наименований как крупных, так и незначительных по размеру природных объектов.

В микротопонимии рассматриваемых сел Дубенского района гидрографические термины также занимают одно из первых мест, т. к. на этой территории встречается большое количество водных объектов (речек, озер, болот, родников): луг *Лисьма пандалкэ* (колодец—подножие горы) (Прк), овр. *Родник латкэ* (родник—овраг) (Мрг), участок леса *Горелой болэта* (горелый—родник) (Кнд Ич; Прк), родн. *Иневайдь* (великий+вода) (Мрг), родн. *Ознёма лисьма* (моление—родник) (Ант, Ард, Прк), поле *Бодай озера* (антр. Бодай—озеро) (Чнд) и др.

Учитывая физико-географическую характеристику местности, вполне естественно, что в микротопонимах отражается лексика, служащая для обозначения рельефа. В мелких географических названиях Дубенского района широко представлена лексика, указывающая на: а) положительный (возвышенный) рельеф: холм *Крута губэрь* (крутой—бугор) (Пвд), возв. *Нäшкепире пандэ* (пасека—гора) (Пвд), дор. *Пандэ ки* (гора—дорога) (Чнд), г. *Атяки пандопря* (петух—вершина горы) (Кчк), холм *Захар пандопря* (антр. Захар—вершина горы) возле усадьбы Захара (Кчк), бол. *Пандопря ёрьке* (вершина горы—болото) (Кбв); б) отрицательный (низинный) рельеф: возв. *Волна латкт* (волна—ямы) (Трд), овр. *Лäй потмэ латкэ* (река—внутренность—овраг) (Чнд), лесн. участок *Василей лашмо* (антр. Василий—долина) (Кчк), овр. *Ров латкэ* (ров—овраг) (Дб) и др.

Как уже отмечалось выше, леса в Дубенском районе занимают более 20 тыс. гектаров. Это позволяет предположить, что в географических названиях района должна активно функционировать флористическая лексика, указывающая на лесные массивы и участки, занятые лесом (*вирь* ‘лес’, русск. *роща* и др.), породы деревьев и другие виды растительности. Однако в ойконимии Дубенского района фитонимы выступают всего в трех названиях: *Дубин(ъ)ка* (в основе дуб — русская лексема), *Пичале* (пиче ‘сосна’ (< ф.-п. *ričä)), *Ольховка* (в основе русск. *ольха*). В связи с этим отметим, что флористическая лексика не принимает столь большого участия в образовании мордовских ойконимов в целом, в отличие, например, от марийской ойконимии (см. Куклин 1998:

83–165). Фитонимы (напр., м. *кеду* ‘береза’, эрз. *куз* ‘ель’, м. *пяше* (< ф.-п. *päkšnä) (Keresztes 1986: 107) ‘липа’, эрз. *пой*, м. *пою* ‘осина’ (< *poje (Keresztes 1986: 117)) прежде всего прослеживаются в неофициальных названиях населенных пунктов: *Келгужса/Келгуж* (офиц. Лесное Цыбаево Тмн), *Кузым* (офиц. Гузинцы ББр), *Пой веле/Мокиень Пою* (офиц. Мордовская Паевка Инс), *Мокиень Пишля* (офиц. Мордовская Пишля Рз) и др.

В микротопонимии Дубенского района флористическая лексика представлена следующим образом: лес *Заказной вирь* (заказной—лес) (Пвд), лес *Икäле вирь* (впереди—лес) (Чнд), поле *Пойбулэ* (осинник) (Чнд), овр. *Инзай латкэ* (малина—овраг) (Ард), переул. *Каль алкэ* (ива—низ) (Пвд), родн. *Селей лисьма* (вяз—колодец) (Пвд), дор. *Тумэпулэ ряд* (дубняк—ряд) (Дб), луговина *Моргэнь луга* (моргинский—луг) (Ард), троп. *Макэ ряд* (мак—ряд) (Чнд), луг *Нупэнь чай* (мох—болото) (Трд), тропа *Пангэ ки* (гриб—дорога) (Чнд), овр. *Цяпор латкэ* (чебрец—овраг) (Кбв), луг *Алтынкань чай* (антр. Алтынки (род. п.) —болото) (Дб), луг *Умарь луга* (клубника—луг) (Ант, Прк), родн. *Поки кужэ лисьма* (большой—поляна—колодец) (Син), луг *Тувонь кужо* (свиной—поляна) (Кчк) и др.

Несмотря на богатство и разнообразие животного мира Мордовии, лексемы, обозначающие животных и птиц, мало отражены в мордовских географических названиях. В микротопонимии же рассматриваемых населенных пунктов, напротив, животный мир (включая как диких, так и домашних животных) представлен весьма разнообразно: реч. *Казя лай* (коза—река) (Дбн), овр. *Нумоло латко* (заяц—овраг) (Кчк), овр. *Овто латко/латкэ* (медведь—овраг) (Кчк, Чнд), луг *Овтэнь потмэ луга* (медвежий—внутренность—луг) (Ард), родн. *Тувэнь пире лугасэ лисьма* (свинья—огород—на лугу—родник) (Дб), овр. *Эльде латкэ* (кобыла—овраг) (Пвд), г. *Атяки пандопря* (петух—вершина горы) (Кчк), руч. *Гала река* (гусь—река) (Трд), холм *Галка пандэ* (галка—гора) (Син), холм *Орел пандэ* (орел—гора) (Пвд), родн. *Сувозай лисьма* (глухарь—колодец) (Пвд, Чнд), лесн. участок *Чавка вирь* (галка—лес) (Дб, Пвд), овр. *Ватраки латкэ* (лягушка—овраг) (Прк ББр; Прк), родн. *Гуй лисьма* (змея—колодец) (Дб) и др.

Следует отметить, что не все микротопонимы данной группы непосредственно указывают на обитание тех ли иных животных

на данной территории. В основу такого названия может быть положен антропоним (прозвище или фамилия от апеллятива, обозначающего какое-либо животное) или случай, произшедший с животным (обычно гибель или пропажа). Также эти названия могут указывать на место выпаса или захоронения скота.

Пятая тематическая группа апеллятивов представлена лексемами, обозначающими типы жилищ, поселений и их частей, среди которых в мордовской топонимии выделяются и лексемы, заимствованные из русского языка (*выселка/выселки, порятка/порядка* ‘улица’, *поселка* ‘поселок’, *поцинка/починка/починки* ‘починок’, *селиштия/селища/шиелиштия* ‘селище’, *слобода/слоботка* ‘слобода’, *ульца* ‘улица’ и др.). Из терминов мордовского происхождения активное участие в образовании топонимов (оиконимов) принимает лексема *веле* (<ф.-в. *wilwa) (Keresztes 1986: 185), выступающая в двух значениях — ‘село, поселение’ и ‘улица’. Данный термин с его вариантами (-эле/-али/-älle/-еле/-ле) образует довольно большое количество названий населенных пунктов Республики Мордовия: *Андреле* (карт. Андреевка Ат), *Бораж веле* (карт. Барашево Атр), *Валгапеле* (карт. Волгапино Квл), *Кочкурвеле* (карт. Кочкурово Дбн, Кчк), *Колазьвеле* (карт. Каласево Ард), *Мельцидвеле* (карт. Мельсетьево Тнг), *Од Качай веле* (карт. Новое Качаево БИг), *Пою веле* (карт. Паево Кдш), *Тазали* (карт. Тазнеево Ат) и др. Элемент *-веле* можно рассматривать как топонимический формант, который стоит на пути грамматикализации.

Термин *веле*, как было представлено выше, выступает в образовании нескольких эрзянских названий сел Дубенского района: *Кобале* (офиц. Кабаево), *Кочкурвеле* (офиц. Кочкурово), *Повадэле* (офиц. Поводимово), *Сайнэле* (офиц. Сайнинко). В топонимообразовании Дубенского района принимают участие и другие лексемы, указывающие на типы и виды поселений и их части: ул. *Базар пää* (базар–конец) (Дб), ул. *Рай городок* (Дб), городище *Оши пандэ* (город–гора) (Чнд), ул. *Од порятка* (новая–улица) (Снн), ул. *Од ульца* (новая–улица) (Дб), лес *Усад вирь* (усадьба–лес) (Кбв), ул. *Пиче пää* (сосна–конец) (Ард), ул. *Поп пää* (поп–конец) (Кбв) и др.

Помимо ландшафтных и другого вида апеллятивов особую группу представляют экономико-географические лексемы. Представленные в географических названиях экономико-гео-

графические апеллятивы отражают хозяйственную и прочую деятельность человека, а также объекты и явления, возникшие в результате этой деятельности. К данной группе отнесены также апеллятивы, обозначающие пути и средства передвижения.

По мере фиксации экономико-географических апеллятивов в топонимах мы можем судить о занятиях жителей Дубенского района: поле *Од мода* (новый–земля) (Дб, Чнд), лесн. участок *Купай надел* (антр. Купай–надел) (Дб), луг *Попэнъ пай* (поповский–пай) (Ант), поле *Очай Марянь ряд* (антр. Очай Маря–ряд) (Трд), делянка *Антонэнъ керявет* (антр. Антона (род. п.)–вырубка) (Ант), поле *Чицоба* (< русск. чицоба ‘место, где лес вырублен, выкорчеван и сожжен под посев’) (Трд), лесн. участок *Колган чицоба* (половник–чицоба) (Пвд), поле *Грань пакся* (грань–поле) (Дб, Чнд), овр. *Грань чай латкэ* (грань–болото–овраг) (Снн), граница между селами *Кэнде межа* (оик. Кэнде–межа) (Пвд), ул. *Амбар пää* (амбар–конец) (Чнд), холм *Амбар пандэ* (амбар–конец) (Пвд), холм *Базар пандэ* (базар–гора) (Дб, Кбв, Снн), реч. *Брегада лай* (бригада–река) (Чнд), поляна *Захар вайдыгев* (антр. Захар–мельница) (Чнд), часть ул. *Лавка пää* (лавка–конец) (Дб), овр. *Нäишке латкэ* (пчельник–овраг) (Чнд), сад *Нäишкепире сад* (пчельник–сад) (Ард), лесн. участок *Чавкань näишкепире* (антр. Чавка (род. п.)–пчельник) (Дб), овр. *Цельник латко* (пчельник–овраг) (Трд), овр. *Свинарня латкэ* (свинарник–овраг) (Пвд), дор. *Мушко брод* (конопля–брод) (Кчк), овр. *Дёгодье латкэ* (деготь–овраг) (Дб), лесок *Сёвэнъ турт* (глина–место добычи) (Кбв), овр. *Пор латкэ* (мел–овраг) (Пвд, Прк), родн. *Човар лисьма* (песок–колодец) (Чнд) и др. Данные микротопонимы предоставляют возможность для изучения хозяйственно-экономического развития района, наглядно свидетельствуют об особенностях хозяйственной деятельности населения.

Апеллятивы, указывающие на духовную область жизни народа, остались свой след как в мордовских географических названиях в целом, так и в микротопонимии Дубенского района. Они представляют большой интерес для изучения истории, этнографии и фольклора мордовского народа, т. к. хранят в себе следы прежних верований и обрядов, отражают деятельность церкви, общественные отношения. Примеры: родн. *Инечи лисьма*

(Пасха–колодец) (Чнд), тропа *Калмэ ки* (могила–дорога) (Прк, Чнд), родн. *Крест лисьма* (крест–колодец) (Трд), возв. *Микела пандэ* (Микола < Николай–гора) (Снн), холм *Святэй пандэ* (святой–гора) (Дб, Трд, Чнд), родн. *Цясовня лисьма* (часовня–колодец) (Ард), ул. *Поп пä* (поп–конец) (Кбв) и др.

Как свидетельствует имеющийся топонимический материал, этнонимы (названия народов) не принимают активного участия в формировании микротопонимии Дубенского района. От них образованы такие названия, как дор. *Буртас* (Чбр), овр. *Мокша латкэ* (мокша–овраг) (Трд), луг *Татар вайдыгев* (татар–мельница) (Дб), овр. *Цыган латкэ* (цыган–овраг) (Чнд), ул. *Рузэн пä / Руз пä* (русский–конец) (Дб, Пвд), холм *Рузэн сеча* (русский–сеча) (Мрг), овр. *Рузава лай латкэ* (русская женщина–река–овраг) (Чнд) и некоторые другие.

В топонимии Республики Мордовия много названий, указывающих на расположение объектов на местности. В их образовании, как правило, принимают участие лексемы с пространственным значением. Большинство из них — это лексемы финно-угорского или исконно мордовского происхождения (*ал/алкс* ‘низ’, *ало/ала* ‘внизу’, *алие/алуце* ‘нижний’, *вере/вяре* ‘наверху’, ‘верхний’, *икеле/инголе* ‘впереди’, *не* ‘конец’, *пель/пяль* ‘сторона, часть ч.-либо’, *трокс/туркcs* ‘через’, *удалкс* ‘задняя часть’, ‘задний’ и др.). Реже встречаются слова, заимствованные из русского языка (*бока, край, центра*).

Лексика с пространственным значением представлена и в микротопонимах Дубенского района: ул. *Алэ пä* (внизу–конец) (Кбв), ул. *Вере пä* (наверху–конец) (Кбв), ул. *Вирь алкс пä* (лес–низ–конец) (Кбв), ул. *Икеле пä* (впереди–конец) (Пвд), ул. *Удалэ пä* (сзади–конец) (Пвд), ул. *Томбалькс* (дальняя сторона) (Пвд), лес *Икэле вирь* (впереди–лес) (Чнд), луг *Сюксюмань томбалькс* (гидр. Сюксюмы (род. п.)– дальняя сторона) (Дб), поле *Мичур удалкс* (антр. Мичур–задняя часть) (Чнд) и др.

Большой интерес для исследователей представляют метафорические названия. Зафиксированы они и в мордовской топонимической системе. В метафорических названиях чаще всего выступают лексемы, обозначающие части тела человека или животных. Большинство лексем имеют мордовское происхождение,

незначительное место занимают заимствования из русского языка (*бока, грева, ладонь, лата*). Апеллятивы, обозначающие различные вещи, предметы быта, играют меньшую роль в формировании мордовских метафорических географических названий. Приведем ряд примеров: мыс *Песок кэль* (песок–язык) (Чнд), родн. *Песок кэль лисьма* (песок–язык–колодец) (Чнд), склон холма *Айгэр коня* (жеребец–лоб) (Дб), дор. *Коня ки* (лоб–дорога) (Ант), лес, холм *Сэрэй коня* (высокий–лоб) (Ант, Прк), поле *Амяки копоре* (петух–спина) (Трд), возв. *Клэк нерь пандэ* (антр. Клэк–клюв–гора) (Чнд), овр. *Васэлэ пакся потмэ* (далеко–поле–внутренность) (Чнд), овр. *Гигеть потмэ* (дикие гуси–внутренность) (Прк), прав. прит. р. Чеберчинки *Поки сэльме/Покишэльме* (букв. большой глаз) (Дб), овр. *Сэльме латкэ* (глаз–овраг) (Мрг), поле *Улэ пä* (подбородок–конец) (Кбв), лес *Коське чама вирь* (сухой–лицо–лес) (Кбв); ул. *Коцькеръганка* (коцькеръган ‘кочерга’ + -ка) (Дб), поле *Очкэ копоре* (корыто–спина) (Дб), холм *Пачалгэ пандэ* (сковорода–гора) (Кбв), ул. *Штана пä* (штаны–конец) (Ард, Пвд) и др. Из вышеприведенных примеров видно, что наибольшую роль в образовании метафорических названий Дубенского района играет анатомическая лексика.

Анализ топонимов некоторых эрзянских сел Дубенского района Республики Мордовия позволяет выделить в составе географических названий преобладающее большинство апеллятивов, бытование которых обусловлено особенностями ландшафта, природными условиями края и своеобразием хозяйственной деятельности жителей. Среди них наиболее распространены лексемы с географической семантикой, в которых находят отражение фонетические особенности говоров (*пандо/пандэ* ‘гора’, *лей/лай* ‘река’, *латко/латкэ* ‘овраг’, *вирь* ‘лес’, *кужсо/кужэ* ‘поляна’ и др.).

Основной фонд лексики, формирующей эрзянские топонимы Дубенского района, представлен словами финно-угорского происхождения, многие из которых имеют соответствия в родственных языках (*ведь* ‘вода’, *веле* ‘село’, *вирь* ‘лес’, *кель* ‘язык’, *ки* ‘дорога’, *кужсо* ‘поляна’, *латко* ‘овраг’, *не* ‘конец’, *эрьке* ‘озеро’ и др.). Кроме того, важное место в топонимии исследуемой территории занимают лексемы русского происхождения. При усвоении

этих апеллятивов местным населением многие из них изменили свой фонетический облик (*болёта* < русск. *болото*, *луга* < русск. *луг*, *цельник* < русск. *пчельник*, *чистёба* < русск. *чищоба*, *озера* < русск. *озеро*, *губэрь* < русск. *бугор*, *ульца* < русск. *улица* и т. д.), другие же были усвоены без каких-либо фонетических изменений (*ров*, *надел*, *поляна*, *родник*, *усад*, *пай*, *грань*, *межа*, *дёготь* и др.). Лексика тюркского происхождения в топонимии исследуемой территории представлена слабее (*айгор* ‘жеребец’, *алаша* ‘лошадь’, *була/булык* ‘речка’, ‘ручеек’, *пакся* ‘поле’, *чей/чай* ‘болото’, ‘осока’ и др.). Некоторые тюркизмы вошли в мордовские языки через русский и воспринимаются современными носителями как заимствования из русского языка (*амбар*, *майдан* и др.).

Следует отметить, что на рассматриваемой территории непрерывно проходит процесс взаимовлияния языков (эрзянского, русского, татарского) и культур. В результате взаимодействия языков в топонимии появляются многочисленные гибридные наименования, в составе которых представлены заимствованные лексемы, суффиксы и топоформанты: овр. *Амбар латкэ* (амбар—овраг) (Пвд), родн. *Одна лисьма* (один—колодец) родник (Чнд), луг *Умарь луга* (клубника—луг) (Ант, Прк), овр. *Ров латкэ* (ров—овраг) (Дб), ул. *Ватракишовка* (< эрз. *ватраки* ‘лягушка’ + *-овка*) (Трд) и др.

5. О субстратных топонимах Дубенского района

На территории Дубенского района функционируют два основных топонимических пласта: собственно эрзянский и славянский (русский). Основу их составляет лексика эрзянского и русского языков, которая легко этимологизируется. Наиболее ранними по происхождению на данной территории являются ойконимы и гидронимы, происхождение которых тоже чаще всего известно.

Тем не менее, топонимический материал Дубенского района позволяет в некоторой степени говорить и о субстрате. Субстратные географические названия представляют большой интерес для исследователей. Они хранят в своей структуре элементы,

принадлежащие языкам предшествующих народов, некогда проживавших на той или иной территории. Субстратные топонимы невозможно объяснить с помощью данных современного языка без специальных научных изысканий.

На карте Дубенского района зафиксировано несколько гидронимов, которые трудно поддаются этимологизации с использованием материала эрзянского языка. При их расшифровке необходимо прибегнуть к другим, родственным или неродственным языкам.

Попытки этимологизации данных топонимов предпринимали такие исследователи, как Д. В. Цыганкин (1993; 2005; 2010), И. К. Инжеватов (1971; 1987), Ш. Матичак (1995; 2002: 107–122) и другие. Рассмотрим некоторые из таких названий.

Излань, эрз. *Азлан(ъ)* — небольшая река, прав. приток р. Чеберчинки. До 50-х годов XX в. существовал и населенный пункт с одноименным названием. Д. В. Цыганкин (2005: 120) объясняет данное название с помощью русской лексемы *излез* ‘выход из чего-либо; приток’. На наш взгляд, данная интерпретация неприемлема, т. к. непонятно появление *-н* в исходе слова.

Качерма — небольшая река, лев. приток р. Чеберчинки. На ней находится населенный пункт Чиндяново (*Кайнде*). В основе гидронима, по мнению Д. В. Цыганкина (2005: 141), лежит эрзянская лексема *качер* ‘изворотливый’, в топонимии — ‘извилистый’ + суффикс *-ма*. Данное предположение звучит весьма убедительно, однако следует отметить, что в словарях эрзянского языка лексема *качер* с таким значением не зафиксирована, хотя она и обнаруживается в основе глагола *качардомс* ‘отворачиваться’ (ЭРС 1994: 241). На наш взгляд, данный гидроним вполне можно отнести к субстратным, в котором выделяется формант *-ма*, основа же названия требует более детального этимологического разыскания.

Лаша — небольшая река, лев. приток р. Суры. Д. В. Цыганкин (2005: 180; 2010: 47) предполагает, что основа названия *ла-* происходит от эрз. *лашмо* ‘овраг с пологим берегом’ + географический суффикс *-ша*. По нашему мнению, укорочение

основы в данном гидрониме и присоединение к ней более древнего, чем сама лексема, форманта кажется сомнительным и не вполне объяснимым с точки зрения хронологии. Отметим, что в мордовской топонимии существуют и другие гидронимы с компонентом *-ша* (*Выша*, *Кондарша*, *Шокша*, *Кша*, *Малая Кша*). Дубенский краевед Г. В. Илюшин (2008: 20) считает это название татарским, не объясняя этимологию. *Ломатка*, эрз. *Ламатка/Ламадка* — небольшая река, лев. приток р. Штырмы. На ней расположен татарский населенный пункт *Ломаты*. Д. В. Цыганкин (2005: 190; 2010: 50) выделяет в основе русский географический термин *лом/ломы* ‘болото; пойменный луг с мелколесью’ , который имеет этимологические связи с языками разных семей. Если принять эту точку зрения, то остается необъяснимым наличие *(-а)т* в структуре гидронима. И. К. Инжеватов (1971: 215–216) название населенного пункта *Ломаты* связывает с эрзянским *ламарь* ‘черемуха’, а гидроним — со словом *лом* (*лам*) ‘низина’, не объясняя его происхождение (1987: 125). Эти суждения автора, на наш взгляд, неверны, т. к. населенный пункт получил свое название от речки, на которой находится и, соответственно, оба названия имеют одно и тоже происхождение.

Сура, эрз. *Сурлей* — река, прав. приток р. Волги. Протекает вдоль восточной границы Мордовии на протяжении 120 км. Существует ряд мнений относительно внутренней формы гидронима. Так, например, В. Г. Егоров, возводит данное название к и.-е. источнику, сравнивая с и.-е. *ser ‘течь’: скр. *siru* ‘поток, течение, река’. По мнению мариjsкого исследователя И. С. Галкина, слово *сура* связано с авест. *sura* ‘озеро’. Е. М. Пospelов сравнивает гидроним *Сура* с удм. *шур* ‘река, ручей, болото’, чув. *шор ~ шур* ‘болото’, коми *шор* ‘ручей’. Все эти и другие этимологии были собраны и представлены Д. В. Цыганкиным (2010: 83). Сам же исследователь (Цыганкин 2005: 348; 2010: 83) допускает, что основой данного гидронима послужило общемордовское слово *сур* (фонетический вариант *carp*) со значением ‘ветвь, разветвление, развилия, приток’. Ученый приводит соответствия данному термину в финно-угорских языках: саам.-кильд.

sūrr ‘ветвь, разветвление’, фин. *saara*, карел. *šuaru ~ šuaru*, вепс. *sar ~ sara* ‘разветвление, ветвь’ (Цыганкин 2010: 83).

Сюксюрма — небольшая река, прав. приток р. Покшельме/Покшельме. Д. В. Цыганкин (2010: 84–85) считает, что данный гидроним состоит из трех частей: э. *сюк* (< эрз. *сюко-нямс* ‘нагибаться, наклоняться’ в гидронимии — об извилистом течении) + *сюр* (< эрз. *сюро* ‘рог’) + гидроформант *-ма*. Таким образом, мы видим, что ученый раскрывает происхождение гидронима на материале эрзянского языка. На наш взгляд, ошибочно делить основу названия на множество элементов при ее этимологизации, возможно, следует сопоставить ее с лексемами из других языков. В «Топонимическом словаре Мордовской АССР» (Инжеватов 1987: 64) представлен вариант *Сучерма*, в котором можно выделить тюркскую лексему *су* ‘вода, река’. Можно предположить, что гидроним *Сюксюрма* — результат существенных фонетических изменений в названии *Сучерма*, реконструкция которого вызывает затруднения.

Штырма — небольшая река, лев. приток р. Сура. Варианты — *Штирьма*, *Китырма*. Также существует несколько мнений относительно происхождения названия реки. Согласно одному из них (Корнилов 1976), гидроним возводится к булгаро-чувашскому *сырма* ‘овраг, река, приток’. Другого мнения придерживается историк-краевед И. С. Марискин (1998: 12): в основе названия он прослеживает морд. *китыр* ‘низина, лог, заросший кустарник’. Д. В. Цыганкин (2010: 99) считает возможным соотнести его с эрз. *штере* ‘веретено’, в гидронимии — ‘круговорот воды’.

На наш взгляд, речные названия на *-ма* и *-ша*, зафиксированные на территории как Дубенского района, так и всей Республики Мордовия, можно рассматривать как субстратные, созданные на основе лексических напластований родственных и неродственных языков. Происхождение многих из них ждет своего объяснения, которое осуществимо лишь при привлечении языковых и других материалов с применением различных методов историко-этимологического анализа географических названий.

6. Заключение

Итак, эрзянская топонимия рассматриваемых сел Дубенского района явилась результатом взаимодействия и взаимовлияния разных языков и культур. Подавляющее большинство географических названий, однако, создано основной этнической группой коренного населения района — мордвой-эрзей. По хронологическим параметрам эрзянская топонимия района неоднородна, в целом же она представляет собой довольно поздний пласт наименований, семантика которых достаточно прозрачна и этимологизируется благодаря эрзянскому и русскому языкам.

Анализ топонимов рассматриваемых эрзянских сел Дубенского района позволяет выделить в составе географических названий преобладающее большинство апеллятивов и географических терминов, бытование которых обусловлено особенностями ландшафта, природными условиями края и своеобразием хозяйственной деятельности. Географические названия сохраняют фонетические и, реже, морфологические особенности говоров сел, которые образуют кабаевско-поводимовский куст юго-восточного диалектного типа.

Следует отметить, что в топонимии Дубенского района, как и в топонимии Республики Мордовия, фиксируются также географические названия с затмненной семантикой, этимологизация и реконструкция которых является одной из основных задач мордовской топонимики.

Сокращения

авест.	авестийский	прав.	правый
антр.	антропоним	прит.	приток
бол.	болото	р.	река
букв.	буквально	реч.	речка
вепс.	вепсский	род. п.	родительный падеж
возв.	возвышенность	родн.	родник
г.	гора	русс.	русский
диал.	диалектное	руч.	ручей
дор.	дорога	с.	село
и.-е.	индоевропейский	саам.-кильд.	саамско-кильдин-
карел.	карельский		ский
карт.	картоографическое	скр.	санскрит
лев.	левый	троп.	тропинка
лесн.	лесной	турк.	тюркские
литер.	литературное	удм.	удмуртский
м.	мокшанский	ул.	улица
морд.	мордовские	уроч.	урочище
овр.	овраг	ф.-в.	финно-волжский
оз.	озеро	фин.	финский
ойк.	ойконим	ф.-п.	финно-пермский
офиц.	официальное	чув.	чувашский
переул.	переулок	эрз.	эрзянский
пос.	поселок		

Ант	дер. Антоновка	Дб	с. Дубенки
Ард	с. Ардатово	Дбн	Дубенский район
Ард	Ардатовский район	Елн	Ельниковский район
Ат	Атяшевский район	Жрв ЗП	с. Журавкино
Атр	Атюрьевский район		Зубово-Полянского
ББр	Большеберезников-		района
	ский район	ЗП	Зубово-Полянского
БИг	Большеигнатовский		района
	район	Инс	Инсарский район
БлИг БИг	с. Большое Игнатово	Ич	Ичалковский район
	Большеигнатовского	Кбв	с. Кабаево
	района	Квл	Ковылкинский
Бл Ич	с. Болдасево Ичал-		район
	ковского района		

Кдш	Кадошкинский район	Прк Ббр	с. Паракино Большеберезниковского района
Кнд Ич	с. Кендя Ичалковского района	Прм ЗП	с. Промзино Зубово-Полянского района
Кчк	с. Кочкурово	Рз	Рузаевский район
Кчк	Кочкуровский район	Снн	с. Сайнино
Лбс Ич	с. Лобаски Ичалковского района	Тмн	Темниковский район
Мрг	с. Морга	Тнг	Теньгушевский район
МрПш Рз	с. Мордовская Пишиля Рузаевского района	Трд	с. Турдаково
		Чбр	с. Чеберчино
Пвд	с. Поводимово	Чмз	Чамзинский район
Пдл ЗП	с. Подлясово Зубово-Полянского района	Чнд	с. Чиндяново
		Шд Квл	с. Шадым Ковылкинского района
Прк	с. Пуркаево		

Литература

- ВоМ 1997 = Голубчик, Е. М., Еремкин, В. Д., Ионова, В. С., Лузгин, А. С. (сост.) 1997: *Все о Мордовии*. Саранск.
- ДР 2008 = Заварюхин, Н. В., Юрченков, В. А. (науч. ред.) 2008: *Дубенский район. История. События. Люди*. Саранск.
- Илюшин, Г. В. 2008: *Дубенское Присурье: очерки по истории мордовы, русских и татар, проживающих в Дубен. Присурье с древности по 1928 год, до образования Дубенского района*. Саранск.
- Инжеватов, И. К. 1971: Топонимия Дубенского района Мордовской АССР. – *Ономастика Поволжья*. Вып. 2. Горький. 210–217.
- 1987: *Топонимический словарь Мордовской АССР*. Саранск.
- Казаева, Н. В. 2005: *Апеллятивная лексика в топонимии Республики Мордовия*. Саранск.
- Корнилов, Г. Е. 1976: Продолжение пробных статей этимологического «Словаря собственных имён Поволжья и сопредельных территорий». – *Диалекты и топонимия Поволжья*. Вып. 4. Чебоксары. 64–83.
- Куклин, А. Н. 1998: *Топонимия Волго-Камского региона (историко-этимологический анализ)*. Йошкар-Ола.

- Марискин, И. С., Марискин, О. И. 1998: *Летопись Амяшевской земли*. Саранск.
- Мордовия 2013 = *Мордовия: Стат. ежегодник/Мордовиястат*. Саранск.
- ПК 1979 = Клеянкин, А. В. (ред.) 1979: *Переписная книга мордовских селений Алатырского уезда 1671 года*. Труды. Вып. 64. Саранск.
- РМ 1998 = *Республика Мордовия: адм.-террит. деление на 1 окт. 1997 г.* Саранск.
- Самарова, М. А. 2010: *Наименования топообъектов Верхней Чепцы*. Ижевск.
- Смирнов, А. П. 1952: *Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья*. Материалы и исследования по археологии СССР. Москва. №28. Москва.
- 1958: К вопросу о буртасах. – *Краеведческие записки*. Вып. 2. Ульяновск. 229–243.
- 1965: Этногенез мордовского народа по данным археологии — XV вв. н. э. – *Этногенез мордовского народа*. Саранск. 18–28.
- Цыганкин, Д. В. 1968: Опыт классификации эрзянских говоров мордовского Присурья. – *Очерки мордовских диалектов*. Вып. 5. Саранск. 383–394.
- 1993: *Память земли*. Саранск.
- 2005: *Память, запечатленная в слове: словарь географических названий Республики Мордовия*. Саранск.
- 2010: *От Суры... до Мокши: Названия рек и озер Республики Мордовия: Этимологические разыскания*. Саранск.
- 2011: Язык — богатство народа (о говорах эрзянского языка Дубенского района). – *Мордовские языки глазами лингвиста-финноугроведа*. Саранск. 96–105.
- ЭРС 1993 = Серебренников, Б. А., Бузакова, Р. Н., Мосин, М. В. (ред.) 1993: *Эрзянско-русский словарь*. Москва: Рус. яз., Диgora.
- Keresztes, L. 1986: *Geschichte des mordvinischen Konsonantismus II. Etymologisches Belegmaterial*. Studia uralo-altaica 26. Szeged.
- Maticák, S. 1995: *A Mordvin Köztársaság településneveinek rendszere*. Debrecen.
- 2002: A mordvinföldi víznevek keletkezéstörténeti kérdései. – *FUD* 9. Debrecen. 107–122.

МЕРЬЯ ПИККАРАЙНЕН
Хельсинкский университет

**Языковые биографии
жителей Дубенского района
Республики Мордовия**

Резюме Данная статья посвящена изучению языковых биографий жителей Дубенского района Республики Мордовия. Материал для статьи собран с помощью полуструктурированных интервью во время лингвистической экспедиции в августе 2013 года. Под понятием «языковая биография» подразумевается подход, с помощью которого объясняется, как человек усвоил в своей жизни разные языки. Например, какой язык или какие языки информанты использовали в детстве, на каких языках говорили их родители, бабушки и дедушки. Внимание в ходе работы обращалось также на то, как информанты относятся к эрзянскому и русскому языкам. В статье рассматриваются как эрзяне, так и русские, проживающие в районе. Исследование показывает, что эрзянский язык еще передается детям в деревнях и имеет довольно высокий статус в районе. Интересно также, что русские информанты, которые переехали в район еще в 80-х и 90-х годах, научились использовать эрзянский язык в повседневной жизни. В нынешнее время, однако, существует ряд экономических и социальных проблем, которые угрожают эрзянскому языку. Такой проблемой является, к примеру, безработица. Молодежь уезжает в города учиться, многие люди уезжают в другие регионы работать.

1. Введение

Изучение языков меньшинств, их сохранение и ревитализация становятся сейчас все более важными темами исследования во всем мире, в том числе и в Российской Федерации (см., например, Саарикови, Пасанен 2012). Одной из возможностей изучать языковую ситуацию национальных меньшинств в Российской Федерации является интервьюирование представителей этих меньшинств, основанное на вопросах, связанных с употреблением разных языков в обществе (см., например, Partanen 2013 о положении языка коми и карельского языка в Российской Федерации). Однако для того, чтобы получить более полное представление о сложившейся ситуации, необходимо также обратить внимание на людей, которые проживают на территории меньшинства, но являются носителями других языков, в частности русского.

В настоящей статье в качестве языкового национального меньшинства рассматриваются эрзяне, проживающие в Дубенском районе Республики Мордовия, в Приволжском федеральном округе Российской Федерации. Республика была основана в 1934 году, ее столица — город Саранск. В нынешнее время в республике проживает около 830 000 человек. Дубенский район расположен в восточной ее части. По данным последней переписи 2010 года, население района составляет около 14 600 человек (ВПН 2010). Кроме эрзян в статье принимаются во внимание также русские, проживающие на той же территории.

Статья посвящена изучению языковых биографий жителей Дубенского района. Под понятием «языковая биография» подразумевается подход, с помощью которого объясняется, как человек усвоил в своей жизни разные языки, как он их использует или как и почему перестал использовать (см., например, Pavlenko 2007: 165, Verschik 2002: 40).

При проведении данного исследования мы интересовались тем, как люди воспринимают мир вокруг себя, как пользуются языками в повседневной жизни и каким видят положение разных языков в обществе. При таком подходе эрзяне и русские имели также возможность рассказывать о своих ожиданиях относительно будущего эрзянского языка. Такие прогнозы, разумеется,

являются весьма субъективными, но они могут рассказать о том, как люди относятся к языкам и как они их оценивают. Такого рода исследования можно считать частью методологии так называемой социологии языка (Fishman 1971, Paunonen 2009). Если говорить точнее, изучение отдельных людей находится на микроуровне социологии языка, так что его можно определить как этнотерминологически направленное (Fishman 1971: 242). Кроме прочего, внимание в рамках данной статьи уделяется и тому, каким является языковое окружение, в котором люди живут, и каково их языковое поведение в этом окружении (там же: 217).

Хотя вопросы, касающиеся языковой политики или языкового планирования, не являются в данной статье основным предметом рассмотрения, мы считаем полезным кратко представить общую картину по эрзянскому народу и языковой ситуации эрзянского населения до распада Советского Союза и при Российской Федерации¹. Эрзянский язык принадлежит к мордовским языкам финно-волжской группы финно-угорской семьи. Говорящие на мордовских языках народы обычно объединяются под одним общим названием — мордва. Поэтому определение количества владеющих эрзянским и мокшанским языками в отдельности является непростой задачей. Салминен (Salminen 2007: 244, 258) полагает, что около двух третей владеют эрзянским языком, а одна треть — мокшанским.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, мордвы как этноса насчитывается около 745 000 человек (ВПН 2010). Хотя данные переписей населения Советского Союза и Российской Федерации нельзя сравнивать непосредственно, отметим, что число мордвинов, учтенных при последней переписи населения Советского Союза 1989 года, было больше на 300 000 человек (Grenoble 2003: 22). Доля носителей языков в 1989 году составляла две трети (там же), в то время как сейчас она составляет 53,6 % (ВПН 2010). Кроме Республики Мордовия мордвины проживают и в других центральных республиках и областях Российской Федерации. По оценкам, приводимым в

1. См., например, Zamyatin (2014: 95) о законодательстве, касающемся государственных языков Республики Мордовия.

работе (Саарикви, Пасанен 2012: 44), около 60 % мордвинов проживают за пределами республики.

В настоящее время мордовские языки в некоторой степени используются в начальной школе в качестве языка обучения, однако обычно они преподаются лишь в качестве предмета (Замятин 2012: 130). Положение немного улучшилось по сравнению с 70-ми годами, когда языком обучения являлся исключительно русский, и в некоторой степени напоминает ситуацию, которая сложилась в 60-х годах, когда мордовские языки использовались при обучении в начальной школе и преподавались затем в качестве отдельного предмета (Grenoble 2003: 82).

В Республике Мордовия издается несколько газет и журналов, использующих эрзянский язык. *Эрзянь Мастор*² — это независимая общественно-политическая газета, выходящая в Саранске и публикующая материалы на эрзянском и русском языках. Журнал *Сятко* является литературно-художественным и общественно-политическим изданием. В Ульяновской области, которая находится рядом с республикой, публикуется также газета *Ялгат*. *Эрзянь Мастор* издается на общественных началах, а *Сятко* и *Ялгат* получают финансирование от правительственные органов. Радиостанция *Вайгель*³ передает два раза в неделю программы на эрзянском и мокшанском языках.

2. Материал и методы

Материал для настоящей статьи собран полностью во время лингвистической экспедиции в августе 2013 года. В экспедиции приняли участие профессора, аспиранты и студенты Хельсинского университета и Мордовского государственного университета. Во время десятидневной экспедиции мы посетили несколько сел в Дубенском районе. Сбор материала проводился в основном либо в учебных учреждениях, либо в домах культуры района. Когда у нас было свободное время, мы имели также возможность собирать материал в более свободном окружении и разговаривать с

2. <<http://www.erzia.saransk.ru/>>

3. <<http://vaigel.ru/>>

местными жителями во дворах и на улицах. Поскольку местные организаторы нашей экспедиции знали, что большая часть группы интересовалась вопросами, касающимися лингвистических черт эрзянского языка, они приглашали на встречи с нами наиболее компетентных его носителей, таких как преподаватели (либо еще работающие, либо пенсионеры) и другие активные члены общества, т. е. люди, которые получили высшее образование.

Автор статьи работал с этими активными членами общества, однако, поскольку главным предметом рассмотрения были не лингвистические черты, а языковые биографии, интервью проводились не только с эрзянами, но и с русскими. Языковые биографии собирались с помощью полуструктурированных интервью на русском языке. Выбор языка был инициирован автором и обусловлен недостаточным знанием эрзянского для проведения полноценных интервью. Выбор языка можно критиковать в связи с тем, что интервью проводились по большей части с эрзянскими информантами, но, как известно, как в Советском Союзе, так и в Российской Федерации русский язык имел и имеет статус языка-посредника, а потому использование русского языка привычно для информантов. Помимо интервью записывались также более свободные разговоры и велся полевой дневник, в котором фиксировались наблюдения относительно использования разных языков: какие языки люди используют на улице, какие языки видны на вывесках и т. д.

Вопросы интервью касались различных аспектов жизни с точки зрения усвоения, использования и развития языков. Какой язык или какие языки информанты использовали в детстве, на каком языке говорили их родители, бабушки и дедушки, другие родственники и соседи. На каком языке они получили образование и какова нынешняя ситуация в этом отношении, как они относятся к эрзянскому и русскому языкам. Полуструктурированность интервью означает, что до его проведения у интервьюера есть предварительный список вопросов, но он не является фиксированным. Разумеется, структурированность интервью формирует континuum, т. е. если ситуация является неструктурированной, то она ближе к свободному наблюдению, а если ситуация полностью структурированная, то она приближается

Пол информанта	Год рождения	Родной язык	Другие языки	Место жительства	Употребляемое сокращение	Длительность интервью
женщина	1936	русский	эрзянский	Дубенки	жд36р	45 мин
женщина	1957	украинский	русский, эрзянский	Дубенки	жд57у	23 мин
женщина	1991	эрзянский	русский	Ардатово	жа91э	12 мин
женщина	1975	русский	эрзянский	Ардатово	жа75р	14 мин
женщина	1991	русский	эрзянский	Свино-совхоз	жс91р	20 мин
женщина	1974	эрзянский	русский	Поводимово	жп74э	14 мин
мужчина	1943	эрзянский	русский	Поводимово	мп43э	13 мин
женщина	1991	эрзянский	русский	Кабаево	жк91э	28 мин

Таблица 1. Список информантов.

к использованию строго фиксированных опросников (Newton 2010: 1)⁴.

Полуструктурированность имеет свои преимущества и недостатки. Положительной стороной является то, что интервью может стать живым разговором между интервьюером и информантами. С другой стороны, живой разговор обычно требует существенно больше времени по сравнению с заполнением опросника (Вахтин, Головко 2004: 92). Гибкость интервью дает также возможность углубляться в интересные темы, но требует тщательного наблюдения за общим ходом интервью со стороны интервьюера.

Список информантов, опрошенных в ходе исследования, представлен в Таблице 1.

4. Некоторые российские исследователи определяют использование разных способов немного по-другому (см., например, Вахтин, Головко 2004: 91–92). С их точки зрения, вопросы могут быть закрытыми или открытыми, и открытые вопросы близки к тому, как мы понимаем полуструктурированные интервью. Вахтин и Головко (2004) считают, что интервью в принципе совершаются без помощи письменных вопросов.

В приводимых далее цитатах из собранного материала вопросы и комментарии интервьюера отмечены курсивом. Ответы на вопросы и неречевое поведение информантов записаны кириллицей, но реплики транскрибированы так, как они были произнесены во время интервью. Это значит, что в расшифровках отмечены возможные отклонения от нормы, хотя они и не являются объектом данного исследования (об этом см. Shagal 2016, настоящий сборник). В цитатах паузы обозначены пометой (.), неразборчивые слова или фрагменты пометой (---), комментарии автора заключены в двойные круглые скобки, например ((дочь)).

В разделе 3 настоящей статьи представлены интервью с эрзянскими информантами. Раздел 4 посвящен анализу интервью с тремя русскими информантами и одной украинкой. Внимание в этом разделе уделено прежде всего тому, какие языки и как информанты усвоили и как они их используют. Две упомянутые группы рассматриваются отдельно, поскольку языковые биографии входящих в них информантов различаются тем, где они сейчас проживают. В разделе 5 мы постараемся выявить возможные тенденции развития эрзянского языка с точки зрения информантов. Раздел 6 представляет собой заключение.

3. Эрзянские информанты

В рамках исследования были проинтервьюированы три эрзянки и один эрзянин. Эрзянский мужчина родился в 40-х годах, одна эрзянская женщина в 70-х годах и две — в 90-х годах. В детстве все они использовали в основном эрзянский язык. Мужчина стал использовать русский язык в армии (пример 1). Остальные либо знают русский язык с дошкольного возраста, либо выучили его в школе. В настоящее время все опрошенные информанты считают себя двуязычными. Это касается особенно эрзянской молодежи, которая научилась русскому языку в школе, потому что язык образования для них — это русский. Кроме того, эрзянский мужчина отметил, что его внучка использует русский язык в детском саду (пример 2).

Пример 1. мп43э

- *А где Вы научились русскому языку?*
- Я научился в армии.
- *Где Вы были в армии?*
- В армии я был (-) ну как это было сорок- (-) в шестьдесят втором году меня в армию забрали.
- *А где Вы служили?*
- Служил я у- на Украине. Три года.
- *А там были всякие национальности?*
- Там уже всякие.
- *И там все на русском.*
- Да, все на русском.

Пример 2. мп43э

- *Так что, Вы в семье только по-эрзянски говорите?*
- Да только по-эрзянски () по-русски нет. А вот в Дубенке допустим вот там внучка наша в детсад ходит () там по-русски.
- *Так что Ваши дети тоже по-эрзянски говорят?*
- Да по-эрзянски.
- *В семье тоже?*
- Да в семье тоже.

Во время экспедиции, когда мы имели возможность проводить время с местными жителями без официальной программы, мы заметили, что на улице в деревне можно услышать эрзянский язык. Например, дети использовали его при общении друг с другом. Пожилые люди, с которыми мы знакомились, предпочитали говорить с нами на эрзянском языке, некоторые с трудом разговаривали по-русски или во многих случаях существенно отступали в своей речи от литературной нормы. В молодости нынешние пенсионеры, как правило, работали в больших колхозах, где языком общения служил эрзянский (см., например, Grünthal 2009: 278; Саарикови, Пасанен 2012: 29; пример 3). Интервьюируемые эрзяне сообщали, что у них в семье язык общения — эрзянский, но если при разговоре присутствуют люди разных национальностей, то общим языком становится русский (пример 4). Значение

русского языка также признается информантами (пример 5). Люди осознают, что эрзянский язык имеет свое место в кругу семьи и в их родном районе, а в других местах необходимо использовать русский язык.

Пример 3. мп43э

- Я с пятнадцати лет почти пошел в колхоз.
- *В колхоз?*
- Да. Потом на вечерние учился я до восьми класса. (-) Колхозе только эрзя.

Пример 4. жп74э

- В семье общение только на эрзянском, если люди не знают, по-русски.

Пример 5. жа91э

- *А как русский это какой второй родной или как сказать.*
- Это второй родной.
- Угу.
- Русский язык у нас (-) как бы ну международный язык. То есть на нем мы всегда разговариваем. Например куданибудь выезжаешь в город там же немногие понимают эрзянский и уже как бы мы его изучаем для того чтобы общаться с другими нациями с другими национальностями и с другими языками. То есть потому что русский знают практически все, а эрзянский знают немногие.

Существует ряд экономических и социальных проблем, которые угрожают эрзянскому языку в районе, они связаны прежде всего с разрушением сельского сообщества. Такой проблемой является, к примеру, безработица⁵. Молодежь уезжает работать в крупные

5. Уже в 1970-х годах в деревнях Советского Союза произошли большие изменения, когда так называемые бесперспективные деревни были ликвидированы. Ликвидация означала, что жителей небольших поселков заставили переехать в более крупные поселения (Саарикови, Пасанен 2012: 60). В Дубенском районе мы посетили поселок Антоновка, который считался бесперспективной деревней. В Антоновке автором были собраны только свободные разговоры.

города и навещает своих родителей или других родственников только во время каникул (см. также Partanen 2013: 103–104 о ситуации в коми и карельских языковых сообществах; пример 6). Такое положение не обязательно ведет к ассимиляции, но может ускорить ее (см., например, Tandefelt 1994: 247). Разумеется, впрочем, безработица заставляет и русскоязычное население, проживающее в районе, переезжать в большие города.

Пример 6. жк91э

— Я работаю и учусь в Саранске. Приезжаю сюда по выходным и во время отпуска. Здесь хорошо отдыхать.

Эрзянский язык и весь традиционный эрзянский образ жизни ассоциируется с деревней. В связи с мордовской реальностью Грюнталль (Grünthal 2000: 132) пишет, что, хотя мордвины и владеют русским языком, их языки (и эрзянский, и мокшанский) имеют социальное значение в деревне. Стоит также отметить, что в отношении эрзянского возможна и фольклоризация языка, т. е. процесс, при котором сфера использования языка меньшинства становится более узкой. Согласно определению Саарикиви и Пасанен (2012: 39), фольклоризация «означает, что меньшинствам разрешается осуществлять свои культурные практики только в таких формах, которые одобряются представителями большинства. Обычно на первое место в подобных случаях выходят национальные блюда, одежда, музыка, ассоциируемые с традиционной культурой, и прочие безобидные с точки зрения окружающей культуры черты».

Как кажется, существует некоторое различие между языковой ситуацией в городе и в деревне. Так, эрзянские информанты отметили, что раньше было нехорошо говорить по-эрзянски в городах, а теперь это становится все более нормальным, хотя некоторые до сих пор стесняются (пример 7).

Пример 7. жп74э

— Некоторые ведь стесняются говорить по-эрзянски.

В том же интервью информантка заметила, что, хотя ее сестра живет в Москве, она использует эрзянский язык, и все сложилось даже так, что ее армянский муж говорит по-эрзянски (пример 8).

Пример 8. жп74э

— Сестра живет в Москве. Муж армянин, тоже знает эрзянский язык.

Эрзянский язык по-прежнему имеет довольно высокий статус в районе, он является языком взаимодействия, и дети учатся говорить на нем. В деревне его можно использовать при общении с родственниками, соседями и, например, на улице. Как и во многих других национальных меньшинствах, в эрзянском сообществе старшее поколение играет важную роль в передаче языка. Это, однако, не означает, что язык не передается детям от родителей, скорее использование языка при общении с бабушками и дедушками дает еще одну возможность использовать язык в повседневной жизни.

4. Русские и украинская информантки

В ходе экспедиции были также проинтервьюированы три русские женщины и одна украинка. Их родным языком является либо русский, либо украинский, но события сложились так, что они стали использовать эрзянский язык в повседневной жизни. Это связано с тем, что их нынешнее окружение является эрзяязычным. Все информантки вышли замуж за эрзян. Одна из русских женщин ходила в школу в эрзянской деревне, а потом осталась там и вышла замуж (пример 9).

Пример 9. жа75р

— Потому что у нас в Петровке только девять лет. Десятое и одиннадцатое ходили сюда. До сих пор дети ходят сюда. Обучение было на русском.

Украинская женщина, которая родилась в западной Украине и переехала в Дубенский район в 70-х годах, говорит, что она уже забывает свой родной украинский язык (пример 10). Она использует русский и эрзянский языки.

Пример 10. жд57у

- *А Вы по-украински умеете говорить?*
- Когда-то умела, щас уже забывается.

Все интервьюируемые женщины либо усвоили, либо старались усвоить эрзянский язык после того, как они переехали в эрзяязычный район. Русская женщина 1936 года рождения, которая родилась в Москве и переехала в Мордовию в 1960-х годах, усвояла эрзянский язык в другом районе (пример 11) и теперь продолжает использовать тот вариант, который выучила первоначально.

Пример 11. жд36р

- У меня акцент ичалковский не дубенский. (-) Вот здесь меня кто новый так прослушает, говорит, у вас не наш акцент — не дубенский. Я говорю чей же мордва и мордва говорю.

Русская женщина, которая ходила в школу в селе Ардатово, научилась говорить на эрзянском только в повседневной жизни. Она привыкла к тому, что, хотя ее родное село находится в том же районе и оно русскоязычное, в эрзянских деревнях взаимодействие происходит на эрзянском. Она сама считает, что знание эрзянского языка является нормальным и естественным, хотя и утверждает, что знает только разговорный эрзянский (пример 12). Это свидетельствует о том, что носители эрзянского языка готовы понимать и поддерживать таких людей, для которых язык являлся неродным.

Пример 12. жа75р

- Я только знаю его как разговорный, а вот то, что как он правильно произносится или неправильно вот как я его понимаю, слышу, я так (-) могу произнести.

Таким образом, можно сказать, что эрзянский язык имеет локальную престижность (Grünthal 2000: 132). Все интервьюируемые русскоязычные информанты были согласны, что владение эрзянским языком облегчает жизнь в районе, но и русский язык, разумеется, также можно использовать, поскольку эрзяне его знают. Одна из опрошенных русских девушек в 2000-х годах даже поступала изучать эрзянский язык в университет, но не смогла начать учебу по личным обстоятельствам (пример 13).

Пример 13. жс91р

- Я сама поступала учиться на филологический факультет, но так как возможностей не было учиться (-) ушла. По домашним обстоятельствам этого.

Хотя все информантки вышли замуж за эрзян, причины усвоения и использования эрзянского языка для них различны. Так, дело не всегда в том, что они стремились говорить по-эрзянски с мужем. Стимулом к изучению эрзянского языка для кого-то послужила эрзянская деревня, для кого-то — новые родственники и соседи. В настоящее время кажется, что, хотя знание эрзянского языка все еще является частью повседневной жизни, тот факт, что в смешанных браках (русская) жена остается в деревне, а (эрзянский) муж уезжает зарабатывать в другие регионы, ослабляет значимость эрзянского языка. Мужья двух из информанток (женщины 1991 года рождения и 1975 года рождения) работают в других регионах. Однако же эрзянский язык имеет локальную престижность только в эрзянской деревне, так что если мужья работают в многонациональных рабочих группах, то используют русский язык.

Русская женщина 1991 года рождения живет с дочерью и говорит с ней по-русски, поскольку муж работает в другом регионе (пример 14). Также иногда складывается такая ситуация, что муж и жена используют в разговорах между собой русский язык и только дедушки и бабушки разговаривают с внуками и孙女ками на эрзянском (пример 15). Одна из молодых русских женщин также отметила, что некоторые родители, которые живут в городах, хотят подготовить детей к школе и для этого используют русский язык (пример 16).

Пример 14. жс91р

— Она ((дочь)) вообще по-русски говорит, но по-мордовски понимает некоторые слова (-) все-таки я с ней больше разговариваю, поэтому она говорит по-русски.

Пример 15. жа75р

— Муж со мной разговаривал постоянно по-русски. Бабушка и дедушка постоянно с ними ((с детьми)) по-мордовски. Отец с детьми по-русски.

Пример 16. жс91р

— Тот кто в городе живет (---) некоторых детей учат на русском языке для того для школы легче чтобы было.

В семьях, где дети уже взрослые, выбор языка зависит от индивидуальных решений членов семьи. В семье украинской женщины дети используют русский язык с матерью и эрзянский язык с отцом и между собой. Дочери остались на старом месте жительства, а сын переехал в Москву (пример 17).

Пример 17. жд57у

- Сколько у Вас детей?
- Четверо. Три девочки и мальчик.
- А где они живут?
- Троє девочки здесь замужем в Дубенском районе, а мальчик в Москве работал и там женился.
- А на каком языке они говорят?
- Они говорят со мной все по-русски. А переводят по-мордовски между собой.

5. Будущее эрзянского языка

Стоит также сказать несколько слов о том, что люди думают о будущем эрзянского языка и как эти мысли связаны с их языковыми историями и языковым выбором. И эрзяне, и русские считают, что это важно, чтобы люди говорили на эрзянском и чтобы язык

сохранился (пример 18). Одна молодая женщина хочет сама пропагандировать свой язык, в частности выпустив свою книгу. Она убеждена, что язык сохранится (пример 19).

Пример 18. жа91э

— У нас все по-эрзянски, у меня даже сын разговаривает на эрзянском. Ему щас три с половиной года ну он прямо на чистом эрзянском разговаривает.

Пример 19. жа91э

— В будущем наверно выпущу свою книгу. Буду пропагандировать свой язык.

Однако не во всех случаях вполне ясно, как сохранение планируется обеспечивать. Как уже отмечалось выше, важной проблемой района является безработица и то, что молодежь уезжает учиться и работать в другие регионы. Это все приводит к разрушению сообщества. Само собой, в деревнях есть также силы, которые могут способствовать сохранению и развитию языка. Эти силы связаны с общей структурой эрзянской деревни, т. е. соседи знают друг друга, семьи имеют тесные связи. Предки всех эрзянских информантов жили на этой же территории (примеры 20 и 21).

Пример 20. жа91э

— Я родилась в этом селе. Мои родители и родственники живут в этом селе.

Пример 21. жк91э

— Папа родился в Кабаеве, мама в Поводимове.

Один интересный вопрос касается различий между полами, но этот вопрос остается не вполне решенным, что связано с общими условиями, в которых проводилась полевая работа. Автору трудно сказать что-то определенное о различиях между полами, или же свидетельства являются скорее косвенными. Автор мало интервьюировал мужчин, поскольку их мало было в местах,

которые мы посетили, или они отказывались от интервью, аргументируя это тем, что не могут рассказать ничего интересного. С одной стороны, это было, вероятно, связано с тем, что местные жители знали, что наша группа занималась лингвистическими чертами эрзянского языка и мы знакомились в первую очередь с теми информантами, которые отлично владели эрзянским. С другой стороны, демографическая ситуация в российских деревнях такова, что женщин среднего и старшего возраста больше, чем мужчин, и ожидаемая продолжительность жизни мужчин ниже, в частности из-за высокого уровня потребления крепких алкогольных напитков и большого количества автокатастроф (см., например, Данишевский 2006).

В ходе некоторых интервью возникало такое ощущение, что женщины относятся к сохранению языка более серьезно, и это кажется и эрзянских, и русских женщин. Одна из русских женщин, муж которой эрзянин, сказала, что в общении между собой они используют русский язык и муж говорит с дочерью на русском, так что их дети используют эрзянский язык только при общении с бабушкой и дедушкой, с которыми имеют тесные связи (см. выше пример 15). С другой стороны, если муж работает в другом регионе, где состав населения может быть другим, а его русская жена, переехавшая в его село, знает эрзянский язык и говорит на нем, может оказаться, что жена использует эрзянский язык активнее, чем муж (пример 22).

Пример 22. жа75р

— Муж больше по-русски разговаривает чем я.

Во время нашей экспедиции у нас была возможность принять участие в Дне Дубенского района, на котором, в частности, вручали награды работникам заводов и разнообразных учреждений. Программа Дня района была в основном на русском языке, кроме приветствий и выступлений музыкальных ансамблей, которые были на эрзянском. С одной стороны, это может быть связано не столько с отсутствием в эрзянском языке лексики для подобных мероприятий, сколько с тем, что люди привыкли, что в официальных случаях используется русский язык. С другой

стороны, использование языка национального меньшинства в приветствиях и музыкальных выступлениях можно связать с вышеупомянутым понятием фольклоризации (Саарикиви, Пасанен 2012: 39). Как Саарикиви и Пасанен отмечают, «фольклоризация национальной культуры может скрывать ассимиляционные процессы даже от самих ее носителей. Люди могут думать, что язык и культура вне опасности, потому что их можно видеть на различных культурных мероприятиях».

Во время экспедиции мы встречались с представителями администрации, которые сами отмечали, что они знают русский и эрзянский языки, но, видимо, они не используют эрзянский язык в официальных мероприятиях. Это было видно также в полуофициальных мероприятиях, которые проводились по случаю приезда нашей группы. За столом можно было использовать и русский, и эрзянский языки, но когда наши хозяева хотели произнести тост или представить район, то они переходили на русский.

6. Заключение

На основе собранных языковых биографий можно сказать, что языковая ситуация в Дубенском районе является многообразной. В статье были приняты во внимание и эрзяне, и русские, и одна украинка, которые проживают в районе. В детстве все эрзянские информанты использовали в основном эрзянский язык, а русский язык стали использовать либо в дошкольном возрасте, либо в школе, либо в армии, и в настоящее время они являются двуязычными. Существует несколько экономических и социальных проблем, которые угрожают эрзянскому языку района и которые связаны с тем, что сельское сообщество разрушается. Такой проблемой является, например, безработица. Молодежь уезжает в города учиться, многие люди уезжают в другие регионы работать. Однако, по мнению и эрзянских и русских информантов, положение эрзянского языка в городах стало более свободным. С одной стороны, речь может идти о том, что общая ситуация людей, которые живут в городах, стала лучше. С другой стороны, миграция в города стала более активной в последние годы

по экономическим причинам, что означает, что в городах есть говорящие на эрзянском языке.

Русские и украинская информантки вышли замуж за эрзян, и они либо усвоили, либо постарались усвоить эрзянский язык после того, как переехали в эрзяязычный район. Однако это не всегда связано с тем, что они использовали эрзянский язык при общении с мужем, они также учили эрзянский потому, что их новые родственники и соседи употребляли его. Это свидетельствует о том, что эрзянский язык имеет локальную престижность. Все интервьюируемые русскоязычные информанты были согласны, что знание эрзянского языка облегчает жизнь в районе, но русский язык также возможно использовать. В семьях русских информантов говорят и на русском, и на эрзянском, но таким образом, что матери используют при общении с детьми русский язык, а эрзянский язык используют дедушки и бабушки.

Что касается использования эрзянского и русского языков на официальном уровне, то во время нашей экспедиции у нас было несколько возможностей наблюдать языковое поведение местных представителей администрации. Некоторые из них утверждали, что знают русский и эрзянский языки, но не используют эрзянский в официальных мероприятиях. У нас была также возможность принимать участие в Дне Дубенского района. Программа Дня района была проведена в основном на русском языке. Это, вероятно, связано не столько с отсутствием в эрзянском языке соответствующей лексики, а скорее с тем, что в официальных случаях принято использовать русский язык. В Дубенском районе эрзянский язык можно использовать с родственниками, соседями и на улице. Язык по-прежнему передается детям от родителей, но наиболее важную роль в передаче языка играет старшее поколение.

Литература

- Fishman, Joshua A. 1971: The sociology of language: An interdisciplinary social science approach to language in society. – Joshua A. Fishman (ed.), *Advances in the Sociology of Language*. Volume 1. The Hague: Mouton. 217–404.
- Grenoble, Lenore A. 2003: *Language Policy in the Soviet Union*. New York: Kluwer Academic Publishers.
- Grünthal, Riho 2000: Suomi ja mordva – kuinka konkreettista kielisukelaisuus on? – Marja Lappalainen (ed.), *Sukukansapäivien satoa. Kirjoitusta ja puheenvuoroja suomalais-ugrilaisuudesta*. Castreanumin toimitteita 57. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. 124–134.
- 2009: Kieliyhteisön rapautuminen ja kielessisen identiteetin muutos: 2000-luvun ersämordvalaiset ja vepsäläiset. – Anna Idström & Sachiko Sosa (eds), *Kielissä kulttuurien ääni*. Tietolipas 228. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. 265–289.
- Newton, Nigel 2010: The use of semi-structured interviews in qualitative research: strengths and weaknesses. <http://www.academia.edu/1561689/The_use_of_semi-structured_interviews_in_qualitative_research_strengths_and_weaknesses> 28.11.2014.
- Partanen, Niko 2013: Kahden suomalais-ugrilaisen yhteisön kielenvaihdon vertailevaa tarkastelua: Tuuksa Karjalassa ja Koigort Komissa. Pro gradu -tutkielma. Helsinki: Suomen kielen, suomalais-ugrilaisen ja pohjoismaisten kielten ja kirjallisuksien laitos.
- Paunonen, Heikki 2009: Suomalaisen sosiolingvistiikan ja kielisosilogian näkymiä. – *Virittääjä* 1. 557–570.
- Pavlenko, Aneta 2007: Autobiographic narratives as data in applied linguistics. – *Applied Linguistics* 28(2). 163–188.
- Salminen, Tapio 2007: Europe and North Asia. – Christopher Moseley (ed.), *Encyclopedia of the world's endangered languages*. London & New York: Routledge. 211–280.
- Shagal, Ksenia 2016: Contact-induced grammatical phenomena in the Russian of Erzya speakers. – Ksenia Shagal with Heini Arjava (eds), *Mordvin languages in the field*. Uralica Helsingiensia 10. Helsinki: Finno-Ugrian Society & Department of Finnish, Finno-Ugrian and Scandinavian Studies.
- Tandefelt, Marika 1994: Urbanization and Language Shift. – Bengt Nordberg (ed.), *The Sociolinguistics of Urbanization: The Case of the Nordic Countries*. Berlin: Walter de Gruyter. 246–273.

- Verschik, Anna 2002: Linguistic biographies of Yiddish speakers in Estonia. – *Folklore* 20. 37–52.
<<http://www.folklore.ee/folklore/vol20/index.html>> 28.11.2014.
- Zamyatin, Konstantin 2014: *An Official Status for Minority languages? A study of state languages in Russia's Finno-Ugric republics*. Doctoral dissertation. Uralica Helsingiensia 6. Helsinki: Department of Finnish, Finno-Ugrian and Scandinavian Studies & Finno-Ugrian Society.
- Вахтин, Н. Б., Головко, Е. В. 2004: *Социолингвистика и социология языка*. Учебное пособие. Санкт-Петербург: Издательский Центр «Гуманитарная Академия», Европейский университет в Санкт-Петербурге.
- ВПН 2010 = Всероссийская перепись населения 2010 года.
<<http://www.perepis-2010.ru>> 28.11.2014.
- Данишевский, Кирилл 2007: Демографический кризис в России: оптимальные пути преодоления. – *Отечественные записки* 29.
<<http://demoscope.ru/weekly/2007/0305/analit05.php>> 28.5.2014.
- Замятин, Константин 2012: Правовая защита языков. Часть II. – Константин Замятин, Анника Пасанен, Янне Саарикиви (ред.), *Как и зачем сохранять языки народов России?* Хельсинки. 79–132.
- Саарикиви, Янне, Пасанен, Анника 2012: Многоязычное общество и многоязычный индивид. Часть I. – Константин Замятин, Анника Пасанен, Янне Саарикиви (ред.), *Как и зачем сохранять языки народов России?* Хельсинки. 7–78.

ЕЛЕНА ЛОМШИНА
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарёва

Некоторые элементы праздничной культуры мордовского этноса по итогам экспедиций 2013 года

Резюме В статье рассматриваются некоторые элементы праздничной культуры мордовского этноса (мокши и эрзи) по итогам научных экспедиций, проходивших в 2013 году в Дубенском и Зубово-Полянском районах Республики Мордовия, в местах компактного проживания эрзи и мокши. Экспедиции проводились в сотрудничестве с университетом имени Лоранда Этвеша, Этнографическим музеем города Будапешта и университетом Хельсинки.

Автор статьи связывает происхождение праздника с поддержанием стабильности антропосоциокультурной системы. По мнению автора, праздник является символическим пространством выражения общественного и индивидуального отношения к сакральным смыслам культуры. В статье праздничная культура мордвы представлена через ценностное восприятие времени и пространства. Особое внимание уделяется взаимосвязи мифа и праздника, символам, народным играм. Кроме того, представляет интерес описание эrotических элементов в праздничной культуре. Автором предложена классификация праздников, охарактеризованы время, место, формы их проведения и атрибуты, а также представлены тенденции развития праздничной культуры мокши и эрзи на современном этапе.

1. Введение

1.1. Актуальность темы

Обращение к проблеме изучения праздничной культуры мордовского этноса является актуальным как в теоретико-методологическом, так и в социально-практическом плане. Праздничная культура как историко-культурный, фольклорно-этнографический феномен воплощает в себе устно-поэтическое и художественное наследие народа, отражает его религиозные взгляды, мировоззрение, морально-этические нормы и нравственные принципы, представляет музыкально-хореографический и театральный пласт социокультурной системы. Праздник является одной из важнейших форм культуры, в которых репрезентируется национальная идентичность.

Праздники, являясь демонстрацией векового опыта народов, тем не менее представляют собой динамичные явления и требуют постоянного внимания исследователей. Необходимо изучение трансформаций, особенностей и тенденций развития праздничной культуры на современном этапе.

1.2. Методика исследования

Настоящая статья написана на основе материалов полевых исследований, собранных в ходе научной экспедиции в Зубово-Полянский и Дубенский районы Республики Мордовия летом 2013 года. Программа экспедиции включала сбор полевого материала с целью выявления особенностей и основных тенденций развития традиционной обрядовой культуры мордвы, сбор материалов для выставки в Этнографическом музее города Будапешта (Венгрия) и в арт-салоне «Сюлгамо» (город Саранск, Республика Мордовия). Кроме того, были проведены лекции, мастер-классы, творческие практикумы, экскурсии, встречи с фольклорными коллективами районов. Методика сбора полевых исследований предполагала заполнение анкеты-опросника. Анкета состояла из двух разделов. В первом разделе были

вопросы, посвященные исследованию обрядово-праздничной культуры мордвы (название, время, место, атрибуты, формы проведения праздников и т. д.). Второй раздел охватывал изучение семейных традиций (свадебная обрядность, обряды при рождении ребенка, семейные обряды и т. д.). При исследовании праздничной культуры мордвы использовались методы полевой этнографии (наблюдение, беседа, метод «погружения» в культуру), фото-, аудио- и видеофиксация материала. Участники экспедиции приняли участие в праздниках, посвященных 85-летию Зубово-Полянского и Дубенского районов. В ходе экспедиции было опрошено 187 информантов старше 35 лет, собрано 1500 аудиовизуальных источников.

Исследование традиций и обрядовой культуры мордовского этноса проходило в населенных пунктах Зубово-Поляна, Зарубкино, Кельгинино, Каргал, Покровские Селищи, Мордовский Пимбур, Жуковка, Вадовские Селищи Зубово-Полянского района; Морга, Дубенки, Ардатово, Кочкурово, Поводимово, Чиндиново, Кабаево, Сайнинко Дубенского района.

1.3. История изучения праздничной культуры

Феномен праздника привлекал специалистов в области истории культуры, этнографии, культурной антропологии и философии культуры. Концепции праздника нашли свое отражение в трудах М. М. Бахтина (1990), Л. Леви-Брюля (1937), К. Леви-Стросса (1983), В. Я. Проппа (1976), Д. Фрезера (1928), О. М. Фрайденберг (1978), Й. Хейзинги (1992) и др.

Обрядово-праздничная культура мордвы широко представлена в исследованиях В. А. Балашова (1992), Н. Ф. Беляевой (2000) В. С. Брыжинского (2003), А. Г. Бурнаева (2014), Т. П. Девяткиной (1992), М. Е. Евсеева (1990), Н. В. Заварюхина (1993), Г. А. Корнишиной (2004), М. Т. Маркелова (2009), П. И. Мельникова-Печерского (1981), Н. Ф. Мокшина (1998; 2004), Е. Н. Мокшиной (2013), А. С. Морозова (2011), Х. Паасонена (1938), В. И. Рогачева (2004) А. А. Шахматова (1910) и др.

2. Особенности праздничной культуры мордвы

2.1. Ценностное восприятие времени в праздничной культуре

Одним из важных компонентов мировоззрения в традиционной культуре мордовского этноса является ценностное восприятие времени. Время всегда воспринималось как нечто содержательное, соотнесенное с определенными ценностями и нормами, со средоточенными в поступках предков и героев народных эпосов, мифологических персонажей и в особенностях в нравах предков. Задачей потомков было сохранить эти ценности и нормы и постоянно сверять по ним свое поведение. Жизнь людей получала смысл постольку, поскольку они участвовали в сакральном, следуя установленным традициям и нормам поведения. Время теряло свою самоценность, человек проецировал свою жизнь на мифологическое время. Наиболее отчетливо это проявлялось в ходе празднеств, занимавших заметное место в духовной культуре мордовского этноса.

Праздник — сакральное время, противопоставленное повседневному времени будней. Он представляет собой устойчивый элемент культуры, характерный для всех исторических эпох, независимо от их культурного уровня. Происхождение праздника связано с поддержанием стабильности антропосоциокультурной системы. По всей видимости, истоки происхождения праздника связаны с магическим ритуалом, в котором ярко выражена компенсаторная функция. Первоначально у мордвы появляются озксы ‘моление’ Чи пазу ‘богу солнца’, Варма-аве ‘покровительнице ветра’, Ков-аве ‘покровительнице луны’, Мастор-аве ‘покровительнице земли’, Кудаве ‘покровительнице дома’, Кардаз-сярко ‘держателю двора’, Норов-аве ‘покровительнице плодородия’, Пакся аве ‘покровительнице полей’ и др.

Праздник был символическим пространством выражения общественного и индивидуального отношения к сакральным смыслам культуры, он функционировал циклично, с четкой периодичностью. Каждый календарный обрядовый праздник

осенне-зимнего, весеннего и летнего сезонов совершался мордвой, как и другими земледельческими народами, прежде всего для того, чтобы установить взаимоотношения с природой в данный момент года, а также с тем божеством, от которого, по мнению участников, зависит благополучие. Эрзя и мокша старались встретить божество достойным образом, чтить и тем самым расположить его к себе в хозяйственном, общественном и семейно-бытовом отношении. Этой цели служили определенные магические обряды и песни, повторяющиеся в каждом цикле праздников (обряд встречи, обряд напевания пожеланий, обряд ритуальной еды, символизирующий достаток и имеющий магическую цель вызвать на будущее такое же изобилие в пище, обряд проводов). Осенние и зимние праздники, связанные с завершением трудового года, имели более живой, радостный характер.

Содержание праздников соотносилось со сменой времен года, поворотом солнца, увеличением дня и тепла. Весенние и летние праздники более сдержаны, мягки и лиричны. В них можно видеть отражение хрупкой, возрождающейся природы.

Календарные праздники, в соответствии с сезонностью хозяйственной деятельности у мордвы, составляли три основных комплекса:

- 1) осенне-зимний: *велень озкс* (м., э.) ‘мирской осенний праздник в честь сбора урожая’, *Тейтерень пия кудо* (э.) ‘Дом девичьего пива’, *Киштимань кудо* (м.), *Киштимань кудо* (э.) ‘Дом плясок’, *Каляды* (м., э.) ‘Коляда’, *Роштовань ши* (м.), *Роштувань чи* (э.) ‘Рождество’, *Роштовань кудо* (м.) *Роштувань кудо* (э.) ‘Праздник рождественского дома’, *Маслань недлясь* (м., э.) ‘Масленица’;
- 2) весенний: *Вербань ши* (м.) *Вербань чи* (э.) ‘Праздник вербы’, *Очиюши* (м.) *Инечи* (э.) ‘Великий день, Пасха’, *Тундонь сееремат* (э.) ‘Призымы весны’, *Тундань ильхтяма* (м.) *Тундонь ильхтямо* (э.) ‘Проводы весны’; *Вармава озкс* (м., э.) ‘Праздник в честь матери вербы’, *Кереть озкс* (м., э.) ‘Моление сохи, плуга’, *Скалонь озкс* (э.), *Траксань озкс* (м.) ‘Моление в честь выгона коров’;

- 3) летний: *Троицань ши* (м.), *Троицянъ чи* (э.) ‘Троица’, *Баран озкс* и *Бабанъ каша* (м., э.) (празднуется в Петров день), *Лишме озкс* (м., э.) ‘Моление в честь выгона лошадей’ (празднуется в честь св. Флора и Лавра 20 июля), *Умаръ спас* (м., э.) ‘Яблочный спас’, *Медень спас* (м., э.) ‘Медовый спас’ и др.

С XVI века в проведении праздников отчетливо прослеживается два пласта — дохристианский и православный, так как с этого времени у мордвы начался сложный и длительный процесс принятия христианства. Как отмечает Г. А. Корнишина (2004: 394), «языческие моления мордвы, сохранившиеся вплоть до начала XX века, постепенно сгруппировались вокруг крупных христианских праздников. Есть сведения о том, что мордва устраивали встречи и проводы Пасхи. Пасху в мордовских песнях и молитвах величали сыном (или дочерью) верховного бога *Шкай* (м.), *Вере паза* (м.), который являлся воплощением солнца». Ритуал каждого моления прочно держался в народном быту, повторялся ежегодно в календарных циклах. По словам Балашова (1992: 67), «заметное место в мордовской общине занимали религиозные обряды и праздники, связанные с аграрным, земледельческим календарем, повторяющиеся ежегодно». По сельскохозяйственному календарю определялись сроки полевых работ, заключались браки, велось исчисление времени. В аграрном обществе время определялось природными ритмами. Календарь крестьянина отражал смену времени года и последовательность сельскохозяйственных сезонов, что иллюстрируют названия месяцев с ритмами природы. Так, январь назывался *кельмеков* (м.), *якшамков* (э.) ‘месяц холодов’; февраль — *уфайков* (м.), *даволков* (э.) ‘месяц ветров, вьюг’; март — *марайков* (м.) ‘месяц оседания снега’, *эйзорков* (э.) ‘месяц льдов’; апрель — *шудиков* (м.), *чадыков* (э.) ‘месяц таяния снегов’; май — *панжиков* (м., э.) ‘месяц цветения’; июнь — *лямбеков* (м.) ‘теплый месяц’, *аштемков* (э.) ‘месяц отдыха’; июль — *псиков* ‘жаркий месяц’, *медьков* (э.) ‘месяц сбора меда’; август — *сероньков* (м.) ‘месяц сбора зерна’, *умарьков* (э.) ‘месяц сбора яблок’; сентябрь — *тиояжиков* (м.) ‘желтый месяц’, *таштамков* (э.) ‘месяц приготовления припасов’; октябрь — *кельмазаков* (м.) ‘прохладный месяц’, *ожоков* (э.) ‘желтый месяц’, ‘месяц листопадов’; ноябрь — *эендамаков*

(м.) ‘месяц заморозков’, *сундеръков* (э.) ‘месяц сумерек’; декабрь — *кучкаков* (м.) ‘средний месяц’, *ацамков* (э.) ‘месяц расстилания снегов, укрытия природы под снежный покров’¹.

Наибольшей оригинальностью отличался цикл народных рождественских праздников и обрядов под названием *Роштовань ши* (м.), *Роштувань чи* (э.) ‘Рождество’, *Роштовань куд* (м.), *Роштувань кудо* (э.) ‘Праздник рождественского дома’, *Калядань шить* (м.), *Калядань чить* (э.) ‘Коляда, Святки’, который длился с вечера 24 декабря до 6 января, т. е. с рождественского сочельника до Крещения Христа. Святки не случайно приурочивались к рождественскому циклу. Праздник Рождества был воплощением идеи двуединства. Пафос празднования заключался в том, что соединялись божественное и человеческое. Рождество как бы упраздняло понятие верха и низа: небо становилось землей, земля — небом, и всякая иерархия отменялась.

Весь этот празднично-обрядовый цикл был проникнут символизацией плодородия земли и скота, идеей человеческого благополучия. Во время праздника *Калядань чить* (э.) в селе Пово-димово Дубенского района исполнялась такая песня:

<i>Каляда, Каляда!</i> <i>Кудыкеле эрькине.</i> <i>Каляда, Каляда!</i> <i>Эрькинесэнть пичине.</i> <i>Каляда, Каляда!</i> <i>Сэнь одижат лангсонзо,</i> <i>якстере кемть пильгсэнээ.</i> <i>Кона енов гулдорды,</i> <i>веле енов гулдорды,</i>	<i>паро кулят сон канды.</i> <i>Пакся енов кулдорды,</i> <i>ламо сюронь чачомас.</i> <i>Давай бабай прякине,</i> <i>бути максат прякине,</i> <i>аио прине церыне.</i> <i>Бути а максат прякине,</i> <i>тазов тузов тейтерне.²</i>
--	---

1. Перевод автора.

2. Каляда, Каляда! // В сенях озера. // Каляда, Каляда! // На озере сосна. // Каляда, Каляда! // На ней синие одежды, // на ногах красные сапоги. // В какую сторону гулит, // в сторону села гулит, // много хороших новостей несет. // В сторону поля гулит, // к хорошему урожаю зерна. // Дай, бабушка, пирожок, // если дашь пирожок, // тебе пожелаем белоголового мальчика. // Если не дашь пирожок — // девочку, больную чесоткой (записано от информанта Ломшиной А. М. 1944 г. р., с. Пово-димово, Дубенский район, 19 августа 2013 г.).

Интересное самобытное явление в традиционной праздничной культуре мордвы представляет собой праздник *Тейтерень пия кудо* (э.) ‘Дом девичьего пива’. Он был зафиксирован у мордвы-эрзи в Пензенской, Самарской, Саратовской, Симбирской и Нижегородской губерниях в XIX веке. Подобный праздник бытовал и у чувашей, марийцев, а также у карел, как отмечает В. С. Брыжинский (2003: 54). В основе праздника лежит идея о всемогущей, постоянно обновляющейся силе земли, с которой народ отождествляет участниц праздника. Образ земли и девушек ассоциируется с новой, нарождающейся жизнью. Веселье на этом празднике служило признаком обновления.

На наш взгляд, праздник *Тейтерень пия кудо* (э.) по функциональным особенностям соответствует празднику *Тейтерень симнемат* (э.) ‘Девичьи посиделки’, который проходил до 60–70 гг. XX века в селе Поводимово Дубенского района и был приурочен к престольному празднику Николы зимнего 19 декабря. Праздник шел в течение трех-четырех дней в заранее снятом доме. Девушки собирались небольшими группами по 10–15 человек. Участницы праздника стремились показать свое мастерство, готовность к будущей замужней жизни. При этом присутствовали зрители, которые давали оценку качествам девушек, их умению держать себя в обществе³.

Тейтерень пия кудо (э.), как и рождественские представления молодежи, занимали длительный период. Термин *куд* (м.), *кудо* (э.) (дом) указывает на законченный цикл представлений и на время, в течение которого они происходят: осень — *Тейтерень пия кудо* (э.), зима, святки — *Роштовань кудо* (э.), *Китимань куд* (м.).

По форме праздники представляли собой синкретизм разных видов искусства: хоровой песни, сопровождаемой обрядами, игрой, танцами, ряженьем, пантомимой, масками. Праздники составляли аспект духовной памяти и эмоциональную сторону духовности, в них содержались эстетические воззрения народа. Празднично-обрядовая культура эрзи и мокши предполагала локально-общинную направленность, в связи с чем наблюдались различия в сроках проведения обрядов, их названиях и формах.

3. Записано от информанта Суняевой Анны Егоровны 1954 г. р., с. Поводимово, Дубенский район, 19 августа 2013 г.

Ценностное восприятие времени осуществлялось через соблюдение традиций, обрядов, ритуалов, которые являлись необходимыми элементами обрядово-праздничной культуры мордвы.

2.2. Образное воплощение эротических элементов в праздничной культуре мордвы

Во время праздников человек проецировался в мифологическое время, где снимались запреты будничной жизни. Как пишет исследователь начала XX века М. Т. Маркелов (2009: 116–118), в цикле земледельческих обрядов заметное место занимали фаллические ритуалы, такие как *тивас каямс* ‘бросание в пиво’, *тулявксонь панеме* ‘тнать поросят’, *дегодень микинема* ‘продавание дегтя’, *сюлгамонь⁴ микинема* (э.) ‘продавание сюлгамов’, *атянь васькафтому* ‘издевательство над стариком’. Во время праздников Рождественского дома и Дома пива исполнялись песни эротического содержания. В сборниках Х. Паасонена (1939: 149–150) опубликовано двенадцать текстов песен эротического содержания, например:

Заберись, ох матушка, на гору,
Посмотри, ох матушка, на мою любовь,
Посмотри, ох матушка, на мою любовь.
Кого, ох матушка, люблю я,
Кого, ох матушка, люблю я.
Люблю, ох матушка, я Алексея,
Люблю, ох матушка, я Алексея.
Целует, ох матушка, меня Алексей
Груди мои нежно ласкает, ох матушка, Алексей...
Меня ждет, ох матушка, Алексей⁵...

На эрзянских свадьбах в селах Поводимово и Дубенки, по рассказам информантов, до середины 90-х гг. XX века на второй день изготавливалось ритуальное блюдо, изображавшее женский половой орган, и преподносилось жениху. Он должен был разрезать

4. Сюлгамо — нагрудное украшение мордвы, булавка.

5. Перевод автора.

блюдо ножом и разделить между гостями. Этот обряд символизировал плодородие и продолжение рода⁶. На свадьбе ряженые подвешивали имитированные половые органы к одежде. Пляску своеобразного характера с озорством ряженых, называемую в селах Зубово-Полянского района по-разному: *шутиха*⁷ (м.), *потеха ши* ‘день потехи’ (м.) или *тешатндама ши* ‘день капризов, шуток’ (м.) — исполняли только на второй день свадьбы. «В этот день по традиции предков у родни жениха (у крестных, бабушки или брата) ловили курицу, отрубали ей голову, тушку надевали на палку и носили ее по селу, с песнями и приплясками, мазали кровью участников ряженого действия, вечером варили щи и угостили всех присутствующих»⁸.

Мордовский маскарад начинался с переодевания участников танцевально-певческой игры. Мужчины наряжались в женские наряды, а женщины — в мужские. Женщины, изображая пастуха, брали у настоящего пастуха кнут, выворачивали шубы наизнанку, красили сажей брови, рисовали усы, а на пояс подвязывали деревянную скакалку, символизировавшую мужской половой орган. Мужчины надевали женскую одежду, румянили щеки, мазали губы свеклой. Ряженые на второй день свадьбы искали молодых, смотрели постель невесты, высказывали откровенные соображения по поводу ее невинности. Они же вносили деревянную ступу *шувар* (м.) для обработки проса, ставили ее на середину избы, бросали внутрь горшок с жидкостью и начинали вокруг нее плясать. Один из переодетых брал *пимколь*⁹ (м.) ‘пест’ и начинал совершать поступательные движения сверху вниз, приплясывая, и с силой опускал конец песта в ступу *шувар*. Брызги жидкости из разбитого горшка разлетались в разные стороны,

6. Записано от информантов Бурнаевой Е. Л. 1954 г. р., с. Дубенки, Дубенский район, 16 августа 2013 г.; Сутайкиной Л. А., 1975 г. р., с. Дубенки, Дубенский район, 17 августа 2013 г.

7. Заимствовано из русского языка, от слов «шутка, шутить».

8. Записано от информантов Бурнаевой Е. Л. 1954 г. р., с. Дубенки, Дубенский район, 16 августа 2013 г.; Сутайкиной Л. А., 1975 г. р., с. Дубенки, Дубенский район, 17 августа 2013 г.

9. Пей, пей, пей, // На дне копейка, // Когда досыта напьешься, // Лишний годик проживешь. Пей, пей, пей до дна, // Когда досыта допьешься, // Лишний годик проживешь. Записано от информанта Атякшевой Елизаветы Ивановны 1938 г. р., с. Морд-Пимбур, Зубово-Полянский район, 25 июля 2013 г.

после чего действие танцующих принимало вольный характер и каждый исполнитель пляски старался проявить себя наиболее ярко. «Пластика танцов принимала иронично-эротический характер, вызывая у присутствующих улыбку и смех», — отмечает А. Г. Бурнаев (2014: 64).

Намокшие ряженые, продолжая веселую пляску-игру, меняли заводящего плясуну. Около ступы *шувар* следующим мог плясать тот, кто разобьет свой горшок с жидкостью¹⁰. Веселое и озорное танцевальное действие эротического характера связывалось у мокшан с пожеланием невесте благополучного оплодотворения и деторождения.

Ступа *шувар* (м.) символизировала женское лоно, а *пимколь* (м.) ‘пест’ — мужской половой орган, как и родовая свеча *штамол* (м., э.), воск для которой собирали всем селом целый год. Применяемая в обряде жидкость была своего рода живительной влагой, орошающей женское семя, она предназначалась как бы для последующего акта зарождения новой жизни.

С живительной жидкостью связаны прибаутки:

Сипть сипть сипть,
Помакстъ эса копейка,
Къда топодемс симат,
Лишнай киза эрят.

Сипть, сипть, аваняй,
Мянь потмаксти каваняй,
Къда топадемс симат,
Лишнай киза эрят.¹¹

По свидетельству В. С. Брыжинского (2003: 77), до конца 70-х гг. в селах Анаево и Промзино в Зубово-Полянском районе разыгрывались представления «Калинат» и «Спужсалат», исполняемые во время праздника *Тундонь ильхтяма* (м.) ‘Проводы весны’, приуроченного позднее к празднику Троицы. Втайне от всех девушки рядались в мужчин, парни — в женщин. Костюмировались во все рваное, худое. На одежду подвешивались металлические предметы, которые во время движения и плясок сильно гремели и звенели. Лица ряженые закрывали специальной маской, изображавшей лесное существо, головы опутывали зеленью. На костюм сверху

10. Пест, которым толкли просо.

11. Записано от информанта Кидяевой Александры Владимировны, 1941 г. р., с. Жуковка, Зубово-Полянский район, 23 июля 2013 г.

донизу пришивались ветки папоротника *карелкс* (м.). Участников ряженья называли *Калинат* (от песни «Калина-малина», исполняемой во время движения) или *Спужсалат* ‘пугало’. Подмена пола (травестия) и ряженье предполагали более смелые действия со стороны девушек, переодетых в мужчин. Для представлений были характерны таинственность и эротика. Содержание любовных сценок и танцев должно было символически способствовать увеличению семьи и рода, размножению скота, повышению урожайности полей. Следует отметить, что во время праздника также разыгрывалось множество эпизодов, в которых осмеивались неблаговидные поступки: ухаживание за чужой женой, разоблачение супругой недостойного поведения мужа, воровство. С теплым юмором изображались любовные взаимоотношения между неопытными молодыми супругами.

Подобные ритуалы хорошо известны в этнографии. От древнегреческих дионасий и римских сатурналий до европейских народных празднеств тянется одна линия развития. Эти празднества характеризовались периодической отменой на некоторый срок практически всех запретов. По мнению Д. Фрезера (1928: 448), «у многих народов существовал ежегодный период распущенности, во время которого отбрасывались обычные ограничения закона нравственности. В такой период люди предавались непомерному веселью, и на поверхность вырывались темные страсти, которые они в обычной жизни держали в узде».

Допускаемая свобода в дни празднеств говорила не столько о безнравственности и девиантности поведения, сколько о связи праздника с мифом, и имела обрядово-магическое происхождение. Древнейшие мифологии еще не знают идеи индивидуальной любви, человек выступает в них как часть природы, а сексуальность — как всеобщая оплодотворяющая сила. Предполагалось, что сексуальная активность способствует плодородию земли. Земля мыслится как рождающая мать, пахота и посев ассоциируются с тем, как зарождается жизнь живых существ. Это своеобразная форма духовности.

2.3. Ценностное восприятие пространства в праздничной культуре

Ценностное отношение к пространству и природе проявляется в праздниках, связанных с образом весны, духа растительности. Особенно широко это представлено в обрядовых действиях *вирень эрийхтнень* (м.) жителей лесов Зубово-Полянского района. В этом плане интересен праздник *Тундань ильхтама* (м.), или *Тундонь ильтамо* (э.), ‘Проводы весны’, который позднее был приурочен к празднику Троицы.

На празднование Троицы жители сел Зарубкино, Кельгинино, Тарханская Потьма Зубово-Полянского района собирались на луга *Потьминских алех* (м.). Перед Троицей украшали дом луговой травой, ветками березы *келу* (м.). На праздник пекли мокшанские *пачат* (м.) ‘блины’ или *ал пачат* (м.) ‘яичные блины’, варили *ям* (м.) ‘пшенную кашу’, *акиа ксель* (м.) ‘овсяный кисель’ или *пинемонь ксель* (м.) ‘овсяный кисель’, *поза* (м.) ‘брогу’, в праздничной трапезе присутствовал и самогон на кедровых орешках¹².

В Дубенском районе до 60–70-х гг. XX в. жители сел Кабаево и Турдаки отмечали праздник Троицы на горе *Жилин пандо*. Перед праздником дома украшали ветками березы, дуба, клена. Парни украшали корой палку из липы и дарили понравившимся девушкам. На праздник изготавливали музыкальные инструменты *тутушки* (э.) из липы, наподобие *нудей* (э.)¹³. В селе Поводимово Дубенского района девушки ходили ночью в лес за ветками клена и березы для украшения домов перед Троицей¹⁴.

В настоящее время на Троицу проводится праздник *Акие келу* (м.) ‘Праздник белой берески’. Он проходит в селе Вадовские Селищи Зубово-Полянского района, с 2004 г. ему присвоен статус государственного праздника в Республике Мордовия.

12. Записано от информанта Милаевой Зинаиды Федоровны 1929 г. р., с. Зарубкино, Зубово-Полянский район, 22 июля 2013 г.

13. Записано от информанта Бурнаевой Елизаветы Леонтьевны 1954 г. р., с. Дубенки, Дубенский район, 16 августа 2013 г.

14. Записано от информанта Борчиной Марии Трофимовны 1944 г. р., с. Поводимово, Дубенский район, 19 августа 2013 г.

Праздник *Велень озкс* (э.) ‘моление села’ до недавнего времени проходил в селе Чиняево Дубенского района на праздник Троицы, на определенном месте, а именно на роднике Дрига. Место было выбрано не случайно: именно здесь пожилые женщины и старики молились *Ниике пазу* (э.) ‘верховному богу’ и просили о здоровье, урожае, благополучии. Зажигали большую свечу *штатол* (э.), от нее зажигали маленькие свечи. На празднике присутствовала ритуальная еда — мясо жертвеннного быка. По рассказам информантов, раньше праздник *Велень озкс* ‘моление села’ проходил на месте леса *Семьселенной* (э.), что означает ‘семь сел’¹⁵. По функциональному назначению он напоминает обряд *Расъкень озкс* (э.) ‘родовое моление, народное моление’, на котором эрзяне поклонялись духам предков, верховному богу *Ниике пазу* (э.), решали текущие (экономические, политические, социальные) вопросы, планировали перспективное развитие этноса. Праздник проходит на *модань мар* (э.) ‘кургане’ около села Чукалы Игнатовского района Республики Мордовия. Земля эта считается священной. Согласно легенде, на этом месте захоронены 11 тысяч воинов-эрзян, погибших в битве с ногайцами. *Расъкень озкс* (э.) проходит один раз в три-четыре года, начиная с 1999 года. С 2004 года ему придан статус государственного праздника Республики Мордовия. «В настоящее время можно говорить об обрядовом празднике, где наряду с ритуальными действиями, имеющими сакральное значение, используются и традиционные массовые зрелищные формы, элементы театрализации (пролог с эпическими героями)», — отмечает А. С. Морозов (2011: 68), один из режиссеров праздника.

Ценностное восприятие пространства проявляется в отношении к природе (лесу, воде, роднику, земле, березе, клену, липе, дубу и др.), что нашло отражение в обрядово-праздничной культуре.

15. Записано от информанта Борыкичевой Анны Ивановны 1938 г. р., с. Чиняево, Дубенский район, 21 августа 2013 г.

2.4. Употребление спиртных напитков во время праздников

Праздники у мордвы издревле сопровождались употреблением спиртных напитков. В мордовской мифологии покровительницей виноделия считалась *Комля-ава* (м.), *Комоля ава* (э.) ‘матушка Хмель’. Для восприятия этого образа характерна амбивалентность. С одной стороны, *Комля-ава* олицетворяла веселье: «Молчаливых петь заставим, // А скучающих — веселиться», — говорит она *Норов-аве* (м., э.) ‘покровительнице Плодородия’ (УПТМН 1963: 34).

С другой стороны, она вызывала ощущение страха перед последствиями бурного веселья, поэтому часто изображалась в обносках и лохмотьях:

*Ты в лохмотьях, Хмелиная матушка, в обносках,
А расселась ты в доме праздничном,
Да еще в красном углу* (УПТМН 1963: 36).

В XVIII веке мастера-виноделы знали секреты изготовления простой и двойной водки¹⁶, красного и белого вина, пива разных сортов. Данные Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА) указывают на существование огромного количества питейных заведений. «В 1766 году в Шацкой провинции насчитывался 41 кабак, в Шацком уезде — 16, Кадомском — 9, Темниковском и Краснослободском — по 4, Троицком и Касимовском по 3, в Норовчатском — 2. Вино продавалось в разлив от крюка¹⁷ до ведра», — пишет Н. В. Заварюхин (1993: 268). Во время праздников употребление спиртных напитков не осуждалось общественным мнением, если не превышало нормы¹⁸. В нравственном сознании злоупотребление спиртными напитками

16. Двойная водка — продукт, который изготавливается путем двойного перегоня самогоня. Крепость напитка составляла 50–70 градусов.

17. Крюк — мера емкости, примерно равная одному ковшу.

18. Записано от информантов Атякшевой Елизаветы Ивановны 1938 г. р., с. Морд-Пимбур, Зубово-Полянский район, 25 июля 2013 г.; Максяевой Веры Викторовны 1961 г. р., п. Зубово-Поляна, Зубово-Полянский район, 20 июля 2013 г.

осуждалось. Так, в случае чрезмерного употребления алкоголя *кудоазыром* (э.) ‘хозяином дома’ его могли сместь на семейном совете. Амбивалентность восприятия образа *Комля-авы* (м.), *Комоля авы* (э.) говорит о двойственном отношении к алкоголю. С одной стороны, это источник веселья и радости, с другой же — он вызывает на поверхность темные страсти и желания. Чрезмерное же употребление приводит к девиантному поведению.

2.5. Народные игры

В обрядово-праздничной культуре мордвы-мокши Зубово-Полянского района и мордвы-эрзи Дубенского района встречаются игры-забавы, приуроченные к Масленице, Пасхе, Игрищам¹⁹, свадьбе и др. Некоторые из них связаны с катанием на салазках²⁰. Парни на Масленицу делали ледяной каток, брали колесо, устанавливали его посередине, закрепляли на нем бревно, сажали с двух сторон девушек и катали их по кругу. Кто не сваливался с бревна, тот и выигрывал. В селе Поводимово катались на *Мастянь пандо* (э.) ‘горе Масленицы’, которая так называется до сих пор²¹.

Другие игры-забавы были на Пасху и Красную горку, когда обменивались крашенными яйцами, троекратно целовались, катали мячом по липовым желобам до попадания в яйца: кто больше выбьет яиц, тот богаче будет.

«*Кукафтома*» (м.) — игра-забава на Троицу в Зубово-Полянском районе. Она состояла из следующего действия: парни делали из земли бугор, ставили на него длинную и широкую доску, сажали девушек. Другие девушки прыгали на край доски по очереди с двух сторон. Играли до падения. Выбывала падающая девушка или сразу пара, которая уступала следующим участникам игры. На Троицу в селе Поводимово делались *Нурсемат* (э.) ‘ качели’. Они изготавливались из 7 деревянных брусьев: три по бокам составляли опору, один сверху представлял перекладину. На перекладину натягивалась толстая веревка, по бокам которой

19. Игрища — народный праздник, отмечается через неделю после Троицы.

20. Записано от информанта Милаевой Зинаиды Федоровны 1929 г. р., с. Зарубино, Зубово-Полянский район, 22 июля 2013 г.

21. Записано от информанта Суняевой Анны Егоровны 1954 г. р., с. Поводимово, Дубенский район, 19 августа 2013 г.

прикреплялись тонкие жерди, снизу в качестве сиденья ставилась дощечка. Девушки катались сидя, парни — стоя²².

В обрядовой культуре мордвы-мокши Зубово-Полянского района были не только игры-забавы, связанные с национальной борьбой, но и кулачные бои, которые устраивались в основном для смотрина девушек из других сел. Только здесь можно было знакомиться с ними и выбирать их. Кулачные бои были также в селе Кочкурово, где дрались улица на улицу, и в селе Морга Дубенского района²³.

Драки из-за девушек устраивались селами. Так, в Зубово-Поляну парни приходили из близких сел Потьмы, Умета и Анаева и дрались²⁴. «Вначале драка начиналась как игра, улица на улицу, а то и село на село, а потом дрались по-настоящему»²⁵. «По-настоящему драку разыгрывали так: два брата подъезжали в центр улицы на велосипеде, младший был высокий, играл на гармошке, сидя на плечах старшего. Кто-то один из ребят, которые их ждали, плохо о них скажет — тут же братья вступают в жестокую драку и бьются до увечья или первой крови. В мужскую драку никто не ввязывался, останавливал старый человек или боевая девушка», — рассказывает информант из села Мордовский Пимбур Зубово-Полянского района²⁶.

Игры составляли важную часть обрядово-праздничной культуры, в них в основном принимала участие молодежь.

Можно отметить, что в обрядово-праздничной культуре эрзи и мокши имеются как общие черты праздников, связанные с их происхождением и функционированием, так и локальные особенности, характерные для конкретного села (место проведения, наличие престольного праздника, различия в названиях и формах проведения и т. д.).

22. Записано от информанта Ломшиной А. М. 1944 г. р., с. Поводимово, Дубенский район, 19 августа 2013 г.

23. Записано от информанта Сакалкиной Анастасии Сергеевны 1928 г. р., с. Морга, Дубенский район, 17 августа 2013 г.

24. Записано от информанта Максяевой Веры Викторовны 1961 г. р., п. Зубово-Поляна, Зубово-Полянский район, 20 июля 2013 г.

25. Записано от информанта Кидяевой Александры Владимировны 1941 г. р., с. Жуковка, Зубово-Полянский район, 23 июля 2013 г.

26. Записано от информанта Атякшевой Елизаветы Ивановны 1938 г. р., село Морд.-Пимбур, Зубово-Полянский район, 25 июля 2013 г.

2.6. Символы в праздничной культуре

Характерной особенностью праздников являлось ценностное отношение к символам. В Рождественском доме, Доме плясок, Доме пива бытовали игры, связанные с образами животных — медведя и коня. «У финно-угров конь служил символом радости, удачи, а также постоянно обновляющейся природы», — отмечает В. С. Брыжинский (2003: 66). На эрзянской свадьбе конь символизировал изобилие. Как нам сообщил один информант, два человека, изображая коня, вставали спиной друг к другу, нагибались, им перевязывали ноги, накрывали покрывалом, приделывали хвост. Они разбрызгивали воду и вино на участников свадебной процесии²⁷.

Как отмечает В. С. Брыжинский (2003: 66), «у удмуртов в легендах конь выступает как прекрасное лучезарное крылатое существо *буурдо вал*, связанное непосредственно с солнцем. Отождествление коня желтой (слоновой) масти с солнцем наблюдалось и у мордвы. В честь «солнечного коня» устраивались специальные аграрные праздники: *Гүжсор* ‘весенняя трава’ — у удмуртов, *Сюрэм* — у мордвы, *Тундонь ильтэямо* (э.) ‘проводы весны’ — у мордвы.

Медведь олицетворял символ мудрости, представляя собой образ предка. Поскольку у мордвы, как и у других финно-угорских народов, существовал кульп предков, образ медведя наделялся особым ценностным значением. «Марийцы, финны, ханты, манси с образом медведя связывали получение необходимых жизненных благ — удачной охоты, плодородия полей, многочадия. Так, удмурты представляли его в качестве лещего, доброго человекообразного существа, имеющего свойство распознавать людей, чинящих зло своим сородичам, и наказывать их даже после смерти. В карельской мифологии есть сюжеты, где медведь выступает по-крайней мере положительными героями», — отмечает Е. Н. Мокшина (2013: 160). У мордвы, кроме вышеуказанных значений, медведь олицетворял положительные качества человека: добродушие, благородие, физическую и духовную силу, чадолюбие. В свадебной

27. Записано от информанта Ломшиной А. М. 1944 г. р., с. Поводимово, Дубенский район, 19 августа 2013 г.

поэзии он служил символом здоровья и семейного благополучия. «На мордовских свадьбах ряженые изображали медведя, выворачивая шубу наизнанку, до конца 80-х гг. ХХ века»²⁸.

В культуре мордовского этноса сохраняется ценностное отношение к украшению в форме венка. Венок — головной убор из листьев, цветов, колосьев — имеет форму круга. «Круг являлся древним дохристианским знаком колеса-солнца и употреблялся для выражения идеи совершенства и вечности», — отмечает М. В. Логинова (2012: 90). Венок имеет обрядовое, магическое значение. Венки из зелени (веток различных деревьев и травы) и цветов с древнейших времен у многих народов употреблялись во время празднеств и жертвоприношений как знак союза между живыми и мертвыми, между потомками и предками. Отсюда на весьма ранней стадии исторического развития венок стал рассматриваться как эмблема бессмертия. Традиция украшать голову венком также связана с пожеланием благополучия, счастья, защиты от злых сил, т. е. венок выполняет функцию оберега. Позже венок стал символом девичества. Девушка в венке ассоциировалась с восходящим солнцем. Венок — это символ славы и победы, могущества и власти, святости и целомудрия, счастья, успеха и молодости.

В настоящее время на празднике Троицы мокшане сел Вад.-Селищи и Морд.-Пимбур традиционно плетут *Винеть пурдама* (м.) ‘венок’ из цветов или березовых веток и надевают его на голову. Венок из кленовых листьев надевают девушки на празднике *Велень озкс* в селе Чинмяяново Дубенского района, который также был приурочен к празднику Троицы²⁹.

После уборки урожая жители сел Вад.-Селищи и Морд.-Пимбур плели венок из злаковых культур, т. е. колосьев пшеницы, ржи. Девушки с венками *пурдама* (м.) на голове водили хоровод и попарно плясали в нем. Хороводы-гадания в основном характерны для праздника Троицы. Песенно-танцевальное действие представляло собой традиционную форму круга, когда плели венки из цветов и дарили их друг другу. Чтобы не ругаться до следующей

28. Записано от информанта Кузнецовой Раисы Сергеевны 1938 г. р., с. Поводимово, Дубенский район, 20 августа 2013 г.

29. Игрища — народный праздник, отмечается через неделю после Троицы.

Троицы, целовались через них три раза. Для гадания бросали венки в реку, — рассказывает информант³⁰.

Следует отметить, что и в современной культуре сохраняется головной убор в форме венка. У мордвы-эрзи Дубенского района он носит название *живой твемт* (э.) ‘живые цветы’. Он изготавливается из искусственных цветов разной расцветки и надевается на фольклорно-этнографических праздниках и свадьбах. В настоящее время венки используются фольклорными коллективами «Горнипов» ‘Кувшинка’ села Поводимово, «Чипайне» ‘Солнышко’ и «Эрзянъ ава» ‘Эрзянская женщина’ села Кочкурово Дубенского района и др. (см. Фото 1).

Символом благополучия и счастья на эрзянской свадьбе является Умарина³¹ (э.) (см. Фото 2). Этот свадебный атрибут используется по настоящее время. «Умарина изготавливается из разноцветной бумаги (не менее 7 цветов), которой украшаются сосновые ветки. Она применяется на свадьбе в качестве подарка от Кудавы³² (э.) молодым, хранится до года, потом сжигается в ночь перед Пасхой», — рассказывает мастерица из села Поводимово Мария Трофимовна Борчина³³.

В современном культурном пространстве используется символ священной птицы *Иненармонь* (м.) ‘Великой птицы’, которая помогала в творении Вселенной Творцу. В культуре мордвы этот символ присутствует в орнаменте, вышивке и этнической хореографии. Не случайно он выбран в качестве эмблемы города Саранска, принимающего Чемпионат мира по футболу 2018 г. (см. Фото 3).

Символы обладают способностью заключать в себе обширный и значительный текст. Через символы выражается ценностное отношение к качествам, свойствам человека. Являясь важным механизмом культуры, они переносят тексты с содержащимся в них ценностным значением из одного пласта культуры в другой, способствуют связи времен и поколений.

30. Записано от информанта Чушковой Анны Васильевны, 87 лет, с. Морд.-Пимбур, Зубово-Полянский район, 25 июля 2013 г.

31. Умарина в переводе с эрзянского языка означает ‘яблоня, цветущее дерево’.

32. Кудава — один из основных свадебных персонажей, очень часто в этой роли выступает тетя жениха.

33. Записано от информанта Борчиной Марии Трофимовны 1944 г. р., с. Поводимово, Дубенский район, 19 августа 2013 г.

Фото 1.
Фольклорный
ансамбль
‘Горнипов’
в головных
уборах *живой
твемт* (село
Поводимово,
Дубенский
район).

Фото 2. Умарина
(село Чиндяново,
Дубенский
район).

Фото 3. Эмблема Саранска для Чемпионата мира по футболу 2018 г.

3. Тенденции развития праздничной культуры мордвы

С одной стороны, праздник для мордвы был напрямую связан с мифом, который воплощал в себе с помощью песен, танцев и ритуалов образец поведения. С другой стороны, праздник был как бы временной приостановкой действия всей официальной системы со всеми ее запретами и иерархическими барьерами, где жизнь выходит из своей обычной, узаконенной и освященной колеи и вступает в сферу утопической свободы. Празднества освобождали человека от тяжести запретов будничной жизни, создавая условия для создания новых форм поведения. Праздник,

как и «смеховой мир» в целом, выворачивает наизнанку весь существующий, прежде всего нормативный, мир культуры, выявляя тем самым его условность и противоречивость. Нарушение обязательных во всякое другое время правил — не просто всплеск подавленных эмоций, это акт экспрессивного поведения, представляющий собой некую альтернативу общепринятым культурным кодам, ценностям и нормам.

Праздники составляют аспект духовной памяти народа. В обществе с традиционной культурой через них осуществлялось ценностное восприятие времени, закреплялись определенные нормы поведения, создавались новые. Праздники имели религиозное, магическое, нравственное значение.

Следует отметить довольно устойчивую тенденцию функционирования праздников среди мордовского этноса на современном этапе. Так, согласно проведенным этносоциологическим исследованиям НИИ Регионологии в 1993 году, 46,4 % мокшан и 44,9 % эрзян отмечают все или большинство праздников, 43,4 % мокшан и 39,7 % эрзян празднуют некоторые из них (МОВМССР 1993: 95). Социологические исследования, проведенные среди студентов в 2007 году автором, показали, что 69,2 % опрошенных студентов мордовской национальности знают национальные праздники мордвы, 47,4 % отмечают все праздники, 57,4 % — некоторые из них (Ломшина 2008: 341). В 2011 году автором проведено исследование среди студентов по теме «Влияние национальных традиций на формирование духовно-нравственного мира личности в семье». В ходе исследования были опрошены студенты гуманитарных, технических и естественнонаучных направлений. На вопросы, касающиеся национальных праздников, почти 50 % респондентов ответили, что знают их и отмечают некоторые из них, а познакомились с национальными праздниками благодаря преподавателям гуманитарных циклов и сокурсникам. Почти половина респондентов (46 %) считают целесообразным соблюдение традиционных свадебных обрядов, 76 % студентов считают целесообразным возрождение и развитие национальных традиций мордвы (Ломшина 2012: 44).

В последнее время к жизни возвращаются традиционные формы проведения праздников. Например, в селе Вадовские

Селищи Зубово-Полянского района ежегодно на Троицу проходит праздник *Акье келу* (м.) ‘Белая береза’. В селе Чиндяново Дубенского района праздник *Велень озкс* (э.) ‘Моление села’ также приурочен к празднику Троицы. Раз в три-четыре года в селе Чукалы Б. Игнатовского района проходит праздник *Раськень озкс* (э.). Сохраняются такие элементы традиционной праздничной культуры, как борьба на поясах (м.), плетение венков из березовых (м.) и кленовых (э.) веток и колосьев пшеницы (м.), обряд ритуальной еды (м., э.), зажигание *штатола* (э.) ‘свечи’, танец девушек (м., э.), гадание (м.) и др. Следует отметить, что для праздничной культуры мордвы характерно ценностное отношение к таким символам, как *Умарина* (э.), *Иненармонь* (м.) и др.

В обществе с традиционной культурой праздникам придавалось прежде всего магическое значение. В современной праздничной культуре внимание уделяется главным образом театрализованному представлению. Тем не менее, праздники способствуют сохранению этнического самосознания мордвы, бережному отношению к традициям, имеют духовное и нравственное значение. Дохристианские праздники отмечаются также у марийцев — *Кереметь*, *Шорок ел* и др. У обских угров, как и у многих народов Севера и Сибири, проходят *Медвежьи праздники*.

В Республике Мордовия ежегодно проводятся фестивали народного творчества «Шумбрат, Мордовия», праздники районов, традиционные праздники *Акье келу* (м.) и *Раськень озкс* (э.). Событием мирового значения стало проведение в Мордовии 19–21 июля 2007 г. первого Международного фестиваля национальных культур финно-угорских народов «Шумбрат, Финно-Угрия», во время которого представители финно-угорских народов продемонстрировали наиболее яркие элементы праздничной культуры своих народов.

Праздники мордвы представляют собой динамичные явления. Тем не менее, несмотря на значительную степень изменений и неизбежных эволюционных преобразований, праздничная культура сохраняет отдельные элементы весьма архаичных структур и глубинной мифологической семантики. Можно отметить, что элементы традиционной праздничной культуры (народный костюм, песня, танец, игра, национальная кухня, этнические символы и т. д.) занимают значительное место в социокультурном пространстве.

Сокращения

- м. мокшанский
- э. эрзянский

Библиография

- Балашов, В. А. 1992: *Бытовая культура мордвы*. Саранск: Мордов. кн. изд-во.
- Бахтин, М. М. 1990: *Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса*. Москва: Худож. Лит.
- Беляева, Н. Ф. 2000: *Традиционное воспитание детей у мордвы*. Саранск: Морд. гос. пед. ин-т им. М. Е. Евсеевьева.
- Брыжинский, В. С. 2003: *Мордовская народная драма*. Саранск: Тип. «Красный октябрь».
- Бурнаев, А. Г. 2014: Локальные особенности мокшанского народного танца (на материале полевого исследования, проведенного в Зубово-Полянском районе Республики Мордовия). — *Финно-угорский мир*, № 2. 62–65.
- Девяткина, Т. П. 1992: *Мокшанские свадебные обряды и песни: в прошлом и настоящем*. Саранск: Мордов. кн. изд-во.
- Евсеев, М. Е. 1990: *Мордовская свадьба*. Саранск: Мордов. кн. изд-во.
- Заварюхин, Н. В. 1993: *Очерки по истории мордовского края периода феодализма*. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та.
- Лихачев, Д. С., Понырко, Н. В., Панченко, А. М. 1984: *Смех в древней Руси*. Ленинград: Наука.
- Корнишина, Г. А. 2000: *Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, формы бытования*. Саранск: Изд-во Мордов. пед. ин-та.
- Леви-Брюль, Л. 1937: *Первобытное общество*. Москва: ОГИЗ.
- Леви-Стросс, К. 1983: *Структурная антропология*. Москва: Наука.
- Ломшина, Е. Н. 2012: Этноэтика мордвы: традиции и современность. — *Научное мнение: научный журнал. Санкт-Петербургский университетский консорциум*, № 10. Санкт-Петербург. 38–45.
- 2008: Праздничная культура мордвы. — *Регионология*, № 2. 339–341.
- Логинова, М. В. 2012: Методологические подходы к проблеме «искусство и этнос». — *Инфосфера финно-угорского мира в XXI веке: социокультурные константы и векторы модернизации*. Мат. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Саранск, 25–26 апреля 2012. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та. 89–91.

- Маркелов, М. Т. 2009: *Избранные труды*. Саранск: Изд-во Поволж. центра культур финно-угор. народов.
- Мельников, П. И. (Андрей Печерский). 1981: *Очерки мордвы*. Саранск: Мордов. кн. изд-во.
- МОВМССР 1993 = *Межнациональные отношения в Мордовской ССР*. 1993. Вып. 4. Саранск: НИИ регионологии при Мордов. ун-те.
- Мокшин, Н. Ф. 1998: *Религиозные верования мордвы*. Саранск: Мордов. кн. изд-во.
- 2004: *Мифология мордвы: этногр. справочник*. Саранск: Мордов. кн. изд-во.
- Мокшина, Е. Н. 2013: Образ медведя в мифологических представлениях мордвы и других финно-угорских народов. – *Этнические миры и культурные универсалии*. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та. 158–165.
- Морозов, А. С. 2011: Праздничная культура мордвы: «Раськень озкс». – *Регионология*, №2. 68.
- Пропп, В. Я. 1976: *Проблемы комизма и смеха*. Москва: Искусство.
- Рогачев, В. И. 2004: *Свадьба мордвы Поволжья и Приуралья: обряд и фольклор*. Саранск: Мордов. кн. изд-во.
- Фрейденберг, О. М. 1978: *Миф и литература древности*. Москва: Наука.
- Фрезер, Д. 1928: *Золотая ветвь*. Москва: Атеист.
- УПТМН 1963 = *Устно-поэтическое творчество мордовского народа в 12 т.* 1963. Т. 1. Саранск: Мордов кн. изд-во.
- Хейзинга, Й. 1992: *Человек играющий. В тени завтрашнего дня*. Москва: Прогресс – Академия.
- Шарабарина, С. Г. 2011: Древний финно-угорский культ коня и его воплощение в быту и идеологии современного населения Верхнего Поволжья. – *Рябининские чтения-2011*. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН. 335–339.
- Шахматов, А. А. 1910: *Мордовский этнографический сборник*. Санкт-Петербург.
- Paasonen, Heikki 1938: *Mordwinische Volksdichtung*. Gesammelt von H. Paasonen. Herausgegeben und übersetzt von Paavo Ravila. I. Band. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne LXXVII. Helsinki: Société Finno-Ougrienne.

II

ИВАН РЯБОВ
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарёва

Об исследовании эрзянских диалектов методами лингвистической географии¹

Резюме В данной статье представлены результаты работы по сбору, обработке и картографированию диалектного материала для атласа эрзянских диалектов. Проведен анализ мордовских диалектологических исследований, в которых применяется метод лингвистической географии, отмечены достижения последних лет и охарактеризованы рассматриваемые проблемы в исследованиях диалектных систем. Выявлены основные направления дальнейшей работы по составлению диалектологического атласа, показана методика проведения исследования, определены опорные пункты, подлежащие картографированию. В качестве иллюстрации приведены диалектные карты, отражающие вариативность диалектных корреспонденций.

На основе проведенного анализа автор отмечает, что создание диалектологического атласа мордовских языков — важный этап в развитии диалектологии эрзянского и мокшанского языков. Являясь фундаментальным сводом диалектного материала в его территориальном распространении, диалектологический атлас служит основой для различных аспектов изучения языка методом лингвистической географии.

1. Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 14-04-00258 «Диалектологический атлас мордовских языков (Морфология)».

1. Введение

1.1. Изучение мордовских диалектов

Изучение диалектных различий мордовских языков на разных уровнях имеет свою историю. Своевобразие говоров и диалектов мордовских языков привлекало внимание не только отечественных, но и зарубежных лингвистов. Первые диалектные образцы лексических и текстовых материалов на эрзянском языке зафиксированы еще в XVII–XVIII вв. На рубеже XIX и XX столетий финский языковед Х. Паасонен (1987) собрал богатейший материал по различным диалектам эрзянского языка и на их основе написал ряд исследований по вопросам мордовского языкознания (1987; 1903; 1909; 1990; 1992; 1994; 1996). Большое значение для эрзянской диалектологии имеет фундаментальный труд А. А. Шахматова «Мордовский этнографический сборник» (1919). Основательную работу по изучению эрзянских диалектов проделала комиссия под руководством Д. В. Бубриха (1935; 1936). Результатом исследований говоров эрзянского и мокшанского языков является важнейший лингвистический труд М. Е. Евсевьева «Основы мордовской грамматики» (1963), в котором впервые дается классификация эрзянских диалектов. Позднее вопросами изучения эрзянских диалектов занимались Н. Ф. Цыганов (1959), Г. И. Ермушкин (1984), Д. В. Цыганкин (1979, 2002), А. П. Феоктистов (1990) и др.

1.2. Первые попытки изучения мордовских диалектов методами лингвистической географии

Первую серьезную попытку обобщения характерных особенностей эрзянских диалектов лингвогеографическим методом сделал Д. В. Бубрих. Во второй половине 20-х годов XX века под его руководством состоялись лингво-этнографические экспедиции АН СССР по изучению местных говоров эрзянского языка. В отчете о лингвистической поездке в морду Д. В. Бубрих (1930) обратил внимание на специфические особенности вокализма и консонантизма эрзянских говоров, расположенных в одном из густонаселенных регионов Мордовии (современные эрзянские говоры сел Атяшевского и Ардатовского районов).

Д. В. Бубриху принадлежит инициатива создания атласа мордовских говоров. Для исследования мокшанских и эрзянских диалектов им была составлена «Инструкция и программа по собиранию материалов для диалектологического атласа мордовских (эрзя и мокша) языков» (1935). Однако работы над этим атласом были прерваны. В программу Д. В. Бубриха позднее был внесен ряд изменений и дополнений В. Д. Объедкиным, А. П. Феоктистовым и О. И. Чудаевой (1960).

В 1958 г. Мордовский научно-исследовательский институт приступил к плановому изучению диалектов мордовских (эрзя и мокша) языков. Результатом этой работы явились 5 томов «Очерки мордовских диалектов» (1961; 1963а; 1963б; 1966; 1968). Все эти исследования носили описательный характер.

Ареальными исследованиями эрзянских диалектов занимался Г. И. Ермушкин (1984), в работе которого впервые была предпринята попытка выявления отдельных изоглосс в области фонетических и морфологических различий на материале эрзя-мордовского языка. Учитывая диалектные типы, распространенные на территории Мордовской АССР, он составил 8 карт по фонетике и 3 карты по морфологии.

А. П. Феоктистов пишет:

«В ближайшей перспективе необходимо решить проблему мордовского диалектологического атласа, который должен стать самым надежным источником при исследовании гомогенезиса мордовского народа и дихотомии мордовский языковой области. Создание таких атласов крайне необходимо и по другим финно-угорским и самодийским языкам» (2002: 329).

Сведения, необходимые для составления атласов мокшанского и эрзянского языков, представлены в работе Д. В. Цыганкина и М. Т. Бибина (2002).

Создание диалектологического атласа мордовских языков — важный этап в развитии диалектологии эрзянского и мокшанского языков. Являясь фундаментальным сводом диалектного материала в его территориальном распространении, диалектологический атлас служит основой для различных аспектов изучения языка методом лингвистической географии.

2. Диалектологический атлас эрзянских диалектов: задачи и направления работы

2.1. К проблеме исследования эрзянских диалектов методами лингвистической географии

В настоящее время в мордовском языкознании имеется большое количество работ по ареальной диалектологии, в которых на широкой теоретической базе и большом фактическом материале рассматриваются фонетические и морфологические уровни диалектов мордовских языков (Цыганкин 1979; Ермушкин 1984; ОМД 1961; 1963а; 1963б; 1966; 1968). Однако необходимо отметить, что основные достижения последних лет были связаны с разработкой двух основных проблем: 1) ареальной характеристикой диалектных систем в целом и 2) исследованием отдельных элементов диалектных систем в широкой территориальной проекции.

Теперь же, когда накоплен определенный материал и сделан ряд теоретических обобщений по вопросам диалектологии мордовских языков, представляется важным и необходимым обработать всю информацию методами лингвистической географии. Применение методов лингвистической географии, которые дают географическую проекцию, позволяют представить диалекты в более полном виде, в их сложных связях и взаимоотношениях.

В финно-угорском языкознании методы лингвистической географии применялись при изучении диалектов венгерского, финского, эстонского и карельского языков, работа над которыми продолжалась несколько десятилетий (ОДА 1987; Bubrih 1997; ЛАПФЯ 2004; 2007; 2010). В пермском языкознании большая работа проведена удмуртскими лингвистами. В настоящее время изданы три выпуска «Диалектологического атласа удмуртского языка» (Насибуллин: 2009; 2010; 2013).

На протяжении нескольких десятилетий на кафедрах эрзянского и мокшанского языков Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва проводятся лингвистические экспедиции в различные районы Республики Мордовия и места компактного проживания эрзи и мокши на территории РФ. В настоящее время в словарном кабинете филологического факультета

Мордовского государственного университета накоплен огромный диалектный материал.

С 2011 года на кафедре эрзянского языка под руководством профессора Д. В. Цыганкина в рамках проектов РГНФ №11-04-00485а и №14-04-00258 ведется работа по составлению диалектологического атласа эрзянских диалектов. В настоящее время разработана теоретическая и методологическая основа выполнения такого рода исследований (Агафонова, Рябов 2013). Разработана компьютерная версия карты эрзянских и мокшанских сел Республики Мордовия, специальная система знаков, позволяющая наглядно отразить диалектные различия в области фонетики, лексики и морфологии эрзянского языка, определена методика сбора диалектного материала для картографирования, подготовлены программы по сбору диалектного материала (Цыганкин, Агафонова, Рябов 2011; Агафонова, Рябов 2014).

Выполнение проекта проводится в трех основных направлениях: 1) составление общей (генеральной) картотеки эрзянских диалектов; 2) выявление лексических, фонетических и морфологических особенностей эрзянских говоров, подлежащих картографированию; 3) составление лингвистических карт по лексике, фонетике и морфологии с обозначением изоглосс распространения языковых явлений.

2.2. Объекты исследования

(диалектные типы и опорные пункты)

По совокупности фонетических и морфологических данных были выделены и уточнены следующие эрзянские диалектные типы:

I тип — центральный. В состав центрального диалекта входят говоры эрзянских сел, расположенных в центре восточной части Республики Мордовия, т. е. в Атяшевском, Чамзинском, Кочкуровском (с. Подлесная Тавла) и Октябрьском (с. Напольная Тавла) районах.

II тип — западный, или приинсарский, с двумя ответвлениями: северо-западной группой (с опорными ичалковско-лобаскинскими говорами) и юго-западной (с опорными старотурдаковско-кочкуровскими говорами).

III тип — северо-западный, или приалатырский. Северо-западный диалект включает в себя многочисленные говоры сел междуречья Алатырь—Меня, а также нижнего течения р. Алатырь. В эту диалектную зону входит территория Ардатовского, Атяшевского (с. Алово, Дюрки) и Большегнинатовского районов Республики Мордовия.

IV тип — юго-восточный, или присурский (с опорными шугурово-сабаевскими говорами). Юго-восточный диалект занимает территорию мордовского Присурия в междуречье притоков Суры (Большеберезниковский, Дубенский и Кочкуровский районы Республики Мордовия) (Карта 1).

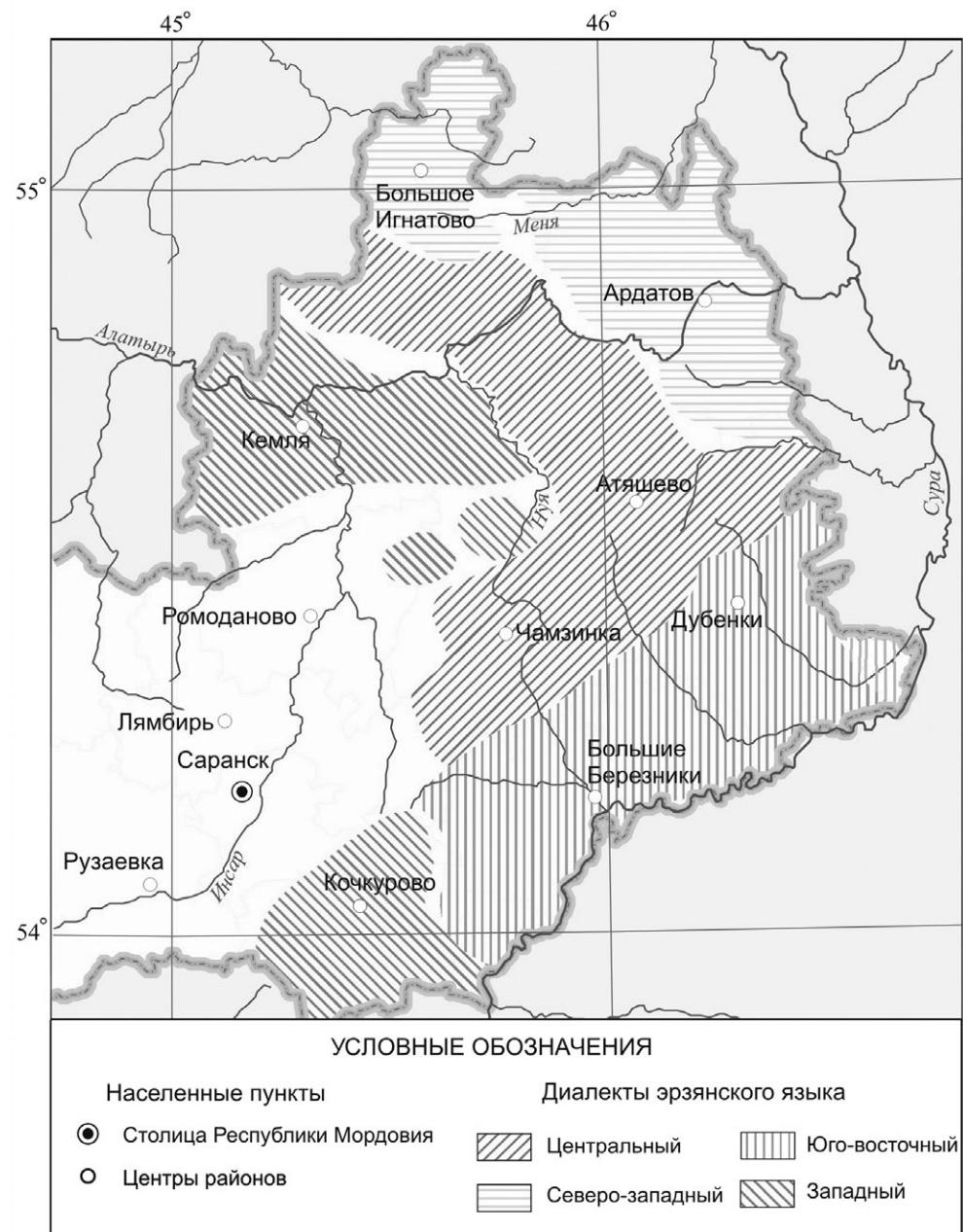
Объектами исследования выбраны опорные населенные пункты восточной части Республики Мордовия, относящиеся к различным диалектным типам. Таким образом, диалектному картографированию подверглись говоры сел, которые, с одной стороны, наиболее четко отражают особенности того или иного диалектного типа, но, с другой стороны, имеют ряд расхождений фонетического, морфологического и семантического характера (Карта 2).

Так, в центральном диалектном типе опорными населенными пунктами определены говоры сел Козловка, Атяшево, Лобаски, Селищи и Тарасово Атяшевского района, Мокшалей и Большое Маресьево Чамзинского района, Подлесная Тавла Кочкуровского района и Напольная Тавла Октябрьского района.

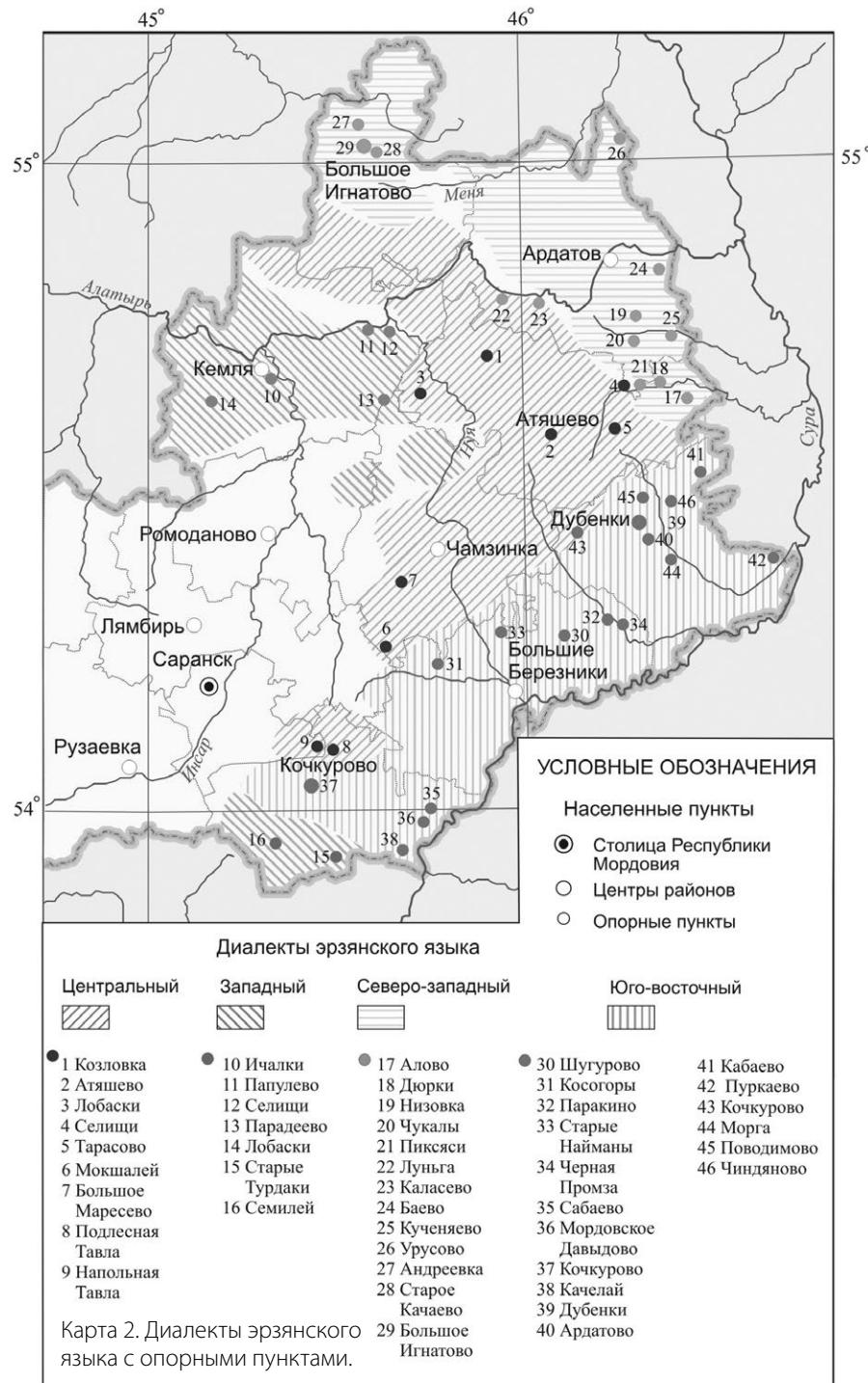
В западном диалектном типе диалектному картографированию подверглись говоры сел Ичалки, Папулево, Селищи, Парадедово и Лобаски Ичалковского района, Старые Турдаки и Семилей Кочкуровского района.

В северо-западном диалектном типе опорными определены говоры сел Алово и Дюрки Атяшевского района, Низовка, Чукалы, Пиксиаси, Луньга, Каласево, Баево, Кученяево и Урусово Ардатовского района, Андреевка, Старое Качаево и Большое Игнатово Большегнинатовского района.

Юго-восточный диалект представлен говорами сел Шугурово, Косогоры, Паракино, Старые Найманы и Черная Промза Большеберезниковского района, Сабаево, Мордовское Давыдово, Кочкурово и Качелай Кочкуровского района, Дубенки, Ардатово,

Карта 1. Диалектное членение эрзянского языка на территории Республики Мордовия.

Кабаево, Пуркаево, Кочкурово, Морга, Поводимово и Чиндяново Дубенского района.

2.3. Сбор диалектного материала

Сбор лексического материала в опорных пунктах проводился по ранее подготовленной программе (Цыганкин, Агафонова, Рябов 2011), включающей темы «Растительный мир», «Животный мир», «Ландшафт», «Метеорология», «Строения и постройки», «Человек», «Одежда, обувь, головные уборы, украшения» и «Пища».

Программа рассчитана на сбор диалектологического материала с применением метода тематических бесед. Такая методика работы над диалектами позволила с наибольшей полнотой учесть местную оригинальную лексику, которая при других методах работы часто остается незамеченной. Метод проведения длительных бесед на близкие для носителей говора темы дает благоприятную возможность накопить большое количество связных текстов, крайне необходимых для исследования всех разделов языка: фонетики, морфологии, лексики и синтаксиса.

Собеседниками были местные жители, родившиеся в данном селе или проводившие в нем основную часть своей жизни. Информаторами были как женщины, так и мужчины, люди разных поколений. Для беседы на эрзянском языке привлекались люди с четким произношением, без индивидуальных недостатков речи.

Часть материала собиралась путем прямой постановки вопросов. Для этого тщательно продумывались вопросы, которые будут задаваться информаторам. При этом давались краткие описания предметов или производственных процессов, с которыми связано то или иное слово, а также, по возможности, записывался тот контекст, в котором было употреблено интересующее наблюдателя слово.

Если собиратель получал несколько ответов на один и тот же вопрос, выяснялось, чем обусловлено различие названий, указывалось, какое из них местные жители считают исконным, более старинным в их селе.

Для достоверности ответов работа проводилась с несколькими информаторами. Все записи диалектной речи велись в

фонетической транскрипции. При сборе диалектного материала использовалась финно-угорская транскрипция (Лыткин 1960).

С учетом уточненной классификации эрзянских диалектных типов была составлена компьютерная версия карты ареала распространения эрзянских диалектов на территории Республики Мордовия (Карта 1). Карта отражает диалектное членение эрзянского языка, которое основывается на фонетическом и морфологическом принципах. Другая компьютерная карта отражает выделенные в диалектных типах опорные пункты (Карта 2). Таким образом, составленные компьютерные карты в полной мере отражают представление об исследуемом диалектном ареале.

Собранный в опорных пунктах диалектный материал классифицирован в диалектной картотеке по разным тематическим группам. В основу систематизации материалов картотеки положена система диалектных типов, разработанная исполнителем проекта картографом С. А. Москалевой.

Собранный и систематизированный в картотеке диалектный материал позволил разработать лингвогеографические карты следующих лексем: 1) белена; 2) земляника; 3) калина; 4) лопух (репейник); 5) мать-и-мачеха; 6) молочай; 7) орешник; 8) осока; 9) осот; 10) папоротник; 11) подорожник; 12) подсолнух; 13) чертополох; 14) чеснок; 15) дупло; 16) крыжовник; 17) гадюка; 18) жаворонок; 19) комар; 20) клещ; 21) коршун; 22) крот; 23) кузнецик; 24) овод; 25) оса; 26) паук; 27) пиявка; 28) селезень; 29) синица; 30) стрекоза; 31) уж; 32) чешуя (рыбы); 33) погреб; 34) подполье; 35) порог; 36) печь; 37) ватрушка; 38) окрошка; 39) картофель; 40) черемуха; 41) рябина; 42) шиповник; 43) яблоня.

3. Картографирование лексем

3.1. Методика составления диалектных карт

При составлении компьютерных версий лингвогеографических карт использовалась специальная система картографических знаков, которая позволила наглядно отразить варьирование диалектных лексем в опорных пунктах каждого диалектного типа. При работе над картами применялся системный подход к созданию

легенд для карт. Так, заимствования из отдельных языков всегда обозначаются условными знаками одной конфигурации, а исконная лексика — другими знаками. Фонетические варианты слов передаются рисунком внутри геометрических фигур или штриховкой (Карта 3). Такой подход облегчает удобочитаемость карт. Таким образом, нанесенная на диалектные карты специальная система картографических знаков отражает варьирование диалектных лексем, этимологию (собственно мордовские наименования или заимствования) каждой диалектной корреспонденции, структуру каждого варианта лексемы, а также фонетические варианты.

3.2. Варианты картографируемых лексем

Анализ диалектного материала составленных карт выявил наличие большого количества корреспонденций рассматриваемых лексем. Приведем некоторые из них.

- ‘белена’ *ormaza tīkše, duraktīkše, duraktīkšä, vērgīzeń bajaga, kiskań bajaga, durakmak, durakbajaga, durman;*
- ‘калина’ *čevǵe, čävgä, čevǵel’, čävgel’, čeǵel’, čavžel’, čaužel’, čanǵel’, čevǵečuvto, čevǵičuvto, čavgačufta, kalína;*
- ‘лопух (репейник)’ *kírmalav, kírmalav, kumorov, kumarav, kormalov, kormalav, kírmarov, kermarov, karmalav, karmarov, kérmalaf, pédagajt’, kormalovlopa, kormaravlopa, kírmarovatrad, rukšnalopa, rukšeńa lopa;*
- ‘мать-и-мачеха’ *odažań lopa, odaža lopa, od avalopa, od avań čamalopa, od avań džamalopa, babalopa, ožo čeća, ožo t'vetka, tamaška;*
- ‘молочай’ *čorža, šoržav, čoržav, šeržavdīkše, širžavdīkše, lovsotíkše, lovđikše, lovcotíkše, lovcoń tīkše, lovsoń tīkše, lovceń tīkše, vatrakšoń lovso, pułelopatīkše, pupečeća, moloćaj, moloćej, molaćej;*
- ‘орешник’ *péšks, péšteřina, péštečuvto, péštečufta, péštičufta, péšksčuvto, péškščufta, péščeřír’;*
- ‘осот’ *čudožov, šudužuv, šuždav, šudožov, šužodov, čudožof, čudužov, čudežov, čoržav, šoržav, šordžav, uškaz, psakapulo, osot, asot;*

- ‘папоротник’ *kavallopa, vírlopamok, vírávalopamok, kańal, kińal, nudéj, bićolopa, ovtolopa, kaŕdikše, kaŕalga, kaŕalkstíksä, sarazbŕa, vérǵizeń pazava, vérǵizeń balaga, otvoń lapa, viŕavań díkše, viŕavań zuftimä, numeleń víšna, papoŕotník;*
- ‘подорожник’ *tuvonar, círej lopa, círij lopa, kískan lopa, katka lapa, kukolopa, podorožník, pidarožník, padarožník;*
- ‘подсолнух’ *činžaramo, činďzaramu, činďzaramo, činďzarama, činďzaramate, čipańa, čińdžarka, čińdžarama prá, títikše;*
- ‘чертополох’ *puŕgińepalaks, puŕgińípićipalaks, puŕgińepalaks undo, tatarpalaks, tataroń pítepalaks, tatareń píćipalaks, čudožoj, certopoloh;*
- ‘крыжовник’ *šukštorov, ponafka, ponašukštorov, rižuha, borbo, križovník, križovńa, kružovník, kružovńa, križov, kŕažovńa, kŕažovník, kružuvńa, križovńa čufta, kružovńa čvto;*
- ‘гадюка’ *tumoguj, pěšksguj, pěšksjozne, pupíjozne, pěškspřaguj, pupíća guj, rauže pŕaguj, raužo prá (guj), dodom, jozne, guj, gaduga, gaduka guj, metkaz, zmeja;*
- ‘жаворонок’ *norovžorč, norovžorš, norožorč, gul'ka, žavoronka, živaronka, živaronoka, žavaronok, žavoronok;*
- ‘коршун’ *vadov, vadaf, vadol, kaval, čipań sali vadov, čipań zali vadov, varaka, korš, korč, pokš prá korš, koršun;*
- ‘крот’ *maksaka, makšázej, kažvarč, katvarč, modamaksaka, modamakšázej, sokor makšázej, sokor makšázej, krot*

Составленные диалектные карты в полной мере отразили вариативность диалектных корреспонденций картографируемых лексем. Нередко для одного и того же объекта в различных населенных пунктах могут использоваться разные наименования. Некоторые из таких объектов имеют до десяти и более названий. Это связано с тем, что описываемые лексемы часто представлены лексическими, словообразовательными и фонетическими вариантами. Так, лексема ‘шиповник’ в эрзянском диалектном ареале представлена 11 вариантами (Карта 3). Самым распространенным является слово *ovtoumaŕ*. Данное наименование встречается в северо-западном, западном и центральном диалектном типах.

В северо-западном диалектном типе слово *ovtoumaŕ* встречается в говорах сел Андреевка, Старое Качаево и Большое Игнатово

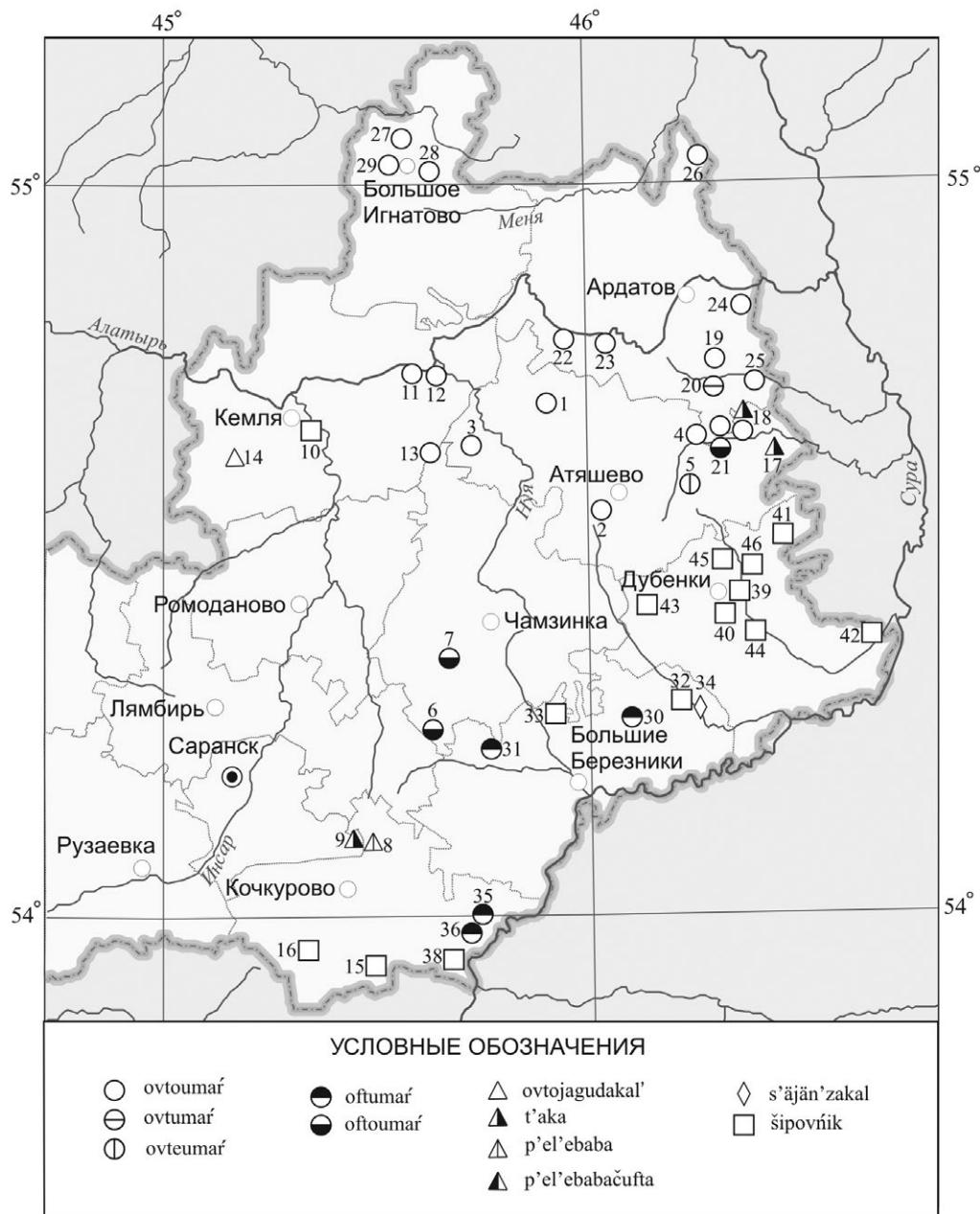
Большеигнатовского района, Низовка, Чукалы, Пиксяси, Луньга, Каласево, Баево, Кученяево и Урусово Ардатовского района. В западном диалектном типе слово *ovtoumaŕ* зафиксировано в говорах сел Папуево, Селищи и Парадеево Ичалковского района. В центральном типе данная лексема употребляется в говорах сел Козловка, Атяшево, Лобаски и Селищи Атяшевского района.

Описываемая лексема имеет фонетические варианты: *ovtumaŕ, ovteumaŕ, oftoumaŕ, oftumaŕ*. Они зафиксированы в центральном типе — *ovteumaŕ* (Тарасово Атяшевского района) и *oftoumaŕ* (Мокшалей, Большое Маресьево Чамзинского района) — и в юго-восточном типе — *ovtumaŕ* (Сабаево, Мордовское Давыдово Кочкуровского района).

Наименования *ovtoujagudakal', taka, pělebabacuſta, šäjänzakal, šipovník* менее распространены в говорах картографируемых сел. Так, слово *taka* встречается лишь в говорах сел Алово и Дюрки Атяшевского района (северо-западный тип). Наименование *ovtoujagudakal'* зафиксировано в селе Лобаски Ичалковского района (западный тип). Более распространено название *pělebabacuſta*. Оно встречается в говорах сел Качелай и Кочкурово Кочкуровского района (юго-восточный тип), Подлесная Тавла Кочкуровского района и Напольная Тавла Октябрьского района (центральный тип). В селе Черная Промза Большеберезниковского района (юго-восточный тип) шиповник имеет название *šäjänzakal*.

Не все наименования создаются на базе существующих в языке лексических единиц. Важным способом обогащения лексики любого языка является заимствование названий из других языков. В нескольких диалектных типах зафиксировано заимствованное из русского языка название *šipovník*. Оно встречается в говорах сел Ичалки Ичалковского района, Старые Турдаки и Семилей Кочкуровского района (западный тип), Паракино и Старые Найманы Большеберезниковского района, Дубенки, Пуркаево, Кочкурово, Ардатово, Кабаево, Морга, Поводимово и Чиндяново Дубенского района (юго-восточный тип).

Проведенный сравнительный анализ фиксирует соответствие основам исследуемых лексем в других финно-угорских языках, что позволяет выявить их происхождение. Слово *ovtoumaŕ* (*ovtumaŕ, ovteumaŕ, oftoumaŕ, oftumaŕ*) состоит из двух

Карта 3. Варианты лексемы 'шиповник'.

компонентов: *ovto* ‘медведь’ и *itař/mar'* ‘плод, яблоко’. Оба компонента названия *ovtoumař* являются по своему происхождению финно-угорскими. Первому компоненту *ovto* ‘медведь’ соответствуют фин. *ohto* и эст. *ott* (ф.-в. *okte). Второй компонент *mar'* также находит соответствия в ряде финно-угорских языков: фин. *marja* ‘ягода’, эст. *mari ~ marja* ‘ягода’, мр. *mõr* ‘ягода (обычно о землянике)’, к. мыр в составе двухкомпонентного фитонима *на-мыр* ‘костяника’, удм. *mõr — пизылмэмõr* ‘ягода рябины’ (Цыганкин 1998: 102, 124).

3.3. Принципы номинации некоторых картографируемых лексем

Признаком, по которому предмет или явление получает свое название, может быть форма, цвет, функция, размер, сходство с чем-либо и другие внешние и внутренние свойства. Так, например, в качестве основ называния в эрзянском диалектном ареале выдвигаются такие характерные признаки:

- a) часть тела в сопровождении каких-либо уточняющих примет:
  - *pokš pŕa korš* ‘сова’ (досл.: *pokš* ‘большой’ + *pŕa* ‘голова’ + *korš* ‘коршун’);
  - *gígeŕpŕa guj* ‘уж’ (досл.: *gígeŕ* ‘кора березы’ + *pŕa* ‘голова’ + *guj* ‘змея’);
  - *pondomukoro* ‘паук’ (досл.: *pondo* ‘пуд’ + *mukoro* ‘задняя часть’);
- b) характер местности, к которой имеет отношение соответствующая лексема:
  - *pakšáčirkun* ‘кузнецик’ (досл.: *pakša* ‘поле’ + *čirkun* ‘сверчок’); *véđbejel* ‘пиявка’ (досл.: *véđ* ‘вода’ + *pejel* ‘нож’);
  - *modamakšázej* ‘крот’ (досл.: *moda* ‘земля’ + *makšázej* ‘крот’);
  - *viřavań díkše* ‘папоротник’ (досл.: *viř* ‘лес’ + *avań* ‘женщины’ + *tíkše* ‘трава’);
  - *viřavań zuftímā* ‘папоротник’ (досл.: *viř* ‘лес’ + *avań* ‘женщины’ + *suftímā* ‘сито’);

- *modaumař* ‘картофель’ (досл.: *moda* ‘земля’ + *umař* ‘яблоко’);
mastorumar (досл.: *mastor* ‘поверхность земли’ + *umař* ‘яблоко’);
- *vířjagoda* ‘земляника’ (досл.: *víř* ‘лес’ + *jagoda* ‘ягода’);
- в) цвет:
— *ožo čeća* ‘мать-и-мачеха’ (досл.: *ožo* ‘желтый’ + *čeća* ‘цветок’);
— *raužo pŕa guj* ‘гадюка’ (досл.: *raužo* ‘черный’ + *pŕa* ‘голова’ + *guj* ‘змея’);
— *píže ožaz* ‘синица’ (досл.: *píže* ‘зеленый’ + *ožaz* ‘воробей’);
— *ožopráguj* ‘уж’ (досл.: *ožo* ‘желтый’ + *pŕa* ‘голова’ + *guj* ‘змея’);
- г) свойство:
— *ormaza tǐkše* ‘белена’ (досл.: *ormaza* ‘бешеный, сумасшедший’ + *tǐkše* ‘трава’);
— *pédagajt* ‘лопух (репейник)’ (досл.: *pédagaj* ‘липучка’);
lovsočikše ‘молочай’ (досл.: *lovso* ‘молоко’ + *tǐkše* ‘трава’);
— *ripréčeća* ‘осот’ (досл.: *ripré* ‘колючий’ + *čeća* ‘цветок’).

4. Выводы

Картографирование диалектных явлений дает возможность на основе сопоставительного изучения изоглосс получить важные сведения для ретроспективного изучения истории мордовских языков и диалектов, установить их исторические связи, относительную хронологию в развитии тех или иных явлений. Интерпретируя характер изоглосс, их направление, соотношения между собой, можно получить возможность с помощью внутренней реконструкции языковых явлений и их сопоставления с данными истории носителей диалектов восстановить пути развития языка в его диалектном многообразии. Изоглоссы или пучки изоглосс помогут уточнить классификацию мордовских диалектов и установить их генетические связи, а также рассмотреть явления островного характера.

Сокращения

к.	коми	фин. финский
mr.	марийский	ф.-в. финно-волжский
удм.	удмуртский	эст. эстонский

Литература

- Агафонова, Н. А., Рябов, И. Н. 2013: Диалектологический атлас как результат исследований эрзянских диалектов методами лингвистической географии. – *Финно-угорский мир*, №2 (15). 48–53.
- 2014: *Диалектологический атлас эрзянского языка. Программа-вопросник (Морфология)*. Саранск: Тип. ООО «Принт-Издат».
- Бубрих, Д. В. 1930: *Звуки и формы эрзянской речи (по говору с. Козловка Козловского района Мордовской обл.)*. Москва: Издательство народов СССР.
- 1935: *Инструкция и программа по собиранию материала для диалектологического атласа мордовских (эрзя и мокша) языков*. Саранск: Мордгиз.
- 1936: О работе по мордовскому диалектологическому атласу. – *Революция и письменность*, № 2. 38–41.
- Евсевьев, М. Е. 1963: *Основы мордовской грамматики*. Избранные труды, Т. 4. Саранск.
- Ермушкин, Г. И. 1984: *Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (эрзя-мордовский язык)*. Москва: Наука.
- ЛАПФЯ = *Лингвистический атлас прибалтийско-финских языков*. Хельсинки. Т. 1 – 2004; Т. 2 – 2007; Т. 3 – 2010.
- Лыткин, В. И. 1960: *О единой научной транскрипции звуков финно-угорских языков*. Москва – Ленинград: Изд-во АН СССР.
- Насибуллин, Р. Ш. 2009: *Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии*. Выпуск I. Научное издание. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика».
- 2010: *Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии*. Выпуск II. Научное издание. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика».
- 2013: *Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии*. Выпуск III. Научное издание. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика».
- Объедкин, В. Д. 1960: *Вопросник для сопирания сведений по диалектам мордовских (мокшанского и эрзянского) языков*. Саранск.

- ОДА 1987: *Общекарпатский диалектологический атлас*. Вступительный выпуск. Скопие: Македонска академија на науките и уместностите.
- ОМД = *Очерки мордовских диалектов*. Т. 1, 1961 – 396 с.; Т. 2, 1963а – 448 с.; Т. 3, 1963б – 276 с.; Т. 4, 1966 – 382 с.; Т. 5, 1968 – 399 с. Саранск: Мордовское книжное издательство.
- Феоктистов, А. П. 1990: Диалекты мордовских языков. – *H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch*. Band I. Helsinki: Société Finno-Ougrienne – Kotimaisten kielten tutkimuskeskus – Институт языкоznания академии наук СССР. LXIII–LXXI.
- 2002: *Об исследовании диалектов финно-угорских языков методами полевой и ареальной лингвистики*. Научные издания московского венгерского колледжа. Москва: Валант. 318–329.
- Цыганкин, Д. В. 1979: *Фонетика эрзянских диалектов*. Саранск: Мордовский университет.
- Цыганкин, Д. В., Агафонова, Н. А., Рябов, И. Н. 2011: *Диалектологический атлас. Программа-вопросник (лексика)*. Саранск: Тип. «Прогресс».
- Цыганкин, Д. В., Бибин, М. Т. 2002: *Лингвистический атлас мокшанских и эрзянских говоров*. Саранск: Красный Октябрь.
- Цыганкин, Д. В., Мосин, М. В. 1998: *Этимологиянь валкс*. Саранск: Мордовской книжной издательства.
- Цыганов, Н. Ф. 1959: *К вопросу о классификации мордовского-эрзя языка*. Совещание по вопросам исторической грамматики и исторической диалектологии финно-угорских языков. Москва.
- Шахматов, А. А. 1910: *Мордовский этнографический сборник*. Санкт-Петербург.
- Bubrih, D., Beljakov, A., Punžna, A. 1997: *Karjalan kielen murrekartasto*. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 97. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura – Kotimaisten kielten tutkimuskeskus.
- Paasonen, H. 1893: *Mordwinische Lautlehre*. Akademische Abhandlung. Helsingfors. = *Mordvinische Lautlehre*. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne XXII. Helsingfors: Société Finno-Ougrienne, 1903.
- 1897: Die türkischen Lehnwörter im Mordwinischen. – *Journal de la Société Finno-Ougrienne* XV,2.
- 1909: *Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und grammatischem Abriss*. Hilfsmittel für das Studium der finnisch-ugrischen Sprachen IV. Helsingfors: Société Finno-Ougrienne.
- 1990–1996: *H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch*. B. I — 1990, B. II — 1992, B. III — 1994, B. IV — 1996. Lexica Societatis Fennogricaiae XXIII – Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 59: 1–4. Helsinki: Société Finno-Ougrienne – Kotimaisten kielten tutkimuskeskus – Институт языкоznания академии наук СССР.

JACK RUETER
University of Helsinki

Towards a systematic characterization of dialect variation in the Erzya-speaking world: Isoglosses and their reflexes attested in and around the Dubyonki Raion

Abstract This paper is directed at developing research methods for establishing affinities between individually documented language materials and descriptions of the Erzya dialects. To this end Erzya is assessed in its relation to its Mordvinic counterpart, Moksha. First, an outline is given illustrating: (a) lexical diversity as documented for Erzya versus Moksha dialect groups based on the Heikki Paasonen's "Mordwinisches Wörterbuch" (1990, 1992, 1994, 1996) (henceforth MW); (b) verbal formant-function diversity, e.g. the indicative first preterite in the Mordvinic literary languages, and (c) nominal formant-function diversity, e.g. possessor indices in the core cases. An introduction is then given to the development of Erzya dialect research according to the most prominent researchers, M. E. Evsev'ev, D. B. Bubrih, N. F. Cyganov, D. V. Cygankin and G. I. Ermuškin, with an accompanying list of isoglosses (cf. MW 1990: XXXIV–XCIX). The isoglosses are utilized in the basic analysis of dialect characteristics attested in the Dubyonki Raion, Mordovia, August 2013. The Kabayevо language form receives special attention, and contrasts are sought in the language of Batushevo, some 30 kilometers away. The identification of isoglosses will contribute to the already existing systematic classification of the Erzya language.

Prologue

In the end of 2012 or first part of 2013 it was determined that a doctoral school expedition would be made to visit and collect linguistic materials from an Erzya-speaking part of the world. Since this is a language on which there are several recent doctoral theses, the selection of an under-studied area was promptly forwarded to Dr. Erina and myself. Together we suggested the Dubyonki Raion of Mordovia for the following reasons: The villages as a whole are representative of an Erzya-speaking society with Erzya values where the language is spoken at all levels; there are villages in the Dubyonki Raion where a clear distinction is made between Proto-Mordvinic *ä and *e¹, and there is archeological evidence for habitation of the area through the millennia.

During our stay in the town of Dubyonki and visits throughout the neighboring villages, all members of the expedition became aware of Erzya society exuding from children and adults as well as directors and official representatives of various institutions. Language variation was observed from village to village, and numerous L2 speakers of Erzya were located and interviewed under the direction of Professor Grünthal. The toponymy of the area, as Professor Saarikivi has related, exhibits no indication of substrata, so the Erzya population has, apparently, come there to an uninhabited area. This together with archeologist Sergei Svyatkin's discovery of Mordvinic ornaments in the earthen strongholds of Morga (моргинское городище) in August 2013 would lead us to assume a long-standing Mordvinic habitation of the area. According to figures from the 2010 census there were 13,851 residents in the Dubyonki Raion, 11,968 of which were of Mordvinic background, i.e. 86% of the population (see Abramova 2014: 58).

Erzya is one of the two Mordvinic literary languages, Mordvinic languages being a subgroup of the Uralic language family. According to Grigori Ermuškin (2004: 4) the proportion of Erzyas in the

1. Evsev'ev criticizes Paasonen for neglecting research of the Erzya dialect of Ulyanovsk which characteristically has a low front unrounded vowel (1963: 315). Evsev'ev also indicated Kobaevо as one of the locales where velar [y] represented what in most dialects of the Mordvinic languages was realized in the labial and palatal glides [w] and [j] (cf. Evsev'ev 1928/29: 14=1963: 19). Kobaevо is apparently a different spelling for Russian Kabaево = Erzyan Kobalyе of today.

Mordvinic subgroup is difficult to assess; the only time the census was used to ascertain figures was in 1926, with the result that 2/3 of the Mordvinic stock were designated Erzya. This same proportion is often cited even in the new millennium without reference to source. Needless to say, there are no precise figures for Erzya population or number of speakers; speculation might indicate nearly half a million (cf. Rueter 2013).

Introduction

In the study of the Mordvinic people and their languages, there are often questions posed regarding the number of ethnic groups and languages. Two traditions can be attested, i.e. historical chronicles would indicate the existence of one ethnic group, while publications in the language forms Erzya and Moksha always distinguish the two.

According to Vladimir K. Abramov (personal communication, November 18, 2014) it was not until the twentieth century that documents attesting separate Moksha and Erzya ethnicities began to appear. From this point of view, the distinction between Erzya and Moksha ethnic groups is purely "a divide-and-rule political agenda". The same, however, cannot be said of language distinctions.

Erzya has a closely related but distinct sibling in Moksha and perhaps yet another in Shoksha, an idiom of disputed status and problematic identification (D. V. Cygankin, p.c.). Shoksha has often been associated with Moksha or Erzya, as a dialect first of one and then the other. The modern school of thought sees Shoksha as an isolated Erzya dialect or, in fact, dialects that have come under strong Moksha influence. Features indicating affiliation with both the Erzya and Moksha language can be readily identified, and yet there are certain phenomena, phonetics, morphology and lexica that are specifically Shoksha; these require further study. Likewise, there are dialects and subdialects, and also publications in the Erzya language whose documentation requires further study before they can be properly situated in the Erzya language domain.

The term *language* in this article with regard to Erzya will be used to indicate an idiom used by a speaker community for mutually

comprehensible communication and documentation, both spoken and in publications. Thus reference to the initial documentation of Mordvinian words, as attested in vocabularies by authors starting with Witsen from the late 17th century, with intermingled word forms representative of various idioms and dialects of today's Mordvinic languages, can only be regarded as the citation of interesting, historic documentation of words from the "fieldwork" of the 17th and 18th centuries. Indeed some Erzya and Moksha authors of the late Soviet and post-Soviet eras have drawn on these historic documents when searching for ancient vocabulary to enhance their literary descriptions of settings and events before the birth of Erzya and Moksha literature or even written history.

To date the only publications attesting to a single Mordvinian language that this author has been able to locate are multilingual vocabularies such as that of Witsen's above. Publications with running texts appear to be classifiable as either Erzya or Moksha. Even the most recent translations of the Bible have appeared in two languages, despite an initial attempt to establish a unified terminology for a mutual translation in the late 1980s (N. Adushkina, p.c.). The first translation of the New Testament in Erzya appeared in the 1820s. Then, of course, there are the written traditions of Erzya and Moksha stemming from Bible translation in the early 19th century, and finally the popularization of these languages in numerous media during the early 20th century.

Published Mordvinic texts by native speakers, we will note, always make a distinction between language forms. This occurs in the very first translation of the Gospel and the tradition is maintained. The Gospel of Luke (1821), for instance, indicates that the publication is in the Erzya language, "*эрзянь келце*". In the introduction to Pavel Ornatov's grammar of the Mordvin language on the basis of the Moksha "Наречия" 'major dialect' (1838), that author maintains that the Mordvin language is divided into two major dialects whose speakers can comfortably understand one another (Ornatov, P. 1838: VIII). Two pages later, however, Ornatov claims that he cannot use the Mordvin Catechism published in 1806 for teaching because the translation has been done without concern for grammatical accuracy, and it is written in Erzya, whereas he is more familiar with Moksha. It would appear that Ornatov does not attempt to consolidate the two language forms

into one norm; instead, he retains a distinction. In places more remote and disconnected from the Erzya and Moksha speaking world, no distinction is necessarily made, e.g. Conon von der Gabelentz (1838–39) failed to mention that the Gospel is written in the Erzya language; perhaps he was unaware of the distinction.

On lexical diversity

More recently Gabor Zaicz (1990: 7–13) has posited a very strong affinity between the Erzya and Moksha languages, with approximately 80% mutual vocabulary and morphology. Zaicz's results are based on three sets of hand-picked vocabulary materials and morphological descriptions from the "Grammar of the Mordvin Languages" (Cygankin 1980). On the basis of 116 frequent words, Zaicz is able to find a 92.42% cohesion between the two language forms. Subsequent but larger collections of 902 Erzya words with 685 Moksha cognates (75.94%), and 1039 Moksha words with 890 Erzya cognates (85.66%) are rendered by Zaicz to attest to a mutual vocabulary of approximately 80%. This is definitely a high percentage of cohesion for two separate orthographic norms within the same republic. Figures like these have subsequently been used in attempts to bolster discussions of one unified Mordvin language.

In 2015 this author presented statistics for mutual cognate affinity of Erzya and Moksha on the basis of MW (1990, 1992, 1994 and 1996).² It is possible on the basis of approximately 6,952 macro articles, i.e. root and root word articles in alignment with their subordinate derivation articles, to establish at least two sets of statistics regarding mutual Mordvin lexical affinity.

The 6,952 macro articles can be broken down into 21,754 subarticles of which the initial subarticle always provides the mutual root or root word for subsequent derivations in the macro article. All articles provide locale information, be that chrestomathy or settlement, in all instances, with the exception of roots lacking definitions, a distinction is made between Erzya and Moksha.

2. January 16th at the 150th Anniversary of Heikki Paasonen Seminar in Helsinki, and February 3rd at "Paul Aristele pühendatud soome-ugri konverents" in Tartu.

By simply counting the number of articles attesting to the presence of the individual language forms, we can arrive at the following figures for macro and subordinate or stem articles. 5,302 macro articles (76%) exhibit Erzya attestation, 4,808 macro articles (69%) exhibit Moksha attestation, which indicates a mutual cognate stock of 3,158 (45%) roots (see Table 1). Low affinity in this dictionary might be partially attributed, on the one hand, to the fact that the dictionary in question is based on the fieldwork of one central individual, Heikki Paasonen, and to the fact that no systematic work has been conducted to document the representation of all lexical items in even one of the settlements represented by these collections, on the other³.

The number of individual articles with attestation for both Erzya and Moksha representation of intersecting glosses falls short of six thousand; percentage-wise that means only a little over 26% intersecting Mordvinic vocabulary. A more feasible count might be elicited by tallying article sets, i.e. counting word groups with intersecting Mordvinic roots. In fact, there are 2,996 intersecting roots attested by the article structure of Heikki Paasonen's dictionary, which is 45% shared vocabulary. These figures, it will be noted, are based on the largest available data base for Mordvinic languages of over 21,500 lemmata.

The cohesion of the two language forms can be further illuminated by dividing root-word article sets according to part of speech. A preliminary part-of-speech division into adjectives, adverbs, conjunctions, interjections, nouns, numerals, particles, postpositions, proper nouns, quantifiers, verbs, stems and miscellaneous indicates high correlation in finite sets, such as numerals and pronouns. The number of common nouns, illustrating a 52% intersecting root vocabulary, should be aligned with the 44% intersecting root vocabulary for verbs (see Table 2).

The variation in cohesion between the two languages from 18% up to 100% is striking. The low percentage of intersecting root vocabulary for proper nouns – just 18% – can be explained by the collection strategies, whereby toponymy from one region is not likely to be

³. The most extensively documented Erzya settlements in MW are Marisevo, Vechkanovo, Bayevo and Veleki Vrag, whereas Moksha collections feature the settlements Seliksa and Staroi Pshen and larger entities Penza and Chembar (Rueter, The 150th Anniversary of Heikki Paasonen Seminar, 2015).

Article sets	Erzya	Moksha	Union	Intersection	
				In numbers	Percent
Stem articles	14,395	13,122	21,573	5,944	26%
Macro articles	5,302	4,807	6,952	3,158	45%

Table 1. Affinity of the Erzya and Moksha vocabulary in the *Mordwinisches Wörterbuch*.

POS	Erzya	Moksha	∩	U	
A	371	347	217	43%	501
Adv	115	111	66	42%	160
Conj	16	14	12	67%	18
Interj	144	91	61	35%	174
N	2820	2543	1840	52%	3523
Num	11	11	11	100%	11
Pcle	29	27	14	33%	42
Po	5	3	3	60%	5
Pron	10	10	10	100%	10
Prop	404	260	99	18%	565
Qnt	2	2	2	100%	2
V	1210	1198	734	44%	1674
Stem	95	133	58	34%	170
Misc.	70	58	31	32%	97
Total	5302	4808	3158	45%	6952

Table 2. Affinity of Erzya and Moksha root vocabulary in the *Mordwinisches Wörterbuch* by part-of-speech.

referenced elsewhere. The 100% points of cohesion can be observed in numerals, quantifiers and pronouns, whereas the two largest subdivisions, nouns and verbs, show a much lower mutual cohesion, 52% and 44% respectively.

Since the figures in Table 2 above are based on the part-of-speech base of the first article in the root entries, it is enlightening to observe the correlating figures based on all stem articles (see Table 3). The pronouns, numerals and quantifiers, championed in Table 2 for 100% cohesion between the languages, are drastically reduced to 42%, 64% and 37% respectively.

POS	Erzya	Moksha	∩	U	
A	1284	914	464	27%	1734
Adv	451	381	228	38%	604
CC	9	7	7	78%	9
CS	12	10	5	29%	17
Det	23	14	14	61%	23
Ger	16	20	6	20%	30
Interj	221	71	63	21%	299
N	5754	5037	2365	28%	8426
Num	37	35	28	64%	44
Pcle	61	42	20	24%	83
Po	109	82	71	59%	120
Prc	419	284	98	16%	605
Pron	86	55	42	42%	99
Prop	629	458	112	11%	975
Qnt	28	28	15	37%	41
V	5127	5371	2183	26%	8315
VGen	98	43	22	18%	119
Stem	112	75	24	15%	163
Misc.	48	18	18	37%	48
Total	14524	12945	5785	27%	21754

Table 3. Affinity of Erzya and Moksha stem vocabulary in the Mordwinisches Wörterbuch by part-of-speech.

Subject	Object						0	Mutual non-ambiguous functions
	Sg1	Pl1	Sg2	Pl2	Sg3	Pl3		
Sg1		❖⊗		❖		⊗	Sg1/Sg2	
Pl1						⊗		
Sg2	❖⊗					⊗	Sg2/Sg1	
Pl2			❖⊗	PI2				
Sg3	❖⊗		❖⊗	❖⊗	❖⊗	❖⊗	Sg3/Sg1; Sg3/Sg2; Sg3/ Sg3; Sg3/Pl3; Sg3	
Pl3					❖			

Table 4. Mutual non-ambiguity of function-formants in the first preterite of Erzya and Moksha.

On verbal diversity

In addition, the lack of lexical evidence for high affinity between the Erzya and Moksha languages, Rueter (forthcoming) provides morpho-functional statistics demonstrating the disambiguation requirement of over 50% of the 34 subject/object functions when transferring verbal paradigmatic information between Erzya and Moksha.

There are 18 and 19 formants in Erzya and Moksha, respectively, to cope with the 34 subject/object functions in the indicative first preterite. Of these formants only 8 non-ambiguous morpho-functional formants are mutually compatible within the two languages (see Table 4.). The subjects are enumerated along the left column and the objects across the top. The subject and object arguments are grouped by person, so that the incompatible marking of first person subject with first person object as well as second person subject and object can be readily set off with darkened cells. To the right of the object columns is a zero, which represents the subject conjugation.

Both languages demonstrate a strong similarity in the marking of third person singular subject with singular third person plural objects (Sg3/Sg1; Sg3/Sg2; Sg3/Sg3; Sg3/Pl3; Sg3). While the Erzya language manifests non-ambiguity in the formants indicating singular subject-object functions (Sg1/Sg2; Sg1/Sg3; Sg2/Sg1; Sg3/Sg1; Sg3/Sg2; Sg3/Sg3; Sg3/Pl3), Moksha provides a nearly complete subject conjugation of non-ambiguity (Sg1; Sg2; Sg3; Pl1; Pl2). Only two of the non-ambiguous formants share mutual compatibility (Pl3/3; Pl3/2, Sg3/Pl2, Pl1/3, Sg1/Pl3), hence before Erzya and Moksha can be aligned for automated information transfer (machine translation), there are 15–16 functions requiring syntactic disambiguation in the indicative first preterite alone.

On nominal diversity

According to Rueter in “On Establishing a Departure Point for the Morphological Alignment of Erzya and Moksha Noun Inflection” (forthcoming), the noun declensions in Erzya and Moksha can be plotted in an array of 132 items. 80 items are indicative of intersecting

morphological functions, whereas there are 30 items specifically Erzyan, and 19 specifically Mokshen. Thus the nominal morphology might indicate cohesion of nearly 61%, and yet non-correlation is directly attested in core-case morphology.

18 of the distinctly Mokshen formants address the core-case word forms of the nominative, genitive and dative cases with possessor indices. The granularity of these three cases displays similarity in indefinite and definite marking for both languages, but disparity in possessor indices marking. Where Erzya has little marking for specifically singular entities and only one unambiguous distinction for nominative-genitive marking, Moksha has a virtually symmetric number and case marking strategy (see Table 5). Inspection of the plural possessor indices in the two languages would only corroborate this disparity. Mokshen plural possessor indices, although making no distinction for number of the possessa, retain their symmetry for case, while their Erzya counterparts have no number distinction for possessa and no nominative-genitive case distinction. Furthermore, there is only one dative case plural possessor index, that of the third person plural, and it is ambiguous with that of the third person singular (cf. Rueter 2010: 81–83).

Language	Case	Number	Indef	Def	PxSg1	PxSg2	PxSg3
Erzya	Nom	Sg	∅	-Oś	-Om		-OzO
		Pl	-T	-TNe		-OT	
	Gen	Sg	-Oń	-Oń'	-ON (-Om)		-OnzO
		Pl		-TNeń			
	Dat	Sg	-Neń	-Ońteń	-Neń [Kin]	-Teń [Kin]	-Onsteń
		Pl		-Tneńeń			
Moksha	Nom	Sg	∅	-ś	-Ože	-će	-Oc
		Pl	-T	-TNe	-Ońe	-tńe	-Onza
	Gen	Sg	-Oń	-t'	-Ożen	-ćen	-Onc
		Pl		-TNeń	-Ońeń	-tńeń	-Onzon
	Dat	Sg	-Neń	-Ońdi	-Ożenđi	-ćeńđi	-Oncti
		Pl		-Tneńđi	-Ońeńđi	-tńeńđi	-Onzondi

Table 5. Non-correlation in core case marking strategies of Erzya and Mokshen.

To quote the Erzya Professor Dmitrij Cygankin (“The Non-existent Mordvin Language”, Erzyan’ Mastor, July 27, 2014), “The Erzya and Moksha languages are realities, each one is living, developing and they both function according to their own internal rules. Each one possesses an independent status. The differences between these languages are numerous and permeate all levels of the languages...”

To date there are no known speakers, nor publications with running texts in the (non-existent) Mordvin language. Lack of attestation for such an encumbered medium of communication – less than 50% mutual cognates and morpho-functionality – versus the existence of both Erzya and Moksha literature, broadcasts and education, on the one hand, and the mutually accessible majority Russian language, on the other, would seem to render the establishment of a unified Mordvin language counterproductive to native language retention. The situation might have been different if the popularization of the literary languages in the 1920s and 30s had led to their unification. This said, the language scope of this research article is Erzya.

The study of Erzyan dialects

Nina Agafonova (2016, this volume) indicates five important scientists and linguists associated with the classification of Erzyan dialects: M. E. Evsev’ev, D. B. Bubrih, N. F. Cyganov, D. V. Cygankin and G. I. Ermuškin. Their contributions can be seen as developing in three stages. Evsev’ev forwards a questionnaire-type establishment of a person’s place of origin based on pronunciation, morphology and vocabulary. Bubrih and Cyganov scrutinize the dialects with a phonetic approach. It is not until the work of Cygankin and Ermuškin, however, that dialect distinctions come back to consider morphological variation as well.

M. E. Evsev’ev, one of the first Mordvin scholars, considered the study of the dialects to be of primary importance. Evsev’ev wrote that certain dialects of Erzya might be identified on the basis of the pronunciation of a few specific words, the form of individual case endings, and the preservation of archaic words no longer attested

in other dialects. Evsev'ev arrives at an enumeration of four dialect groups⁴ (see 1.1–1.4).

- (1.1) Zakadomskoy dialect, former Temnikovsky Raion (modern mixed dialects: Drokino-Shoksha);
- (1.2) Central dialect, former Ardatov district of Ulyanovsk Oblast (modern Central, Kozlovka-Mokshalei, Kozlovka-Ardatovo dialects);
- (1.3) Dialect of the former Sergach Lukoyanovskoye Uyezd of Nizhny Novgorod Gubernia (modern Northwestern, Pripyanskie dialects), and
- (1.4) Dialect of former Alatyrsky and Kurmysh Uyezds (modern Northwestern, Prialatyrskie dialects) (Evsev'ev 1963: 14–16).

D. V. Bubrih's research divided the Erzya dialects into three types on the basis of vowel quality in the non-first syllable. In (2.1) Bubrih sees simple vowel harmony in which the non-low vowel of the non-first syllable is realized as a mid-vowel with front-back harmony correlation to the vowel in the first syllable. In (2.2) Bubrih sees not only a front-back harmony but also a mid-high harmony in non-low vowels of the non-first syllables. In (2.3), however, Bubrih observes front-back harmony and mid-high harmony when a low vowel occurs between the non-low vowels of the non-first syllables and the end of the word. In the instance *kunsulutano* ‘we listen’, the final “o” is present, while the two “u” vowels in the middle of the word attest to a progressive assimilatory harmony. The instances *kunsoloms* ‘to listen’ and *kunsolok* ‘listen (Imprt.Sg2)’, on the contrary, observe simple vowel harmony neutral for height.

- (2.1) *kudo, kize* (elsewhere: simple)
- (2.2) *kudu, kizi, moro, tese*
(elsewhere: progressive assimilatory)
- (2.3) *kunsoloms, kunsolok*, but *kunsulat, kunsulutano*
(elsewhere: regressive assimilatory)

4. Evsev'ev: *Основы Мордовской Грамматики – Эрзянъ грамматика* ‘Fundamentals of Mordvin grammar – A Grammar of Erzya’ (1928–29: 7–10).

Building upon Bubrih's work, N. F. Cyganov also established dialect distinctions on the basis of phonetic processes, i.e. front-back vowel harmony, reduced vowels, etc. Although Cyganov's description observed a different ordering of dialect type (see Agafonova, this publication), he can be seen to have added two new areals to Bubrih's three. Thus (3.1–3) observe the vowel harmony of Bubrih's work, whereas (3.4) the “a” of the dialects with reduced vowels, and (3.4) the absence of vowel harmony typified in the “u” of the Shoksha dialects (cf. Cyganov 1959: 70–73).

- (3.1) “o” dialects (simple)
(elsewhere: Central, Mokshalei-Kozlovka)
- (3.2) “u and o” dialects (progressive assimilatory)
(elsewhere: Western, Insar)
- (3.3) “o and u” dialects (regressive assimilatory)
(elsewhere: Northwestern, Alatyr)
- (3.4) “a” dialects (reduced vowels)
(elsewhere: Southeastern, Sura)
- (3.5) “u” dialects (absence of vowel harmony)
(elsewhere: Mixed, Drokino-Shoksha)

D. V. Cygankin established a four-way division of the Erzya dialects spoken in the Republic of Mordovia based on both phonetic and morphological criteria (4.1–4.4), (Cygankin 1979: 15, 33–76).

- (4.1) Central dialects (simple)
- (4.2) Western (progressive assimilatory)
- (4.3) Northwestern (regressive assimilatory)
- (4.4) Southeastern (reduced vowels)
- (4.5) Drokino-Tengushevo

Congruent to Cygankin's work, G. I. Ermuškin produces a classification of the Erzya dialects containing a five-way division, with the so-called Shoksha dialects (4.5). The latter dialects are spoken over the territories of the Tengushevo and Torbeyevo raions in Mordovia (Ermuškin 1984: 10–27).

The Erzya dialects in the "Mordwinisches Wörterbuch"

Descriptions of the Erzya dialects are generally categorized according to administrative district divisions or more feasibly as areas associated with specific water ways, the means of travel in the pre-Soviet eras. According to A. P. Feoktistov (1990: XXXI–XCIX), the Erzya language can be divided into 5 dialects, as established by his student and colleague G. I. Ermuškin. Work in Erzya dialect classification, however, is by no means complete. The Republic of Mordovia, where only about a third of the population lives, has been researched to some extent, but outlying areas have not received that same attention. In the collections of Heikki Paasonen, published in MW, 189 villages and settlements were identified as Moksha or Erzya-speaking. Of these 118 settlements are marked Erzyan. Only 60 of the Erzyan settlements indicated in MW are given a dialect affiliation, whereas 58 Erzya settlements have been left without classification (cf. MW 1990: LXXXVII–XCIX).

- The **Central dialect** (C) is spoken in Mordovia, in the Atyashchevo and parts of the Ichalki and Chamzinski Raions.
- The Western dialect (W) or **Insar dialect** has two subgroups in Mordovia. The northwestern subgroup is located in the west Ichalki Raion: lower Insar, central Alatyr, and the southwestern subgroup is found in Kochkurovo in the Pyrma basin.
- The Northwestern dialect (NW) or **Alatyr dialect**, also spoken along the lesser rivers Menya and Pyana, is spoken in Mordovia, Nizhni Novgorod and Chuvashia. Representative areas in Mordovia include the Ardatovo and Bolshoe Ignatovo Raions. In Nizhni Novgorod it is spoken in the Gagino, Lukyanovo, Silna, Sergach and Shatki Raions. In Chuvashia it is attested in the Alatyr and Poretskoe Raions.
- The Southeastern dialect (SE) or **Sura dialect**, also spoken along the Sinyash, Nerleika, Ksha, Shtyrma and Cheberchinka in Mordovia, Ulyanovsk and Penza. In Mordovia the Southeastern dialect is attested in the Dubyonki, Bolshiye Berezniki and Kochkurovo⁴ Raions. In Ulyanovsk it is found in the Insa and

Surskoye Raions; Penza attests to the Gorodishche, Nikolskoye, Sosnovoborsk and Shemesheika Raions.

- The Mixed dialect (M) or **Shoksha dialect** is spoken in enclaves in the western part of the Republic of Mordovia, where there are two subgroups identified⁶. The Shoksha group is located in the Tengushevo Raion, and the Drakino subgroup in the Torbeyevo Raion.

Each of the Erzya dialects is attributed with features, which when given in overview, may be discernible as isoglosses. It is hoped that the identification of these isoglosses will assist in further classification efforts involving both speech forms spoken in villages visited in fieldwork, for example, and newspapers from the 1920s and 1930s.

Isoglosses

Isogloss distinctions between the Mordvinic languages as well as their dialects might be organized in four categories: phonology, lexical morphology, affix morphology, and syntax. In this paper dealing with Erzya dialects, however, we will limit ourselves to the two categories of comparative phonology and affix morphology. The literary norm will be presented as a hinging point for this discussion.

Comparative phonological isoglosses

Vowels

- (I.) Distinction for Proto-Mordvinic *ä vs. *e in first syllable.
The Erzya literary language has a neutralized representation of Proto-Mordvinic *ä vs. *e in the first syllable, where the vowel

5. It should be noted that Kochkurovo is an administrative district with at least two native Erzya dialects spoken in it.

6. In addition to the subgroups in the Tengushevo and Torbeyevo Raions, the MW list of locales (XXXVII–XCIX) there are further settlements in Penza, Samara and Saratov attesting to the same phonetic type, although the morphology has yet to be investigated.

inventory is {a|o|e|e|u|i|i⁷}. This neutralization can be attested in subgroups of all the Erzya dialects⁸. The distinction between these vowels is attested in subgroups of all but one of the Erzya dialects, the Northwestern dialect.

(I.II) Reflexes of the standard and default middle vowels {o|e} beyond the first syllable:

In the Erzya literary language, affixes attach to two types of middle vowels. First, there are the standard middle vowels which are present in the affixes regardless of the stem they are joined with and whether it ends in a vowel or a consonant, e.g. bold-face upper-case “**O**” in /sO/ and /OnzO/. Second, there are the default middle vowels that occur in the onset of suffixes and are only attested when the nominative singular form of the word stem ends in a consonant, e.g. see especially (6.2–3) reflexes of bold-face “**O**” in the onset of /OnzO/, the non-nominative singular possessive or index third person singular. Since Erzya is an agglutinative language with consecutive affixation we can also introduce the notion of word-internal and word-final standard middle vowels.

(5.1) **kudo+sO+OnzO* ‘house_N+SP.Ine+PxSg3’ → /kudoso_{zo}/

(5.2) **val+sO+OnzO* ‘word_N+SP.Ine+PxSg3’ → /valsonzo/

(5.3) **kel'+sO+OnzO* ‘tongue_N+SP.Ine+PxSg3’ → /kełṣenzo/

(6.1) **kudo+OnzO* ‘house_N+SP.Gen.PxSg3’ → /kudonzo/

(6.2) **val+OnzO* ‘word_N+SP.Gen.PxSg3’ → /valonzo/

(6.3) **kel'+OnzO* ‘tongue_N+SP.Gen.PxSg3’ → /kełenzo/

7. The distinction between /i/ and /j/ in Erzya has been contested in Western studies of Erzya. The slightly backed /i/ occurs word-initially and after non-alveolar consonants, in the first syllable where it is distinct. It is attested in native descriptive lexica and loan words. In non-first syllables the distinction between /i/ and /j/ is in complementary distribution, dependent upon the quality of the preceding phonetic context (cf. Rueter 2010: 59–61). This distinction in Erzya should not be confused with the ability of Erzyas to pronounce foreign, Russian words such as *был* ‘was’, *мыло* ‘soap’ (cf. Evsev'ev 1963: 26)

8. On the basis of MW materials alone: Mokshalei of the Central dialect (XXXV); Kendya of the Western dialect (XXXVI); Shugurovo of the Southeastern dialect (XXXIX), and Kazhlotka of the Mixed dialect.

(I.II.I) Reflexes of the standard middle vowels {o|e} beyond the first syllable in word-internal position.

(I.II.II) Reflexes of the default middle vowels {o|e} beyond the first syllable in word-internal position.

In the literary norm there is no distinction between the default middle vowel and the standard word-internal vowel, cf. /skališ/ in the Northwestern dialect.

(I.II.III) Reflexes of the standard middle vowels {o|e} beyond the first syllable in word-final position.

The standard middle vowels are present regardless of the preceding context, for example in the inessive formant /sO/⁹ as in /kudosó/ ‘house_N.SP.Ine.Indef’. The default middle vowels, on the contrary emerge only when the preceding stem ends in a consonant, for example the genitive case marker /Oń/ as in /kudo → kudoń/ ‘house_N.SP.Gen.Indef’; /ked→kedeń/ ‘arm; hand_N.SP.Gen.Indef’, and /por→poroń/ ‘chaulk_N.SP.Gen.Indef’.

The Erzya literary language contains a minimal inventory for non-first syllable vowels in {a|o|e|i(j)}; the middle vowels /o/ and /e/ are subject to progressive front-back vowel harmony in the stem and especially the affixes. Hence there is no distinction between standard and default middle vowels in the literary language.

The quality of these two middle vowel reflexes is governed greatly by vowel harmony, which is termed earlier as simple, progressive and regressive. In (7.1) we see examples of simple harmony. (7.2) and (7.3) illustrate two varieties of progressive harmony. (7.4) shows regressive harmony, while (7.5) illustrates the Southeastern dialects.

It will be noticed that a dichotomy for “e” is present in (7.2.3, 7.3.3 and 7.4.3 vs. 7.2.5, 7.3.5 and 7.4.5). This dichotomy provides a basis for chronically ordering high-low harmony before leveling of Mordvinic *e and *ă.

9. Here upper-case «O» in the suffix final position indicates that a middle vowel is required. When it occurs in suffix onset position, it indicates that a vowel is required at the junction of stem and affix. When the stem ends in a vowel in the nominative singular, for example, this vowel is retained throughout the paradigm. If the stem ends in a consonant, a middle vowel appears as a linking vowel at the junction of stem and affix. The quality of this middle vowel is, in the literary language, determined by front-back vowel harmony.

- (7.1) simple front-back harmony in the Central dialect, with no distinction for standard versus default middle vowels (see 2.1, 3.1 and 4.1).
- (7.1.1) /*pizəzənze/* ‘nest_N.SP.III.PxSg3’;
  - (7.1.2) /*kudozonzo/* ‘home_N.SP.III.PxSg3’;
  - (7.1.3) /*tēvezənze/* ‘work_N.SP.III.PxSg3’;
  - (7.1.4) /*komorozonzo/* ‘grasp_N.SP.III.PxSg3’;
  - (7.1.5) /*kedəzənze/* ‘hand_N.SP.III.PxSg3’;
  - (7.1.6) /*valozonzo/* ‘word_N.SP.III.PxSg3’
- (7.2) front-back harmony + high versus middle harmony in the northwestern subgroup of the Western dialect, with no distinction for standard versus default middle vowels (see 2.2, 3.2 and 4.2).
- (7.2.1) */*pizjindj/* ‘nest_N.SP.III.PxSg3’;
  - (7.2.2) */*kuduzundu/* ‘home_N.SP.III.PxSg3’;
  - (7.2.3) */*tevizjindj/* ‘work_N.SP.III.PxSg3’;
  - (7.2.4) */*komorozondo/* ‘grasp_N.SP.III.PxSg3’;
  - (7.2.5) */*kedəzəndə/* ‘hand_N.SP.III.PxSg3’;
  - (7.2.6) */*valuzundo/* ‘word_N.SP.III.PxSg3’
- (7.3) front-back harmony + high versus middle harmony in word-internal position in the northwestern subgroup of the Western dialect, with no distinction for standard versus default middle vowels (cf. 2.2, 3.2 and 4.2).
- (7.3.1) */*pizjinde/* ‘nest_N.SP.III.PxSg3’;
  - (7.3.2) */*kuduzundo/* ‘home_N.SP.III.PxSg3’;
  - (7.3.3) */*tevizjinde/* ‘work_N.SP.III.PxSg3’;
  - (7.3.4) */*komorozondo/* ‘grasp_N.SP.III.PxSg3’;
  - (7.3.5) */*kedəzəndə/* ‘hand_N.SP.III.PxSg3’;
  - (7.3.6) */*valuzundo/* ‘word_N.SP.III.PxSg3’
- (7.4) front-back harmony + regressive raising when followed by low or high vowel. Attested in Northwestern dialect standard middle vowel reflexes, with a distinction for standard versus default middle vowels (see 2.3, 3.3 and 4.3).

- (7.4.1) /*pizəzənze/* ‘nest_N.SP.III.PxSg3’;
- (7.4.2) /*kudozonzo/* ‘home_N.SP.III.PxSg3’;
- (7.4.3) /*velisan/* ‘work_N.SP.Ine.Indef.Ind.Prs.ScSg1’;
- (7.4.4) /*anduma/* ‘feeding_N.Sg.Nom.Indef’;
- (7.4.5) /*kedəzənze/* ‘hand_N.SP.III.PxSg3’
- (7.5) front-back harmony in middle harmony + reduced vowel in high-low vowel in word-internal position + word-final reflex in /a/ or /ə/¹⁰, Southeastern dialect.
- (7.5.1) /*pizjinzə/* ‘nest_N.SP.III.PxSg3’;
  - (7.5.2) /*kudjinzə/* ‘home_N.SP.III.PxSg3’;
  - (7.5.3) /*tevizjnzə/* ‘work_N.SP.III.PxSg3’;
  - (7.5.4) /*komorozonzə/* ‘grasp_N.SP.III.PxSg3’;
  - (7.5.5) /*valizjnzə/* ‘word_N.SP.III.PxSg3’
- (7.6) front-back harmony with high vowel in word-internal position + semi-reduced vowel in word-final position, Tengushevo-Drakino dialect, Soka Village¹¹.
- (7.6.1) /*pizjində/* ‘nest_N.SP.III.PxSg3’;
  - (7.6.2) /*kuduzunda/* ‘home_N.SP.III.PxSg3’;
  - (7.6.3) /*tevzjində/* ‘work_N.SP.III.PxSg3’;
  - (7.6.4) /*komurzunda/* ‘grasp_N.SP.III.PxSg3’;
  - (7.6.5) /*kedzjində/* ‘hand_N.SP.III.PxSg3’

One set of Tengushevo-Drakino dialect equivalents has been presented here. The dialect will require further documentation of its own. The information provided by Galina Natural'nova (7.6.5) is contradictory to that presented in the MW for the noun [ked] ‘hand; arm’ /*kedžiňde/* ‘hand_N.SP.III.PxSg3’ (MW 1992: 599a). Whereas the Soka Village variants are not palatalized, MW documentation indicates that both the illative morpheme “z” and the possessor index “inđe” are palatalized.

10. In Kabayev there is a distinction between word-final /a/ and /ə/, namely literary (= Kabayev) /tuva/ ‘there_Adv.Spat.Prl’, and literary /tuvo/ ‘pig_N.Sg.Nom.Indef’ for Kabayev /tuva/ (Aleksandr P. Arapov 1997–2004, p.c.)

11. According to Shoksha researcher Galina Natural'nova, at the Mordovia State University in Saransk (2015, p.c.), the word forms for her home village Soka and the associated Shoksha village can be illustrated as shown in 7.6.1–5. Natural'nova mentions that the word-final “a” vowel in /kuduzunda/ is, in fact, slightly reduced.

Consonants

(I.III) Distinction between hard and soft alveolars.

The Erzya literary norm distinguishes between hard and soft alveolar fricatives posited in Proto-Mordvinic *s vs. *š, and it also exhibits a preference for distinguishing hard /t/ and soft /t'/ both in stems and affixes. This distinction is found in most of the Erzya dialects, with an exception in at least parts of the Mixed dialect. In the Drakino subgroup of the Mixed dialect, specifically Kazhlotka, Proto-Mordvinic hard *s has become soft /š/ when followed by a front vowel, e.g. /sepe/ ‘gall, gall bladder’ in the literary norm but /šepá/ in Kazhlotka.

In the Mixed or Shoksha dialect the distinction between soft and hard in alveolars has become neutralized in certain contexts with depalatalization of otherwise soft /š/ and /t'/ . Soft /š/ has a hard reflex when immediately following a hard alveolar, e.g. /tološ/ ‘fire_N.Sg.Nom.Det’ of the literary language is represented by /tolš/, likewise /ašolgadš/ ‘become light_V.Ind.Prt1.ScSg3’ of the literary language is represented by /ašulgac/. Soft /t'/ becomes hard in similar contexts, e.g. /oš → ošonť/ ‘city_N.Sg.Gen.Det’ of the literary language is formulated as [oš + t'] → /ošt/, with depalatalization after hard /š/.

(I.IV) Retention of Proto-Mordvinic *ŋ

In the literary language, reflexes of the Proto-Mordvinic *ŋ are attested in /w/ and /j/. In stems, the former tends to be found in back vowel contexts and the latter in front vowel contexts. There is regular inflection for the lative *-Oŋ, and the identical adjective derivation ending is generally realized as /-Ow/. Retention of the Proto-Mordvinic *ŋ is attested in two of the Northwestern dialect subgroups.

(I.V) Presence of voiceless liquids and sonorants /l/, /l'/, /r/, /r'/, /j/

Voiceless liquids and sonorants are not attested in the Erzya literary language. They are only attested in the Mixed dialects and one subgroup of the Southeastern dialect, Sabayevo.

(I.VI) The phonological reflex of {s|z|š|ž|šč} after {l|l'|r|r'|n|ň}

such as that found in the affix /-OnzO/ PxSg3:

In the literary language the /z/ is either retained or there is a possible affrication in /dʒ/. Affrication has no effect on the quality of vowel alternation in front-back vowel harmony. In some dialects, e.g. the northwestern subgroup of the Western dialect, the change /z/ → /d/ occurs after /n/ in the oblique case and nominative plural forms of the third person singular possessor index /-OnzO/.

Morphological

(II.I) formant for the oblique determinate singular, literary /-Ońt'/.¹²

The Erzya literary norm regularly attests to /Ońt'/, which is attested in the Central, Western and some of the Southeastern dialects. In the Southeastern dialects some subgroups exhibit variation in the marking of the determinate genitive singular in /ńt'/ and /t'/, whereas only the formant /t'/ is allowed in other oblique cases¹². The Mixed dialect attests to use of this latter variant /t'/ in the marking of all determinate singular oblique cases, which aligns with oblique marking in the Moksha language as well. The Northwestern dialect exhibits two marking strategies: /-Ośt'/ and /-ž-/; the latter strategy, native to the Pyana basin, is ordered before the oblique case formants.

(II.II) Distinction in number of possessa in the nominative case.

The distinction in number of possessor indexed nominals is limited in the Erzya literary language to the nominative case of the third person singular (always), and sometimes the first person singular (normative but not always adhered to). In contrast the Moksha literary language distinguishes for number of possessa in the nominative, genitive and dative when the possessor is first,

12. The school of thought in Saransk consistently shows the /-Ońt'/ definite singular formant with oblique cases other than the genitive singular. In the genitive, it will be observed, only /-t'/ is hypothesized as the definite singular marker, which is concatenated onto the indefinite genitive marker. Hence the Saransk school sees a three-way complementary distribution of definite singular marking (Nina Agafonova, p.c. 2014).

second or third person singular (Mokshen' Morfologias' 2000: 63–64, 57–63). In the Erzya dialects Ermuškin (1984: 115–123) addresses isoglosses for the first, second and third persons singular as well as the third person plural. He neglects to mention the first person plural in */-OmOk/* vs. */-ONOk/* attested in parts of the Central and Northwestern dialects (cf. Bubrih D. V. 1930: 29; Nad'kin 1968; Feoktistov 1990: LXVI–LXVII; Rueter 2010: 130, 139).

(II.II.I) Distinction for number of possessa with the first person singular possessor index, */-Om/* vs. */-ON/*.

In literature addressing the Erzya literary norm, there is a distinction for number prescribed for the first person singular possessor indices in the nominative case (see Table 6). This norm is not always adhered to. This distinction is made in the Northwestern dialect and partially in the Central. Other dialects tend to make no distinction for number in this possessor person, and there the */-Om/* formant tends to be used in all cases and numbers.

(II.II.II) Distinction for number of possessa with the second person singular possessor index, */-OT/* vs. */-ONT/*.

This distinction is not attested in the Erzya literary language. In the dialects it only occurs in part of the Northwestern dialect subgroups (cf. Davydov 1963: 151–2; Nad'kin 1968: 58). In the literary language and elsewhere the formant */-OT/* is attested for all numbers and cases.

(II.II.III) Distinction for number of possessa with the third person singular possessor index, */-OzO/* vs. */-OnzO/*.

In the Erzya literary language a distinction for number of possessa is always attested with the third person singular possessor indices in the nominative case, */-OzO/* ‘Sg.Nom.PxSg3’ vs. */-OnzO/* ‘Pl.Nom.PxSg3’. The */-OnzO/* formant is attested in all oblique cases regardless of number. This distinction is shared by virtually all the dialects. In some of the northwestern subgroups the genitive singular form of inanimate possessa is the same as that of the nominative singular (see Davydov 1963: 163).

Lemma	N.Sg.Nom.PxSg1	N.Pl.Nom.PxSg1	
<i>/kudo/</i>	<i>/kudom/</i>	<i>/kudon/</i>	‘house; home’
<i>/vir/</i>	<i>/viřem/</i>	<i>/viřeň/</i>	‘forest, woods’

Table 6. Distinctive marking for number of possessa with first person singular possessor indices.

(II.II.IV) Distinction for number of possessa with the first person plural possessor index, */-OmOk/* vs. */-ONOk/*.

According to A. P. Feoktistov (1990: XXXVIII) only the Northwestern dialect makes a distinction for number of possessa with first person plural possessor indices. If this is the definition holds true, then many of the villages in the Atyashevo Raion must be re-evaluated as Northwestern dialect¹³. In the literary language and elsewhere the formant */-ONOk/* is attested for all numbers and cases.

(II.II.VI) Distinction for number of possessa with the third person plural possessor index, */-Ost ~ -Osk/* vs. */-Onst ~ -Onsk/*.

In the literary language and elsewhere the formant */-Ost ~ -Osk/* is attested for all numbers and cases¹⁴.

(II.III) Infinitive formant */-Oms/* vs. */-mVks/*.

In the Erzya the verb lemma is given in the infinitive illative form */-Oms/*, whereas there is always a vowel preceding the */ms/*, e.g. */jaka+ms/* ‘go, walk’ and */sod+oms/* ‘tie’. In the northwestern subgroup of the western and parts of the Northwestern dialects a variant with a translative form */-mVks/* is attested, e.g. */jakamks/* ‘go, walk’ but */sodmoks/* ‘tie’.

13. The distinction between Central and Northwestern dialect is still strongly influenced by the phonetic characteristics of the language forms spoken in individual communities. The question must then be posed as to whether morphology or phonetics bares precedence over the other in dialect identification.

14. In reconstructions of the protolanguages, which in Uralic studies is almost entirely based on comparative linguistics theory and lacking in old language documentation from before the tenth century A.D., final *t and *k may be hypothesized to distinguish dual and plural possessors (A. P. Feoktistov, p.c. 2004).

(II.IV) Indicative present first person plural /-Tano/ vs. /-Tam/

The Erzya literary norm attests to an explicit /-Tano/ formant for indicative nonpast first person plural. Implicitly, however, an older formant /-Tanok/ can be attested when this marker is followed by the particle /-Gak/, i.e. the literary form /kortatano/ ‘speak_V.Ind.Nonpast.ScPl1’ should regularly inflect as /kortatanojak/ ‘speak_V.Ind.Nonpast.ScPl1.Clt’. Instead both written and spoken forms of the language tend to prefer [кортатанокак] /kortatanokkak/, where even the pronunciation indicates a short geminate. There is, of course, much variation and one of the most common of variants is the Moksha type /Tam/ formant.

In continued research more isoglosses may be required for distinguishing individual forms of the language. In addition to phonetic and morphological isoglosses there will be room for work with lexicon and perhaps even syntax. Lexicon comes to mind when dealing with the laboratory word forms illustrative of vowel and consonant phenomena, whereas the word structures themselves are foreign to the dialect illustrated, i.e. the illustrative word form /kunsēlēda/ ‘listen! (V.Imp.ScPl2)’ (MW 1996: XL) should probably have been given according to Kabayovo speech: /kultsēnēda/. This kind of lapse is merely indicative of the need for further studies of the Erzya dialects.

In preparation for fieldwork in the Dubyonki Raion

The dialect spoken in the Dubyonki Raion, the destination of our fieldwork in August 2013, was anticipated to represent various forms of Erzya. In hindsight we can ascertain three possible sources of the dialect make-up. According to A. P. Feoktistov (MW 1990: XL) the Erzya spoken in the Dubyonki Raion settlements of Kabayovo (Erz: Кобале), Povodimovo (Erz: Поводеле), Chindyanovo (Erz: Кенде), Morga (Erz: Мопро), Nalitovo (Purkayev), Ardatovo (Erz: Орданбуе) and Dubyonki (Erz: Дубинька) form their own subgroup of the Sura or Southeastern dialect. According to materials in the local history museum of Dubyonki, however, Dubyonki is a settlement established August 25, 1668 by Erzyas from Dubyonki in what is now known as the Ichalki

Raion. The Ichalki Raion is home to speakers of both the Lower Insar and middle Alatyr subdialect of the Western dialect, and the Kozlovka-Mokshalei or Central dialect. Since the Dubyonki of Ichalki is situated on the Nuya, the initial assumption might be that the language form in question could represent the Central dialect (cf. Cygankin 2005: 99a). In a personal communication (April 2015) Cygankin maintains that the reduced vowels of the Southeastern dialect form spoken in Povodimovo, Chindyanovo and Morga are indicative of the Moksha substrata hypothesized for these villages. More problematic, however, is the dearth of dialect materials on the village of Kabayovo found in the MW itself; there are only four words attested, from three roots (see 8).

- (8) The MW contains only four entries for the village of Kabayovo:
  - (8.1) /nužaks/ ‘lazy’ (A); ‘laziness’ (N) (MW 1994: 1376)
  - (8.2) /nužakske/ ‘lazy’ (A); ‘lazy one’ (N) (MW 1994: 1376–7)
  - (8.3) /terégems/ ‘call to; invite’ (V) (MW 1996: 2389–90)
  - (8.4) /čuro/ ‘thin (woods); loose (knit); coarse (sieve)’ (A) (MW 1990: 305–6)

If we accept the words provided for Kabayovo in MW (8.3–4) as representative of the dialect, there will be reason to question the dialect designation provided by Feoktistov (see The Kabayovo subgroup according to Feoktistov, below).

Fieldwork Documentation

Before going into the field, there was little literature dealing specifically with the language form spoken in the Dubyonki Raion. This part of the Erzya-speaking area had not been documented by Finns, and even the recent Digitization Project of Kindred Languages at the National Library of Finland in Helsinki had provided no Erzya-language materials from the area. Hence we were left with a few basic items of personal knowledge on the dialect spoken in the area. We were aware of the distinction between Proto-Mordvinic *ä and *e attested there, and we also knew of a reduced vowel tendency in non-first syllable, as well as a distinction between /a/ and /ə/, i.e. the dialect spoken in the Dubyonki Raion would not be identifiable as standard Erzya.

The Kabayevo subgroup according to Feoktistov

Feoktistov classifies the Erzya language of Dubyonki Raion as belonging to the Southeastern dialect, in a special subgroup of its own (1990: XL–XLI). The settlements mentioned in the dialect descriptions are: Kabayevo, Povodimovo, Chindyanovo, Morga, Nalitovo (Purkayevo), Ardatovo and Dubyonki. Three special features are attributed to this subgroup:

- (9.1) The middle vowel subject to variation in the dialects has a short, middle unrounded vowel reflex as in /kuns̥l̥eda/ ‘listen! (V.Imp.ScPl2)’ and /mast̥erga/ ‘over the ground (N.SP.Prl.Indef)’;
- (9.2) a low front vowel reflex represents Proto-Mordvinic *e and *i → /ä/, and
- (9.3) the middle vowel of non-first and non-final syllables following /ä/ in the first syllable is a front, non-rounded vowel, e.g. /välén/ ‘of a village (N.SP.Gen.Indef)’, /mäkev/ ‘back (Adv.Spat)’ /kädeň/ ‘of leather (N.SP.Gen.Indef)’.

Since (9.1) is exemplified only in a back-vowel context, and (9.3) in a front-vowel context, the author contemplates whether (9.1) and (9.3) are, in fact, only contextual variants of the same phoneme. As was noted at the close of the section on isoglosses, the laboratory word forms are not always representative of the individual dialect group. Here we are dealing with both lexical form and phonetics as in /kuns̥l̥eda/ vs. /kults̥en̥edə/ attested in Kabayevo.

At this point we can return to the four lexemes noted in (8.1–4) above as representative of Kabayevo. The phonetic features of the second two words (8.3–4) are peculiar; (8.3) should have the low front vowel /ä/ and (8.4) ought to end in a schwa /čurə/. A second feature in (8.3) that is odd is the presence of /-g-/ , also found in some variants of the Northwestern dialect, where one might expect the palatal alveolar /-d̥-/ , such as is found in the literary language. One might question the authenticity of this material for Kabayevo. Kabayevo, however, is difficult to regard as homogenous, since this village is known for its multiple religious persuasions¹⁵; the influx of residents from varied

backgrounds can be attributed to the migratory character of the local labor.

Personal familiarity with speakers from the area (1997–2004) helped this writer to identify Feoktistov’s classification as the most likely for the village of Kabayevo. The Erzyan poet and former chief editor of Syatko journal, Aleksandr P. Arapov, who spent much of his childhood in Kabayevo, Chindyanovo and Morga, as well as the miniature writer Leonid P. Sedoikin, were instrumental in pinpointing characteristics of the local vernacular. Below is a discussion of isogloss representation for the village of Kabayevo obtained from materials collected.

Kabayevo

- (I.) There is a distinction for Proto-Mordvinic *ä vs. *e attested in the speech of local residents, such that Proto-Mordvinic *ä is realized as /e/ and Proto-Mordvinic *e as /ä/. This is a nearly mirror image of their realization in Moksha:

/äjsə/ ‘in’; /äjińžet/ ‘he/she did not X you’; /äž/ ‘did not’; /käd/ ‘hide’; /känžel/ ‘(finger)nail’; /mäd/ ‘”; /mäje/ ‘what’; /päj/ ‘tooth’; /päjk/ ‘firewood_N.Pl.Nom.Indef’; /säń/ ‘blue’; /täťä/ ‘father’; /väd/ ‘water’; /välé/ ‘village’; /värgiz/ ‘wolf’

- (I.II) The middle vowel {o|e} has distinct reflexes beyond the first syllable.

In standard middle vowels there is variation between word-internal and word-final position. The reduced vowel may receive varied reflexes according to context. Word-internally there is height variation that still requires investigation. In word-final position the middle vowel is realized as schwa:

/pet'a päl's čop'i dadə/ (Shagal: boys_22082013_nyura 3:25)
 /tjń pet'a marta tuidž kudow/ (Shagal: boys_22082013_nyura 12:30)

15. In addition to Russian Orthodox, Kabayevo is the home to practicing Baptists, Molokans, Judaists and Atheists, perhaps even more (cf. Rueter 2013: 21–42).

(I.III) There is a distinction between hard and soft alveolars in the onset of stems and affixes. The plural formant */-T/* as well as the alveolar in the possessor index PxSg1 */-ON/* are subject to front-back vowel harmony as well as palatal harmony of consonants. The quality of */-OT/* PxSg2 has yet to be attested. The question is open with regard to non-palatalized */t/* even in front-vowel words, as can be attested in some of the other Southeastern dialect subgroups.

(I.IV) Proto-Mordvinic **y* is represented by */-Ow/* and */-Oj/*¹⁶.

(I.V) No voiceless liquids or sonorants */L/*, */L'/*, */R/*, */R'/*, */J/* have been attested.

(I.VI) The phonological reflex of *{s|z|š|ž|č|č'}* after *{l|l'|r|r'|n|ń|ń'}* such as that found in the affix */-OnzO/* PxSg3. In Kabayevo */OnzO/* attests to no phonetic change in */z/* after *{l|l'|r|r'|n|ń|ń'}*. The same can be attested for voiceless fricatives as well.

(II.I) Two formants can be attested for the oblique determinate singular: */-Ošt'/* and */-Ońt'/*. The speaker interviewed here preferred */-Ošt'/* but would also produce */-Ońt'/*, perhaps reflecting the usage of the interviewer.

**-št' /psakašt' lajks/, /kiskašt' lajks/, /mašinašt' kis/, /kašadəšt'/
-ńt' /mašinańt' kis/, /Peťa pălš kiskadəńt'/

(II.II.I) There is no attested distinction for number in nominative possessa with the first person singular possessor index, */-Om/* vs. */-ON/*.

(II.II.II) There is no distinction for number of possessa with the second person singular possessor index: **-OT*

(II.II.III) There is a distinction for number of possessa with the third person singular possessor index, */-OzO/* vs. */-OnzO/*.

(II.II.IV) No distinction for number of possessa with the first person plural possessor index; */-OmOk/* vs. */-ONOk/* has been attested; only */-Onək/* has been documented.

(II.II.VI) There is no distinction attested for number of possessa with the third person plural possessor index: */-əst'/*

(II.III) The infinitive formant is: **-Oms*

(II.IV) The indicative present first person plural formant is *-Tanək*:

/targatanək/ ‘pull_V.Ind.Prs.ScPlI’

Povodimovo

(I.) There is inconsistent attestation for a distinction of Proto-Mordvinic **ă* vs. **e* in the speech of local residents.

(I.II) The middle vowel *{o|e}* has distinct reflexes beyond the first syllable.

In standard middle vowels there is variation between word-internal and word-final position. The reduced vowel may receive varied reflexes according to context: */martə/ ‘with’*

(I.III) There is a distinction between hard and soft alveolars in the onset of stems and affixes. The plural formant */-T/* as well as the alveolar in the possessor index PxSg1 */-ON/* are subject to front-back vowel harmony as well as palatal harmony of consonants. The quality of */-OT/* PxSg2 has yet to be attested. The question is open with regard to non-palatalized */t/* even in front-vowel words, as can be attested in some of the other Southeastern dialect subgroups.

16. Evsev'ev, it will be recollected from the prologue, had identified Kabayevo as an */y/* dialect (cf. Evsev'ev 1928/29: 14=1963:19).

(I.IV) Proto-Mordvinic *ŋ is represented by /-Ow/ and /-Oj/. The interviewee was unaware of possible /ŋ/ variants. The reflex of the lative is predominantly in /Oj/, e.g. /sovaš viř+ev/ ‘to.enter_V.Ind.Prt1.ScSg3 forest_N+SP.Lat.Indef’; /tev/ ‘here_Adv.Lat’, whereas individual stems may adhere to vowel harmonic principles, c.f. /kilēj/ ‘birch_N.Sg.Nom.Indef’ versus /sepev/ ‘bitter_A.Sg.Nom.Indef’.

(I.V) No voiceless liquids or sonorants /L/, /L̥/, /R/, /R̥/, /J/ have been attested.

(I.VI) The phonological reflex of {s|z|š|ž|š|ž} after {l|l̥|r|r̥|n|ń} such as that found in the affix /-OnzO/ PxSg3. In Povodimovo /OnzO/ can attest affrication in /z/ after {l|l̥|r|r̥|n|ń}. The affrication of voiceless fricatives can especially be attested in the fricatives /s/ and /š/, e.g. /kalc/ ‘fish_N.SP.III.Indef’; /virč/ ‘forest_N.SP.III.Indef’, and /mińč/ ‘we_Pron.Refl.Pl1.Nom’.

(II.I) One formant seems to dominate as the oblique determinate singular marker: /-Ońt/. The speaker interviewed here preferred /-Ońt/ but was aware of the dialect variant /-Ośt/ and its equivalence, /kudəsə+ńt/ ‘house_N.SP.Ine+Def’.

(II.II.I) There is an attested distinction for number of nominative possessa with the first person singular possessor index, /-Om/ vs. /-ON/: /jalga+m/ ‘friend_N+Sg.Nom.PxSg1’ vs. /jalga+n/ ‘friend_N+Pl.Nom.PxSg1’.¹⁷

(II.II.II) There is no distinction for number of possessa with the second person singular possessor index: *-OT

(II.II.III) There is a distinction for number of possessa with the third person singular possessor index, /-OzO/ vs. /-OnzO/.

17. The genitive forms of individual kin terms attest to palatalization, e.g. /ava+ńlēmeze/ ‘mother_N+Sg.Gen.PxSg1 name_N.Sg.Nom.PxSg3’, and /tēla+t/ /lēmeze/ ‘father_N+Sg.Gen.PxSg2 name_N.Sg.Nom.PxSg3’.

(II.II.IV) No distinction for number of possessa with the first person plural possessor index; /-Omok/ vs. /-ONOk/ has been attested. /-Onək/:

/skalənək saš/ ‘cow_N.Sg.Nom.PxPl1 arrive_V.Ind.Prt1.ScSg3’ ‘our cow came’.

(II.II.VI) There is no distinction attested for number of possessa with the third person plural possessor index:

/-əst/

(II.III) The infinitive formant is: *-Oms

(II.IV) The indicative present first person plural formant is -Tanək:

/lísťanək/ ‘go-out_V.Ind.Prs.ScPl1’

For the sake of curiosity one more Erzya village has been added from a neighboring raion: Batushevo. Due to its location in the Atyashevo Raion, Batushevo might immediately be assumed to represent the Central dialect. Certain characteristics in the morphology, however, illustrate deviation from the literary norm.

Comparative locale

Batushevo (Erz. Ботужале) is a village in the neighboring Atyashevo Raion. The language there would be assumed to represent what is called the Central dialect, but there are a few items in morphology which do not correlate with the literary language. The most obvious are the oblique singular determinate formant in /-śt/ and the distinction for number in nominative case forms with the first person plural possessor index.

(I.) There is no distinction for Proto-Mordvinic *ă vs. *e attested.

(I.II) Back-front vowel harmony is the distinctive factor for middle vowel {o|e} reflexes beyond the first syllable.

(I.III) There is a distinction between hard and soft alveolars in the onset of stems and affixes. The plural formant */-T/* as well as the alveolars in the possessor indices PxSg1 */-ON/* and PxSg2 */-OT/* are subject to front-back vowel harmony as well as palatal harmony of consonants.

(I.IV) Proto-Mordvinic **γ* is represented by */-Ow/* and */-Oj/*. The palatal glide tends to appear in two contexts: stems such as */pej/* ‘tooth’, and adjective derivation where the stem contains a palatalized velar as in */pit'ńej/* ‘expensive’.

(I.V) No voiceless liquids or sonorants */L/, /Ł/, /R/, /Ŕ/, /J/* have been attested.

(I.VI) The phonological reflex of {*s|z|ś|ż|š|ż*} after {*l|ł|r|ŕ|n|ń*} such as that found in the affix */-OnzO/* PxSg3. In Batushevo */OnzO/* attests to no phonetic change in */z/* after {*l|ł|r|ŕ|n|ń*}. The same can be attested for voiceless fricatives as well.

(II.I) The formant for the oblique determinate singular is */-śt'/*. There is no default middle vowel attested.

*-śt'/kudośt'/; /skalśt'/; /keļśt'/; /veleśt'/

(II.II.I) There is a distinction for number of nominative possessa with the first person singular possessor index, */-Om/* vs. */-ON/*: */skalom/* ‘my cow’ vs. */skalon/* ‘my cows’.

*-Om vs. **-ON* */kudom/* vs. */kudon/*; */skalom/* vs. */skalon/*; */keļem/* vs. */keļen/*; */veleńm/* vs. */veleń/*

(II.II.II) There is no distinction for number of possessa with the second person singular possessor index: **-OT* */kudot/*; */skalot/*; */kelet'/*; */velet'/*

(II.II.III) There is a distinction for number of possessa with the third person singular possessor index, */-OzO/* vs. */-OnzO/*: */kudozo/* vs. */kudonzo/*; */skalozo/* vs. */skalonzo/*; */keleze/* vs. */kelenze/*; */veleze/* vs. */veleńze/*

(II.II.IV) There is a distinction for number of possessa with the first person plural possessor index, */-Omok/* vs. */-ONOk/*: */kudomok/* vs. */kudonok/*; */skalomok/* vs. */skalonok/*; */keļemek/* vs. */keleńek/*; */veleńmek/* vs. */veleńek/*

(II.II.VI) There is no distinction for number of possessa with the third person plural possessor index:

*-Ost */kudost/*; */skalost/*; */kelest/*; */velest/*

(II.III) The infinitive formant is: **-Oms* */mołems/*, */jarsams/*, */kandoms/*

(II.IV) The indicative present first person plural formant is **-Tano* ~ **-Tanok*.

/kudosotano/ ~ */kudosotanok/*

Observations of the remainder of the villages visited in the Dubyonki Raion

In the field, difficulties with attestation of certain isoglosses present themselves in a number of circumstances. When the interviewer does not speak the local idiom and the speakers repeat themselves, there is often a change made to the form of words and phrasing. If the interviewer is writing down notes, it is likely that the interviewee will pronounce word forms in a more literary fashion. Sometimes, however, background noise helps to ascertain forms that are really used, e.g. in Povodimovo K. Shagal has an interviewee “ValPet” who used the oblique singular determinative formant */-Ońt'/* in all of her answers. After eleven minutes, there is an interruption from a family member and “ValPet” uses only the formant */-Ośt'/*:

/vedešt'/ 'water_N.Sg.Gen.Det'
 /lišməlaystašt'/ 'well_N.Sg.Gen.Det'
 (cf. Shagal, K. 2013: nonst_20082013_valpet_11:13)

Hindsight would predict strategies for better attestation such as to utilize local interviewers, where possible, and to make inquiries into how the speech of the interviewee differs from that of people in the neighboring villages or literary norm; this might help the interviewer to find a common ground for extracting specifically local attestation forms.

- (I.) There is at least a partial distinction for Proto-Mordvinic *ä vs. *e in Ardatovo, Chindyanovo, Dubyonki, Kabayev, Morga, Povodimovo.

The author was unable to attest this distinction in Kochkurovo.

- (I.II) High-low harmony is a factor for standard and default middle vowel {o|e} reflexes beyond the first syllable word internally.

/panarənít'/ 'shirt_N.Sg.Gen.Det' (Shagal: boys_20082013_annaaleks)
 /velosípedínt'/ 'bicycle_N.Sg.Gen.Det' (Shagal: nonst_19082013_vera)
 /kävýnt'/ 'stone_N.Sg.Gen.Det' (Shagal: nonst_19082013_vera)

The word-internal middle vowel may be realized as a full vowel in contexts conducive to this, i.e. /kudow/ 'home_N.SP.Lat.Indef' and /välew/ 'village_N.SP.Lat.Indef'.

Word finally the reflex tends to be schwa.

/präza/ 'head_N.Sg.Nom.PxSg3' (Shagal: nonst_19082013_vera)

- (I.III) There is a distinction between hard and soft alveolars in the onset of stems and affixes. Even the coda-final /z/ in /väřgiz/ 'wolf' does not become palatalized.

- (I.IV) Proto-Mordvinic *ŋ is represented by /-Ow/ and /-Oj/. There are minimal instances of /j/ as a reflex.

- (I.V) No voiceless liquids or sonorants /L/, /L̥/, /R/, /R̥/, /J/ have been attested.

- (I.VI) The phonological reflex of {s|z|š|ž|š|ž} after {l|l̥|r|r̥|n|n̥} such as that found in the affix /-OnzO/ PxSg3. The formant /OnzO/ attests to no phonetic change in /z/ after {l|l̥|r|r̥|n|n̥} in most of the villages. There are instances, however, where corresponding /On^dzO/ and even /OndO/ have been attested.

- (II.I) The formant for the oblique determinate singular can be attested as both /-Ońt'/ and /-Ośt'/ . Both forms have been heard from the same speakers in Kabayev and Povodimovo. In Kochkurovo there are actually parts of the village where one formant is used, and other parts where the other is used. Ardatovo appears to only use the formant /-Ońt'/.

- (II.II.I) There is varied attestation for the distinction in number of the possessum PxSg1 *-Om vs. *-ON in the villages. The formant for the PxSg1 index can be formulated as /-Om/ in Kabayev, but /-Om/ 'Sg.Nom.PxSg1' and /-On/ 'Sg.Nom.PxSg1' elsewhere.

- (II.II.II) No distinction was attested for number of possessa PxSg2 *-OT vs. *-ONT in the villages. The formant for the PxSg2 index can be formulated as /-OT/. Special attention should be paid to whether this is not in fact /-Ot/ indicating lack of palatal harmony, as is the case with some other Southeastern dialects.

- (II.II.III) There is a distinction in number of possessa with the third person singular possessor index, /-OzO/ vs. /-OnzO/:

/präza/ 'head_N.Sg.Nom.PxSg3' (Shagal: nonst_19082013_vera_0:18)
 /jarmakənzə/ 'money_N.Pl.Nom.PxSg3' (Shagal: nonst_19082013_vera)

- (II.II.IV) No distinction was attested for /-Omok/ vs. /-ONOk/. The formant for the PxPl1 index can be formulated as /-OnOk/.

- (II.II.VI) No distinction was attested for /-Ost/ vs. /-Onst/. The formant for the PxPl3 index can be formulated as /-Ost/.

(II.III) The infinitive formant is: *-*Oms* in all villages, adhering to the illative of the literary norm.

(II.IV) The indicative present first person plural formant tends to be /-*Tanək*/ which correlates with /-*Tano*/ of the Erzya literary language.

Miscellaneous

In the speech of Dubyonki there is a tendency to drawl the final vowel of a phrase. This drawling is what Erzya speakers of neighboring areas generally use to typify the local speech pattern.

In summary

The deviation of Erzya spoken in the Dubyonki Raion from that of the literary norm can best be illustrated with reference to two phonological and one morphological isogloss. Phonologically, the Proto-Mordvinic *ä and *e have reflexes in /e/ and /ä/ respectively. The middle vowels of the literary norm correspond with reduced middle and high vowels in word-internal position and schwa word finally. Morphological deviation is apparent in only some of the villages where the /-*Ośt'*/ formant is used to indicate oblique singular determinate. Perhaps, further study of the Erzya dialects will help discern whether simple phonological distinctions are sufficient grounds for delimiting dialects.

References

- Abramova, O. V. 2014 = Абрамова, О. В. 2014: Расселение и динамика численности мордовского этноса в конце XX – начале XXI в. – *Финно-угорский мир* 1/2014. Саранск: ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва». 56–61.
- Bubrih, D. V. 1930 = Бубрих, Д. В. 1930: *Звуки и формы, эрзянской речи, по говору с. Козловки*. (Козловск. р. Авт. Мордовск. обл.). Москва: Центральное Издательство Народов СССР.
- Cygankin, D. V. 1963 = Цыганкин, Д. В. 1963: Об особенностях говора села Мокшалей: Фонетические особенности говора села Мокшалей. – OMD II-1963. 99–117.
- 2005 = Цыганкин, Д. В. 2005: *Память, запечатленная в слове: Словарь географических названий республики Мордовия*. Саранск.
- Cyganov = Цыганов, Н. Ф. 1959: К вопросу о классификации диалектов эрзя-мордовского языка. – *Совещание по вопросам исторической грамматики и исторической диалектологии финно-угорских языков*. Москва.
- Davydov, M. M. 1963 = Давыдов, М. М. 1963: Больше-Игнатовский диалект эрзя-мордовского языка. – OMD II-1963. 118–233.
- Ermuškin, G. I. 1984 = Ермушкин, Г. И. 1984: *Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам*. (Эрзя-мордовский язык). Москва: Наука.
- Ermuškin, Grigorij I. 2004: *Srednetëšskij dialekt èrzja-mordovskogo jazyka* (The Srednetyoshski Dialect of the Erzya-Mordvin Language). [Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica 24.] Moscow – Groningen: (Manuscript) Faculteit der Letteren, Finoegristiek, Rijksuniversiteit Groningen.
- Evsev'ev 1928/29 = Евсевьев, М. Е. 1928/29: *Основы Мордовской Грамматики – Эрзянь грамматика*.
- Feoktistov, A. P. 1990: Диалекты мордовских языков. – *H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch* zusammengestellt von Kaino Heikkilä, Band I (A–J), unter mitarbeit von Hans-Hermann Bartens, Aleksandr Feoktistow und Grigori Jermuschkin, bearbeitet und herausgegeben von Martti Kahla. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXIII, 1. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura – Kotimaisten kielten tutkimuskeskus – Институт языкоznания академии наук СССР. XXXI–LXXXVI.

- Nad'kin, D. T. 1968 = Надькин, Д. Т. 1968: Морфология нижнепьяньского диалекта эрзя-мордовского языка. – *Очерки мордовских диалектов*. Том V. Редакционная коллегия: И. С. Бузаков, Р. В. Бабушкина, Д. Т. Надькин. Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Мордовской АССР. Саранск: Мордовское книжное издательство. 3–198.
- OMD 1963-II = ОМД 1963-II: *Очерки мордовских диалектов*. Том II. Ответственный редактор: проф. М. Н. Колядёнков. Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Мордовской АССР. Саранск: Мордовское книжное издательство.
- Ornatov, Pavel 1838 = Орнатовъ, Павель 1838: *Мордовская грамматика составленная на нарѣчии Морды Мокши Тамбовской Семинарии профессоромъ, магистромъ, Павломъ Орнатовыムъ*. Москва: Въ сунодальной типографіи.
- Rueter, Jack 2010: *Adnominal Person in the Morphological System of Erzya*. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 261. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- 2013: The Erzya Language. Where is it spoken? – *Études Finno-Ougriennes*, Tome 45, Année 2013. Numéro spécial Les Langues Finno-Ougriennes Aujourd’hui, II. Paris: ADÉFO, L’Harmattan. 21–42.
- forthcoming: On the Morphological Alignment of Erzya and Moksha Verbal Paradigms.

Online Sources

- [2014-06-10 <[http://ru.wikipedia.org/wiki/Дубёнки_\(Мордовия\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Дубёнки_(Мордовия))>]
- Shagal, Ksenia 2013: Collector of interview materials: [2014-06-16 <<https://wiki.helsinki.fi/display/hals2013/Ksenia%27s%20materials>>]
- Цыганкин, Д. В. 2014: «Несуществующий мордовский язык» на печатных страницах Республики Мордовия. Саранск: Эрзянь Мастор. – 27 июля 2014. <<http://www.cigankin.ru/archives/797>>, <<http://www.erzia.saransk.ru/arhiv.php?n=4827&nom11=430>>

Abbreviations and tags

A	adjective	PxPl3	possessor index third
Abe	abessive		person plural
Dat	dative	PxSg1	possessor index first
Gen	genitive		person singular
Ill	illative	PxSg2	possessor index second
Imp	imperative		person singular
Ind	indicative	PxSg3	possessor index third
Ine	inessive		person singular
N	noun	ScSg1	subject conjugation first
Nom	nominative		person singular
Pl	plural	Sg	singular
PxPl1	possessor index first	SP	singular or plural
PxPl2	possessor index second		person plural
	person plural		

Appendix I.

Enumeration of Isoglosses

- (I) Distinction for Proto-Mordvinic *ä vs. *e in first syllable (Ermuškin 1984)
- (I.II) Reflexes of the standard and default middle vowels {o|e} beyond the first syllable
- (I.II.I) Reflexes of the standard middle vowels {o|e} beyond the first syllable in word-internal position
- (I.II.II) Reflexes of the default middle vowels {o|e} beyond the first syllable in word-internal position
- (I.II.III) Reflexes of the standard middle vowels {o|e} beyond the first syllable in word-final position
- (I.III) Distinction between hard and soft alveolars
- (I.IV) Retention of Proto-Mordvinic *ŋ (Evsev'ev 1928/29: 13)
- (I.V) Presence of voiceless liquids and sonorants /L/, /L̥/, /R/, /R̥/, /J/
- (I.VI) The phonological reflex of {s|z|š|ž|č|č̥} after {l|l̥|r|r̥|n|n̥} such as that found in the affix /-OnzO/ +PxSg3
- (II.I) formant for the oblique determinate singular, literary /-Onť/ (Ermuškin 1984: 111)
- (II.II) Distinction for number of possessa in the nominative case
- (II.II.I) Distinction for number of possessa with the first person singular possessor index, /-Om/ vs. /-ON/
- (II.II.II) Distinction for number of possessa with the second person singular possessor index, /-OT/ vs. /-ONT/
- (II.II.III) Distinction for number of possessa with the third person singular possessor index, /-OzO/ vs. /-OnzO/
- (II.II.IV) Distinction for number of possessa with the first person plural possessor index, /-Omok/ vs. /-ONOk/
- (II.II.VI) Distinction for number of possessa with the third person plural possessor index, /-Ost ~ -Osk/ vs. /-Onst ~ -Onsk/
- (II.III) Infinitive formant /-Oms/ vs. /-mVks/ (Ermuškin 1984: 127)
- (II.IV) Indicative present first person plural /-Tano/ vs. /-Tam/ (Ermuškin 1984: 127–129)

НИНА АГАФОНОВА
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарёва

Варьирование детерминативных суффиксов в диалектах и говорах эрзянского языка¹

Резюме Статья посвящена детальному рассмотрению вариантов детерминативных суффиксов парадигм склонения эрзянского диалектного ареала. Особое внимание уделено вопросам изучения эрзянских диалектов и их классификации, что позволяет показать дисперсность проживания носителей эрзянского языка, приведшую к неравномерному распределению диалектов и отсутствию между ними четко очерченных границ.

Варианты детерминативных суффиксов зафиксированы автором на основе полевых материалов, собранных во время лингвистических экспедиций. Показано, что реализация морфем определенности в падежных парадигмах разных диалектов и говоров эрзянского диалектного ареала неоднородна. Для иллюстрации диалектного варьирования детерминативных суффиксов автором представлена классификация парадигм указательного склонения. На основе представленной классификации уточняется количество падежей и варианты детерминативных суффиксов в различных диалектах и говорах. В результате проведенного исследования автор выделяет структурные и морфемные особенности, характерные для системы детерминативных суффиксов эрзянского диалектного ареала.

1. Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект РГНФ № 14-04-00258.

1. Введение

В настоящее время в мордовском языкоznании существует несколько классификаций эрзянских диалектов, в основу которых заложены фонетические, морфологические и территориальные особенности. Как правило, одни исследователи при классификации диалектов эрзянского языка опирались только на фонетические особенности, другие — на фонетические и морфологические особенности диалектов и говоров.

В данной статье рассматриваются варианты детерминативных суффиксов парадигм склонения единственного числа эрзянского диалектного ареала, изучение которых позволит уточнить границы распространения диалектных различий. Ниже даются варианты детерминативных суффиксов, которые зафиксированы в центральном, северо-западном, юго-восточном диалектах Республики Мордовия, в говорах сел Новомалыклинского района Ульяновской и Самарской областей, ср.:

(1) <i>pakša-so-ńt'</i> (ц.)	(2) <i>pakša-sto-ńt'</i> (ц.)
поле-INE-DEF.SG	поле-ELA-DEF.SG
<i>pakša-so-śt'</i> (с.-з.)	<i>pakša-sto-śt'</i> (с.-з.)
поле-INE-DEF.SG	поле-ELA-DEF.SG
<i>pakša-si-t'</i> (ю.-в.)	<i>pakša-sti-t'</i> (ю.-в.)
поле-INE-DEF.SG	поле-ELA-DEF.SG
<i>pakša-ż-ńe</i> (нмлк.)	<i>pakša-ż-de</i> (нмлк.)
поле-DEF.SG-INE	поле-DEF.SG-ELA
<i>pakša-ti-sə</i> (смеш.)	<i>pakša-ti-stə</i> (смеш.)
поле-DEF.SG-INE	поле-DEF.SG-ELA
‘на этом поле’	‘с этого поля’

Статья подготовлена на основе полевых материалов автора, собранных во время лингвистических экспедиций с 1979 года по настоящее время как на территории Республики Мордовия, так и в местах компактного проживания эрзи за пределами Республики Мордовия: в Республиках Башкортостан, Чувашия, Татарстан, а также в Оренбургской, Самарской, Ульяновской, Пензенской, Саратовской и Нижегородской областях.

2. Изучение эрзянских диалектов и их классификация

В настоящее время относительно компактно эрзяне живут в восточной половине Республики Мордовия: в Атяшевском, Ардатовском, Большеберезниковском, Большегннатовском, Дубенском, Ичалковском, Кочкуровском, Ромодановском (с. Курилово) и Чамзинском районах, — на западе: в Теньгушевском и Торбеевском районах, — а также за пределами Республики Мордовия: в Нижегородской, Пензенской, Ульяновской, Самарской, Оренбургской, Саратовской и Челябинской областях, в Республиках Чувашия, Башкортостан и Татарстан. Миграция носителей эрзянского языка на протяжении веков привела к неравномерному распределению диалектов и отсутствию между ними четко очерченных границ.

Большой территориальный охват эрзянских диалектов и говоров часто не позволяет с точностью определить, к какому диалектному типу относится тот или иной говор. Среди мордовских диалектов и говоров особое место занимают эрзянские диалекты Поволжья и Южного Урала. Их формированию способствовала миграция мокши и эрзи с прежних мест жительства. Часто в одном и том же населенном пункте совместно жили переселенцы из разных мест обитания — эрзя и мокша совместно с представителями других национальностей. Так, до настоящего времени в некоторых селах один конец условно считается эрзянским, другой — мокшанским (с. Пронькино Бугурсланского района Оренбургской области); один конец — мордовским, другой — русским (с. Узюково Ставропольского района Самарской области), один конец — татарским, другой — чувашским, третий — эрзянским (с. Сиделькино Челно-Вершинского района Самарской области) (Агафонова 1983).

Мокшане и эрзяне Поволжья и Южного Урала, изначально говорившие на разных диалектах и говорах, выработали для общения свой смешанный диалект, в котором сохранились архаичные языковые элементы и появились разнообразные инновационные явления, характерные только этим говорам, находящимся под устойчивым, интенсивным и мощным влиянием экстралингвистических факторов (Агафонова 2013: 7–11).

Формирование диалектов эрзянского языка завершилось в достаточно ранний период истории эрзянского народа, до заселения восточных и юго-восточных территорий. А. П. Феоктистов считал, что «сплочение мокшанских и эрзянских говоров в диалекты известных типов завершилось еще до 18 в.» (Феоктистов 2002: 319). В диалектах, сформировавшихся после миграции (говоры Поволжья, Заволжья и Южного Урала), встречаются те же языковые явления, которые характерны диалектам переселенцев с прежних мест жительства.

Первые диалектные образцы лексических и текстовых материалов на эрзянском языке зафиксированы еще в XVII веке в трудах Н. Витсена, Ф. Страненберга, Г. Ф. Миллера, И. И. Лепехина, П. С. Палласа, И. Э. Фишера, П. Фалька, И. Георги и других (Феоктистов 1963: 3–35).

Особенно плодотворной была деятельность финского языковеда Хейкки Паасонена, который на рубеже XIX и XX столетий собрал богатейший материал по говорам, относящимся к различным диалектам эрзянского и мокшанского языков, и на его основе написал ряд капитальных исследований по вопросам мордовского языкознания. Так, в его работе «Mordwinische Lautlehre» дается характеристика фонетического строя эрзянского языка, а также приводятся парадигмы склонения существительных и спряжения глаголов (Paasonen 1903). В работе «Mordwinische Chrestomathie», кроме текстов, представлены также парадигмы определенного и неопределенного склонений имени существительного в единственном и множественном числе, система посессивных суффиксов, парадигмы спряжений объектных и безобъектных форм глаголов по всем наклонениям (индикатив, конъюнктив, дезидератив, кондиционал, оптатив и императив), формы инфинитива и причастия, парадигмы негативных форм глагола (Paasonen 1953).

Большое значение для эрзянской диалектологии имеет фундаментальный труд А. А. Шахматова «Мордовский этнографический сборник», в котором, помимо интереснейших по тематике фольклорных текстов, в приложении дается «Фонетический и морфологический очерк сухокарбулацкого и оркинского говоров» (Шахматов 1910).

История классификаций эрзянских диалектов и говоров связана с именами таких ученых-лингвистов, как М. Е. Евсевьев, Д. В. Бубрих, Н. Ф. Цыганов, Д. В. Цыганкин, Г. И. Ермушкин.

М. Е. Евсевьев, один из первых мордовских ученых, считал изучение диалектов первой задачей. Важнейший лингвистический труд М. Е. Евсевьева — «Основы мордовской грамматики», где он впервые дает классификацию эрзянских диалектов и выделяет четыре диалектные группы: 1) говоры закадомской эрзи бывшего Темниковского уезда (современные говоры шокшанского диалекта), 2) говоры бывшего Ардатовского уезда Ульяновской губернии, названные им центральными (современные козловско-ардатовские говоры), 3) говоры бывших Сергачского и Лукояновского уездов Нижегородской губернии (современные припьянские говоры) и 4) говоры бывших Алатырского и Курмышского уездов (современные приалатырские говоры) (1963: 14–16).

Большую работу по изучению эрзянских диалектов продела комиссия под руководством Д. В. Бубриха. В своей классификации Д. В. Бубрих на основе гласных в непервом слоге слова разделил все говоры эрзянского языка на три диалектных типа: 1) простейший тип: *кудо* ‘дом’, *кизэ* ‘лето’; 2) прогрессивно-ассимиляторный тип: *куду* ‘дом’, *кизы* ‘лето’, *моро* ‘ песня’, *т’эсэ* ‘здесь’; 3) регressive-ассимиляторный тип: *кунсоломс* ‘слушать’, *кунсолок* ‘слушай’, но *кунсулат* ‘ты слушаешь’, *кунсулумто* ‘мы слушаем’ (Бубрих 1953: 9–10).

Н. Ф. Цыганов на основе фонетических особенностей (гармонии гласных по ряду, «уканию», «оканию», «эканию» и «никанию», наличию редуцированных гласных) выделил в эрзянском диалектном ареале пять диалектных типов: 1) укающий (или шокшинский); 2) окающий (или простейший); 3) укающе-окающий (или прогрессивно-ассимиляторный); 4) акающий (или редуцированный); 5) окающе-укающий (или регressive-ассимиляторный) (Цыганов 1959: 70–73). Однако эта классификация основана лишь на фонетических признаках, в ней не учитываются морфологические особенности эрзянских диалектов.

Опираясь не только на фонетические признаки, но также и на морфологические особенности и территориальный аспект, осуществил классификацию эрзянских диалектов на территории

Республики Мордовия Д. В. Цыганкин. Он выделяет четыре диалектных типа: центральный, западный, северо-западный и юго-восточный (Цыганкин 1979: 15, 33–76).

Классификация Г. И. Ермушкина была создана на основе классификации Д. В. Цыганкина, но в ней выделяется дополнительно пятый диалектный тип — дракинско-теньгушевский, распространенный в западных районах Республики Мордовия, Теньгушевском и Торбеевском районах (Ермушкин 1984: 10–27).

3. Детерминативные суффиксы косвенных падежей эрзянского диалектного ареала

В своей классификации Д. В. Цыганкин при выделении морфологических особенностей эрзянских диалектов берет за основу два признака: морфему определенности парадигмы единственного числа и систему лично-притяжательных суффиксов.

В мордовских языках все имена существительные с grammaticeskoy точки зрения образуют оппозицию определенности-неопределенности, где один из членов характеризуется наличием, а другой отсутствием маркированности. Маркированные члены оппозиции содержат более конкретное и вместе с тем детализированное значение, чем немаркированные члены оппозиции. Детерминативные (указательные) суффиксы эрзянского языка, или морфемы определенности, восходят к *s-, *t-, *n- указательным местоимениям (э. *še* ‘тот’, *te* ‘этот’, *ne(t)* ‘эти’) уральского языка-основы. Выбор именно этих местоимений в качестве морфемы определенности обусловлен частотой их употребления, этимологической простотой, обобщенностью их значения и сочетаемостью с именем, способностью анафорически указывать на предмет, упоминавшийся ранее.

Переход указательных местоимений в grammaticeskie морфемы — явление не только мордовское. Как пишет К. Е. Майтинская, «на материалах многих языков хорошо прослеживается возникновение постпозитивных (суффиксальных) артиклей от указательных местоимений. В отдельных языках выявлены также факты перехода этих местоимений в суффиксы множественного

числа, далее в суффиксы словообразовательного характера (например, в выделительные и местоименные). Из финно-угорских языков «суффиксальный (постпозитивный) артикль» в виде формантов указательного склонения имеется только в мордовских языках» (Майтинская 1969: 134–140).

Реализация морфем определенности, или детерминативных суффиксов, в падежных парадигмах в разных диалектах и говорах мордовских языков неоднородна. Так, кодифицированными морфемами определенности эрзянского литературного языка считаются: в единственном числе в номинативе — *-съ*, в генитиве — *-ть*, в косвенных падежах — *-нть*; во множественном числе во всей парадигме — *-(m)не* (Грамматика 1980: 215; Эрзянь кель 2000: 104). В эрзянском диалектном ареале нами зафиксированы следующие варианты указательных суффиксов, соответствующих кодифицированным морфемам определенности: *-ś*, *-t'*, *-ńt'*, *-(t')ne*; *-ś*, *-t'*, *-st'*, *-(t')ne*; *-ś*, *-ś-ż*, *-st'*, *-(t')ne*; *-ś*, *-t'*, *-(t')ne*.

Структура падежных словоформ с указательным суффиксом в единственном числе в эрзянском литературном языке и во многих эрзянских диалектах и говорах различна. В косвенных падежах единственного числа падежные суффиксы предшествуют морфеме определенности, ср.:

1. номинатив; ‘этот дом’
 э. л. *кудо-съ*² — ДОМ-DEF.SG
 д. ф. *kudo-ś* — ДОМ-DEF.SG, *kudi-ś* — ДОМ-DEF.SG,
kude-ś — ДОМ-DEF.SG, *kut-ś* — ДОМ-DEF.SG
2. генитив; ‘этого дома’
 э. л. *кудо-н-ть* — ДОМ-GEN-DEF.SG
 д. ф. *kudu-ń-t'* — ДОМ-GEN-DEF.SG, *kudo-(ń)s-t'* — ДОМ-GEN-DEF.SG,
kudi-ż-e-ń — ДОМ-DEF.SG-INT-GEN, *kudi-t'* — ДОМ-DEF.SG
 (флективный показатель, выполняет также функцию генитива)
3. датив; ‘этому дому’
 э. л. *кудо-нть-ень* — ДОМ-DEF.SG-DAT
 д. ф. *kudu-ńt-iń* — ДОМ-DEF.SG-DAT, *kudo-śt-eń* — ДОМ-DEF.SG-DAT,
kudi-ż-ńe — ДОМ-DEF.SG-DAT, *kudi-t'-(t')i* — ДОМ-DEF.SG-DAT,
kut-t'-(t')i — ДОМ-DEF.SG-DAT

2. Здесь и далее э. л. — эрзянский литературный язык, д. ф. — диалектная форма. Кодифицированная орфография приводится кириллицей.

4. аблатив; ‘об этом доме’
 Э. л. *кудо-до-нть* — ДОМ-ABL-DEF.SG
 Д. ф. *kudu-du-ńt'* — ДОМ-ABL-DEF.SG, *kudo-do-śt'* — ДОМ-ABL-DEF.SG,
kudi-ż-de — ДОМ-DEF.SG-ABL, *kudi-t' äzda* — ДОМ-DEF.SG
 (флективный показатель, выполняет также функцию генитива) POST.ABL, *kut-ti-da* — ДОМ-DEF.SG-ABL
5. инессив; ‘в этом доме’
 Э. л. *кудо-со-нть* — ДОМ-INE-DEF.SG
 Д. ф. *kudu-su-ńt'* — ДОМ-INE-DEF.SG, *kudo-so-śt'* — ДОМ-INE-DEF.SG,
kudo-ś-ńe — ДОМ-DEF.SG-INE, *kudi-t' äsa* — ДОМ-DEF.SG
 (флективный показатель, выполняет также функцию генитива) POST.INE, *kut-ti-sa* — ДОМ-DEF.SG-INE

Таким образом, морфема определенности, присоединяясь к падежным морфемам основного склонения, образует в единственном числе пять типов, а во множественном — четыре типа paradigm указательного склонения эрзянского диалектного ареала. Это хорошо можно проследить по Таблицам 1 и 2.

Как видно из таблиц, детерминативное склонение в эрзянском ареале характеризуется отсутствием единой системы падежей, разнообразием падежных форм. Одно и то же падежное значение может быть передано падежной словоформой и аналитической конструкцией, ср.:

- (3) *vele-va-ńt'* / *vele-ń-t'* *ezga*
 село-PROL-DEF.SG село-GEN-DEF.SG POST.PROL
 ‘по этому селу’
- (4) *ćora-do-śt'* / *ćora-(ń)-ś-t'* *ezda*
 мужчина-ABL-DEF.SG мужчина-GEN-DEF.SG POST.ABL
 ‘об этом мужчине’
- (5) *kudo-ška-t'* / *kudo-t'* *eška*
 дом-COMP-DEF.SG ДОМ-DEF.SG POST.COMP
 ‘этот дом (размером)’

По мнению С. З. Деваева, отсутствие последовательности в образовании падежных форм указательного склонения свидетельствует о более позднем его происхождении и постепенном формировании падежных форм (1963: 341). О незавершенности процесса

	I	II	III	IV	V
Ном.	<i>viŕ-e-ś</i>	<i>viŕ-ś</i>	<i>viŕ-ś</i>	<i>viŕ-ś</i>	<i>viŕ-e-ś</i>
Ген./Аkk.	<i>viŕ-e-ń-t'</i>	<i>viŕ-e-ś-t'</i>	<i>viŕ-t'</i>	<i>viŕ-t'</i>	<i>viŕ-e-ź-i-ń/</i> <i>viŕ-e-ś-t'</i>
Дат.	<i>viŕ-e-ńt'-en/</i>	<i>viŕ-e-śt'-(t)e</i>	<i>viŕ-t'-(t)i</i>	<i>viŕ-t'-(t)i</i>	<i>viŕ-e-ź-e</i> <i>viŕ-e-ńt'-te</i>
Абл.	<i>viŕ-de-ńt'</i>	<i>viŕ-de-śt'</i>	<i>viŕ-t' äzda</i>	<i>viŕ-t'-ti-da</i>	<i>viŕ-e-ź-de</i>
Инес.	<i>viŕ-se-ńt'</i>	<i>viŕ-se-śt'</i>	<i>viŕ-t' äsa</i>	<i>viŕ-t'-ti-sa</i>	<i>viŕ-e-ś-ńe</i>
Элат.	<i>viŕ-stę-ńt'</i>	<i>viŕ-stę-śt'</i>	<i>viŕ-t' ästa</i>	<i>viŕ-t'-ti-sta</i>	<i>viŕ-e-ź-de</i>
Иллат.	<i>viŕ-e-ńt'-en/</i>	<i>viŕ-e-śt'-(t)e</i>	<i>viŕ-t'-(t)i</i>	<i>viŕ-t'-ti</i>	<i>viŕ-e-ź-ńe</i>
Пролат.	<i>viŕ-ga-ńt'</i>	<i>viŕ-ga-śt'</i>	<i>viŕga-ńt'/</i> <i>viŕt' äzga</i>	<i>viŕ-t'-ti-ge</i>	<i>viŕ-e-ź-ga/</i> <i>viŕ-e-ź-i-n ezga/</i> <i>viŕe-ś-t' ezga</i>
Компар.	<i>viŕ-ška-ńt'</i>	<i>viŕ-ška-śt'</i>	<i>viŕ-ška-ńt'/</i> <i>viŕ-t'-ti-ška</i>	<i>viŕ-t' äška</i>	<i>viŕ-e-ź-e-ška/</i> <i>viŕ-e-ź-i-n ejška/</i> <i>viŕ-e-ś-t' ejška</i>
Абес.	<i>viŕ-t'eme-ńt'</i>	<i>viŕ-t'eme-śt'</i>	<i>viŕ-t'-tuma</i>	<i>viŕ-t'-ftəmə</i>	<i>viŕ-e-ś-t'eme/</i> <i>viŕ-e-ź-i-n-ťeme</i>
Каузат.	∅	∅	∅	∅	<i>viŕ-t'-ti-kſa</i>

Таблица 1. *viŕ-e-ś* ‘лес-этот’, ед. число.

	I	II	III	IV
Ном.	<i>viŕ-t'-ńe</i>	<i>viŕ-t'-ńe</i>	<i>viŕ-t'-ńe</i>	<i>virh-ne</i>
Ген./Аkk.	<i>viŕ-t'-ńe-ń</i>	<i>viŕ-t'-ńe-ń</i>	<i>viŕ-t'-ńe-ń</i>	<i>virh-ńe-ń</i>
Дат.	<i>viŕ-t'-ńe-ńeń/</i>	<i>viŕ-t'-ńe-ńdī</i>	<i>viŕ-t'-ńe-ńe</i>	<i>virh-ńe-ńdī</i>
Абл.	<i>viŕ-t'-ńe-ńe</i>	∅	<i>viŕ-t'-ńe-da</i>	∅
Инес.	<i>viŕ-t'-ńe-dā</i>	<i>viŕ-t'-ńe-ńe-sa</i>	<i>viŕ-t'-ńe-sa</i>	<i>virh-ńe-ńdī-sa</i>
Элат.	<i>viŕ-t'-ńe-ńe-ńe/</i>	<i>viŕ-t'-ńe-ńe-sa</i>	<i>viŕ-t'-ńe-sa</i>	<i>virh-ńe-ńdī-sa</i>
Иллат.	<i>viŕ-t'-ńe-ńe-ńe/</i>	<i>viŕ-t'-ńe-ńe-sta</i>	<i>viŕ-t'-ńe-ńe-sta</i>	<i>virh-ńe-ńdī-sa</i>
Пролат.	<i>viŕ-t'-ńe-s</i>	<i>viŕ-t'-ńe-ńdī</i>	<i>viŕ-t'-ńe-s</i>	<i>virh-ńe-ńdī</i>
Компар.	<i>viŕ-t'-ńe-va</i>	∅	<i>viŕ-t'-ńe-va</i>	<i>virh-ńe-ńdī-ge</i>
Абес.	<i>viŕ-t'-ńe-viťeme/</i>	<i>viŕ-t'-ńe-ń-stima</i>	<i>viŕ-t'-ńe-ftuma</i>	<i>virh-ńe-ń-stame</i>
Каузат.	∅	<i>viŕ-t'-ńe-nksa</i>	∅	<i>virh-ńe-ńdī-nksa</i>

Таблица 2. *viŕt'ne/virh'ne* ‘леса-эти’, мн. число.

образования указательного склонения говорит такой факт, как неодинаковое количество синтетических падежных форм в рассматриваемой парадигме. В смешанных эрзянских говорах с мокшанской основой под влиянием эрзянской указательной системы увеличивается количество падежей, т. е. падежная система указательного склонения в таких диалектах и говорах в количественном отношении богаче, чем, например, система падежей мокшанского литературного языка и диалектов, где всего три падежа (номинатив, генитив, датив).

Формы косвенных падежей с морфемой определенности *-ńt'* встречаются в центральном и западном диалектах и во многих говорах юго-восточного диалекта на территории Мордовии и за ее пределами (например, в эрзянских говорах Самарской и Оренбургской областей и Республики Башкортостан). Они представлены следующей структурой: склоняемая основа имени — морфема падежа основного склонения — морфема определенности. Такую структуру имеют генитив, аблатив, инессив, элатив, пролатив, компаратив и абессив. Датив и иллатив представлены следующей структурой: склоняемая основа имени — морфема определенности — морфема падежа основного склонения: *veľe-ńt'-(t)eń* — село-DEF.SG-DAT ‘этому селу’. В дативе в говорах парадигм I и II употребляется усеченная форма *-ńt'-(t)e*: *kudo-ńt'-(t)e* — дом-DEF.SG-DAT ‘этому дому’, *pakša-ńt'-(t)e* — поле-DEF.SG-DAT ‘этому полю’, *išme-ńt'-(t)e* — лошадь-DEF.SG-DAT ‘этой лошади’ и т. д. Морфема *-ńt'*, возникшая из *-ń* (ген. **-n*) и *-t'* (**-tv* — указательное местоимение) и утвердившаяся в сфере генитива, была перенесена в форму остальных падежей единственного числа. Д. В. Бубрих пишет, что источником морфемы *ńt'* явилась форма генитива, в которой произошло переразложение основ и суффикс генитива *-ń* отошел к формантуту *-t'*, составив вместе с ним морфему определенности *-ńt'* (1953: 79–80).

В некоторых говорах группы I (с. Кочкурово Дубенского района Республики Мордовия, села Лопатино и Сускан Ставропольского района, село Сиделькино Челновершинского района Самарской области), как это можно увидеть из приведенных ниже примеров, в косвенных падежах параллельно встречаются две морфемы определенности: *-śt'* и *-ńt'*, ср.:

- (6) *mon škamo-n t'eļe-ń berť er-i-ń*
я один-POSS.1SG зима-GEN POST жить-PRET-1SG
kunška-so-ńt'
середина-INE-DEF.SG
'Я одна всю зиму жила в центре.' (Кочкурово 2007)
- (7) *véle-va-śt' išta il'a-do jaka*
село-PROL-DEF.SG так NEG-2PL ходить
'По селу так не ходите.' (Кочкурово 2007)
- (8) *svaha-ń-t' tejteř-e-ndę maćia-s-i-ńek*
сваха-GEN-DEF.SG дочь-INT-POSS.3SG уложить-3SG.PL.O-PRET-1PL.S
'Дочь (дочерей) свахи уложим спать.' (Сускан 1985)
- (9) *tiraska-ń-t' naro ežik šla ava-j*
терраса-ACC-DEF.SG сколько NEG мыть мама-VOC
'Террасу сколько времени не мыла, мама?' (Сиделькино 1985)
- (10) *kartjška-ń udop-ś-t' purn-i-k*
картофель-GEN ботва-ACC-DEF.SG собрать-PRET-2SG.S
'Картофельную ботву собрала?' (Сиделькино 1985)
- (11) *šešdešat domov kadow-ś-t' veľe-se-ńt'*
шестьдесят домов оставаться-3.PRET-PL село-INE-DEF.SG
'Шестьдесят домов осталось в селе.' (Лопатино 1993)
- (12) *kal pek vanct-i-t' mińek řipsovhos-so-śt' kunda-t-a-d-i-z řtraf*
рыба очень охранять-PRET-3PL.S мы.GEN
рыбсовхоз-INE-DEF.SG поймать-2SG.O-FUT-2SG.O-INT-3.S штраф
'Рыбу очень сторожат в нашем рыбсовхозе,
поймают — штраф.' (Лопатино 1993)

Морфема определенности *-śt'*, утвердившаяся в сфере номинатива, в этих говорах проникла в форму косвенных падежей через генитив вместе с формантутом *-t'*, образуя с последним новую морфему определенности *-śt'*, которая стала грамматическим средством выражения определенности в косвенных падежах указательного склонения в единственном числе. Особенностью данной морфемы является то, что в генитиве она синхронно флекстивна, т. е. выполняет одновременно артикльевую и генитивную функцию, тогда как в остальных падежах только артикльевую (Цыганкин

1978: 22). По данным Л. И. Тураевой, говор с. Мордовское Афонькино, имевший в указательном склонении морфему определенности *-ńt'*, как и говоры группы I исследуемого ареала, сохранил до настоящего времени формант *-śt'*, однако употребляется он спорадически (Тураева 1972: 34). О спорадичности употребления форманта *-śt'* в говорах сел Лопатино и Сускан Ставропольского района Самарской области говорить нельзя. Здесь, напротив, морфема *-ńt'* менее активна. Это говорит о том, что у первопоселенцев этих мест была в речи для указательного склонения морфема определенности *-śt'*, которая сохранилась и при изолированном развитии говора. Однако тесные контакты с жителями соседних сел (например, с жителями сел Новое Еремкино, Красная Дубрава, Узюково, Матюшкино Ставропольского района Самарской области) способствовали, по-видимому, появлению в речи носителей этих говоров морфемы определенности *-ńt'*.

II тип указательного склонения с морфемой определенности *-śt'* характерен для эрзянских говоров сел Атяшевского, Большеигнатовского, Ардатовского районов (северо-западный диалектный тип), Дубенского района (юго-восточный диалектный тип Республики Мордовия), для эрзянских говоров сел Республики Чувашия, многих говоров Нижегородской области, а также эрзянских говоров Шенталинского района Самарской области.

Для говоров, имеющих парадигму III (Верхнее и Нижнее Санчелеево, Узюково, Новая Бинорадка Ставропольского района Самарской области), характерны следующие черты: 1) отсутствие единой для всех падежей морфемы определенности: в номинативе *-ś*, в косвенных падежах — *-t/-ńt'*; 2) флекстивность генитива: формант *-t'* одновременно выполняет функцию определенного артикля и морфемы падежа; 3) отсутствие элемента *-ń* перед *-t'* и наличие его: употребление этих формантов в речи носителей данных говоров в косвенных падежах никакими языковыми факторами не регламентируется,ср.:

- (13) *ćorańe-ń-de*   *moń-ś*   *śorma-t*
 сыночек-1SG.POSS-DAT   я-REFL   письмо-PL
sormadan   *alfaj-e-ń-t'*   *soda-s-a*
 писать-1SG.PRES   алфавит-INT-ACC-DEF.SG   знать-2SG.O-PRES.1SG.O
 ‘Моему сыну я сама письма пишу, алфавит знаю.’ (Узюково 1995)

- (14) *ćorańe-t'*   *usķ-i-ż*   *bołńica-v*
 мальчик-ACC.DEF.SG   отвезти-PRET-3.S   больница-LAT
 ‘Этого мальчика отвезли в больницу.’ (Верхнее Санчелеево 2007)

Формы генитива и датива однотипны с мокшанскими формами. Но синтетические падежные формы инессива (*vele-t'-ti-sa* село-DEF.SG-DAT-INE ‘в том селе’), абессива (*vele-t'-fińma* село-DEF.SG-ABE ‘без этого села’) и каузатива, или причинного падежа (*vele-t'-ti-ksa* село-DEF.SG-DAT-CAUS ‘из-за этого села, за это село’), выработались под влиянием соседства с эрзянским населением.

Говоры, обладающие парадигмой IV (села Подстепки, Шелехметь и Торновое Волжского района Самарской области), диахронно имеют мокшанскую основу. Определенность предмета выражается с помощью тех же суффиксов, что и в других мордовских диалектах и говорах и литературных языках, но падежная система в них в количественном отношении различительно отличается. Подобно эрзянскому языку, парадигма IV строится в них на основе девяти падежей, тогда как в мокшанском языке — на основе трех падежей. В этих говорах формы номинатива, генитива и датива совпадают с формами мокшанского литературного языка (Грамматика 1980: 220–224; Мокшень кяль 2000: 55–57). Остальные падежи — инессив, элатив, пролатив, компаратив, абессив — имеют такие же формы, как и в эрзянском языке. Своевобразием парадигмы IV типа является то, что формы косвенных падежей, начиная с аблатива, образуются на основе датива. Непосредственно к форманту датива указательного склонения присоединяются соответствующие падежные морфемы:

(15) <i>valma-t'-ti-da</i> окно-DEF.SG-DAT-ABL ‘об этом окне’	(16) <i>valma-t'-ti-sa</i> окно-DEF.SG-DAT-INE ‘в этом окне’
(17) <i>valma-t'-ti-sta</i> окно-DEF.SG-DAT-ELA ‘из этого окна’	(18) <i>valma-t'-ti-ge</i> окно-DEF.SG-DAT-PROL ‘по этому окну’
(19) <i>valma-t'-ti-ška</i> окно-DEF.SG-DAT-COMP ‘с этим окном (по размеру)’	

Иключение составляет абессив, падежный суффикс которого присоединяется к генитиву того же склонения, ср.: *val'ma-t'-ftəma* окно-DEF.SG-GEN/ACC-ABE ‘без этого окна’. Отметим, что подобные образования зафиксированы К. И. Ананьиной в верхнеалатырских говорах Горьковской области (Ананьина 1974). Интересно, что в указательном склонении в говорах IV типа есть форма каузатива (причинного падежа), образующаяся также на основе датива:

(20) *val'ma-t'-ti-ŋksa*
вальма-DEF.SG-DAT-CAUS
'из-за этого окна'

(21) *vir'-t'-ti-ksa*
лес-DEF.SG-DAT-CAUS
'из-за этого леса' (Агафонова 1983)

Наиболее последовательной падежной парадигмой единственного числа является та, в которой во всех падежах морфемой определенности является суффикс *-š/-ž* (V тип). Падежная морфема в словоформах находится после морфемы определенности, как и в парадигме множественного числа. Слова легко поддаются расчленению на составные элементы, так как имеют ярко выраженный агглютинативный характер: так, генитивная форма *ńele-ž-i-ń* ‘этого села’, *ńir'-e-ž-i-ń* ‘этого леса’ состоит из основы слова *ńele-*, *ńir'-*, указательного суффикса *-ž-*, интерфикса *-i-* и суффикса генитива *-ń*. В эрзянском диалектном ареале такая парадигма характерна для говоров сел Александровка, Новая Малыкла, Страна и Новая Бесовка, Высокий Колок Новомалыклинского района Ульяновской области, а также для говоров нижнепьянского диалекта Нижегородской области.

В определенном склонении оппозиция форм единственного и множественного числа представлена во всех косвенных падежах. Формы множественного числа, как и в мордовских литературных языках, образуются с помощью двух суффиксов: универсально-го суффикса множественного числа *-t/-t'* и суффикса *-ńe/-ne/-nə*, восходящего к указательному местоимению *ńe* ‘эти’: *lís'ma-t'-ńe* колодец-PL-DEF.PL ‘эти колодцы’, *gob'ík-(t)-ńe* погреб-(PL)-DEF.PL ‘эти погреба’, *ćora-t'-ńe* мужчина-PL-DEF.PL ‘эти мужчины’. Морфема определенности во множественном числе во всех падежах имеет в словоформе всегда постоянное место — перед падежными морфемами, характерными для основного склонения.

Модель форм множественного числа указательного склонения следующая: склоняемая основа имени — суффикс множественного числа *-t/-t'* — морфема определенности — морфема падежа: *vir'-t'-ńe-sę* лес-PL-DEF.PL-INE / *vir'-t'-ńe-ń-esą* лес-PL-DEF.PL-GEN-POST.INE / *vir'^-(t)-ńe-ńd'i-sa* лес-(PL)-DEF.PL-DAT-INE / *vile-t'-ńe-ńd'i-ge* село-PL-DEF.PL-PROL / *vile-t'-ńe-ńd'i-ge* село-PL-DEF.PL-DAT-PROL ‘по этим селам’, *pŕa-t'-ńe-ška* голова-PL-DEF.PL-COMP / *pŕa-t'-ńe-ńd'i-ška* голова-PL-DEF.PL-DAT-COMP ‘с эти головы (по размеру)’.

4. Выводы

Б. А. Серебренников, анализируя указательное склонение эрзянского языка, писал:

«Формы косвенных падежей указательного склонения должны были бы состоять из трех основных компонентов — основы слова, постпозитивного артикля и падежного суффикса, например: *kudo-se* ‘дом определенный’, *kudo-se-ń* ‘дома определенного’, *kudo-se-neń* ‘дому определенному’, *kudo-se-de* ‘из дома определенного’ и т. д. Однако такой порядок расположения составных частей осуществился только в формах множественного числа, сравните: *kudo-t-ne* ‘дома определенные’, *kudo-t-ne-ń* ‘домов определенных’, *kudo-t-ne-ste* ‘из домов определенных’ и т. д.» (1967: 45–46).

Проанализировав данные выше парадигмы, можно констатировать, что система указательных суффиксов эрзянского диалектного ареала имеет следующие структурные и морфемные особенности указательных форм:

- 1) В формах единственного числа внутри каждого типа, кроме V, налицо отсутствие единой модели построения словоформ: в номинативе и дативе — обычный порядок расположения морфем. Они состоят из склоняемой основы, морфемы определенности и падежного суффикса. В генитиве, аблативе, инессиве, элативе, пролативе, компаративе и абессиве — необычный порядок расположения морфем.

- Они представлены следующей структурой: склоняемая основа имени — морфема падежа основного склонения — морфема определенности.
- 2) Отсутствует единый детерминативный суффикс для всех падежей единственного числа, кроме V типа:
    - I тип: номинатив **-š**, генитив **-t'**, в других косвенных падежах **-ńt'**;
    - II тип: номинатив **-š**, генитив **-t'**, в других косвенных падежах **-śt'**;
    - III тип: номинатив **-š**, генитив, датив, иллатив, абессив **-t'**, в других косвенных падежах (пролатив, компаратив) **-ńt'**;
    - IV тип: номинатив **-š**, генитив, датив, иллатив, абессив **-t'**, в других косвенных падежах (аблатив, элатив, инессив, пролатив, компаратив, каузатив) **-tī**;
    - V тип: во всех падежах выступает один и тот же детерминативный суффикс **-š/-ż**, восходящий к местоимению **še** ‘тот’.
  - 3) Различия между системами касаются как морфемы определенности косвенно-падежных форм единственного числа **-ńt'**, **-śt'**, **-t'**, **-tī-**, **-ś/-ż**, так и структуры этих форм: обычные, или нормальные, и необычные, или аномальные.
- Таким образом, в эрзянском диалектном ареале, наряду с кодифицированным сложным детерминативным суффиксом **-nть**, в косвенных падежах единственного числа (*vir-de-nть* — лес-ABL-DEF.SG ‘об этом лесе’, *virь-stэ-nть* — лес-ELA-DEF.SG ‘из этого леса’) зафиксированы:
- сложный указательный суффикс **-śt'**, где плеонастически переплелись два дейктических суффикса **-š** и **-t'** (*virь-se-śt'* лес-INE-DEF.SG ‘в этом лесу’, *virь-ga-śt'* лес-PROL-DEF.SG ‘по этому лесу’) и т. д.;
  - суффикс **-t'**, который в генитиве флексивен и характерен для мокшанского литературного языка и некоторых эрзянских говоров юго-восточного диалекта с мокшанскими языковыми элементами (села Шугурово, Пермиси, Черная Промза Большеберезниковского района, Сабаево, Качелай Кочкуровского района Республики Мордовия, Вышелей Городи-

щенского р-на, Пазелки Бессоновского района, Чумаево Камешкирского района Пензенской области, Старое Борискино, Старое Домосейкино, Солалейка Северного района, Проныкино, Шестайкино, Кивацкое Бугурусланского района Оренбургской области и т. д.), ср.: *vír'-t'* — лес-DEF.SG-GEN/ACC ‘этого леса’, *vír'-t'-tī* — лес-DEF.SG-DAT ‘этому лесу’ и т. д.;

- суффикс **-tī-**, образованный на основе мокшанского датива (*vír'-t'-tī-sa* — лес-DEF.SG-DAT-INE ‘в этом лесу’, *vír'-t'-tī-sta* — лес-DEF.SG-DAT-ELA ‘из этого леса’, *vír'-t'-tī-ǵe* лес-DEF.SG-DAT-PROL ‘по этому лесу’), встречается в говорах сел Шелехметь, Торновое Волжского района и села Подстепки (бывшая Мордовская Борковка) Ставропольского района Самарской области, а также спорадически в верхнеалатырских говорах Нижегородской области;
- суффикс **-ś/-ż-** характерен для эрзянских говоров сел Новомалыклинского района Ульяновской области, для говора села Багряж-Никольское Альметьевского района Республики Татарстан, а также для некоторых говоров нижнепьянского диалекта Нижегородской области (*vír'-e-ż-i-ń* — лес-INT-DEF.SG-INT-GEN/ACC ‘этого леса’, *vír'-e-ż-ńe* — лес-INT-DEF.SG-DAT ‘этому лесу’, *vír'-e-ż-dē* — лес-INT-DEF.SG-ABL/ELA ‘об этом лесе’ и ‘из этого леса’) и т. д.

Наиболее последовательной и, возможно, самой древней является парадигма V типа, где структура словоформ с указательным суффиксом единственного и множественного числа была едина: основа слова — морфема определенности — падежный суффикс. Именно такими и должны были быть формы косвенных падежей единственного числа указательного склонения, по предположению Б. А. Серебренникова.

Сокращения

1	первое лицо	AVE	абессив
2	второе лицо	ABL	аблатив
3	третье лицо	ACC	аккузатив

CAUS	каузатив	PRET	претерит
COMP	компаратив	PROL	пролатив
DAT	датив	REFL	рефлексив
DEF	определенное склонение	S	субъектное спряжение
ELA	элатив	SG	единственное число
FUT	будущее время	VOC	вокатив
GEN	генитив	ц.д.	центральный диалект
INE	инессив	с.-з.	северо-западный диалект
INT	интерфикс	Ю.-в.	юго-восточный диалект
LAT	латив	нмлк.	диалект говоры Новомалыклинского района Ульяновской обл.
NEG	отрицание	смеш.	смешанный диалект Самарской области
O	объектное спряжение		
PL	множественное число		
POSS	посессив		
POST	послелог		
PRES	настоящее время		

Литература

- Агафонова, Н. А. 1983: *Словоизменение имени существительного и местоимения в смешанных эрзянских говорах Куйбышевской области*. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Тарту.
- Агафонова, Н. А., Девяткина, Е. М. 2013: Экстраграмматические факторы и новые языковые явления (на материале эрзянских диалектов Заволжья и Южного Урала). – *Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований: «Астраханский государственный университет»*, № 3 (47). Астрахань.
- Ананьина, К. И. 1974: *Верхне-алатырские говоры мокшанского языка*. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Тарту.
- Бубрих, Д. В. 1953: *Историческая грамматика эрзянского языка*. Саранск: Мордовское кн. изд-во.
- Грамматика 1980 = *Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология*. Саранск.
- Деваев, С. З. 1963: Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка. – *Очерки мордовских диалектов*. Т. II. Саранск: Мордовское кн. изд-во.

- Евсеевьев, М. Е. 1963: Основы мордовской грамматики. – *Избранные труды*. Т. IV. Саранск.
- Ермушкин, Г. И. 1984: *Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам*. Москва: Наука.
- Майтанская, К. Е. 1969: *Местоимения в языках разных систем*. Москва: Наука.
- Мокшень кяль 2000 = *Мокшень кяль. Морфология*. Саранск, 2000.
- Серебренников, Б. А. 1967: *Историческая морфология мордовских языков*. Москва: Наука.
- Тураева, Л. И. 1972: Фонетико-морфологический очерк эрзянских говоров верховьев рек Черемшана, Шешмы и Кичуя (Татарская АССР). – *Вопросы мордовского языкознания*. Вып. 42. Саранск: Мордовское кн. изд-во.
- Феоктистов, А. П. 1963: *Мордовские языки и диалекты в историко-этнографической литературе XIV-XVIII вв.* Саранск: ОМД.
- 2002: Об исследовании диалектов финно-угорских языков методами полевой и ареальной лингвистики. – *Актуальные вопросы финно-угроведения и преподавания финно-угорских языков*. Москва: Валант.
- Цыганкин, Д. В. 1978: *Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка (определенности-неопределенности и притяжательности)*. Саранск: Изд-во Морд. ун-та.
- 1979: *Фонетика эрзянских диалектов*. Саранск.
- Цыганов, Н. Ф. 1959: К вопросу о классификации диалектов эрзя-мордовского языка. – *Совещание по вопросам исторической грамматики и исторической диалектологии финно-угорских языков*. Москва.
- Шахматов, А. А. 1910: *Мордовский этнографический сборник*. Санкт-Петербург.
- Эрзянъ кель 2000 = *Эрзянъ кель. Морфемика, валонъ теевема ды морфология*. Саранск.
- Paasonen, H. 1953: *Mordvinische Chrestomathie mit Glossar und grammatischem Abriss*. Zweite Auflage. Hilfsmittel für das Studium der finnisch-ugrischen Sprachen IV. Helsingfors: Société Finno-Ougrienne.
- 1903: *Mordvinische Lautlehre*. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne XXII. Helsingfors: Société Finno-Ougrienne.

НАДЕЖДА КАБАЕВА
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарёва

**Фонетические особенности говора
села Адашево юго-восточного
диалекта мокшанского языка**

Резюме В данной статье рассматриваются фонетические процессы в области гласных и согласных фонем говора села Адашево юго-восточного диалекта мокшанского языка. В начале статьи представлено диалектное членение мокшан-мордовского языка и дана краткая характеристика фонетических особенностей диалектов. Особое внимание обращается на сужение переднерядных гласных ($\ddot{a} > e > i$) и редукцию безударных узких гласных ($u, i > \dot{e}$), что является основной отличительной чертой рассматриваемого говора. На основе анализа собранного материала автор делает вывод о влиянии акцентуации на сужение и редукцию гласных. Также выявляются и описываются характерные фонетические процессы в области согласных, такие как десоноризация, аффрикатизация и палатализация. Детально освещается процесс появления вторичных геминат на стыке морфем. На протяжении всей работы проводится сравнение практического материала с мокшанским литературным языком и другими мокшанскими диалектами.

1. Введение

Предметом настоящего исследования является говор села Адашево юго-восточного диалекта мокшанского языка. В статье мы остановимся на фонетических особенностях рассматриваемого говора, т. к. они являются наиболее характерными его отличиями от литературного мокшанского языка. К таким особенностям относятся сужение гласных переднего ряда *ä* > *e* > *i*, редукция безударных узких гласных *u*, *i* > *ə*, отсутствие девокализованного *j̊* в фонологической системе говора и его переход в согласный *š̊*, отсутствие звонких шумных согласных в начале слова и некоторые другие. Также мы рассмотрим вопрос об акцентуации в данном говоре.

2. Классификация диалектов мокшанского языка

Диалектное членение языков основывается на фонетических и морфологических критериях. В данной статье мы рассмотрим фонетические особенности говоров мокшанского языка. Как отмечает А. П. Феоктистов (1990, 2005), мокшанские говоры во всей своей совокупности образуют пять диалектов: центральный, западный, юго-восточный, переходный и смешанный.

1) Центральный диалект занимает территорию нескольких районов Республики Мордовия: Атюрьевского, Темниковского, Ельниковского, Ковылкинского, Краснослободского, Старошайговского, Рузаевского и Торбеевского. Центральный диалект положен в основу современного мокшанского литературного языка.

В фонологической системе центрального диалекта функционируют семь гласных фонем (*a*, *ä*, *o*, *e*, *u*, *i*, *ə*) и тридцать четыре согласных фонем (*b*, *v*, *g*, *d*, *d̊*, *ž*, *z*, *ž̊*, *j*, *j̊*, *k*, *l*, *l̊*, *ʃ*, *m*, *n*, *ń*, *p*, *r*, *ŕ*, *ř*, *ń̊*, *s*, *ś*, *t*, *t̊*, *f*, *h*, *c*, *č*, *š*, *š̊*/*č̊*¹).

1. Перечислены согласные фонемы мокшанского литературного языка. Однако для более точной передачи собранного диалектного материала в работе использована фонетическая транскрипция. Мягкость непарных по мягкости/твердости согласных в настоящей работе обозначается апострофами, мягкость парных согласных — акутами.

2) Западный диалект занимает территорию Зубово-Полянского района и (частично) Торбеевского района Республики Мордовия.

На фонологическом уровне западный диалект распадается на две подгруппы — северо-западную и юго-западную. На морфологическом уровне между этими подгруппами существенных различий не существует.

Вокализм северо-западной подгруппы повторяет систему гласных центрального диалекта, однако юго-западная подгруппа характеризуется отсутствием фонемы *ä*: с.-з. *ńäř* ‘морда, рыло, клюв’ > ю.-з. *ńeř*. В системе согласных фонем специфику составляют имеющиеся противопоставления *ž* — *ž̊*, *š* — *š̊*, *č* — *č̊*: *učat* ‘ты ждешь’ — *učat* ‘овцы’, *ńava* ‘пусто’ — *šava* ‘блюдо, миска’.

3) Юго-восточный диалект (традиционно: инсарский) занимает территорию четырех соседних районов Республики Мордовия: Инсарского, Кадошкинского, (частично) Ковылкинского и Рузаевского.

Одной из важнейших особенностей юго-восточного диалекта мокшанского языка является утрата гласной фонемы *ä*, которая привела к перестройке вокализма *ä* > *e*, *e* > *i*: ц.д. *käđ* ‘рука’ > ю.-в.д. *k'ed'*; ц.д. *k'ed'* ‘кожа’ > ю.-в.д. *k'id'*. Другая важнейшая особенность — переход *j* > *š̊* перед *t̊*: ц.д. *vaj* ‘масло’ — ц.д. *vaj-ť* ‘масло-pl’ — ю.-в.д. *vaš'*. Фонетические особенности юго-восточного диалекта, в частности говора села Адашево, описаны в третьем разделе настоящей статьи.

4) Переходный диалект занимает территорию Белинского района Пензенской области и Торбеевского района Республики Мордовия: с. Варжеляй, д. Вязовка, с. Куликово, Ст. Пичеморга, с. Новая Пичеморга, с. Насакино, с. Малышево, с. Савва, с. Салазгорь; Ковылкинский район: с. Алькино, п. Красная Поляна, с. Мордовский Шадым, с. Алькино и др.

Переходный диалект географически располагается между западным и юго-восточным (с северной стороны также центральным) диалектами мокшанского языка. Фонетический и грамматический строй переходных говоров отражает как фонетические, так и значительные морфологические особенности западного и юго-восточного диалектов. К фонетическим особенностям

переходного диалекта, в частности, относится: переход $j^>\check{s}$, как и в юго-восточном диалекте: *kij* ‘змея’ — прх.д., ю.-в.д. *kuš-t'* ‘змея-PL’, ц.д. *kij^ø-t'* ‘змея-PL’.

5) Смешанный диалект. Географически говоры смешанного типа расположены за пределами Республики Мордовия, в соседстве с эрзянскими говорами или изолированно в иноязычном окружении. Мокшанский смешанный диалект — это диалект, который имеет первоначальную основу мокшанского языка (точнее, одного из мокшанских диалектов) и который впоследствии подвергся сильному влиянию эрзянского языка. Из таких особенностей можно выделить, например, употребление в анлауте слова веляризованного *s*- эрзянского типа: смеш.д. *sep^øi* ‘горький’, эрз. *sep'ej*, ц.д. *śäp^øi*; предпочтительное употребление консонантных сочетаний *ks*, *kš* в словах *meks* ‘почему’ (ср. эрз. *meks*, м.л. *m'es*), *m'ekš* ‘пчела’ (ср. эрз. *m'ekš*, м.л. *m'eš*) и др.

3. Фонетические особенности говора села Адашево

Село Адашево (*ádaš*, *ádaž-vílē*) — сельское поселение Кадошинского (ранее Инсарского) района Республики Мордовия, где хорошо сохранились язык, культура и традиции мордвы-мокши. В нем проживает около 800 человек, в основном мордва-мокша. Село окружено татарскими (Большие Полянки, Насакан Потьма, Латышовка) и русскими (Засечная Слобода, Ямщина) селами. Расположено на реке Иссе, в 13 километрах от районного центра и железнодорожной станции Кадошино. Название происходит от антропонима — мужского имени *Адаи*. В документах с. Адашево упоминается с 1643 года (Сыгонин 2002).

По диалектной классификации А. П. Феоктистова (1990: LXXXII–LXXXIII) говор села Адашево относится к юго-восточному (традиционно: инсарскому) диалекту мокшанского языка. Исследователи мордовских диалектов уже не раз обращали свое внимание на изучение фонетических и морфологических особенностей отдельных говоров юго-восточного диалекта (Чудаева

1963; Кабаева 2007, 2009; Жебраткина 2013 и др.). Однако при более тщательном изучении каждого нового говора раскрываются новые фонетические и морфологические особенности, инновационные явления. В данной статье мы подробно остановимся на некоторых фонетических особенностях говора села Адашево.

3.1. Вокализм. Сужение переднерядных гласных

Вокализм юго-восточного диалекта мокшанского языка, состоящий из 6 гласных фонем (*e*, *i*, *a*, *o*, *u*, *ə*), отличается, например, от центрального диалекта, отсутствием в фонологической системе широкого гласного *ä* переднего ряда. В рассматриваемом диалекте произошел переход *ä > e*. Например:

м.л.	адш.
<i>täči</i> ‘сегодня’	<i>teči</i>
<i>kä'l</i> ‘язык’	<i>k'eł'</i>
<i>śä</i> ‘тот’	<i>še</i>
<i>tädä</i> ‘мама’	<i>tede / teře</i>

Переход *ä > e* вызвал сужение этимологического *e > i*. Например:

м.л.	адш.
<i>k'ed'</i> ‘кожа’	<i>k'üd'</i>
<i>śed'</i> ‘мост’	<i>śid'</i>
<i>v'e</i> ‘ночь’	<i>v'i</i>

Сужение переднерядного *e* в говоре села Адашево юго-восточного диалекта не происходит лишь в том случае, если после гласного следует твердый парный согласный:

м.л.	адш.
<i>k'elaś</i> ‘лиса’	<i>k'elaś</i>
<i>k'elda</i> ‘клоп’	<i>k'elda</i>
<i>m'es</i> ‘почему’	<i>m'es</i>
<i>lezdəms</i> ‘помочь’	<i>lezdəms</i>
<i>p'etftams</i> ‘при克莱ить’	<i>p'etftams</i>
<i>v'eca</i> ‘водянистый’	<i>v'ecana</i> , но <i>v'iid'</i> ‘вода’
<i>k'erəms</i> ‘резать’	<i>k'erəms</i>
<i>p'etru</i> ‘Петров день’	<i>p'etru</i> , но <i>p'it'e</i> ‘Петр’

Если же после гласного *e* идет непарный согласный, наблюдается сужение. Кроме того, *ž* и *š* смягчаются:

м.л.	адш.
<i>k'ev</i> ‘камень’	<i>k'iv</i>
<i>t'ev</i> ‘дело’	<i>t'iv</i>
<i>k'epədəms</i> ‘поднять’	<i>k'ipədəms</i>
<i>k'etən’ 10’</i>	<i>k'itən'</i>
<i>m'eš</i> ‘пчела’	<i>m'iš</i>
<i>l'eš</i> ‘иней’	<i>l'iš</i>

3.2. Особенности акцентуации

В мокшанском литературном языке ударение чаще всего падает на первый слог слова (Бубрих 1953; Феоктистов 1975). В говоре села Адашево, если в первом слоге слова имеется гласный *a*, *e* (*<ä*), *e* (*<e*) или *o*, ударение падает на первый слог: адш. *márams* ‘(у)слышать’, адш. *téde*, *tére* ‘мама’, адш. *víle*, ‘село’, адш. *sóra* ‘парень, сын’. Если в слове все гласные узкие (к последним примыкает и *ə*), ударение также падает на первый слог: *p'ídəms* ‘варить, готовить’, *iídəs* ‘ребро’, *údəms* ‘спать’, *mátərdəms* ‘бубнить’. Однако если в последующем слоге появляются широкие *a* или *e* (*<ä*), то ударение переходит на них. Иными словами, широкие гласные перетягивают на себя ударение. *p'əd'-án* — ‘варить, готовить-PRS.1SG’, *ə́dəs-ké* ‘ребро-DIM’, *əd-án* ‘спать-PRS.1SG’, *mətərt-táma* ‘бубнить-PRS.1PL’.

Однако в говоре села Адашево акцентуация тесно связана с редукцией и сужением гласных, о чем пойдет речь далее.

3.3. Редукция гласных

В диалектах мокшанского языка особый интерес представляет редукция безударных узких гласных. Такое явление нашло широкое распространение в говоре села Адашево. Следует отметить, что в рассматриваемом говоре безударные узкие гласные *u* и *i* первого слога слова подвергаются редукции:

- ц.д., ю.-в.д. *kud* ‘дом’, ц.д. *kud-ńä*, адш. *kəd-ńé* ‘дом-DIM’;
- ц.д., ю.-в.д. *nýməl* ‘заяц’ ц.д. *nyməl-šká*, адш. *nəməl-šká* ‘заяц-COMP’;
- ц.д., ю.-в.д. *tums* ‘уйти’, ц.д. *tu-ján*, адш. *tə-ján* ‘уйти-PRS.1SG’;
- ц.д., ю.-в.д. *p'ídəms* ‘варить’, ц.д. *p'íd'-át*, адш. *pəd'-át* ‘варить-PRS.2SG’;
- ц.д., ю.-в.д. *stíř* ‘девушка, дочь’, ц.д. *stíř-ńá*, адш. *stəř-ńé* ‘девушка-DIM, дочь-DIM’.

Безударные *u* и *i* в говоре села Адашево не подвергаются редукции лишь в том случае, если находятся в абсолютном начале слова: ц.д., адш. *icá* ‘овца’, ц.д., адш. *urtá* ‘болезнь’, ц.д., адш. *urádəms* ‘(по)дохнуть’, ц.д., адш. *uváms* ‘лаять’, ц.д., адш. *isák* ‘вчера’, ц.д., адш. *ilánas* ‘лен’, ц.д. *il'ád* ‘вечер’, адш. *il'éd*.

В старо-пшениевском говоре юго-восточного диалекта (Чудаева 1963: 30) гласные *i* (не из *e*) и *u* редуцируются, что несвойственно адашевскому говору. Например:

- ц.д., адш. *icá* ‘овца’, ст.-пш. *əčá*;
- ц.д., адш. *urtá* ‘болезнь’, ст.-пш. *ərtá*;
- ц.д., адш. *urádəms* ‘(по)дохнуть’, ст.-пш. *ərádəms*.

В адашевском говоре узкие гласные начала слова лишь при переходе ударения на широкий гласный подвергаются редукции:

- ц.д., ю.-в.д. *údəms* ‘спать’, ц.д. *ud-án*, адш. *əd-án* ‘спать-PRS.1SG’;
- ц.д., ю.-в.д. *účəms* ‘ждать’, ц.д. *uc-táda*, адш. *əč-táda* ‘ждать-PRS.2PL’;
- ц.д., ю.-в.д. *úskəms* ‘везти’, ц.д. *usk-át*, адш. *əsk-át* ‘везти-PRS.2SG’;
- ц.д., ю.-в.д. *ír'ədəms* ‘опьянеть’, ц.д. *ir'ət'-táma*, адш. *ər'ət'-táma* ‘опьянеть-PRS.1PL’;
- ц.д., ю.-в.д. *íd'* ‘ребенок’, ц.д. *id-ńä-żä*, адш. *əd-ńé-że* ‘ребенок-DIM-SG.POSS.1SG’;
- ц.д., ю.-в.д. *ír'dəs* ‘ребро’, ц.д. *ír'dəs-ká-t*, адш. *ər'dəs-ká-t* ‘ребро-DIM-PL’.

В говорах юго-восточного диалекта в заимствованиях из русского языка или через русский язык, как и в исконных словах, на месте безударных узких гласных *i* и *i* также наблюдается гласный среднего ряда среднего подъема (*ə*): *р. бык — ц.д. buká — адш. bəká*, *р. кума — ц.д. kumá — адш. kəmá*, *р. луг — ц.д. lugá — адш. ləgá*, *р. чулок — ц.д. čulká — адш. cəlká*, *р. илука — ц.д. ščuká (ššuká) — адш. ščeká (ššeká)*, *р. депутат — ц.д. díputát — адш. dəputát*, *р. телефон — ц.д. tǐlífón — адш. tələfón*, *р. ресторан — ц.д. rístarán — адш. r̄estarán*, *р. республика — ц.д. ríspúblíka — адш. r̄espúbl̄ka*.

Как показали наблюдения, в говоре села Адашево узкий гласный *i*, соответствующий гласному *e* других диалектов, также стал подвергаться редукции, что несвойственно, например, старо-пшениевскому говору этого же диалекта (см. выше):

- ц.д. *v'élä* ‘село, деревня’, *v'élə-nä* ‘село-DIM’ — адш. *v'ile*, но *v'elə-né*;
- ц.д. *sélmä* ‘глаз’, *sélmə-nä* ‘глаз-DIM’ — адш. *sílm'e*, но *səlmə-né*;
- ц.д. *jomla* *séř-nä* ‘маленький рост-DIM’ — адш. *jolma* *síř*, но *jolma* *šær-né*;
- ц.д. *v'etä-ška* *kud* ‘пять-COMP дом’ — адш. *v'itä-ška* *kud* или *vətä-šká* *kud*.

Редукция вторичных гласных, на наш взгляд, связана с ударением. В словах, где произошло сужение переднерядных гласных (*ä > *e*, *e > *i*), ударение стало менять свое место, т. е. с узкого гласного *i* (<*e) при последующем более широком *e* (< *ä**) или *a* ударение переходит на них. Следовательно, в безударном положении *i* (<*e) редуцируется, вследствие чего мы получаем производные образования типа *vələ-né* ‘село-DIM, деревня-DIM’, *šəlmə-né* ‘глаз-DIM’, *šær-né* ‘рост-DIM’, *vətä-šká* ‘пять-COMP’. Это явление является инновационным, т. к. словоформы употребляются как с безударным редуцированным гласным, так и с ударным гласным *i*: *v'iləne*, *sílməne*, *sířne*, *v'itäška*.

Собранный диалектный материал также показывает, что в некоторых случаях редукции подвергается и гласный *o*, что несвойственно говорам, где широко наблюдается редукция узких гласных. Покажем это на примерах:

- ц.д. *kostə* *sá-jan*, адш. *kəstə* *sá-jan* или *kəstsá-jan* ‘когда прийти-PRS.1SG’;
- ц.д. *kostə* *tə-ján*, адш. *kəstə* *tə-ján* или *kəsttə-ján* ‘когда уйти-PRS.1SG’;
- ц.д. *kostə* *lážad-an*, адш. *kəstə* *lážad-an* или *kəstlázad-an* ‘когда соскучиться-PRS.1SG’;
- ц.д. *kosə* *tráks-ś*, адш. *kəsə* *tráks-ś* или *kəstráks-ś* ‘там, где корова-DEF.NOM’;
- ц.д. *kosə-tama* *měń*, адш. *kəsə-tama* *měń* или *kəsə-tamměń* ‘там-PRS.1PL, где мы’.

Однако в говоре села Адашево эти же примеры мы находим и с полным гласным, без редукции:

- адш. *kóstə* *sá-jat* ‘откуда идти-PRS.1SG?’;
- адш. *kóstə* *tə-ján* ‘откуда уйти-PRS.1SG?’;
- адш. *kóstráks-ś* или *kósə* *tráks-ś* ‘где корова-DEF.NOM?’;
- адш. *kósə-tamə* *měń* или *kosə-tamměń* ‘где-PRS.1PL мы?’.

Гласный *o* не подвергается редукции в том случае, если логическое ударение падает на первый компонент словосочетания *kósa* ‘где’ и *kóstə* ‘откуда’. При редукции меняется и лексическое значение слова.

Следует отметить, что редукция гласной фонемы *o* имеет ограниченный характер и встречается лишь в отдельных словах и словоформах.

3.4. Йотация гласного *e*

Одной из основных особенностей говора является регулярная йотация анлаутного *e-* (< *ä*). Например: *jeřkə-né* ‘озеро-DIM’, *jevədəms* ‘испугаться’, *ješi* ‘колодец’, *jej* ‘лед’, *ješťér* ‘яловый’. В других диалектах соответственно: *äřkənä ~ eřkənē*, *ävədəms ~ evədəms*, *äši ~ eši*, *äj ~ ej*, *äštər ~ eštər*.

3.5. Консонантизм. Десоноризация согласных

Мордовским языкам свойственны почти все согласные, которые сравнительно-историческим финно-угроведением приняты для финно-угорского прайзыка. Это, однако, вовсе не значит, что мордовский консонантизм повторяет гипотетическую систему согласных финно-угорского языка-основы. Многочисленные новообразования в фонетике и грамматике привели со временем к перестройке фонологической системы мордовских языков. Например, предположительно в финно-угорском прайзыке были палатальные согласные *š, *l̥, *ń, набор которых в современном мокшанском языке значительно пополнился: š, l̥, ń, č, d̥, t̥, r̥, ž, ſ, l̄. Для прайзыка было характерно наличие глухих шумных согласных, таких как *k, *p, *t, *s, *š и других, ряд которых в мокшанских говорах увеличился за счет появления звонких b, g, d, d̥, ž, z, ž. Увеличение консонантизма мы наблюдаем и в других финно-угорских языках.

Позднейшую инновацию представляют собой глухие l̄, l̄, ſ, ſ, j̄, j̄, которые в консонантизме мокшанского языка фонематически противопоставлены обычным сонантам l, l̥, r, r̥ и звонкому фрикативному j: *kal'-t'* ‘ива-DEF.GEN’ — *kaʃ'-t'* ‘ива-PL’, *maʃ'-t'* ‘яблоко-DEF.GEN’ — *maʃ'-t'* ‘яблоко-PL’, *vaj'-t'* ‘масло-DEF.GEN’ — *vaj'-t'* ‘масло-PL’.

А. П. Феоктистов и С. Сааринен (2005: 54) отмечают, что в юго-восточном диалекте мокшанского языка, к которому относится и говор села Адашево, перед суффиксом множественного числа t, t̥ среднеязычный j переходит в ſ/š: *kuj* ‘змея’ — адш. *kuš'-t'*, ц.д. *kuʃ'-t'* ‘змея-PL’, *sa-j* ‘прийти-PRS.3SG’ — адш. *sa-ʃ'*, ц.д. *sa-ʃ̄'* ‘прийти-PRS.3PL’, *mora-j* ‘петь-PRS.3SG’ — адш. *mora-ʃ'*, ц.д. *mora-ʃ̄'* ‘петь-PRS.3PL’, *p'ij* ‘зуб’ — адш. *p'iš'-t'*, ц.д. *p'iʃ̄'-t'* ‘зуб-PL’.

В городищенском диалекте Пензенской области, по материалам Т. И. Ломакиной (1966: 315), а также у мокши Тетюшского района Республики Татарстан, по данным Н. Ф. Кабаевой (2005: 80), в этой же позиции среднеязычный j переходит в j̄s (согласный j с оттенком s): *kuj* ‘змея’ — *kuʃ̄'-t'* ‘змея-PL’, *mora-j* ‘петь-PRS.3SG’ — *mora-ʃ̄'-t'* ‘петь-PRS.3PL’, *p'ej* ‘зуб’ — *p'eʃ̄'-t'* ‘зуб-PL’.

Таким образом, собранный диалектный материал разных говоров мокшанского языка показывает, что из среднеязычного -j- развились три разных согласных звука.

3.6. Отсутствие в анлауте слова звонких шумных согласных

Отличительной особенностью консонантизма юго-восточного диалекта является отсутствие звонких b, g, d, d̥, z, ž, ž в анлауте слова. Например: адш. *rajd̥ək* ‘палка’ — ц.д. *bajd̥ək*, адш. *rohařam* — ц.д. *bohařam*. Данное явление распространяется и на заимствования: *poran* ‘баран’, *raba* ‘бабушка’, *kažeta* ‘газета’, *žəvata* ‘животное’. Необходимо, однако, отметить, что у носителей данного диалекта молодого и среднего возраста нередки случаи произношения звонких согласных анлаута: *boran*, *baba*, *gažeta*, *žəvata*.

3.7. Палатализация согласных

Процесс палатализации согласных в мокшанском языке имеет довольно сложный характер и проявляется непоследовательно. Преvalирующей является прогрессивная ассимиляция, т. е. твердость-мягкость предшествующих звуков передается последующим. Процесс палатализации согласных проявляется в следующем:

В большинстве случаев в корне слова после гласного переднего ряда выступает мягкий согласный, однако согласные l, n, z, s могут быть и твердыми. Благодаря процессу палатализации согласных в окружении переднерядных гласных в юго-восточном диалекте появились мягкие шипящие š, ž, не являющиеся, на наш взгляд, самостоятельными фонемами. Мы не нашли ни одного примера, где мягкий согласный мог бы выступать в роли смыслоразличителя, как, например, мы это находим в средне-вадском диалекте мокшанского языка (Деваев 1963: 291–292): ср.-вд. *šava* ‘пустой’ — *šava* ‘миска’, *uča-t* ‘ждать-PRS.2SG’ — *uča-t* ‘овца-PL’. В адашевском говоре š, ž палатализуются: а) перед гласными переднего ряда: *šej* ‘осока’, *k'eše* ‘деготь’, *t'ožen'* ‘тысяча’, *uzel'* ‘жаль’; б) после гласных переднего ряда: *k'ešəts* ‘прятать, спрятаться’,

m'iš ‘пчела’, *nížkstəms* ‘тужиться’, *k'ež* ‘зло, злоба’. Наблюдается также регressiveная дистантная палатализация шипящих согласных: *šovər* ‘вперемешку’ — *šoráms* ‘(пере)мешать’ — *šovə́rams* ‘(пере)мешивать’, *šongar* ‘жидкий’ — *šongáram* ‘кашица’, *šiž* ‘ячмень’ — *šužer* ‘солома’.

И. Я. Жебраткина (2013: 11) указывает, что в глушково-алёксовских говорах мокшанского языка, куда автор относит и говор села Адашево (2013: 7), ‘фонемы *š*, *ž* по мягкости твердости парные: гл.-алёк., ц.д. *šarəms* ‘повернуться’; гл.-алёк. *šavaňe* ‘чашка’, ц.д. *šavaňä*, но гл.-алёк. *šořams* ‘мешать’, центр. *šořams*; гл.-алёк. *šeřk'e* ‘лук’, центр. *šuřk'ä*. В пример, однако, приводятся слова из разных говоров, где мягкость/твердость не несет смыслоразличительной функции.

В описываемом говоре также широко распространена палатализация фонологически непарных согласных в соседстве с парными палатальными согласными: адш. *šim'bürf* ‘целый день’ — ц.д. *šimb'eřf*, адш. *šeřetf* ‘боль’ — ц.д. *šäřatf*. Многие словоизменительные морфемы имеют варианты как с палатальными, так и с велярными согласными: адш. *v'ilé* ‘село’ — адш. *v'ilə-t'*, ц.д. *v'eřə-t'* ‘село-PL’, адш. *ofta* ‘медведь’ — адш. *ofta*, ц.д. *ofta* ‘медведь-ABL’, адш. *mürde* ‘муж’ — адш. *mürt'-te*, ц.д. *mürt'-ta* ‘муж-ABL’, адш. *mürt'-f'təmə*, ц.д. *mürt'-ftəma* ‘муж-AVE’ и т. д.

3.8. Аффрикатизация согласных

Как мокшанскому литературному языку, так и адашевскому говору присущ процесс аффрикатизации согласных. Аффрикатизируются согласные *d*, *d'* и *t*, *t'* на стыке морфем при последующем *s*, *š*, *c*, *č*: ц.д. *šed'*, адш. *šid'* ‘мост’ — ц.д. *šeca* (орф. *седь-са*), адш. *šica* ‘мост-INE’, ц.д., адш. *tarat* ‘ветка’ — *taraca* (орф. *тарад-са*) ‘ветка-INE’, *taracta* (орф. *тарад-ста*) ‘ветка-ELA’ и т. д.

Для адашевского говора характерна позиционная аффрикатизация согласных *z*, *ž*, *č*, *ž* после сонорных *n*, *ń*, *r*, *r'*: ц.д. *panžə-ms* — адш. *pańžə-ms* ‘открыть-INF’, *цвести-INF*, ц.д. *varža-ms*, адш. *varža-ms* ‘пробовать-INF’, ц.д. *aržā*, адш. *arže* ‘сундук’, ц.д. *pořži*, адш. *pořži* ‘перец’, ц.д. *kańžədə-ms*, адш. *kańžədə-ms* ‘набить оскомину-INF’.

3.9. Образование геминат

При рассмотрении долгих согласных с фонологической точки зрения встает вопрос: можно ли их считать за одну долгую фонему, противостоящую краткой, или же за две краткие фонемы, но фонетически слившимися? Если посмотреть на примеры ц.д. *patä*, адш. *patē* ‘старший брат’ и ц.д. *pat-tä*, адш. *pat-te* ‘гнать-PRS.SUB.1SG.OBJ.2SG’, *maks-an* ‘(от)дать-PRS.1SG’ и адш. *maks-sa-n* ‘(от)дать-PRS.SUB.1SG.OBJ.3SG-PRS.1SG’, можно заключить, что краткие и долгие варианты служат для различения смысла и, следовательно, могут считаться разными фонемами. Однако во всех этих случаях долгие согласные получаются только на стыке морфем, которые имеют один тот же согласный в конце корня и начале суффикса: ц.д. *kant-tä*, адш. *kant-te* ‘нести-PRS.SUB.1SG.OBJ.2SG’ < *kand-ə-ms* (*d>t*) ‘нести-INF’, адш. *maks-sa-n* ‘(от)дать-PRS.SUB.1SG.OBJ.3SG-PRS.1SG’ < *maks-ə-ms* ‘(от)дать-INF’. Во всех этих примерах совершенно очевидна бифонемность долгих *t*, *s* и других, поскольку морфологическая граница проходит между ними. Следовательно, во всех этих случаях мы имеем дело с бифонемными сочетаниями, иначе говоря, с так называемыми двойными согласными.

Область распространения данного явления довольно широка. В адашевском говоре наблюдаются следующие вторичные геминаты: *kk*, *tt*, *ss*, *zz*, *nn*, *cc*, *šš* (а также их мягкие варианты). Например: *v'id* ‘вода’ — *v'it-t'* ‘вода-PL’, *v'it'-tńə-n'* ‘вода-PL.DEF-GEN’; *surks* ‘кольцо’ — *surks-sa* ‘кольцо-INN’, *surks-sta* ‘кольцо-ELA’, *surks-s* ‘кольцо-ILL’; *saras* ‘курица’ — *saraz-že* ‘курица-SG.POSS.1SG’, *saraz-z-ə-n'* ‘курица-ILL-POSS.1SG’ (ср. ц.д. *saraz-ə-že*, *saraz-ə-z-ə-n'*); *kud* ‘дом’ — *kuc-če* ‘дом-SG.POSS.2SG’, *kuc-čə-n'* ‘дом-SG.POSS.2SG-GEN’, *kuc-čə-ńdi* ‘дом-SG.POSS.1SG-DAT’; *oš* ‘город’ — *oš-ška* ‘город-COMP’; *narmən'* ‘птица’ — *narmən-ńe* ‘птица-DIM’.

В рассматриваемом говоре зафиксированы геминаты, которые образуются на стыке слов: *putkk'eskavt'* < *put-k k'eskav-t'* ‘положить-IMP мешок-DEF.GEN’, *monńejan* < *mon ně-jan* ‘я видеть-PRS.1SG’, *saśsaša* < *sa-ś saša* ‘прийти-PRT.3SG Саша’, *saťton* < *sa-t' ton* ‘прийти-PRT.2SG ты’.

4. Заключение

В статье рассмотрены фонетические особенности говора села Адашево юго-восточного диалекта мокшанского языка. Приведенный материал показывает, что рассматриваемый говор имеет ряд фонетических особенностей отличных от центрального диалекта, который лег в основу мокшанского литературного языка. Основными фонетическими отличиями адашевского говора являются сужение гласных переднего ряда, приведшее к утрате этимологического *ä*, редукция узких гласных, йотация гласного *e* (<*ä*), переход глухого *j* в *ś*, отсутствие в начале слова звонких шумных согласных, позиционная аффрикатизация согласных *ž*, *z* и некоторые другие. Представленный анализ собранного диалектного материала подтверждает их наличие.

Сокращения

адш.	говор с. Адашево	ю.-з.	юго-западная
ц.д.	центральный диалект		подгруппа западного
	мокшанского языка		диалекта мокшанского
ю.-в.д.	юго-восточный		языка
	диалект мокшанского	смеш.д.	смешанный диалект
	языка		мокшанского языка
м.л.	мокшанский	эрз.	эрзянский язык
	литературный язык		
орф.	орфография	1	первое лицо
прх.д.	переходный диалект	2	второе лицо
	мокшанского языка	3	третье лицо
ст.-пш.	старо-пшевеский	AVE	абессив
	говор мокшанского	ABL	аблатив
	языка	COMP	компаратив
р.	русский язык	DAT	датив
с.-з.	северо-западная	DEF	определенное
	подгруппа западного		склонение
	диалекта мокшанского	DIM	диминутив
	языка	ELA	элатив
		GEN	генитив

ILL	иллатив	PL	множественное число
IMP	императив	POSS	посессив
INE	инессив	PRS	настоящее время
INF	инфinitив	PRT	претерит
NOM	номинатив	SG	единственное число
OBJ	объектное спряжение	SUB	субъектное спряжение

Литература

- Бубрих, Д. В. 1953: *Историческая грамматика эрзянского языка*. Саранск: Мордовское книжное издательство.
- Деваев, С. З. 1963: Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка. – *Очерки мордовских диалектов*. Т. II. Саранск: Мордовское книжное издательство. 261–432.
- Жебраткина, И. Я. 2013: *Глушково-алёксовские говоры в системе мокшанских диалектов* (автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук). Саранск.
- Кабаева, Н. Ф. 2005: Киртели и Урюм велень шоряф корхтафкенень вайгяльксонь лувкссна. – *Финно-угристика 6*. Саранск: Издательство Мордовского университета. 77–81.
- 2007: Адаж велень корхтамаса гласнаенъ лафчемома процессъ. – *Материалы XII научной конференции молодых ученых филологического факультета Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва*. Саранск: Издательство Мордовского университета. 81–83.
- 2009: Мокшень кяльса акцентуациясь и гласнаенъ лафчемомась (лямбе-шистяма ширдень корхтаматнень коряс). – *Современные мордовские литературные языки: нормы, проблемы, перспективы развития*. Саранск: Издательство Мордовского университета. 86–88.
- Ломакина, Т. И. 1966: Городищенский диалект мокша-мордовского языка (краткий фонетический очерк). – *Очерки мордовских диалектов*. Т. IV. Саранск: Мордовское книжное издательство. 289–329.
- Марков, Ф. П. 1961: Приалатырский диалект эрзя-мордовского языка. – *Очерки мордовских диалектов*. Т. I. Саранск: Мордовское книжное издательство. 7–99.

Надыкин, Д. Т. 1988: Проблема редуцированного гласного и особенности развития ударения в мордовских языках. – *Актуальные вопросы мордовского языкознания*. Саранск: Мордовское книжное издательство. 3–12.

Основные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Кадошкунскому муниципальному району. Стат. сборник / Мордовиястат 2013.
http://mrd.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/mrd/resources/

Сыгонин, Н. И. 2002: *Дважды рождённый: Историческая летопись и нынешний день Кадошкунского района*. Саранск.
 Феоктистов, А. П. 1990: Диалекты мордовских языков. – *Mordvinisches Wörterbuch*. Band 1. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura – Kotimaisten kielten tutkimuskeskus – Институт языкоznания академии наук СССР. LXXI–LXXXVI.

— 1975: Мордовские языки. – *Основы финно-угорского языкознания: Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки*. Москва: Наука. 248–344.

Халлап, В. 1969: Единичные и двойные смычные в финно-угорских языках. – *Советское финно-угроведение*. №2. 89–102.

Цыганкин, Д. В. 1979: *Фонетика эрзянских диалектов*. Саранск: Мордовский университет.

Чудаева, О. И. 1963: Старо-пшеневский говор мокша-мордовского языка. – *Очерки мордовских диалектов*. Т. 3. Саранск: Мордовское книжное издательство. 27–48.

Feoktistov, Aleksandr & Saarinen, Sirkka 2005: *Mokšamordvan murteet*. Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia 249. Helsinki.

Paasonen, Heikki. 1893: *Mordvinische lautlehre*. Helsingfors.
 — 1903: *Mordvinische lautlehre*. Helsingfors.
 — 1909: *Mordvinische chrestomatie mit glossar und Grammatikalischen Abriss*. Hilfsmittel für das Studium der finnisch-ugrischen Sprachen IV. Helsingfors: Société Finno-Ougrienne.

MERJA SALO
 University of Helsinki

On the meanings of the suffix *-ńek/-nek* in Erzya: A comitative case or derivational suffix?

Abstract Mordvin grammars usually do not give many examples of the use of words formed with the suffix *-ńek/-nek*. They can be classified as having a grammatical case or a derivational suffix. This paper presents new examples of words with this suffix collected on the HALS field trip to the raion of Dubenki in central Mordovia in August 2013. It also compares the use of the Erzya suffix *-ńek/-nek* to corresponding suffixes in other Uralic languages. The new data consists of paired¹ *-ńek/-nek* words, which are organized semantically: animate, inanimate, and coordinating constructions (including the ornamental co-compound NP-*ńek* – *meźńek*). Examples of single comitatives are also discussed based on older material. It has been noted that single comitatives follow a human accompanee. Words in the comitative can express the quantity or totality as a subject, and the predicate verb is in the plural. The single comitative can be used as a manner adverbial-like dependent. There exists also a dialectal peculiarity: depictives, or depictive secondary predicates. As a rule, these forms in the Erzya literary language do not take possessive forms or definite declension. Even indefinite plural forms are very rare. The so-called Erzya comitatives behave just like associative suffixes in many languages.

1. More commonly, new lexical hypernyms are formed by plural paired words having the old plural marker *t/t'*. A compound word is more than the sum of its parts though: *atát–babat* ‘old people (old men–old women)’ *sukst–unžat* ‘insects (worms, larve–beetles)’. This copulative function is very productive in Mordvin. It is also possible that both parts may be in the singular: *avat–ćorat* ‘mother and son’, *tetát–avat* ‘parents’ (act. fathers–mothers), which is the only way of expressing this concept in Mordvin. The word *ava* means both ‘woman’ and ‘mother’, but in this context only

1. Introduction

The recently published Mordvin grammars briefly mention that the suffix *-ńek/-nek* occurs in paired words, such as *avańek-ejkakšńek* ‘mothers and children’, and classify it as a derivational suffix. As a rule, words having the suffix *-ńek/-nek* do not take possessive suffixes or suffixes that indicate the definite declension, although exceptions can be found in some dialects. For this suffix, the use of the definite plural marker *tíe/tne* seems to be very unusual and unnatural, but it has been documented – and even the definite singular marker *ś* – in dialectal grammars. The indefinite plural marker *t/t'* has also been found in different sources. This is quite peculiar, however, since the plural *t/t'* should only occur in the indefinite nominative, as the singular forms in other cases function as plurals, too. The new examples with the suffix *-ńek/-nek* introduced in this paper come from the data collected in August 2013 on the HALS field trip to the raion of Dubenki in Mordovia; they are then compared with structures from previous studies. In addition, a concise overview of the comitative and partly associative markers in Uralic languages is presented. In particular, the Finnic, Saami and Mari languages have been illustrated from various points of view. The actual use of the Erzya comitative, however, has been attested by the author and others in a broader range of contexts than expected, which indicates that there is sufficient reason to consider it a case suffix with the same grounds as the respective case in Mari grammars. It has also been revealed that the Mordvin suffix *-ńek/-nek* with

the second one is possible, which can be termed *contextual sharpening* (Wälchli 2005: 14). Both parts of a compound noun are plural, which gives them collective meaning. The order of these words may be free, but usually the first position is taken by the more important or e.g. older member of the paired words (Koljaděnkov 1959: 55–77). Parallel cases of the double plural use in natural coordination can be found e.g. in South Saami *aččieh čižzieh* ‘parents (fathers and mothers, act. breasts)’ or the double dual use, e.g. Khanty *imeŋən ikeŋən* ‘old woman and old man’ (Lewy 1911: 44, Bergsland 1946: 150, 267–268, Honti 1997: 59, 62). This kind of double dual is also found in Mansi, Nenets and some other Samoyed languages (Wälchli 2005: 51, with references). Some numerically illogical expressions can also be found in Finnish, where the plural of paired words may be used instead of the singular, e.g. *akat lapset* or *isät äidit* meaning ‘the old woman and the children’ and ‘the father and the mother’ (Pulkkinen 1966: 112–118) respectively. This is certainly the older way of expressing coordination, as in many Uralic languages coordinating conjunctions are loanwords or recent formations (Wälchli 2005: 242, f. 11).

its several functions is not alone. In kindred languages, there are many parallel cases where it is difficult to draw the line between case suffixes and derivational suffixes. The grammars do not define the concept of case, as would have been done a long time ago. Another wider context for paired *-ńek/-nek* words are other numerous paired words of any word class in Erzya, which have been thoroughly analyzed by Wälchli (2005). Due to its productivity, this line cannot be followed in this study.

2. Background: Mordvin grammars

Only a few researchers have noticed that the Mordvin words formed with the suffix *-ńek/-nek* form a semantically close group and that it can even be considered a grammatical case. They reached this conclusion using dialectal material that they themselves had collected (Šahmatov 1910: 779, Cygankin 1961: 346–347, Nad'kin 1968: 27–28, 51, 57, Danilov 1969, Bartens 1999: 99–100). Of these researchers, Šahmatov and Cygankin are the only ones who discuss declined words in the *comitativus* from the subdialects of Orkino and Suhoy Karabulak (in the Petrovskiy and Bazarno-Karabulakskiy raions of the Saratov oblast’), e.g. *ked-ńek pilgi-ník*² ‘with hand/arm and foot/leg’; respectively from the Šugurovo dialect (in the Sosnovoborskiy raion of the Penza oblast’) *líšma-ńik* ‘with the whole dwell’, *tol-ńek* ‘with the fire’. They both list it among cases of the indefinite declension (Šahmatov 1910: 779, 790, Cygankin 1961: 346–347). Paasonen (1893: 15, 112) mentions the comitative suffix, yet later on, he neglects to include it in his paradigms of Mordvin declension (Paasonen 1953 = 1909). Keresztes (1990: 75) leaves the question open, mentioning the comitative in a section on adverbials, but states that it is not a very productive case. In contrast, Evsev'ev (1928: 39, 54–55, 1963: 42, 55–56) counts it among derivational suffixes, which is where it has been ever since, see e.g. Babuškina (1972: 79, 1988: 28–32). Bubrih (1953: 41) replaces the suffix *-ńek/-nek* near the comitative and adverbs and calls it a case-like form (*padežeobraznaja forma*). This view

2. The transliteration of dialectal words has been slightly simplified.

is shared by Koljaděnkov & Zavodova (1962: 159–161), who list five meanings for comitative structures in Erzya and Moksha.

An authoritative collective grammar written by university teachers introduces *-ńek/-nek* forms under the category of collectivity showing a coordinating function with comitative pairs (Cygankin 1980: 149). It is followed by the almost synonymous suffix *-ćek*, *-śek*, as in *šabra-ćek* ‘with a / the neighbour’ and *jalga-ćek* ‘with friends’. The next collective grammar – written in Erzya – conflates the suffixes *-ńek*, *-śek* and *-ćek* ‘being together, coming together’ as in *lang-śek*³ ‘one on the other’ and dedicates only two lines to them under the heading *nárečijatńeň tějevemast* ‘the formation of adverbials’ (Cygankin 2000: 45). The corresponding collective grammar written in Moksha gives comitative pairs five lines among other collective derivatives (*puraptomań kaťgərijaś*) (Aljamkin 2000: 47).

The comprehensive Mordvin-Russian dictionaries (ERV and MRV) do not usually consider E *-ńek/-nek*, M *-ńak* forms as independent lexemes. However, there are some random cases, such as E *śemijańek* ‘with the whole family’, E *ćelańek*, M *ćelajńak*, *marnák*, *jurnák* ‘totally’, E *pŕańek* ‘with a/one’s head’, E *veleńek* ‘with the whole village’ marked as adverbs. If the suffix occurs in paired words, temporal or body-part meanings are adverbs, e.g. E *kizeńek-teléńek* (or *teléńek-kizeńek*), M *kizəńak-táləńak* ‘in summer and winter’, E *pŕańek-pilgeńek*, M *pŕańak-pilgəńak* (or *pŕańak-vajməńak*, *pilgəńak-pŕańak*, *pŕańak-puləńak*) ‘totally’, and humans are collective nouns, as E *avańek-ćoranek* ‘women and men’, E *siŕeńek-odnek*, M *śiŕəńak-odńak* ‘old and young people’.

3. General information on comitatives

The comitative case is not very common in the case inventories of different languages. However, it has been observed in languages of the world, and an analysis based on comitative and related findings in 320 languages has been made by Stolz, Stroh and Urdze (2009). The core meaning of the comitative is accompaniment, meaning that two

3. Usually the dictionaries have a double form resembling a reciprocal pronoun *langśek-langśek* or *langa-langśek* ‘one another’.

participants are in a relation where one of them is the accompanee and the other is the companion. Prototypically, they are both +human, but their involvement is asymmetrical as the accompanee is given prominence, whereas the companion is less important. It is quite common in Indo-European languages that comitative and instrumental functions are expressed with the same marker and it can be considered an areal feature of European languages (Stolz 2001: 594). However, of the analyzed languages, 65% have completely different case markers for these functions. Lakoff and Johnson (1980: 135) have proposed a principle which can be considered a linguistic universal: *The word or grammatical device that indicates accompaniment also indicates instrumentality*. However, this principle does not hold for all Uralic languages with a comitative.

4. Finnic languages and comitatives

4.1. General overview

According to Tauli (1966: 33–34, 112–114), the comitative is one of the most unstable categories in the Uralic language family. There is abundant evidence that several Uralic languages have lost their formerly well-established and distinct comitatives, whereas just as many others have developed new comitatives via the morphologization of postpositions into bound case markers (Laanest 1982: 172–173, Stolz 2001: 599). But as Sirola (2008: 20–21) points out, Stolz does not separate the comitative and instrumental cases and the corresponding adpositional structures. According to Blake (1994: 167), if nouns develop into pre- or postpositions and case suffixes, the development is almost always to a local form, which may later acquire more abstract or grammatical functions.

Of the Finno-Ugric languages, the Finnic and Saami languages, as well as Mari, Komi, Hungarian, and some dialects of Khanty and Mansi, have comitative case markers. In some languages – e.g. in Mordvin – there is a corresponding derivational suffix, the status of which can be disputed. In many languages, the comitative and instrumental are treated as a single marker used for both functions.

These markers are cases in some Finno-Ugric languages, and derivational affixes in several other Finno-Ugric languages. This cannot, however, be done for Mordvin, or even for the other Finno-Ugric languages (or actually Uralo-Yukaghir) for the most part, despite occasional claims to the contrary (Stolz – Stroh – Urdze 2009: 606). For example, Southern Veps has a proative-comitative case *-mu* of postpositional origin ('along', in Veps *möto~moto*, in Finnish *myöten*), and Livonian a translative-comitative case *-ks*, which is unique among Finnic languages, since no other Finnic language has this polysemy pattern for the comitative marker expressed with the same suffix denoting dynamic and static predicative adverbial relations (Grüenthal 2003: 13–14, 186). Often the same comitative relation can be marked by a postposition such as with the Finnish *kanssa*, the Estonian *kaasa*⁴, the Erzya *marto*, and the Moksha *marta* 'with'. Northern Veps has the comitative *-nke*, where the element *-n* goes back to the genitive marker of the noun (Grüenthal 2003: 52). An equal suffix is also attested in Karelian: the comitative is marked by *-ke* < *kerδa-lla 'at a turn, at time of' used with genitive attributes (Blake 1994: 167).

It has been claimed that the Finnic ("essive like") comitative **jne* goes back to the Finnic-Saami-Mordvinic common period (Korhonen 1981: 225, Sammallahti 1998: 67, 69–70, Bartens 1999: 81, Hakulinen 2000: 107, Lehtinen 2007: 77). In Finnic languages, a possessive suffix is added to the comitative, e.g. in Finnish *nuori-ne tyttär-inne-si* young-COM daughter-COM-PX2SG 'with your young daughter[s]', and because the vowel *-i-* is used, the suffix is similar in the singular and plural, see also example (1). The Finnish comitative has the lowest frequency (0.06%) of all fifteen cases depending on the corpus⁵ (Sirola 2008: 12, with references).

- (1) *Talo myy-tiin kaikk-ine irtaimisto-ine-en.*
 house sell-PASS.PAST all-COM movable-COM-PX3SG
 'The house was sold with all its movables.' (Hakulinen 2000: 107)

4. *kaasa* has a very specific distribution, it can be combined with a comitative noun phrase deviating from Finnish and Mordvin (comment from the referee).

5. Actually varying from 0.1–0.01%.

In Finnish, the comitative *-ine* has a very restricted use⁶; its form is similar in singular and plural and is typical of the more conservative eastern dialects close to the Karelian border. This is the oldest comitative marker in Finnic languages, being productive now only in Finnish and in some Karelian dialects (Laanest 1982: 172). The use of the comitative is restricted to substantives and adjectives and those demonstrative pronouns in the plural which are defining nouns/substantives (Alho 2004: 1208–1209, 1211). In Votian there is also a rare comitative *-naa*, *-nää*, *-nõõ*, *-nee* of the same origin (Laanest 1975: 109–110). Long vowels express possessive suffixes. In some earlier Finnish grammatical studies separate singular and plural comitatives were offered, but soon the singular forms were rejected (Ikola 1999: 61–63, Sirola 2008: 24). It has been noticed that it can also be considered to be an instructive with PX markers, which is otherwise extremely rare in Finnish, as in *om-in lup-insa* own-INSTR permission-INSTR.PX3SG 'with his/her own permission', and in the next example:

- (2) *Hän tarttu-i sii-hen palja-in käsi-n*
 he/she grab-PAST.3SG it-ILL bare-INSTR hand-INSTR
 vs. *palja-ine käs-ine-en*
 bare-COM hand-COM-PX3SG
 'He/she grab it with bare hands'
 vs. 'with his/hers bare hands.' (Kokko 2007: 183, with references)

It has been assumed that *-ine* was historically an instructive form obligatorily marked for possessor, and that there exists the possibility of a diachronic relation of the instructive and genitive in a variety of Uralic languages (Laanest 1982: 167, 172). A good example of how a lexical unit can develop into grammatical direction is the Finnic postposition *kanssa* 'with' which has corresponding units in other Baltic languages. It has been convincingly demonstrated (originally by Nau, cited by Stolz 2001: 603) that the use of Finnish *kanssa* has been influenced by Swedish *med* – at least in its instrumental use. Symmetrical participants are coded with the postposition *kanssa*, but

6. For pronouns, some fossilized idioms can be formed with specific head nouns, e.g. *muin keinoin* 'by/with other means' (instructive), *muitta mutkitta* 'without further ado' (abessive), *niine hyvineen* 'empty-handed, just like that', actually "with its goods" (plural demonstrative pronoun in the comitative + noun in the comitative + PX(3SG/PL)).

in asymmetrical relationships the less active part is coded with the comitative case (Sirola 2008: 10–11). The Estonian *-ga* comitative has been largely influenced by Germanic languages, mostly Low German, German and Swedish (Stolz 2001: 603, with literature). It has a wide range of meanings – at least six – which testifies its relatively old age (Kokko 2007: 192, 194). The same element *-ka* is trying to be a part of Ingrian case system, especially in those dialects where the Estonian influence is significant, but its main function is to express instrument. It also occurs in Votian, Veps (as an adverb) and Livonian, and in some Finnish dialects, but it is not a fully developed case. Instead it is more or less a clitic, mostly not adapting to the vowel harmony (Kokko 2007: 183). If the word has a possessive suffix, it is replaced before the *-ka* element (Sirola 2008: 29–32). However, in these languages, *-ka* has developed independently: in the 16th century it was still a postposition in Estonian, while in the 15th century Votian it had already begun to develop in a case-like direction (Kokko 2007: 187–188, with literature).

4.2. Saami languages

In the Northern and Eastern Saami languages, the singular comitative is identical to the plural locative; its proto-Saami form was *jnv (Korhonen 1981: 224–225). The suffix order of nouns in the singular and plural with case and possessive markers differs, as seen in (3). The Northern Saami plural comitative suffix *-guin*⁷ has its origin in the postposition **kōjmēn*⁸ ‘with’. If there are several coordinated nouns, the plural comitative ending shows its clitic character, and possessive suffixes are placed before it, with the comitative suffix added only to the last member of co-ordinated adjuncts, as seen in (4), where conjunction reduction is permitted. According to Nevis (1988), the new plural case marker has not yet fully integrated into the morphological

7. According to the modern orthography. According to Nielsen's orthography as used by Korhonen, the form is *-guim*.

8. This is an old Baltic loanword: Finnish *kaima* ‘namesake’, cfr. Lithuanian *káimas* ‘village’, *kaimýnas* ‘neighbour, habitant of the same village’ (Korhonen 1981: 226). It shows strikingly similar development to the Estonian case marker *-ga* originating from a denominal postposition *kaas* (<*kansa(ssa)* ‘in the people/ethnos’) (Stolz 2001: 600).

system, and therefore it should be treated as a bound postposition. However, this phenomenon – known as *Suffixlockerheit* – has been attested in many Finno-Ugric languages with different case suffixes⁹, and especially with the dual (Bouda 1933, with references).

- (3) *Son oru-i doppe oktan etni-in-is*
he/she live-PAST.3SG there together mother-COM-PX3SG
ja máná-id-is-guin.
and child-PL.GEN-PX3SG-COM
'He/she lived there together with his/her
mother and his/her children.' (Nickel & Sammallahti 2011: 324)
- (4) *akka-i ja máná-i-guim*
woman-PL.GEN and child-PL.GEN-COM
'with women and children' (Nevis 1988: 42)

In all Saami languages, the genitive plural has comitative functions, and it is used as a regular plural counterpart of the comitative singular in Lule Saami (Sammallahti 1998: 69–70). The same applies also to Pite Saami, cf. examples (5) and (6) (Wilbur 2014: 89).

- (5) *men ådtjo sáme giela-v ságasti-t*
but may.PRES.2SG Saami.GEN language-ACC speak-INF
duv árbeni-j?
2SG.GEN sibling-PL.GEN(COM)
'But were you allowed to speak the Saami
language with your siblings?' (Wilbur 2014: 89)
- (6) *válda káfa-v suhkori-jn jala suhkor-ahtha?*
take-PRES.2SG coffee-ACC sugar-COM or sugar-ABESS
'Do you take your coffee with sugar or without sugar?' (Wilbur 2014: 89)

In general, in Skolt Saami the comitative can also be used to express instrument. Otherwise the Skolt Saami comitative occurs as in other Saami languages, as seen in (7). In South Saami the singular comitative forms are similar to singular essives and plurals inessives; in the plural the basic forms are genitives + *gujmie/guejmie*

9. According to Baker (1985: 164), in all coordinated nouns the case marker or a postposition must be repeated in Komi, but not in Hungarian. In Mari, even the order for CXs and PXs is relatively free (see more information in Luutonen 1997).

(Bergsland 1982: 57–), see (8). Besides instrumental use, in South Saami, the comitative also has other functions, such as reason and resemblance (9).

- (7) *Jeänn puätt omm-gain domoi*¹⁰.
 mother come.PRES.2SG baby-COM to.home (Moshnikoff – Moshnikoff – Koponen 2009: 38)
 ‘The mother comes home with the child.’
- (8) *Dellie lij gaelp-ine.*
 at.this.time be.PRES.3SG calf-COM (Bergsland 1982: 58)
 ‘At this time (the cow) is with the calf.’
- (9) *Dihte seamma båerries mann-ine.*
 that same old 1SG-COM (Bergsland 1982: 73)
 ‘(S)he is as old as I am.’

4.3. Mari languages

Mari grammars discuss a not very productive comitative case in *-ke/-ye*¹¹, which has only one form in both Mari literary languages: *-ge*. It was probably first introduced to wider scientific circles by Beke (1911: 211). In Hill Mari the comitative occurs more often and it has been present in grammars starting with a basic grammar from the 1930s: *olma-ge* ‘with an/the apple’, *pört-ke* ‘with a/the house’, the possessive suffix can be present and plural marker also: *olma-em-ge* ‘with my apple’, *olma-blä-em-ge* ‘with my apples’ (Jaruskan 1933: 31–37). Later the comitative was removed from the Meadow Mari case inventory, since its function as a case or postposition was not

10. A Russian loanword in Skolt Saami.

11. This Mari case and the corresponding Komi comitative *-ked*, *-ked*, *-ket*, as in *méked*, *-ked*, *-ket* ‘with me’, are [probably] not etymologically connected to the Finno-ic postposition *kera*, *keralla* ‘with’ (SSA 1: 344), which occurs with the genitive in Karelian dialects and Ingrian, and has not been developed into a case-like direction. Even the etymological connection between the Mari and Komi comitatives is not certain (Rédei 1988: 383, Saarinen 1993: 151). However, the first parts of this marker look very similar as Wichmann (1923–1924: 153–154) has noticed. On the other hand, Olonetsian and Middle Veps, Ludian, Livvi and Valdai Karelian have a case marker *-ke* expressing comitative function. It has its origin in the postposition *kerta* ‘turn, time’ and its declensional forms (Kokko 2007: 184, with references). Because of the Mari and Komi markers’ occurrence in collective numerals, it has been connected to the Erzya suffix *-ge*, as in *kem-šísem-ge* ‘17’ (Galkin 1986: 20, Bereczki 1990: 40, Pusztaay 2001).

clear (Vikström & Zorina 2010: 20–). Sometimes it was referred to as “case like suffix” on obviously false grounds, for it was claimed not to have numeral inflection (e.g. Pengitov 1961: 69–70). Historically, it has been assumed that there were more cases in ancient Mari and that among them was a comitative *-ge* (Serebrennikov 1964: 106, Kovedjaeva 1976: 43). Currently, the comitative is more likely to be mentioned as a case, especially if Hill Mari is included in the study, although it occurs in all Mari dialects no more seldom than the lative case (Saarinen 1993: 151). Galkin (1966: 30) is inclined to consider that the suffix *-ge* forms adverbs, e.g. Hill Mari *kid-ge-jal-ge* ‘with hands and feet’. Words in the comitative can function as subjects, objects or adverbials; often the two comitatives are coordinated (Alhoniemi 1993: 59–60, Rédei 1996: 263–264, with literature). Besides coordination, as seen in (10), it can also express totality, (11) to (13), which is typical with numerals (Vikström & Zorina 2010: 121–122). The comitative can sometimes replace another case suffix, as in (12), where there should be an accusative marker, since it is an object (Saarinen 1993: 152).

- (10) *rþezə-ž-ge, šongə-ž-ge mur-at.*
 young-PX3SG-COM old-PX3SG-COM sing-PRES.3PL
 ‘Young and old people are singing.’ (Tužarov 1969: 208; 1977: 275)
- (11) *Sanu*¹² *kap-ke čatər-a.*
 Sanu body-COM feel.cold-PRES.3SG
 ‘Sanu is shivering with his whole body.’ (Meadow Mari, Alhoniemi 1993: 60)
- (12) *nəl traktor-ye üðəraməš-βlak βiktar-at.*
 four tractor-COM woman-PL steer-PRES.3PL
 ‘All four tractors are driven by women.’ (Meadow Mari, Alhoniemi 1993: 59)
 (Lit. the four tractors together, women steer [them]) (Stolz – Stroh – Urdze 2006: 70)
- (13) *Kok kid-šâ-ge lüktäl-ən.*
 two hand-PX3SG-COM raise(mom.)-IIPAST.3SG
 ‘(S)he raised both her/his hands’ (Vikström & Zorina 2010: 121)

12. At least nowadays, only the form *Sańu* (derived from Aleksandr) is known among Meadow Maris (Alexander Pustyakov, p.c.).

Interestingly, a similar suffix can be added to Mari ideophonic verbal stems; this has, however, been classified as a derivative suffix: *rūž-ye* ‘with crash (in Finnish: *rytisten*)’ and *kožər-ye* ‘brawling (in Finnish: *kohisten*)’ (Tužarov 1977: 277–278, Saarinen 1993: 152). It has been proposed that *-ye*, *-ke* actually marks more or less a number (Stolz–Stroh–Urdze¹³ (2006: 70). The authors argue that not everything that bears this label has a comitative function (or an instrumental one). They suggest that a good candidate for the comitative would be the postposition *dene*¹⁴ ‘with’, as it is also used as the coordinating conjunction ‘and’ (Arhipov 2009: 464). It can have different meanings depending on its position in the sentence; besides coordinative and comitative functions, represented in (14) and (15), it also fulfils the instrumental function. It can take possessive suffixes, as *məj dene-m* ‘with me’, *təj dene-t* ‘with you’.

- (14) *rβezə ðen üðər kino-š kaj-at*
boy and girl cinema-LAT go-PRES.3PL
'The boy and the girl are going to the cinema.' (Arhipov 2009: 47)
- (15) *rβezə üðər ðene kino-š kaj-at*
boy girl with cinema-LAT go-PRES.3PL
'The boy is going with the girl to the cinema.' (Arhipov 2009: 47)

In the Yaransk and other northwest dialects of Mari, a productive comitative with the suffix *-ńek* has been attested (Tužarov 1965, Ivanov & Tužarov 1970). The main function of this suffix is to express the comitative function, e.g. Meadow Mari *tičmaš-ńek* ‘in whole, wholly, all’ derived from *tičmaš* ‘whole’ and *kumi-ńek* ‘all three’ derived from *km̩* ‘three’ (Galkin 1964: 35). Altoniemi (1993: 97) gives examples from both Mari languages and reveals that as objects the forms do not have the accusative suffix *-m*. In other dialects, the suffix *-ńek* is not productive, which is the reason why it is not included in the case inventory of the literary Mari languages. It has four functions, of which only the coordinating one (see example (14)) is the same as in the literary Mordvin languages, and one other meaning is equal to the special meaning

13. This book offers in some degree useful pieces of information on Uralic languages, but occasionally there are mistakes: the language family of Eastern Mari is not Sepik-Ramu (p. 432).

14. It indeed earlier existed in the nominal paradigm (Pengitov 1956: 40, with literature).

it has in the dialects (see (65) compared with the two Erzya examples (63) & (64) documented by Danilov (1969: 174)). Usually, the Mari suffix has only singular forms regardless of whether the meaning is singular or plural:

- (16) *Sibas pört-ńek, kəlät-ńek, þitä-ńek,*
Sivas house-COM storeroom-COM cowshed-COM
šəyäl-en šənt-en.
repair-GER CONV-II.PAST.3SG
'Sivas renovated the house, the storeroom[s] and the cowshed.'
(Tužarov 1965: 37)

4.4. Permic languages

In Udmurt, the instrument and comitative functions are covered in the singular by the suffix *-(j)en* and in the plural by the suffix *-jn* (Kel'makov & Hännikäinen 2008: 166–169, Bartens 2000: 98–102). This Udmurt use of the comitative for the comitative function might be a Turkic feature (Bartens 2000: 102). The expressions can be complemented with the postpositions *čoš* or *valče* ‘with’, as seen in (17). Komi makes an inflectional distinction between these functions, although the instrumental case in Komi may occasionally – with possessive suffixes – be used to denote the comitative function as it is in Udmurt (Grünthal 2003: 170). The sociative case suffix in Komi is *-kəd*, as seen in (18). Bartens (2000: 99–100) claims that in some cases the Udmurt instrumental does not display any sociative (comitative) functions and consequently is used merely as a syntactic conjunctive marker. This phenomenon is albeit more restrictedly also known in Komi.

- (17) *Kar-e eš-en-jm (čoš / valče) mјn-iško.*
city,town-ILL friend-COM-PX1SG with go-PRES.1SG
'I'm going to city/town with my friend.'
- (18) *sar+pi niv-ked pisj-as-nj.*
tsar+boy girl-SOC flee-FUT-3PL
'The boy of the tsar is going to flee with the girl.'¹⁵ (Bartens 2000: 101)

15. For some reason Bartens has the verb in the past tense: ‘tsaarinfoika tytön kanssa pakeni, tsaarinfoika ja tytöt pakenivat’.

4.5. Ugric languages

In Eastern Mansi, in the Ob-Ugric branch, there are comitative affixes which happen to have instrument(al) functions (Kulonen 2007: 80–82). In Northern Mansi folklore texts the *-əl*, *-təl* marker often has comitative meaning, as in (19), but nowadays this use is obsolete (Skribnik & Afanas'eva 2007: 58). Besides the instrumental case suffix *-əl*, *-təl*, the comitative function is fulfilled with the postposition *jot* or *akwjot* ‘with’, as seen in (20). The postposition can take possessive suffixes.

- (19) *Ēkwa-piyrís*¹⁶ *ākw-ēn-tjil*   *ōl-ē-y-*.
     Ēkwa-piyrís   grandmother¹⁷-PX3DU-COM   live-PRES-3DU
     ‘Ēkwa-piyrís lives with his grandmother.’   (Skribnik & Afanas’eva 2007: 58)

(20) *Am eś-um*   *jot jony-e-yum.*
     1SG younger.sister-PX1SG   with play-PRES-1SG
     ‘I play with my younger sister.’   (Balandin & Vahruševa 1959: 31)

In the Khanty dialects, the case inventories vary greatly, from 2 (or actually 3) in the Northern varieties, to 7 (or even up to 11 for pronouns) in some Eastern varieties. In the Eastern Khanty dialects, the case called *instrumentalis-comitativus*, historically *nat/*nät, fulfils both functions (Honti 1984: 60–70). The companion can affect the predicate, as in (21), or not, as in (22). The accompanee is not even present in the following example:

In Northern Khanty the accompanee is expressed with the postposition *pia* ‘with’ which takes possessive suffixes before the case

suffix, as seen in (23). Other possibilities are the adverbs *jäxa* ‘together’ and *wōtša* ‘id.’, which can also occur as verbal prefixes (Solovar 2009: 119).

- (23) *ma năŋ piš-an-a ān kašaš-ʌ-əm.*
 1SG 2SG with-PX2SG-LAT NEG agree-PRES-1SG
 'I disagree with you.' (Solovar 2009: 120)

In Hungarian, the nouns take case suffixes (from 17 to 28 cases depending on the analysis), but the pronouns lack case-marked forms (Spencer 2009: 197). The comitative-instrumental *-vel/-val* is used for marking accompaniment and instrument relations, and the associative *-stul/-stüл* when the label accompaniment is appropriate (Stolz – Stroh – Urdze 2006: 10, 102–103, 450). All Hungarian case suffixes that are historically documented have developed from postpositions. The postpositions are bi-syllabic (with two exceptions), while all case suffixes are mono-syllabic. It has been argued that Hungarian had postpositions before c. 1200; but from then on, the postpositions appeared as case suffixes, which coincides with the beginning of the literary tradition (Heine 2009: 460, 462–463, with references).

4.6. Samoyed languages

In Forest Enets, the function of the comitative (which is actually an associative derivative suffix) *-sai*, *-dai*, *-čai* is to express possession, a general property or with whom or what an action takes place, as seen in (24). For expressing instrument, the locative case is used. The marker can be followed by a number marker and has been considered as standing on the borderline of case. Pronouns lack a comitative form, but this function is fulfilled by the instrumental-comitative function of the lative case (Siegl 2013: 170–171). Nenets and Enets have also equal derivational associative suffixes (including the genitive endings): Tundra Nenets *-sawej'*, Forest Nenets *-samij*, and Tundra Enets *-sae'*. According to Salminen (1993: 261), Nenets kinship terms amount to a distinct subclass among nouns. There are two derivative types used in their dual or plural forms. Words expressing mutual kinship attach a suffix beginning with a sibilant: *māŋ* ‘cousin’, *du-*

¹⁶ Act. meaning: ‘the poor boy of the old woman’.

17. In other sources the meaning can also be 'aunt' or 'mother'.

māngsaxa', pl. *māngas'*; an etymologically and functionally identical derivative type can be found in Finnish: *serkukset* ‘cousins’ < *serkku* ‘cousin’ (Salminen 2014: 294–295). If they are referring to equally related persons, another alternative is the suffix *-na-*. For obvious reasons, normally only possessive forms are used in this context.

- (24) *enču   né-sai¹⁸   daða-č*
 people.PL child-ASSOC go-PAST.3PL
 ‘People travelled with their child.’

(Siegl 2013: 171)

In Selkup, according to Alatalo (manuscript), there are pseudocases which are actually postpositions, and comitative *-sä*, with dialectal variation, is one of them. However, it is used as a case suffix in the absolute declension, although possessive forms are lacking. The marker *-sä* also expresses instrumental function (Kuznecova – Helimskij – Gruškina 1980: 175). The dialectal dictionary of Northern Selkup (DSSJa) classifies this suffix as instrumental, although it gives six different functions for it, of which several are definitely comitative, see e.g. (25) and (26). It is in an uncertain relationship with a reciprocal suffix in Kamas and Nenets, and also with other Samoyed nomen possessori suffixes (Hajdú 1969: 70, f. 16., Künnap 1971: 137–138). Since the comitative function is often connected to +human, possessive suffixes are common, as in (27):

- (25) *īja   korkj-sä   iljampa*
 child, son bear-COM live(durat).AOR.3SG
 ‘The boy lived with the bear.’

(DSSJa 286)

- (26) *Iča   inti-sä   kora-lä   qənpa*
 Iča bow-COM hunt-GER go.AOR.3SG
 ‘Iča went hunting with the bow.’

(DSSJa 286)

- (27) *okkirjn mē   esse-p-se*
 once   1PL father-PX1SG-COM
 ‘Once we with my father...’

(Bekker 1976: 147)

18. According to Salminen (p.c.), there should be a laryngal stop (‘), which would represent a better preserved form, typical for comitatives (as they are named in Nenets grammars) as adverbials in Samoyed languages. A form without the genitive is used for attributive forms. The analysis *né-sai-*’ child-ASSOC-GEN by Salminen reveals that the comitative in Forest Enets should also be analyzed as a derivative suffix.

It has earlier been proposed by Prokof'ev (1935: 32) that there is a comitative case suffix *aptj* in Selkup, but later grammars reject it, considering it a postposition because it demands a noun in the genitive case before it (Kuznecova – Helimskij – Gruškina 1980: 159, 184). In Nganasan also the comitative function is fulfilled by a postposition *nanu* ‘with’, as in (28):

- (28) *Somatu-” dōmtasuə-” dūraki-”   nanu.*
 Enets-PL fight-AOR.3PL Nenets.GEN-PL with (Wagner-Nagy 2002: 125)
 ‘The (Tundra) Enets fought with the Nenets people.’

5. Data analysis: paired -ńek/-nek words

The material represented in the following pages was collected in August 2013 from six informants in five villages of the raion of Dubenki, Mordovia. All examples include a pair of noun phrases with the affix -ńek/-nek because I asked my informants to produce such examples. The paired -ńek/-nek words form a subgroup of nominal co-compounds. Co-compounds of all word classes are relatively common in Mordvin languages depending on the text type; they are especially frequent in folk poetry. A detailed analysis of them has been conducted by Wälchli (2005: 218–225), who has noticed that co-compounds can have highly different degrees of lexicalization in different registers of the same language, which is very interesting. Co-compounds can be phonologically close, as Erzya *alks(t)-prálk(s)t* ‘mattress-pillow’ > ‘bedding, bedclothes’, and in most cases both parts are analyzable (Wälchli 2005: 184, f. 1). It has been suggested that Mordvin co-compounds hold an intermediate position between compounds and phrases, which is shown from their hyphenation in orthography (Koljaděnkov 1959: 56). Each part has a word stress, and there is a strong tendency toward inflection harmony (Wälchli 2005: 2–3).

Often the second participant in the comitative structure is the special pronoun form *mež(e)* ‘what’ usually expressing collectivity or to be more precise, associative plurality, as in *mol-a-n* *Kola-mež-ńeň* (go-PRES-1SG Kolya-ASSOC.PL-DAT) ‘I go to Kolya and the others’ (Cygankin 1980: 150). It can also take the plural suffix *-t* / *-t'*: *Kola-mež-t'* (Kolya-ASSOC.PL-PL) ‘Kolya and the others’ (Klement'eva

2004: 39),¹⁹ or it can have a possessive suffix before it: *mama-nt-meś-t'* 'your mother and the others' (Nad'kin 1968: 7). Historically, this is the same as the pronoun *meže* 'what', which combines two pronominal elements: the ancient Uralic pronoun *mV and a demonstrative pronoun *še* 'it' (Cygankin 1977: 30). In dialects this old pronominal element can occur without the determinative element, e.g. in the dative case, as *Vaśa-me-ńeń* 'to Vasja and persons associated with him' (Cygankin 1977: 30–31). If the plural marker is added to the noun, the copulative conjunction *da* 'and' is optional, e.g. *Kola-t da meže* 'Kolya and the others with him' (Cygankin 1977: 34). This kind of use of the pronoun *meže* 'what' is more common in Erzya than in Moksha (Babuškina 1967: 260). These structures also occur in Udmurt, and they can be termed pronominal echo-words (Wälchli 2005: 168–169). In Mordvin also, co-compounds of proper names in plural are used to express couples, siblings, or other pairs of two closely related persons, such as *Maśa-t-Vaśa-t* 'Maša and Vasja'.

19. In Mari, the suffix *-mit* (dialectally *-met*) has a parallel function used with the names of relatives and proper names: *aβa-mít* '[my] mother and everyone, who is with her' (Galkin 1964: 56, Kovedjaeva 1987: 86–88). It has been assumed that the *m* element was originally a possessive suffix, and when it lost its personal meaning, constructions, such as *aβa-m-mít* 'my mother and all, who are with her', also became possible (Galkin 1964: 67–68, more explanations in Honti 1997: 71–74). In many dialects the use of *-mit* has expanded and it can express the usual plural with all nouns: *uškal-mít* 'the cows, *pört-mít* 'the houses' (Galkin 1964: 66–67, Kovedjaeva 1987: 88, Honti 1997: 71, with references). (Actually the usual plural marker can also be occur in the same position, as in Meadow Mari *aβa-m-βlak*, Hill Mari *äβä-m-βlä* 'my mother and all, who are with her' (Galkin 1964: 62).) It can also take a comitative marker and obviously still be the subject of a sentence: *Tače Semon-mít-getol'-jč* 'Today Semjon and all with him came (pl)' (Tužarov 1977: 272). It seems possible that this Mari suffix has even been borrowed into Southern Komi dialects where suffix *-mjid* (or *-kjid*) fulfils equal function (Žilina 1985: 37, Kovedjaeva 1987: 88).

A similar restricted use in order to express collective or an actual comitative meaning with different suffixes has been documented in other Finno-Ugric languages, and even in Nenets too. Besides kinship terms, pure plural forms of proper nouns can have this kind of special plural meaning. Some other terms for this construction are the *elliptical plural*, *approximative plural*, *representative plural* and *plural a potiori* (Moravcsik 2003: 497, ft. 1). In Turkish and Bulgarian this association is usually interpreted as family affiliation, while in other languages it can even be purely accidental. In Hungarian the suffix *-ék* can be added to nouns denoting persons and it then needs a definite article to guarantee referentiality (Vassilieva 2005: 5, 8). As a curiosity, it must be mentioned that in Mari some co-compounds (mostly kinship terms) have double marking with *-ak*, an additive focus particle in other connections (Wälchli 2005: 249).

There are many other collective suffixes in Mordvin, of which the *(i)de* is restricted to the nouns expressing family members. Here the possessive suffix is obligatory, e.g. *pat-iđe-ń* (older.sister-ASSOC.PL-PX1SG) 'my older sister and her family/or others with her', *pat-iđe-t'* (older.sister-ASSOC.PL-PX2SG) 'your older sister and her family/or others with her'. In dialects it can be added to the noun without the vowel, e.g. *ava-dí-ń* (mother-ASSOC.PL-PX1SG) 'my mother and the others' (Evsev'ev 1929: 37–39, Cygankin 1961: 357, Koljaděnkov & Zavodova 1962: 41). But this is considered to be out of date (Serebrennikov 1967: 67). According to comprehensive analysis of a considerable amount of languages, associative plurals are more typical among human proper names than human common nouns; they mostly occur with kinship terms (Daniel & Moravcsik 2005: 150).

Semantic types of paired co-compounds
and their syntactic roles:

A) NP-ńek is animate (NP1 V NP-ńek – NP-ńek)

For a typical comitative construction, two NPs of different syntactic rank are needed. Comitatives are connected to the subject of the sentence. Prototypically comitative constructions have human participants, as in (29). However, the word order hints that this is also a coordinated structure, where the paired words form the subject of the sentence.

- (29) *Veše oja-ńek – jalga-ńek tu-śt' kino-v.*
All friend-COM friend-COM go-PAST.3PL cinema-LAT
'Everybody went with their friends to the cinema.'
(Or possibly: All of the friends went to the cinema.)
(Which is: All friends [and friends] went to cinema.) (Kabayev 2013)

B) NP-ńek is inanimate: NP1 V NP-ńek NP-ńek

In (30), the object is included in the objective conjugation, as well as the subject. When several interpretations are possible, the context is the deciding factor.

In (31), the target of the order is obvious from the context.

C) *mežnek* constructions, only in NP-*nek*-*mežnek*

The *meźnek* constructions could be regarded as a special kind of *ornamental co-compound* (meaning that one part does not contribute anything semantically to the meaning of the whole) (Wälchli 2005: 6). Usually, in other word classes, both parts of a co-compound have a meaning, but *meźnek* merely repeats the meaning of the first companion, and possibly broadens it a little. They can be classified as secondary predicates, and expressions of concomitance, as in (32) and (33). Such participant-oriented adjuncts are generally regarded as adverbials (Himmelmann & Schulze-Berndt 2005: 36–37).

- (32) Šemija-*m* tu-*s* pakša-*v* soka-**ńek**- mež-**ńek**.
 family-PX1SG go-PAST.3SG field-LAT plough-COM what-COM
 ‘My family went to the field with their ploughs and other equipments.’
 (Povodimovo 2013)

(33) Tolá tu-*s* ekakš²¹-*oń* kužo-*v* uš
 Tolya go-PAST.3SG child-GEN garden-LAT already
pej-ńek- mež-**ńek**. (*Mašt-s* jarca-*mo*).
 tooth-COM what-COM can-PAST.3SG eat-INF2
 ‘Tolya went to kindergarten already with his teeth and whatnot.
 (He could already eat.)’ (Povodimovo 2013)

The subject can be included in the verbal conjugation, in which case, a participant in the comitative is connected to it:

20. A very incomplete verb or a type of imperative particle that also has the plural form *ažo-do*.

21. In the literary Erzya language, the word is *ejkakš*.

- (34) **Pilge-ńek– mež-ńek** *kel'm-i-ńek* *sa-msto.*
 foot/leg-COM what-COM catch.a.cold-PAST-1PL come-INF.ELA
 ‘We caught a cold with our legs and other bodyparts, when we came.’
 (Kochkurovo 2013)

(35) **Čama-ńek– mej²²-ńek** *veše* *pšilgad'-i-ń.*
 face-COM what-COM whole sweat-PAST-1SG
 ‘I sweated wholly with [my] face and whatnot.’ (Kabayev 2013)
 (Possibly: ‘I was drenched in sweat from head to toe.’)

The predicates in the two following examples represent the Mordvin polysemantic deverbal *v* derivative, which mainly expresses reflexive-passive-automative meanings (more information in Salo 2006 & 2015: 34). Here, the comitatives are connected with the subjects of passive sentences. In addition, the subject in (36) is embedded in the verbal morphology.

- (36) *Artovks²³-ne-se pačka-v²⁴-i-nek čama-nek- mež-nek.*
 paint-DIM-INE dirty-REFL/PASS-PAST-1PL face-COM what-COM
 ‘We were covered in paint from head to toe.’
 (Lit.: ‘With our faces and whatnot we were made dirty with paint.’)
 (Kochkurovo 2013)

- (37) *Ejkakš-oš sova-ś rudaz-s*
 child-DEF.NOM enter-PAST.3SG mud-ILL
di vadňe-v-ś čama-ńek- mež-ńek.
 and dirty-REFL/PASS-PAST.3SG face-COM what-COM
 ‘The child went into the mud and got her/his face and whatnot dirty’
 (Ardatovo 2013)

In (38), the comitative is connected to the object in a special way and the predicate verb is in the subjective conjugation. In the Uralic languages and especially in Mordvin, the choice between the (indeterminate or) subjective conjugation and the (determinative, definite or) objective conjugation is not clear. The choice of the object's case (nominative,

22. In some dialects, a variant without the sibilant element -z also occurs (Cygankin 1977: 31).

23. At first, the informant said *kraska-so*, but since it is a Russian loanword, she replaced it with the genuine Erzva word *artovks* < *artoms* 'to paint'

replaced it with the genuine Erzya word *ar'ovks* ‘arrows’ to paint’. 24. Actually, the Erzya verb *pačkavoms* might be a direct substitute for the Russian *pačkat'sja* ‘get dirty’, for which *pačkams* and *pačkat'* ‘make dirty’, are their respective transitive counterparts.

definite nominative, genitive or definite genitive) is also disputed. Objective conjugation is a typical Siberian feature. In the Uralic language family the objective conjugation is expressed with suffixes, of which the object marker is closer to the stem, and the marker of the subject is often the last member in the suffix chain. Worldwide it is more common that the object marker is replaced before the verb as the first prefix, and the subject marker after the verb. Among the Uralic languages, the Mordvin languages have the most advanced objective conjugation forms. In these not only the object's number, but also its person can be expressed. The system is not perfect; homonymy occurs, especially in plural forms. In Erzya and Moksha the markers of the object and subject can be clearly distinguished (see Salo 2014 for more information). Another interpretation suggested for (38) by my referee is that the comitative is a predicate which gets a pluralised object participant, namely two NPs with different syntactic rank: *put* [NP(NOM/ACC) NP(COM)].

- (38) *Maćt-s put-i-ńek emež-tne kapsta-ńek- mež-ńek.*
 cellar-ILL put-PAST-1PL vegetables-DEF.PL cabbage-COM what-COM
 'We put the vegetables in the cellar with the cabbages and whatnot.'
 (Kochkurovo 2013)

In (39) and (40), the *-nek* construction is connected to the definite object in the genitive, and the predicate verb is in the objective conjugation:

- (39) *Ola orš-i-že plat'ja-ńt' karks-ńek- mež-ńek.*
 Olya dress-PAST-OBJ.CONJ.(3SG)3SG dress-DEF.GEN belt-COM
 what-COM
 'Olga/Olya put on a dress with its belt and its other accessories.'
 (Chindyanovo 2013)
- (40) *Koda pečk-i-ž kudojutkoń rakša-ńt' seste jort-i-ž tévalav²⁵-tne-ń pujarmo-ńek- mež-ńek.*
 when slaughter-PAST-OBJ.CONJ.(3SG)3PL domestic animal-DEF.GEN
 seste then throw-PAST-OBJ.CONJ.(3SG)3PL lungs-DEF.PL-GEN
 internal.organs-COM what-COM
 'When a domestic animal was slaughtered, then its lungs and other internal organs were thrown [away].'
 (Ardatovo 2013)

25. In the literary language, this form becomes *tévelav*.

A paired co-compound used alone as an object can trigger the objective conjugation, which has already been attested in Koljaděnkov and Zavodova (1962: 160).

- (41) *Mešok-s val-i-ń-že sulika-ńek- mež-ńek.*
 sack-ILL tip-PAST-3PL-OBJ.CONJ.3SG glass-COM what-COM
 '[S]he tipped glasses and other whatnot into the sack.'
 (Kochkurovo 2013)
- (42) *Kapsta-ńek- mež-ńek purn-i-ń-že stol-eńt' lang-sto*
 cabbage-COM what-COM lay-PAST-3PL-OBJ.CONJ.3SG table-DEF.GEN
 on-ELA
 '[S]he took the cabbage and whatnot away from the table.'
 (Povodimovo 2013)

In (43), the comitative is connected to the object, and the verb is a past participle:

- (43) *Kudo-so-ńt' puto-ź valma-tňie sulika-ńek- mež-ńek.*
 house-INE-DEF set-PASS.PAST.PTCL window-DEF.PL
 glass-COM what-COM
 'Windows with their glasses and frames were put [in their place] in the house.'
 (Chindyanovo 2013)

In (44), the comitatives can be the objects of a participial phrase construction (in Finnish *lauseenvastike*, which is not always the same concept, because it also covers longer infinitive forms):

- (44) *Sulika-ńek- mej-ńek kando-msto pra-ś cora-ś.*
 glass-COM what-COM carry-INF.ELA fall-PAST.3SG man-DEF.NOM
 'When carrying glasses and other kitchen utensils / dishes, the man fell [down].'
 (Kabayev 2013)

D) A-ńek – B-ńek V → coordinating construction

When +humans are involved in a *-nek* construction, its main function seems to be coordinate equal parts, which is known at least in the grammar of Koljaděnkov and Zavodova (1962: 160, 161). As there are not multiple subjects in the following examples (45)–(49), the paired

co-compound can even be used as the only subject, which is very peculiar for a comitative case suffix, albeit not very rare for an associative derivative suffix.

- (45) *Mińek kištema-ń ansambla-so-ńt' mel-s paro-so
we.GEN dance-GEN ensemble-INE-DEF mood-ILL good-INE
važod-it' ava-ńek- čora-ńek.
work-PRES.3PL woman-COM man-COM*
'In our dance ensemble, the women and men
are working with pleasure.' (Ardatovo 2013)
- (46) *Jarsamopele-ń pidé-me mašt-it' od-nik- siře-ńik.
food-GEN cook-INF2 can-PRES.3PL young-COM old-COM*
'Both the young and old can cook food[, too].'
(Ardatovo 2013)
- (47) *Ejkakš-ńek- nućka-ńek sa-śt' pokš
child-COM grand.child-COM come-PAST.3PL big
baba-st turtov lezda-mo.
grandmother-PX3PL POP'for' help-INF2*
'The children and grandchildren came to help
their great-grandmother.' (Chindyanovo 2013)
- (48) *Ikele-ń ška-ńe kolhoz-so robota-śt'
before-GEN time-TEMP kolkhoz-INE work-PAST.3PL
ava-ńek- cora-ńek vejse.
woman-COM man-COM together*
'In the past, the women and men worked together in the kolkhozes.'
(Povodimovo 2013)
- (49) *Teta-ńek- ava-ńek néj líjad-śt' škamo-st eŕa-mo.
Father-COM mother-COM now be.left-PAST.3PL alone-PX3PL live-INF2*
'The father and mother were now left alone / by themselves.'
(Kabayev 2013)

Sometimes several interpretations are possible, since each part can be in the singular or the plural independently of the other, as in (50):

- (50) *Teta-ńek- čora-ńek ard-śt' traktor-so
father-COM son-COM drive-PAST.3PL tractor-INE
víř-ev peng-s.
woods-LAT firewood-ILL*
'Father and son / fathers and sons / father and sons drove a / the
tractor to the woods for firewood.' (Chindyanovo 2013)

Even body parts in the comitative can occur as subjects representing the whole unit. The next example was used for describing senile neighbours:

- (51) *Prá-ńek- pulo-ńek tolko-st ara-śt'.
head-COM plait-COM sense-PX3PL NEG-PRES.3PL*
'The ones with braids don't have any sense at all.'
(Lit. 'The[ir] heads and braids don't have [any] sense.) (Kabayev 2013)
- (52) *Eŕza-ńek- mokšo-ńek, miń eŕa-tano Řespublika
Erzya-COM Moksha-COM we live-PRES.1PL Republic
Mordovija-so.
Mordovia-INE*
'Erzyas and Mokshas, we live in the Republic of Mordovia.'
(Chindyanovo 2013)

Here, in (52), the coordinated comitative subject has been complemented by an additional pronominal subject which inflects the predicate. There was a clear pause in the informant's speech after this co-compound.

In some rare cases with front vowels, it can be difficult to decide whether it is a question of a comitative marker or a possessive suffix. I have shown the following example to native Erzya speakers and they were more inclined to interpret -nek as a PX1PL:

- (53) *Miń veše ojme-ńek šeděj-ńek put[t]-ano
we all soul?- heart? put-PRES.1PL
erźa-ń tŕi-ń kel'-eňtén.
Erzya-GEN native-GEN language-DEF.DAT*
'We put all of our souls and hearts into the Erzya mother tongue.'
'We put everything with souls and hearts into the Erzya mother
tongue.'
(Ardatovo 2013)

It has often been mentioned that Mordvin words in the comitative have temporal usage. But to be more precise, the -nek suffix only coordinates semantically temporal pairs of words. It depends on the language into which these utterances are translated as to what the interpretations will be.²⁶ Also, the Mari comitative has equal lexicalized use:

26. In Finnish, there are several possible translations for (54): *yöt [ja] päivät* (pl nominatives), *öisin ja päivisin* (pl adverbs), *yöllä ja päivällä* (sg adessives), and even *yötä päivää* (sg partitives), and for (55): *kesät [ja] talvet* (pl nominatives), *kesäisin ja talvisin* (pl adverbs), *kesällä ja talvella* (sg adessives).

jüt-ke kečə-ye ‘night and day’, *telə-ye kenež-ge* ‘winters and summers’ (Saarinen 1993: 152). It has been assumed that this Mordvin temporal -ńek was originally a comitative marker (Wälchli 2005: 249).

- (54) *Či-ńek-* *ve-ńek* *ava-ś* *ozno-ś*
night-COM day-COM mother-DEF.NOM pray-PAST.3SG
es *ejdē-nze* *kise*
own child-GEN.PX3SG for
'The mother prayed for her child night and day.' (Chindyanovo 2013)
- (55) *Vele-se* *eři-ća-tńe* *kast-it'* *rakša-t*
village-INE live-PRES.PTCL-DEF.PL grow-PRES.3PL animal-PL
kudo-so *tele-ńek* *kize-ńek.*
house-INE winter-COM summer-COM
'People living in villages raise (domestic) animals all year round.'
(Lit. 'in winter and in summer') (Chindyanovo 2013)

6. Additional data: single comitatives

E) +human accompanee: NP1 V NP-ńek

The use of non-paired words with the suffix -ńek can be found in grammars and literature. This normal use of -ńek suffixes occurs with +human accompanees. Examples (56)–(57) illustrate non-paired comitative NPs connected to the subject:

- (56) *Kołá sa-ś* *lísme-ńek*
Kolya come-PAST.3SG horse-COM
'Kolya came with his horse[s]' (Bartens 1999: 99)
- (57) *Son śelved-ńek* *lísń-ił'* *jala* *še-ń* *ked'-ste*
she tear-COM go.out-II.PAST.3SG always it-GEN by-ELA
'She always left him with tears [in her eyes]' (Koljaděnkov & Zavodova 1962: 160²⁷)

27. Originally from Kutorkin 1959: *Pokš ki langso umarina*, p. 146. Not included in this research. Kutorkin was born in Poretsk raion, Chuvashia.

F) +human NP-ńek alone

A word in the comitative can also express the quantity or totality as a subject, and the predicate verb is used in the plural. Sometimes examples from real life have been too revealing and unfavourable to the new brave socialist state, as can be seen by (58) having been deleted in Evsev'ev (1931). Drinking was shameful, but being ill was permitted, as seen in (59).

- (58) *Vele-ńek* *śimi-t'*
village-COM drink-PRES.3PL
'The whole village drinks.' (Evsev'ev 1928: 54, 1963: 54)
- (59) *Semija-ńek*²⁸ *seredź-t'*
family-COM be.ill-PRES.3PL
'The entire family is ill.' (Evsev'ev 1928: 54, 1931: 44, 1963: 55)

On the other hand, in (60) the Russian translation might indicate that the actual subject has simply been omitted from the surface structure. It might still reflect only the Mordvin meaning and not its functions, as my referee pointed out.

- (60) *Välī-ńik*²⁹ *tu-śť* *Śibiŕ-uv.*
village-COM go-PAST.3PL Siberia-LAT
'Vsem selom oni ujexali v Sibir.' (Šugurovo³⁰, Cygankin 1961: 346)
'They went with the whole village to Siberia.'
Probably only: 'The whole village went to Siberia.'

G) (NP1) V NP2-def NP-ńek

The next examples show the single comitative as a manner adverbial-like dependent:

- (61) *Mešok-ńek* *kand-it'* *sal-tne-ń.*
sack-COM bring-IMP.CONJ.OBJ(3PL)2SG salt-DEF.PL-GEN
'Bring the salt in sacks!' (Evsev'ev 1928: 54, 1963: 55)

28. An alternative word used in colloquial language is also provided: *śemjom* (*семём*), a loanword from the Russian word *semja* 'family' in the instrumental case: *semjoj* (*семёёу*).

29. The actual form *Valī-ńik* must be a misprint.

30. In the Bol'sheberezniki raion, Mordovia.

- (62) *Natoj sorks jak-i t'ela-va-n, jalga-t- oja-t,*
 even start go-PRES.1SG body-PROL-PX1SG friend-PL friend-PL
jovia-n užist': kardaz-nek té kudo-ńt'
 tell-PRES.1SG horror yard-COM this house-DEF.GEN
kruž-i-ż. surround-PAST-OBJ.CONJ.(3SG/3PL)3PL
 'Even start goes through me, friends (x 2), I will say a
 terrible thing: this house and its yard was surrounded.'
 (Koljaděnkov & Zavodova 1962: 160–161³¹)

7. Dialectal curiosities: depictives

Danilov (1969) has found one more meaning expressing a kind of quality, as seen in (63) and (64), which can be compared with the essive and translative adverbials in Finnish. Elsewhere they are called *depictives* or *depictive secondary predicates*, which are a kind of adjunct conveying predication with respect to a participant of the main predication. They are thus participant-oriented adjuncts, as opposed to adverbials, which are considered event-oriented adjuncts (Himmelmann & Schulze-Berndt 2005). This special use has so far only been documented in his native dialect from the raion of Cheremshan in Tatarstan.

- (63) *Ko-v³² piže-nek sezni-a-t umar-tńe-ń?*
 what-LAT green-COM tear-PRES-2SG apple-DEF.PL-GEN
 'To where do you tear the apples green?' (Danilov 1969: 174)
 (Meaning: 'when they're raw')
- (64) *Ko-v od-nek tonavt-a-t ej-se-nze*
 what-LAT young-COM teach-PRES-2SG POP-INE³³-PX3SG
targa-mo?
 smoke-INF2
 'To where do you teaching him/her to smoke [so] young?' (Danilov 1969: 174)

31. Kutorkin 1959: *Pokš ki langso umarina*, p. 181.

32. In Russian: *kuda* 'to where'. This might be a local usage actually meaning 'why', but since Danilov has not commented on this, the question remains unsolved. (There are also other similar interrogative pronouns: *mejs* and *mes* 'why?')

33. The form *ejse* is an inessive form of the postposition *ez* (also used in the analytic forms of the definite nominal declension) with possessive suffixes sometimes replacing personal pronouns as object forms. More information of this Mordvin case syncretism can be found in Alhoniemi (1992) and Bartens (1999: 83–88).

In the literary Erzya language, the utterance would have an adverbial predicate in the elative, e.g. *jarcams piže-ste* 'eat green (or raw)'; in Finnish the adverbial is in the essive *syödä vihreä-nä*. A similar use has been attested in the Yaransk dialect of Mari, as seen in (65):

- (65) *Kuman[-] melnä šokšā-nek βelə totlo.³⁴*
 in.layers pancake hot/warm-COM only tasty
 '[Mari] triple-stack pancakes are tasty only [when they're] hot.'
 (Tužarov 1965: 38)

Examples (63)–(65) represent a special kind of structure with adjectives. They are very good parallels to the Russian examples with predicative instrumentals: *zelénym*, *molodym/molodoj* and *žarkim*, respectively. However, in these contexts nominative forms are also possible and no rules explaining this alteration have been found despite serious attempts (e.g. Nikunlassi 1993). As a rule, the comitative in the Erzya literary language does not have possessive suffix forms or the definite declension (Koljaděnkov & Zavodova 1962: 173). Even indefinite plural forms are rare, although they occasionally occur in texts:

- (66) *Son tu-ś ni-nek ejkakš-t-nek.*
 he go-PAST.3SG wife-COM child-PL-COM
 'He went with his wife and children.' (Bubrih 1953: 56)
- (67) *Ejkakš-t-nek sod-it' té-de.*
 child-PL-COM know-PAST.3PL this-ABL
 'Even the children know it.' (Danilov 1969: 173)

In the Nizhnepyanskiy dialect spoken in the Nizhniy Novgorod oblast' (former Gorkiy oblast'), and in a subdialect of the Alatyr dialect, comitative forms including a definite singular sibilant element have been found, e.g. *kilej³⁵-ež-nek* 'with the birch; birch-DEF.SG-COM' (Nad'kin 1968: 51). Rueter (2010: 97) includes a table of comitative forms from the plural definite declension in his public defence of his doctoral thesis, which the opponent Nina Aasmäe – a native speaker of Erzya, born in the Bol'sheberezniki raion in Mordovia – found very odd. Some forms are documented by Nad'kin (1968: 27–28):

34. In Meadow Mari, the vowels differ in the literary language: *koman*, *melna*, *tutlo*.

35. The form in the literary language is *kilej*. In this dialect, *-η* > *-v* before stops, as seen in (68).

- (68) *Tumo-tńe-ní usk-i-ż*
 oak-DEF.PL-GEN carry-past-OBJ.CONJ(3PL)3PL
 ‘The oaks were carried with the birches.’
- kilev-tńe-ńek.*
 birch-DEF.PL-COM
 (Nad'kin 1968: 27)

In Uralic languages the linear position of the case markers and possessive suffixes is usually fixed, but it depends on the case. The only exception is Mari, where the variation is quite free (see Luutonen 1997 for more information). Thus, in Mordvin the order is stem-PL-PX-CX in the nominative, genitive, and dative forms, but stem-CX-PX in the ablative, inessive, elative, and illative forms (these cases do not distinguish singular from plural) (Spencer 2009: 193, with literature).

Sometimes the Mordvin 1PL possessive suffix has a phonological form which is almost identical to the suffix *-ńek/-nek*, but it alternates according to the vowel harmony rules: -(e)ńek/-(o)nok with the binding vowel. The number of the possessed is marked in the predicate or predicative part of the sentence. In the present tense, no copula is needed.

- (69) *Mińek mastor-onok pokš di mazij.*
 1PL.GEN land-PX.1PL big and beautiful
 ‘Our land [is] big and beautiful.’

8. Conclusions

So far I have not been able to find a good definition for the term “case”. Typically, different cases and their syntactic functions are listed, but without definition. Instead an inflectional case hierarchy is offered, revealing that a language will not have a comitative case unless it has a genitive (Blake 1994: 157), or types of morphological case system (Spencer 2009). Cases can definitely develop from two different directions: from derivational suffixes and from adpositions. The situation with the Mordvin comitative existing somewhere between case markers and derivatives is quite similar to the distinction between case markers and pre- and postpositions (adpositions). As discussed by Grünthal (2003) and Payne (2008: 86), the relationship of adpositions and cases may be problematic. Adpositions are usually particles,

though they may also be clitics or substantives. There is no universal distinction between case marking and adpositions. However, the many peculiarities of double paired *-ńek/-nek* words can lead to the conclusion that they might even be a separate wordclass.

How productive must a suffix be in order to be called a case? Where does the border lie? The uncomplete-declension paradigm, i.e. it not taking possessive suffixes, is a sufficient criterion for excluding the comitative from the case inventory, yet this is not a good criterion for Erzya, since there are also other cases in Erzya like this, e.g. in the lative case ending *-v* does not accept possessive suffixes either. The Erzya *-ńek/-nek* is used in a multitude of ways in different dialects across its broad speaking area. Furthermore, the use of the *-ńek/-nek* words covers many grammatical functions. The examples I collected represent the language forms geographically close to the Erzya literary language, where it has a lot of meanings, yet no possessive suffixes can be added to it. In some dialects, the grammaticalization process turning *-ńek/-nek* suffixes into a case is further along than in other dialects. Interestingly, the comitative or probably associative is partly used in similar ways in the westernmost Mari dialects, where the Finnic comitative has its most distant etymological counterpart.

Many questions arise from the *-ńek/-nek* examples in Erzya. The connection between comitative and coordination is also interesting, for they are opposite strategies. Co-compounds are an areal phenomenon in Eurasia, which has been noticed by Aalto (1964). Indeed, the Erzya so-called comitatives behave just as associative suffixes in many languages. The coordinative function of two paired words occurring as subjects can be found, e.g. in Nivkh (70) & (71), the language of the indigenous people spoken in Sakhalin and the target of HALS trip in August 2014.

- (70) *Hofatot rabocij-žu tafč-žo perec-ko*
 then worker-PL salt-ASSOC pepper-ASSOC
vaqi+mi³⁶ si-d. (Krejnovič 1932: 50)
 box+into put-FIN.SX.IND
 ‘Then the workers put salt and pepper into the box.’

36. A lative postposition, no case marker before it (Ekaterina Gruzdeva, p.c.).

- (71) *Pila xotafu-ux lele pila+bila zavod-fo
big city-LOC very big+big factory-ASSOC
fabrika-fo jiv-d.
factory-ASSOC be-FIN.SX.IND*
(Krejnovič 1932: 49)
'There are very big factories and factories in big cities.'

The several comitative and associative suffixes in Uralic languages unavoidably remind us of the different ways to explain the origin of Finnish denominal adjective suffix *-inen*. Maybe there is an ancient Finnic-Saami-Mordvinic-Mari comitative suffix behind it? The Finnish expressions *kalainen järvi* (adjective + substantive) ‘a rich in fish lake’ and *järvi kalo-ine-en* (substantive + substantive-COM-PX3SG) ‘a lake with its fishes’ are somehow very similar. There might also be another old suffix involved, one associative and beginning with a sibilant, for there is a synonymous adjective in Finnish, as in *kalaisa järvi* (adjective + noun) ‘a rich in fish lake’. The inflectional peculiarity of *-inen*-words in oblique cases (*inen* : *ise-*) might be explained with this synonymy and as contamination of different suffixes, and the lack of the *a* > *o* change before *i*, which is otherwise obligatory as well. There is also a very similar denominal adjective suffix *-se*, *-so* in Erzya occurring in special structures with nouns in the genitive or numerals, e.g. (*Ogařov-on*) *lém-se* ‘with the name (Ogarëv-GEN)’, *kolmo ije-se* ‘three-year-old’, *veté etaž-so* ‘with five floors’. The corresponding suffix in Moksha is *-sa*, e.g. *fkä kizə-sa* ‘one-year-old’, *vetə etaž-sa* ‘with five floors’.

Abbreviations

+	break in compound words	INF INF2	infinitive <i>mo-infinitive</i>
ABL	ablative	INSTR	instrumental
ACC	accusative	LAT	lative
AOR	aorist	LOC	locative
ASSOC	associative	mom.	momentaneous
COM	comitative	NEG	negation, negative verb
CONNEX	connegative	NOM	nominative
CONV	converb	OBJ.CONJ	objective conjugation
CX	case suffix	PASS	passive
DEF	definite	PAST	past
DIM	diminutive	IIPAST	habitual past tense
DU	dual	PERF	perfective
durat.	durative	PL	plural
ELA	elative	POP	postposition
FIN	finite	PRES	present
FREQ	frequentative	PROL	prolative
FUT	future	PTCL	participle
GEN	genitive	PX	possessive suffix
GER	gerund	REFL	reflexive
ILL	illative	SG	singular
IMP	imperative	SOC	sociative
IND	indicative	TEMP	temporal
INE	inessive	TRANSL	translative

References

- Alatalo, Jarmo (forthcoming): *Selkup morphology* (manuscript).
- Alho, Irja 2004: Sijamuotojen syntaksia ja semantiikkaa. – Auli Hakulinen & al. (eds), *Iso suomen kielioppi*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. 1171–1214.
- Alhoniemi, Alho 1992: Mordvan sijasyntkretismistä. – *Sananjalka* 34. 33–45.
- 1993: *Grammatik des Tscheremissischen (Mari)*. Mit Texten und Glossar. Hamburg: Helmut Buske.
- Aljamkin, N. S. (ed.) 2000: *Mokšen' kjal'; morfologija*. Saransk oš: «Krasnyj Oktjabr» tipografijas'.

- Arhipov, A. V. 2009: *Tipologija komitativnyh konstrukcii*. Moskva: Znak. <<http://nn.lv/priq>>
- Babuškina, R. V. 1967: Der Ausdruck der Kategorie der Sammelbezeichnung in den mordwinischen Sprachen. – *Sovetskaja Finnougrovedenie* III. 257–261.
- 1972: Sposoby vyraženija kategorii sobiratel'nosti v mordovskih jazykov. – I. S. Buzakov & D. T. Nad'kin (eds), *Voprosy mordovskogo jazykoznanija*. Trudy 42. Saransk: Mordovskoe knižnoe izdatel'stvo. 74–79.
- 1988: Sposoby vyraženija kategorii sobiratel'nosti v sisteme volžsko-finskikh jazykov. – O. E. Poljakov (ed.-in-chief), *Aktual'nye voprosy mordovskogo jazykoznanija*. Trudy 94, serija lingvisticheskaja. Saransk: Mordovskoe knižnoe izdatel'stvo. 21–35.
- Baker, Robin 1985: *The Development of the Komi Case System*. – Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 189. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Balandin, A. N. & M. P. Vahruševa 1958: *Mansijsko-russkij slovar'; s lekcičeskimi paralleljami iz južno-masijskogo (kondinskogo dialekta)*. Leningrad: Gosudarstvennoe učebno-pedagogičeskoe izdatel'stvo ministerstva prosveščenija RSFSR Leningradskoe ottelenie.
- Bartens, Raija 1999: *Mordvalaisten kielten rakenne ja kehitys*. – Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 232. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- 2000: *Permiläisten kielten rakenne ja kehitys*. – Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 238. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Bekker, È. G. 1976: *Kategorija padeža v sel'kupskom jazyke*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta.
- Bereczki, Gábor 1990: *Chrestomathia Ceremissica*. Budapest: Tankönyvkiadó.
- Bergsland, Knut 1946: *Røros-lappisk grammatikk*. Instituttet for sammenlignende kulturforskning. Serie B: Skrifter 43. Oslo.
- 1982: *Sydsamisk grammatikk*. Tromsø – Oslo – Bergen: Universitetsforlaget.
- Blake, Barry J. 1994: *Case*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bouda, Karl 1933: Der Dual des Obugrischen; mit einem Exkurs über die Suffixlockerheit. – *Journal de la Société Finno-Ougrienne* XLV (2).
- Bubrih, D. V. 1953: *Istoriceskaja grammatika érzjanskogo jazyka*. Pod redakcijej M. N. Koljaděnkova i N. F. Cyganova. Saransk: Mordovskoe knižnoe izdatel'stvo.

- Cygankin, D. V. 1961: Šugurovskij dialekt èrzja-mordovskogo jazyka. – *Očerki mordovskih dialektov* I. Saransk: Mordovskoe knižnoe izdatel'stvo. 294–395.
- 1977: *Grammaticeskie kategorii imeni suščestvitel'nogo v dialektah èrzja-mordovskogo jazyka*. Saransk: Mordovskij gosudarstvennyj universitet.
- (ed.) 1980: *Grammatika mordovskih jazykov. Fonetika, grafika, orografija, morfologija*. Saransk: Mordovskij gosudarstvennyj universitet.
- (ed.-in-chief) 2000: *Érzjan' kel'. Morfologija*. Saransk: Respublikanskoj tipografijas' «Krasnyj Oktjabr'».
- Daniel, Michael & Edith Moravcsik 2005: The Associative Plural. – Martin Haspelmath (ed.), *World Atlas of Language Structures*. Oxford: Oxford University Press. 150–153.
- Danilov, Viktor 1969: K voprosu o komitative v èrzjanskom jazyke. – *Sovetskoe finnougrovedenie* V. 171–174.
- DSSJa = Kazakevič, O. A. & E. M. Budjanskaja (eds) 2010: *Dialektologičeskij slovar' sel'kupskogo jazyka (severnoe narečie)*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo «Basko».
- ERV = Serebrennikov, B. A., R. N. Buzakova & M. V. Mosin (eds) 1993: *Érzjan'-ruzon' valks = Érzjansko-russkij slovar'*. Moskva: «Russkij jazyk», «Digora».
- Evse'ev, M. E. 1928 (or 1929): *Osnovy mordovskoj grammatiki. Érzjan' grammatika; s priloženiem obrazcov mokšanskikh sklonenij i sprjaženij*. Moskva: Central'noe izdatel'stvo narodov SSSR.
- 1931: *Osnovy mordovskoj grammatiki. Érzjan' grammatika*. Izd. vtoroe, ispravlennoe. Moskva: Central'noe izdatel'stvo narodov SSSR.
- 1963: *Izbrannye trudy IV. Osnovy mordovskoj grammatiki*. Saransk: Mordovskoe knižnoe izdatel'stvo.
- Galkin, I. S. 1964: *Istoriceskaja grammatika marijskogo jazyka. Morfoložija. I*. Joškar-Ola: Marijskoe knižnoe izdatel'stvo.
- 1966: *Istoriceskaja grammatika marijskogo jazyka. Morfologija. II*. Joškar-Ola: Marijskoe knižnoe izdatel'stvo.
- 1986: *Marij jylmyn istoriceskij grammatikyže. Morfologija i sintaksis. Tunemme kniga*. Joškar-Ola: Marijskoe knižnoe izdatel'stvo.
- Grünthal, Riho 2003: *Finnic adpositions and cases in change*. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 244. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.

- Hajdú, Péter 1969: A szamojéd konnektív-reciprok képző genetikai és areális tipológiai összefüggései. – *Nyelvtudományi Közlemények* LXXI (1). 61–78.
- Hakulinen, Lauri 2000 [1979]: *Suomen kielen rakenne ja kehitys*. 4., impr. ed. Helsinki: Otava.
- Heine, Bernd 2009: Grammaticalization of cases. – Andrej Malchukov & Andrew Spencer (eds), *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press. 458–469.
- Himmelmann, Nikolaus P. & Eva F. Schulze-Berndt 2005: Issues in the syntax and semantics of participant-oriented adjuncts: An introduction. – Nikolaus P. Himmelmann & Eva F. Schulze-Berndt (eds), *Secondary Predication and Adverbial Modification*. Oxford: Oxford University Press. 1–67.
- Honti, László 1984: *Chrestomathia Ostiacica. (Osztják nyelvjárási szöveggyűjtemény nyelvtani vázlattal és történeti magyarázatokkal.)* Budapest: Tankönyvkiadó.
- 1997: Numerusprobleme (Ein Erkundszug durch den Dschungel der uralischen Numeri). – *Finnisch-ugrische Forschungen* 54. 1–126.
- 2006: Eräästä ugrilaisten kielten postpositioperäisestä kaasussuffiksien perheestä. – *Journal de la Société Finno-Ougrienne* 91. 81–91.
- Ikola, Osmo 1999: Havaintoja komitatiivin käytöstä suomen murteissa ja yleiskielessä. – *Sananjalka* 41. 59–80.
- Ivanov, I. G. & G. M. Tužarov 1970: *Severo-zapadnoe narečie marijskogo jazyka*. Joškar-Ola: Marijskoe knižnoe izdatel'stvo.
- Jaruskan, P. [= P. I. Jaruskin] 1933: *Grammat'ika: Šamak tamen'mäš. I käděž*. Moskva: Učpedgiz.
- Kel'makov, Valentin & Sara Hännikäinen 2008: *Udmurtin kielioppia ja harjoituksia*. Hilfsmittel für das Studium der finnisch-ugrischen Sprachen XIV. 2nd rev. ed. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Keresztes, László 1990: *Chrestomathia Mordvinica*. Budapest: Tankönyvkiadó.
- Klement'eva, E. F. 2004: *Kategorija sobiratel'nosti v èrzjanskem jazyke. Učebnoe posobie*. Saransk: Tip. «Krasn. Okt.».
- Kokko, Ossi 2007: *Inkerinsuomen pirstaleisuus. Eräiden sijojen kehitys murteen yksilöllistymisen kuvastajana*. University of Joensuu Publications in the Humanities 48. Joensuu, Joensuun yliopisto. <<http://nn.lv/4iwd>>
- Koljaděnkov, M. N. 1959: *Struktura prostogo predloženija v mordovskih jazykah: predloženie i ego glavnye členy*. Saransk: Mordovskoe knižnoe izdatel'stvo.
- Koljaděnkov, M. N. & P. A. Zavodova 1962: *Grammatika mordovskikh (mokšanskogo i èrzjanskogo) jazykov I. Fonetika i morfologija*. Saransk: Mordovskoe knižnoe izdatel'stvo.
- Korhonen, Mikko 1981: *Johdatus lapin kielen historiaan*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Kirjallisuuden Seura.
- Kovedjaeva, E. I. 1976: Marijskij jazyk. – V. I. Lytkin (ed.), *Osnovy finno-ugorskogo jazykoznanija; Marijskij, perm'skie i ugorskie jazyki*. Moskva: Nauka. 3–96.
- 1987: *Areal'nye issledovanija po vostočnym finno-ugorskim jazykam; marijskij jazyk*. Moskva: «Nauka».
- Krejnovič, Eruhim Abramovič 1932: *Cuzdif: p'or nuhi p'reu bithë*. Lenigrad: Učpedgiz.
- Kulonen, Ulla-Maija 2007: *Itämänsin kielioppi ja tekstejä*. Hilfsmittel für das Studium der finnisch-ugrischen Sprachen XV. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Künnap, Ago 1971: *System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe I. Numeruszeichen und Nominalflexion*. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 147. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Kuznecova, A. I., E. A. Helimskij & E. V. Gruškina 1980: *Očerki po sel'kupskomu jazyku. Tazovskij dialekt I*. Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Laanest, Arvo 1975: *Sissejuhatus läänemerresoome keeltesse*. Tallinn: Eesti NSV teaduste akadeemia Keele ja Kirjanduse instituut.
- 1982: *Einführung in die ostseefinnischen Sprachen*. Hamburg: Helmut Buske.
- Lakoff, George & Mark Johnson 1980: *Metaphors We Live By*. Chicago and London: The University of Chicago Press.
- Lehtinen, Tapani 2007: *Kielen vuosituhanne. Suomen kielen kehitys kanturalista varhaissuomeen*. Tietolipas 215. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Lewy, Ernst 1911: *Zur finnisch-ugrischen Wort- und Satzverbindung*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Luutonen, Jorma 1997: *The Variation of Morpheme Order in Mari Declension*. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 226. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Majtinskaja, K. E. 1979: *Istoriko-sopostavitel'naja morfologija finno-ugorskikh jazykov*. Moskva: Izdatel'stvo «Nauka».
- Moravcsik, Edith 2003: A Semantic Analysis of Associative Plurals. – *Studies in Language* 27. 469–503.

- Moshnikoff, Satu ja Jouni & Eino Koponen 2009: *Koltansaamen koulukieli-oppi; Sääm'kiöll kiöllvuä'ppes škoou'li vääräs*. Inari: Saamelaiskäräjät.
- MRV = Serebrennikov, B. A., A. P. Feoktistov, & O. E. Poljakov (eds) 1998: *Mokšen'-ruzon' valks = Mokšansko-russkij slovar'*. Moskva: «Russkij jazyk», «Digora».
- Nad'kin, D. T. 1968: Morfologija nižnep'janskogo dialektta èrzja-mordovskogo jazyka. – *Očerki mordovskih dialektov* V. Saransk: Mordovskoe knižnoe izdatel'stvo. 3–198.
- Nevis, Joel Ashmore 1988: A Morphotactic Paradox in Northern Saame: Comitative -guim. – *Ural-Altaische Jahrbücher NF* 8. 38–50.
- Nickel, Klaus Peter & Pekka Sammallahti 2011: *Nordsamisk grammatikk*. Karasjok: Davvi Girji AS.
- Nikunlassi, Ahti 1993: *Imenitel'nyj ili tvoritel'nyj?* – Slavica Helsingiensia 12. Helsinki: Department of Slavonic Languages, University of Helsinki.
- Oinas, Felix J. 1961: *The development of some postpositional cases in Balto-Finnic languages*. – Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 123. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Paasonen, H. 1893: *Mordvinische Lautlehre. Academische Abhandlung*. Helsingfors: Druckerei der Finnischen Litteratur-Gesellschaft.
- 1953 [1909]: *Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und grammatischem Abriss*. Hilfsmittel für das Studium der finnisch-ugrischen Sprachen IV. 2nd ed. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Payne, Thomas E. 2008 [1997]: *Describing morhosyntax. A guide for field linguists*. 10th ed. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Pengitov, N. T. 1956: O padežah v marijskom jazyke. – *Trudy Marijskogo Naučno-Issledovatel'skogo Instituta Jazyka, Literatury i Istorii* IX. 37–57.
- (ed.) 1961: *Sovremennyj marijskij jazyk; Morfologija*. Joškar-Ola: Marijskoe knižnoe izdatel'stvo.
- Prokof'ev, G. N. 1935: *Sel'kupskaia (ostjako-samoedskaja) grammatika*. Leningrad: Izdatel'stvo Instituta narodov Severa CIK SSSR.
- Pulkkinen, Paavo 1966: *Asyndeettinen rinnastus suomen kielessä*. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 281. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Pusztay, János 2001: Zum Ausdruck der Finalität in den uralischen Sprachen. – János Pusztay (ed.), *Zur (Morpho-)Syntax der uralischen Sprachen. Materialien zweier Konferenzen über Die (Morpho-)Syntax der uralischen Sprachen (Szombathely, Oktober 1997, 1998)*. Specimina Sibirica XVI. Szombathely: Seminar für Uralische Philologie der Berzsényi-Hochschule. 93–96.

- Ravila, Paavo 1941: Über die Verwendung der Numeruszeichen in den uralischen Sprachen. – *Finnisch-Ugrische Forschungen* 27. 1–136.
- Rédei, Károly 1988: Geschichte der permischen Sprachen. – Denis Sinor (ed.), *The Uralic languages; Description, history and foreign influences*. New York – Köbenhavn – Köln. 351–394.
- 1996: Zu der Geschichte des PU-PFU Kasussystems. Die Rolle der Koaffixe in der Herausbildung der Deklination. – Lars-Gunnar Larsson (ed.), *Lapponica et Uralica. 100 Jahre finnisch-ugrischer Unterricht an der Universität Uppsala. Vorträge am Jubiläumssymposium 20.–23. April 1994*. Studia Uralica Upsaliensia 26. Uppsala. 257–271.
- Rueter, Jack 2010: *Adnominal Person in the Morphological System of Erzya*. – Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 261. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Saarinen, Sirkka 1993: Niin sanotut marginaaliset sijat marin kaasussysteemissä. – Sirkka Saarinen, Jorma Luutonen & Eeva Herrala (eds), *Systeemi ja poikkeama. Juhlakirja Alho Alhoniemen 60-vuotispäiväksi 14.5.1993*. Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 42. Turku. 145–157.
- Salminen, Tapani 1993: Word classes in Nenets (and a few words about their Uralic parallels). – Ulla-Maija Kulonen (ed.), *Festschrift für Raija Bartens zum 25. 10. 1993*. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 215. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. 257–264.
- 2014: Suomalais-samojedilaisia muotovertailuja. – Nobufumi Inaba & al. (eds), *Juuret marin murteissa, latvus yltää Uraliin. Juhlakirja Sirkka Saarisen 60-vuotispäiväksi 21.12.2014*. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 270. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. 289–300.
- Salo, Merja 2006: The passive in Erzya-Mordvin folklore. – Werner Abraham & Larisa Leisiö (eds), *Passivization and Typology: form and function*. Typological Studies in Language 68. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. 165–190.
- 2014: Uralilaisen syntaksin erikoisuuksia – meteorologisten ilmausten objektiikonjugaatio. – Nobufumi Inaba & al. (eds), *Juuret marin murteissa, latvus yltää Uraliin*. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 270. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. 301–317.
- 2015: *Passive and Reflexive Categories in Languages of the Volga Region. An Areal Typological Study*. Espoo.
- Sammallahti, Pekka 1998: *The Saami Languages. An Introduction*. Karasjohka: Davvi Girji.

- Serebrennikov, B. A. 1964: O sovremennoj i drevnej sisteme marijskikh padežej. – F. I. Gordeev (ed.), *Voprosy marijskogo jazykoznanija* I. Joškar-Ola: Marijskoe knižnoe izdatel'stvo. 104–110.
- 1967: *Istoričeskaja morfologija mordovskih jazykov*. Moskva: Nauka.
- Siegl, Florian 2013: *Material on Forest Enets, an Indigenous Language of Northern Siberia*. Memoires de la Société Finno-Ougrienne 267. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Sirola, Maija 2008: *Komitatiivi nykysuomessa. Sijan typologista ja areaalista taustaa sekä sen ilmaisemat merkitykset Helsingin Sanomien korpuksessa*. Pro gradu -tutkielma. Suomen kieli, Kieli- ja käänöstieteiden laitos, Tampereen yliopisto. <<http://nn.lv.ppab>>
- Skribnik, E. K. & K. V. Afanas'eva 2007: *Praktičeskij kurs mansijskogo jazyka* I. Hanty-Mansijsk: Poligrafist.
- de Smit, Merlijn 2014: A Uralic Individualizer *-nV? – Nobufumi Inaba & al. (eds), *Juuret marin murteissa, latvus yltää Uraliin*. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 270. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. 353–369.
- Solovar, V. N. 2009: *Paradigma prostogo predloženija v hantyjskom jazyke (na materiale kazymskogo dialekta)*. Novosibirsk: Ljubava.
- Spencer, Andrew 2009: Case as a morphological phenomenon. – Andrej Malchukov & Andrew Spencer (eds), *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press. 185–199.
- SSA I = *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. 1 A–K. 1992. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura Toimituksia 556, Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 62. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura & Kotimaisten kielten tutkimuskeskus.
- Stolz, Thomas 2001: On Circum-Baltic instrumentals and comitatives. – Östen Dahl & Maria Koptjevskaja-Tamm (eds), *Circum-Baltic Languages 2; Grammar and Typology*. Studies in Language Companion Series 55. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. 591–612.
- Stolz, Thomas, Cornelia Stroh & Aina Urdze 2006: *On Comitatives and Related Categories. A Typological Study with Special Focus on the Languages of Europe*. Empirical Approaches to Language Typology 33. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
- 2009: Varieties of comitative. – Andrej Malchukov & Andrew Spencer (eds), *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press. 601–608.
- Šahmatov, A. A. 1910: *Mordovskij etnografičeskij sbornik*. S.-Peterburg: Tipografija Imperatorskoj Akademii Nauk.

- Tauli, Valter 1966: *Structural Tendencies in Uralic Languages*. Indiana University Publications, Uralic and Altaic Series 17. London – The Hague – Paris: Mouton.
- Tužarov, Gennadij 1965: Komitativ i kauzativ v jaranskom govore marijskogo jazyka. – *Sovetskoe finnougrovedenie* I. 37–42.
- 1969: K voprosu o komitativeni v marijskom jazyke. – *Tezisy dokladov i soobščenija Vsesojuznoj konferencii po finno-ugrovedeniju*. Joškar-Ola: Institut jazykoznanija AN SSSR, MarNII jazyka, literatury, istorii, ekonomiki pri Sovete Ministrov Marijskoj ASSR. 206–212.
- 1977: Sovmestnyj padež v marijskom jazyke. – *Sovetskoe finnougrovedenie* XIII. 271–279.
- Vassilieva, Maria Borisovna 2005: *Associative and Pronominal Plurality*. (A Dissertation.) <<https://linguistics.stonybrook.edu/sites/default/files/uploads/Vassilieva2005.pdf>>
- Vikström, Oksana & Zoja Zorina 2010: *Padežnaja sistema sovremennogo gornomarijskogo jazyka. Monografija*. Joškar-Ola: GOUVPO Mar. gos. un-t.
- Wagner-Nagy, Beáta 2002: *Chrestomathia nganasanica*. Studia uralo-altaica. Supplementum 10. Szeged – Budapest: SZTE Finnugor Tanszék – MTA Nyelvtudományi Intézet.
- Wälchli, Bernhard 2005: *Co-Compounds and Natural Coordination*. Oxford: Oxford University Press. <<http://nn.lv/n0zn>>
- Wichmann, Yrjö 1923–1924: Zur permischen Grammatik. – *Finnisch-Ugrische Forschungen* 16. 146–163.
- Wilbur, Joshua 2014: *A grammar of Pite Saami*. – Studies in Diversity Linguistics 5. Berlin, Language Science Press. <<http://langsci-press.org/catalog/book/17>>
- Žilina, T. I. 1985: *Luzsko-letskij dialekt komi jazyka*. Moskva: Nauka.

MARIA KHOLODILLOVA
Institute for Linguistic Studies,
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg;
Higher School of Economics, St. Petersburg

Moksha Non-Verbal Predication¹

Abstract In Moksha Mordvin, non-verbal predicates can be marked for tense and agree with the subject in person and number. Subject agreement of non-verbal predicates represents a complicated system in which the grammaticality of verbal encoding depends on: the person of the subject; the type of predicate (locative vs. nominal); its part of speech (noun vs. pronoun); the presence of definiteness, possessiveness, and case marking; and finally the tense of the predicate. Verbal marking of non-verbs is not restricted to predicates. The position of verbal markers in Moksha is regulated by the following properties: 1) part of speech: verb > non-verb; 2) informational structure: focus > topic; and 3) grammatical relation: predicate > non-predicate. These properties are arranged in the following hierarchy: 1 > 2 = 3, i.e., the verb receives verbal marking whether in focus or not, while if no verb is present, verbal marking can be assigned to either a non-verbal topical predicate or a focused non-predicate. The data suggests Moksha verbal markers are intermediate between clitic copulas and predicative affixes proper.

---

1. The data was collected in 2013–2015, in the villages of Lesnoe Tsibaevo, Lesnoe Ardashevo, and Sijali (Temnikovsky district). The consultants belong to Central Moksha dialect, and the overall number of speakers who participated in some parts of the survey is 37. The study was conducted during field trips organized by Moscow State University and Higher School of Economics. I generally follow the current conventions of these field trips in transcription, glossing, and term choice.

Most of the data was elicited as translations from Russian. The grammaticality marks (OK, ?, ??, and *) reflect the average acceptability rates of the constructed sentences. Examples (1), (2), and (13) are borrowed from a corpus of Moksha oral texts, which is being developed by Ruslan Idrisov and other participants of the Moksha field trips.

1. Introduction

Moksha Mordvin non-verbal predicates can be conjugated. They can take tense markers and agree with the subject in person (1) and number (2). This marking is often obligatory; see below for details.

- (1) *pə́ndéłník-stə níngə rípit'ičija-sə-**I-əmə***
Monday-EL already rehearsal-IN-PQP-PST.1PL
'We had been rehearsing since Monday.'
- (2) *va ańćək pej-snə pań-ška-**t-əʃ'-t'***
here only tooth-3PL.POSS barrel-CMPR-PL-PQP-PL
'Only their teeth were as big as barrels.'

The nominal and verbal conjugation markers are generally identical in form, even though their meaning does not always fully coincide. For instance, in the non-past indicative subparadigm, the only formal difference is the absence of the third person non-past marker in non-verbs, as seen in Table 1.² This fact is discussed in section 2.1. Other differences in the paradigms are also sketched in the following sections.

	vrač 'doctor'	van-əms 'look'
NPST.1SG	<i>vrač-an</i> doctor-NPST.1SG	<i>van-an</i> look-NPST.1SG
NPST.2SG	<i>vrač-at</i> doctor-NPST.2SG	<i>van-at</i> look-NPST.2SG
NPST.3SG	<i>vrač</i> doctor	<i>van-i-∅</i> look-NPST.3-SG
NPST.1PL	<i>vrač-tamə</i> doctor-NPST.1PL	<i>vat-tamə</i> look-NPST.1PL
NPST.2PL	<i>vrač-tadə</i> doctor-NPST.2PL	<i>vat-tadə</i> look-NPST.2PL
NPST.3PL	<i>vrač-t</i> doctor-PL	<i>van-i᷑-t'</i> look-NPST.3-PL

Table 1. The conjugation of the words *vrač* 'doctor' and *van-əms* 'look' in the non-past indicative.

2. *-i᷑* and *-t'* in the third person plural are regular morphophonological variants of *-t* (NPST.3) and *-t* (PL) respectively.

Nominal conjugation is not the only strategy of encoding non-verbal predicates in Moksha. Another means of introducing non-verbal predicates is the verbal copula *ul-əms* 'to be'. However, in this paper, I will focus on the conjugated nominal forms and mention the copula only as a comparative background. For the sake of brevity I will also use the term "non-verbal predicate" to refer only to those cases in which the verb *ul-əms* 'to be' is absent, even though clauses with verbal copulas are usually also subsumed under the notion of non-verbal predication.

Moksha Mordvin is not mentioned in the major typological studies on non-verbal predication by Hengeveld (1992), Stassen (1997), and Eriksen (2005); however, data on the closely related Erzya Mordvin is considered in the two latter works.

Stassen (1997, 2005a) classifies Erzya Mordvin as a language without a verbal strategy of non-verbal predication, and attributes the similarity of verbal and non-verbal predicates to a spread of **nominal** agreement patterns to verbs. Historical grammars by Bubrix (1953) and Serebrennikov (1967) are partly supportive of this diachronic hypothesis; however, the supposed diachronic source is relatively unclear and at least not fully nominal. Even more crucially, diachronic considerations do not constitute a part of the definitions proposed by Stassen, and Mordvin predicates arguably fit the criteria of verbal encoding described in Stassen (2005a). See also Turunen (2010: 123–125), for a critical overview of Stassen's approach to Mordvin non-verbal predicates.

I therefore adopt the term "verbal encoding" for the phenomenon at hand, even though this goes against Stassen's decisions and also despite some facts outlined in sections 4 and 5, which are partly in favor of Stassen's analysis.

Nominal conjugation is not an exotic phenomenon; however, it is unusually consistent in Moksha. In Stassen (1992), the following typological hierarchy is proposed.

- (3) Stassen (1992: 193)

The Verbalization Hierarchy of Intransitive Main Predicates
 Semantic: (activity) > property > class > location
 Morphosyntactic: (verb) > adjective > noun > adverb

According to Stassen's survey (1992), if a language can have verbal encoding on a given position in this hierarchy, verbal encoding will also be possible for all the positions to its left. In Stassen (1997), the rightmost part of the hierarchy was restated to convey a tendency rather than a universal. Stassen (2005a, 2005b) points out that verbal encoding is typologically quite frequent in adjectives, uncommon in nouns and even less common in locative expressions.

If the reasoning above is accepted and Mordvin nominal conjugation is considered a case of verbal encoding, this encoding is possible for all the positions on the hierarchy; see Turunen (2009, 2010, and other), Cypkajkina (2007), and Rueter (2010: 129–131). Turunen (2010: 196–199) shows that nominal conjugation is even more pervasive in Moksha than in Erzya, cf. also Cypkajkina (2007).

To sum up, Moksha exhibits an unusually strong tendency for non-verbal predicates to get verbal encoding.

The paper is organized as follows. **Section 2** gives a general overview of the basic morphological and syntactic properties of Moksha conjugated non-verbs. Since non-verbal predicates combine at least some properties of verbal and nominal phrases, it is natural to compare them with verbs (**2.1**) and non-verbs (**2.2**). **Section 3** presents a study of the conditions which determine when verbal markers can be applied to non-verbal predicates. **Section 4** brings up a further issue of non-predicative uses of verbal marking. **Section 5** contains a summary and a comparison of newly acquired data on Moksha with the descriptions of Erzya.

2. Nominal and verbal properties of Moksha non-verbal predication

2.1. Verbal morphology

The verbal paradigm of Mordvin non-verbal predicates is reduced; see, e.g., Bubrix (1953: 217) and Turunen (2010: 88–89). As noted by Bubrix (1953: 217), Mordvin non-verbal predicates have only indicative forms and distinguish two tenses, namely, the present and the past, while verbal predicates have a number of mood forms and three tenses

in the indicative. A further constraint concerns the objective (definite) conjugation, i.e., the forms which agree with both the subject and the definite direct object. Zaicz (1998: 198) claims that the lack of these forms follows from the fact that no direct object is involved in non-verbal predications. As a matter of fact, the word *ńilžę* ‘prohibited’ does allow a nominal argument which is marked for case as a direct object, but objective conjugation is still impossible.

- (4) *tejńə*   *ńilžę-l'-∅* /   **ńilžę-l'-∅-əżə-∅*
       PRON.DAT.1SG.POSS   prohibited-PQP-SG   prohibited-PQP-PST-3SG.S-3SG.O
tē   *torť'*
       this   cake.DEF.SG.GEN
       'I couldn't eat this cake' {e. g. because of a diet}.

Most of the forms which are present in both verbal and non-verbal paradigms are formally identical. However, as mentioned in section 1, non-verbal predicates do not have the third person non-past marker *-i*, which is obligatory in verbs. This difference has a language-internal historical explanation, since *-i* is etymologically an active participle suffix which was incorporated into the verbal paradigm relatively late; see, for example, Bubrix (1953: 254). However, this difference can also be analyzed synchronically. The observed split resembles the well-known constraint, presented in Stassen (1994), according to which “[i]f a language allows a zero copula at all, it will minimally select this option for predicate nominal sentences in the Present Tense with a Third Person subject”. The Moksha data shows that this constraint could be relevant not only for copulas but also for predicate agreement markers.³

Some remarks are in order to clarify the correspondence between the forms of verbal and non-verbal conjugation.

Non-verbal predicates do not have one of the two forms with reference to the past. The verbal paradigm includes a more general past tense form and a pluperfect form, the latter being relatively restricted in its use; see Novikova (2014). Non-verbs can only be used in the pluperfect (the “second past” in traditional grammatical descriptions). This does not, however, cause any notable constraints on their temporal

3. According to Turunen (2010: 85–86), number-only agreement is optionally available in Erzya for adjectives and indefinite nouns in the first and second person as well. In Moksha, such constructions are ungrammatical; see section 3.

reference. In non-verbal predicates, the opposition between the past tenses is neutralized, and the pluperfect form is used in a wide range of contexts, cf. Turunen (2010: 87). For instance, the pluperfect forms of verbal predicates are normally ungrammatical in contexts like (5).

- (5) *kaftə kizə-də ingələ mon rabota-ń / *rabota-l-əní*
 two year-ABL before I work-PST.1SG work-PQP-PST.1SG
ńi učitəl-ks
 already teacher-TRANS
 {I am a teacher.} ‘Two years ago I was already a teacher.’

However, pluperfect marking is possible for non-verbal predicates under similar conditions:

- (6) *kaftə kizə-də ingələ mon ńi učitəl-əl-əní*
 two year-ABL before I already teacher-PQP-PST.1SG
 {I am a teacher.} ‘Two years ago I was already a teacher.’

The verbal pluperfect combines temporal semantics with some modal uses, which can be roughly characterized as subjunctive.⁴ However, the subjunctive reading is normally impossible for non-verbal predicates, and a copula must be used to convey this meaning:

- (7a) *ješli ul-əl-əní školník-əks mon štē-l-əní rana*
 if be-PQP-PST.1SG schoolboy-TRANS I stand-PQP-PST.1SG early
 (b) **ješli školník-əl-əní mon štē-l-əní rana*
 if schoolboy-PQP-PST.1SG I stand-PQP-PST.1SG early
 ‘If I were a schoolboy, I would get up early.’

There are some possible counterexamples to this constraint.

First, as described by Cypkajkina (2007: 104), there is a construction with the meaning of deontic necessity which can have non-past reference when used in the *-l-*-form (8). However, this is also true of Erzya, where the non-past reading is possible for the indicative pluperfect form (*ibidem*), which is formally different from the subjunctive, i.e. Erzya uses in such contexts an unambiguous temporal form, even though it does not refer to the past.

4. In Erzya, the subjunctive and the “second past” have different sets of markers. The two forms are usually terminologically differentiated in grammars for both Erzya and Moksha; see, e.g., Koljadenkov & Zavodova (1962: 75–76).

- (8) *OK pińə-s̥ pańə-ma-l-∅*
 dog-DEF.SG chase.away-NZR-PQP-SG
 ‘It would be better to chase away the dog.’

Second, as pointed out to me by Ekaterina Novikova (p.c.), the *-l-*-forms in the non-past meaning combine with the word *mel’* ‘wish’ (9). Similar results are obtained for the word *ńilže* ‘prohibited’. No compatible data is available for Erzya.

- (9) *kədə moń mel'-əzə-l-, mon sa-l-əní*
 if I.OBL wish-1SG.POSS.SG-PQP I come-PQP-PST.1SG
 ‘If I wanted to come (lit. ‘if I had a wish’), I would come.’

This issue calls for further investigation, however, a tentative suggestion would be that this property is common for internally modal non-verbal predicates and does not involve the pluperfect morpheme with modal meaning, but rather some unusual interpretation within the pluperfect with basically temporal semantics.

2.2. Non-verbal morphology and syntax

2.2.1. Part of speech

In Moksha, verbal encoding of some forms is possible for words that belong to different parts of speech, including adjectives, nouns, pronouns, postpositions, quantifiers, spatial adverbs, and some non-finite verbal forms (participles and the *də*-derivates, traditionally described as conversbs), cf. Rueter (2010: 129) for Erzya. It is not quite accurate to call non-finite forms non-verbal; however, all these forms behave in many respects alike, so “non-verbal” is used in this paper as a shorthand for “non-verbal or genuinely non-finite”.

One of the negation markers with the meaning ‘does not exist’, namely, *aš*, also behaves like a non-verbal predicate. First, it has the same tense forms as non-verbal predicates, namely the present and the pluperfect, and the latter is used in all past tense contexts, cf. Hamari (2007: 175). Second, it can have a plural marker preceding the temporal affix, which is only possible in non-verbal predicates; see section 2.2.2.

- (10) *síń ašə-ʃ'-t'* / *OKašə-t-əʃ'-t'* *kucə*
 they NEG.EX-PQP-PL NEG.EX-PL-PQP-PL house.IN
 ‘They were not at home.’

Verbal agreement also appears on *vagə* ‘here, there’, characterized in Erina (1997: 86) as a demonstrative particle:

- (11) *štana-ńə vagə-t*
 trousers-1SG.POSS.PL here-PL
 ‘Here are my trousers.’

2.2.2. Nominal morphological categories

Conjugated nominal forms can have a full set of nominal morphological categories, which include case (12), possessiveness (13), definiteness, and nominal number (14).

(12) <i>mon viŕ-s-an</i> I forest-IN-NPST.1SG	(13) <i>moń učitelńica-żə-ł-</i> Ø I.OBL teacher-1SG.POSS.SG-PQP-SG ‘She was my teacher.’
(14) <i>miń tē učitəł'-ńə / učitəł'-ńə-tamə</i> we this teacher-DEF.PL teacher-DEF.PL-NPST.1PL ‘We are these (aforementioned) teachers.’	

These forms are not equally compatible with all the possible verbal markers; see section 3 for details.

It is more questionable whether non-verbal predicates can include indefinite plural nominal markers. In the past subparadigm, the plural forms of non-verbal predicates often contain a plural marker that precedes the tense affix (15)–(16).

(15) <i>síń jalga-t-əʃ'-t'</i>	(16) <i>miń jalga-t-əł'-əmə</i>
they friend-PL-PQP-PL	we friend-PL-PQP-PST.1PL
‘They were friends.’	

Analogous forms are ungrammatical in the non-past (17).

- (17) *miń mokšə-tamə / *mokšə-t-tamə*
 we Moksha-NPST.1PL Moksha-PL-NPST.1PL
 ‘We are Moksha people.’

According to Turunen (2006: 177), compatible Erzya non-past forms are acceptable. This constraint in Moksha could be due to some morphophonological reasons because the plural marker *-t-* would otherwise be followed by a verbal plural marker with an initial *t*. Similar effects can be observed when plural verbal markers are expected to follow the second person possessive affix, which is also *-t*, cf. (18).

- (18) *pelə-tamə / *pelə-t-tamə*
 at-2SG.POSS.NPST.1PL at-2SG.POSS-NPST.1PL
 ‘We are at your place.’

In other comparable cases, the possessive marker (19) and the initial *t* of the verbal marker (20) are obligatory.

- (19) *pelə-t-an / *pel-an*
 at-2SG.POSS-NPST.1SG at-NPST.1SG
 ‘I am at your place.’

- (20) *pelə-nzə-tame / *pelə-nzamə*
 at-3SG.POSS-NPST.1SG at-3SG.POSS.NPST.1SG⁵
 ‘We are at his place.’

Note that this constraint cannot be described within phonology, cf. (21). This issue is brought up again in section 5.

- (21) *ńekrut-tamə / *ńekrutarəmə*
 rascal-NPST.1PL rascal.NPST.1PL
 ‘We are rascals.’

Double number marking is impossible in verbs: *kuŕanda-ʃ'-t'* (smoke-PQP-PL) / **kuŕandə-t-əʃ'-t'* (smoke-PL-PQP-PL) ‘they smoked’. It would therefore be natural to analyze the first plural marker in (15) as purely nominal, as opposed to the verbal plural marking which follows the tense affix.⁶ To check whether this is the case, it is necessary to find non-verbal predication that include a subject and a predicate

5. The second forms in (20) and (21) are ungrammatical in any context and cannot be analysed morphologically. The glossing renders the meaning these forms would have if the initial *t* in the non-past person marker were non-obligatory.

6. The two plural markers in third plural forms are fully identical in form, and the difference in palatalization in (15) is a result of a regular morphophonological process.

which do not match in nominal number. Two kinds of such mismatches are possible.

First, a sentence can contain a plural subject and a singular predicate. If the first plural marker is nominal, it is expected to be absent under these conditions; otherwise it is expected to be present.

A suitable combination is possible if the predicate is a collective noun. In this case, the plural marking is possible, though not obligatory:

- (22) *kolja i tańe od OKšemika-t-əʃl'-t' / OKšemika-l'-∅ / ?šemika-l'-t'*
 Kolya and Tanya new family-PL-PQP-PL family-PQP-SG family-PQP-PL
 'Kolya and Tanya were (then) a young family.'

This indicates that the first plural marker in the past non-verbal forms deviates from the behavior of the usual nominal plural affixes. This conclusion is confirmed by the fact plural marking of any kind is excluded under similar conditions in the non-past (23). This difference also suggests that the first plural marker in the pluperfect forms is more verbal than the only plural marker in the non-past forms.

- (23) *kolja i tańe tēni od šemika / *šemika-t*
 Kolya and Tanya now new family family-PL
 'Kolya and Tanya are a young family now.'

Second, a sentence can contain a singular subject and a plural predicate. If the first plural marker in non-verbal predicates is nominal, it is expected to be present in this case; otherwise it is expected to be absent.

This condition can be easily fulfilled if the predicate is a *plurale tantum*, e.g., *štana-t* (trousers-PL) 'trousers', and the subject is a singular noun. In this case the plural marking is also possible, but not obligatory for most speakers:

- (24) *tē trépkə-s OKštana-t-əʃl'-t' / ?štana-l'-∅*
 this wiper-DEF.SG trousers-PL-PQP-PL trousers-PQP-SG
 'This wiper used to be trousers.'

This effect is restricted to verbally encoded predicates and does not hold, for instance, for the predicates with an overt copula:

- (25) *tē trépkə-s ul-ś-∅ OKštana-t / *štana*
 this wiper-DEF.SG be-PST.3-SG trousers-PL trousers
 'This wiper used to be trousers.'

If no singular subject is present, plural marking cannot be removed (see section 4 on whether the verbally marked form in (26) is the predicate):

- (26) *OKškaf-t' esə štana-t-əʃl'-t' / *štana-l'-∅*
 wardrobe-DEF.GEN in.IN trousers-PL-PQP-PL trousers-PQP-SG
 'There were trousers in the wardrobe.'

The form *OKštana-l'* in the predicate (24) is probably comparable to unmarked forms in attributive positions. It is well-known that attributes with no case marking in Mordvin languages lack number distinction (27); see, e.g., Bubrix (1953: 40).

- (27) *štana / *štana-t žepə*
 trousers trousers-PL pocket
 'trousers pocket'

Apparently, when used as a predicate, a noun can preserve this property, at least in the past tense.

To sum up, the presence of the first plural marker in the past tense depends largely on the number of the subject, as well as the expected nominal number of the predicate. In both cases of number mismatches between the subject and the predicate, the first number marker is possible but not obligatory. This fact suggests that the first plural marker in the past nominal forms has some kind of mixed behavior and is not strictly verbal or nominal.

2.2.3. Nominal syntax

Verbally marked nominal phrases can include different sorts of modifiers, such as adjectives, qualifying and possessive genitive attributes, deictic pronouns, and quantifiers. See, e.g., (22) with an adjectival modifier.

Moksha nominal and verbal modifiers often differ in that the latter contain an elative suffix:

- (28) *OKt'ec̩i višk-st̩a / *viškə pižə-s-∅*
today fast-EL fast rain-PST.3-SG
'It rained heavily today.'

In non-verbal predicates, the use of the "adverbial" elative forms is ungrammatical. For instance, the noun *pižəm* '(a) rain', unlike the verb *pižəms* '(to) rain', is normally modified by caseless adjectives, cf. (28)–(29).

- (29) *OKt'ec̩i viškə / ??višk-st̩a pižəm-əl'-∅*
today fast fast-EL rain-PQP-SG
'It rained heavily today.' (Lit. 'There was a fast rain today.')

Non-verbal predicates can also preserve nominal negation markers.

In both tense forms which are compatible with non-verbal predicates (the non-past and the pluperfect), the negation marker used with verbs is *af*. It is also a general marker of constituent negation. In indicative forms, the negation marker does not conjugate and combines with a full-fledged verbal form; see Hamari (2007: 96). However, some non-verbal and non-finite forms have specialized negative constructions.

First, resultative participles (termed "past participles" or "passive participles" in traditional descriptions) have a negative counterpart which consists of the word *apak* and a special connegative form. This construction can be retained in the predicate:

- (30) *perk-s apak art-t-əl'-∅*
fence-DEF.SG NEG.NFIN paint-CN.NFIN-PQP-SG
'The fence was unpainted.'

Both in the attributive position and in the predicate, these participles can be negated by simply adding the particle *af*.

Locative predicates are another case of interest. These predicates are negated with the word *aš* 'does not exist', which can take the verbal marking:

- (31) *miń ašə-tamə kucə*
we NEG.EX-NPST.1PL house.IN
'We are not at home.'

However, in the dialect under consideration, another construction is possible in which the locative phrase gets the verbal markers, while the negative word *aš* remains unconjugated:⁷

- (32) *miń aš kucə-tamə*
we NEG.EX house.IN-NPST.1PL
'We are not at home.'

The "verbal" *af* is also possible:

- (33) *miń af kucə-tamə*
we NEG house.IN-NPST.1PL
'We are not at home.'

Sentence (32) shows that the locative negation, which is associated with the noun phrase semantics, is possible when this noun phrase is a part of a non-verbal predicate.

A final remark on the nominal syntax of non-verbal predicates concerns the additive particle *-gə/-kə/-ngə*. This particle normally occupies the rightmost position in the word; see, for example, Erina (1997), Rueter (2010: 132–133). However, even this particle can be followed by predicative markers:

- (34) *OKmon lavka-sə-l'-əń i kino-sə-ŋgə-l'-əń*
I shop-IN-PQP-PST.1SG and cinema-IN-ADD-PQP-PST.1SG
{I went to Temnikov for a day.}
'I've been in the shop, and in the cinema, too.'

The data in section 2 suggests that the nominal phrase structure of non-verbal predicates is generally retained (which includes much of nominal morphology and syntax), while their verbal properties are rather restricted.

7. This construction is absent from the standard variety of Moksha. I would like to thank Nadežda Kabaeva, who drew my attention to this fact.

3. Constraints on person and number marking in Moksha non-verbal predicates

As is evident from the data in section 2.2.2, plural marking in the past and in the non-past do not pattern alike. The conjugation markers of the first and second person follow a still different patterning.

Some of the data is presented in Table 2. The list of the classes of verbal predicates in the table is not intended to be exhaustive.

The first three columns of the table correspond to different verbal markers, namely, 1) person and number non-past markers (e.g., *jalga-tamə* ‘we are friends’), 2) the plural marker, used in non-past 3rd person forms (e.g., *śiń jalga-t* ‘they are friends’), and 3) the first plural marker in the pluperfect 3rd person forms (e.g., *jalga-t-əl-t'* ‘they were friends’). The fourth column corresponds to the contexts where the nominal predicate follows the verbal copula *uləms* ‘be’ (e.g., *ulſt jalga-t* ‘were friends’).

“+” in the subcolumns stands for “the marker is present in the context under consideration”, “–” stands for “the marker is absent in the context under consideration”. Note that “–” in the third column is related to the forms ending in *-l-t'* (-PQP-PL), not the forms that lack any verbal plural marking. Forms with no plural marking in the pluperfect are generally ungrammatical in plural contexts, except for the cases mentioned in section 2.2.2. In case the nominal form under consideration is inherently plural, as is the case with definite and possessive plural forms, “+” implies that one more number marker is present.

The rows correspond to different kinds of nominal and locative forms that can be used in the predicate, namely, 1) morphologically indefinite nouns (e.g., *jalga* ‘friend’); 3) active participles (e.g., *soda-j* ‘knowing’); 2) adjectives (e.g., *mazi* ‘beautiful’, *śavə* ‘empty’); 4) deverbal *-de*-derivates (e.g., *panžadə* ‘open’, *oza-də* ‘sitting’)⁸; 5) genitive attributes (e.g., *moń* ‘my’, *zoləd-əń* ‘golden’); 6) morphologically definite plural nouns (e.g., *jalga-ińa* ‘the friends’); 7) plural nouns with possessive marking (e.g., *jalga-ńa* ‘my friends’), 8) personal pronouns (e.g., *śiń* ‘they’); 9) collective nouns with reference to a single group of people (e.g., *śemika* ‘a family’); 10) indefinite locative

8. Some of these forms are classified in dictionaries as adjectives, others are regarded in grammars and dictionaries as either adverbs or convers.

expressions (e.g., *polkasə*, *polka lanksə* ‘on a shelf’), and 11) definite locative expressions (e.g., *polka-t' lanksə* ‘on the shelf’). All these expressions are compatible with verbal tense marking in the past.

The grammaticality marks (“OK”, “?”, “??”, “*”) are used in the usual sense to reflect the acceptability of forms.

For example, the upper-left corner of the table contains the following information: 1) person and number marking in 1st and 2nd person non-past forms of indefinite nouns is grammatical; 2) its absence is ungrammatical. In other words, the predicative markers are obligatory in this case.

	person and number marking in NPST, 1st and 2nd person	number marking in NPST, 3rd person		the first plural marker in PQP, 3rd person		number marking after the copula			
		+	-	+	-	+	-	+	-
nominal predicates (classifying or equational)	indefinite noun	OK	*	OK	*	OK	*	OK	*
	active participle	OK	*	OK	*	OK	*	OK	*
	adjective	OK	*	OK	*	OK	*/OK ⁹	OK	*/OK ¹⁰
	deverbal	OK	*	OK	*	OK	OK	OK	OK
	<i>-de</i> -derivate								
	noun.GEN / pronoun.GEN	OK	OK	OK	OK	OK	OK	*	OK
	noun.DEF.PL	OK	OK	??	OK	OK	OK	*	OK
	noun.POSS.PL	OK	OK	??	OK	OK	OK	*	OK
	personal pronoun	OK	OK	??	OK	??	OK	*	OK
	collective noun	*	OK	*	OK	OK	OK	*	OK
locative predicates	indefinite locations	OK	*	OK	*	OK	OK	*	OK
	definite locations	OK	?	OK	?	OK	OK	*	OK

Table 2. Grammaticality and obligatoriness of some person and number markers in different nominal and locative predicates.

9. The first plural marker is non-obligatory in a relatively small subset of adjectives.

10. The only known adjective which can lack the first plural marker in this context is *peškə* ‘full’.

Some of the data in Table 2 can be summarized in terms of language-internal hierarchies of expressions as to their disposition to acquire verbal marking. The members of the hierarchies at the left are those which are more apt to attach verbal markers, i.e., either allow or need them in more contexts.

As pointed out in section 2.2.2, both the plural affix in the non-past and the first plural affix in the pluperfect are partly nominal in nature. This means the difference between the forms which allow and disallow this marking could be due to the fact that these forms can be more or less compatible with **nominal** plural markers, for instance, because some of the forms under consideration already contain nominal plural affixes. I therefore use the context after the verbal copula *uləms* to distinguish between nominal and verbal plural markers. The relevant data is given in the last column of the table. I assume that at least those number markers which are absent when the predicate follows the copula are to some extent verbal. For instance, the plural marking in locative predicates is verbal according to this reasoning. If a plural marker is optional after the copula and obligatory in a non-verbal predicate, it also allows us to suppose that its obligatoriness is due to some rules of verbal morphosyntax. This reasoning applies to -*de*-derivates in the non-past. If neither of these rules applies, as is the case with indefinite nouns, I consider the presence of a verbal plural marker unverifiable.

No similar problems arise with person markers.

- 1) Indefinite nouns > definite nouns; indefinite nouns > personal pronouns

These hierarchies are relevant at least for the person markers. When used as a non-past predicate with a first or second person subject, nouns without definite or possessive affixes are ungrammatical without person and number marking:

- (35) *miń vrač-tamə* / *vrač / *vrač-t
we doctor-NPST.1PL doctor doctor-PL
'We are doctors.'

However, if the noun contains definite affixes, person and number marking is still possible, but not obligatory, cf. (35) and (14), repeated as (36) below:

- (36) *miń té učitəl'-ńə* / *učitəl'-ńə-tamə*
we this teacher-DEF.PL teacher-DEF.PL-NPST.1PL
'We are these (aforementioned) teachers.'

It is also true of the personal pronouns:

- (37) OK *učitəl'-ńə miń* / OK *miń-ńə-tamə*
teacher-DEF.PL we we-NPST.1PL
{Who is the teacher?} 'WE are the teachers'.

The aforementioned differences can be subsumed under the distinction between equational predicates and "true nominal predicates" in terms of Dryer (2007: 234–235). According to Dryer, equational predicates are referential, while "true nominal predicates" are non-referential, and this difference is sometimes reflected in grammar. See also Hengeveld (1992: 80–81) for a discussion of a similar contrast in terms of definiteness vs. indefiniteness and identification vs. classification. These typological facts predict the possible difference between indefinite nouns on the one hand and personal pronouns and definite nouns on the other hand.

The observed difference can also be mapped, if somewhat vaguely, onto the Verbalization Hierarchy (3). Definite marking is impossible for adjectives, while indefinite nouns are morphologically identical to adjectives and can be used attributively. Indefinite nouns are, therefore, "more adjectival" and nearer to the verbal pole.

- 2) Nouns without possessive affixes > nouns with possessive affixes

Nouns with possessive markers pattern with definite noun phrases and differ from the usual indefinite forms, cf. (35) and (38).

- (38) *tiń moń jalga-ńə* / *jalga-ńə-tadə*
you I.OBL friend-1SG.POSS.PL friend-1SG.POSS.PL-NPST.2PL
'You are my friends.'

It would probably be groundless to assume that the predicate in (38) is definite, or referential, or equational, or identifying. The typological tendencies described above do not, therefore, provide a straightforward explanation for the fact possessive noun phrases need not take agreement markers.

However, there are at least two possible ways to explain this hierarchy.

First, the explanation appealing to more or less adjectival properties of the predicate is fully applicable in this case. Moksha adjectives do not normally take possessive marking, and its presence may signal that the word is more nounlike.

Second, it is possible to suppose along the lines of Haspelmath (1999) that the frequency of definite possessive phrases influences the grammatical properties of possessive phrases as a single class. That would mean possessive phrases behave like definite phrases because they are usually definite.

- 3) Indefinite locations (nouns in the inessive or postpositional phrases with an indefinite noun) > definite locations (postpositional phrases with a definite noun)

This hierarchy reflects the fact agreement is regularly more widespread in indefinite locative phrases than in definite locative phrases. For instance, in the non-past 3rd plural forms, plural marking is optional in postpositional phrases with definite nouns (39) and obligatory both in locative noun forms (41) and postpositional phrases with indefinite nouns (40).

- (39) *kńiga-tńia polka-t' lanksə-t / lanksə*
book-DEF.PL shelf-DEF.SG.GEN on.IN-PL on.IN
'The books are on the shelf.'

- (40) *kńiga-tńia polka lanksə-t / ??lanksə*
book-DEF.PL shelf on.IN-PL on.IN
'The books are on a shelf.'

- (41) *kńiga-tńia polka-sə-t / *polka-sə*
book-DEF.PL shelf-IN-PL shelf-IN
'The books are on a shelf.'

The same tendency can be observed in negative sentences. As mentioned above (section 2.2.1), in locative predicates of the dialect under study, verbal marking can be attached either to the negative marker *aš* or to the locative expression:

- (42) *mon aš-an spiska-sə*
I NEG.EX-NPST.1SG list-IN
'I am not on the list.'

- (43) *mon aš spiska-s-an*
I NEG.EX list-IN-NPST.1SG
'I am not on the list.'

However, if the locative expression is a postpositional phrase with a definite noun, only the former strategy is applicable, i.e., this locative expression cannot compete with the negative word for verbal encoding.

- (44) *mon aš-an spiska-t' esə*
I NEG.EX-NPST.1SG list-DEF.SG.GEN in.IN
'I am not on the list.'

- (45) **mon aš spiska-t' es-an*
I NEG.EX list-DEF.SG.GEN in.IN-NPST.1SG
'I am not on the list.'

The two properties are summarized in Table 3. It is evident from the table that in both positive and negative sentences postpositional phrases with definite nouns get verbal encoding less readily.

	person marking in NPST		person marking in NPST, NEG	
	+	-	+	-
noun.IN	OK	*	OK	OK
postpositional phrase with a definite noun	OK	?	*	OK

Table 3. Grammaticality of different locative predicates with verbal person marking.

- 4) Genuinely plural forms (e.g., ‘friends’) >
genuinely singular forms (e.g., ‘family’)

Collective nouns differ from other indefinite nouns throughout the plural subparadigm. For instance, they cannot take any non-past verbal predicative markers:

- (46) *miń od šemika / *šemika-tamə*
we young family family-NPST.1PL
'We are a young family.'¹¹

The difference is probably due to the fact that combinations of a noun stem and a plural non-past marker overwhelmingly refer to multiple entities of the indicated type. This usual additional meaning could get incorporated into the conjugation markers.

It is unclear whether this hierarchy has any typological relevance.

- 5) Adjectival attributes > genitive-marked attributes

As noted above, person marking cannot be omitted in indefinite nouns. It is also true of adjectives in the non-past:

- (47) *mon díkabə́rskej-an / *díkabə́rskəj*
I Decemberly-NPST.1SG Decemberly
'I was born in December' (Lit. 'I am Decemberly').

On the contrary, in the genitive forms, person marking is optional.

- (48) *mon moskuv-əní / OKmoskuv-əní-an*
I Moscow-GEN Moscow-GEN-NPST.1SG
'I am from Moscow' (Lit. 'I am of Moscow').

At least two typological tendencies can account for this difference.

First, Stassen's Verbalization Hierarchy (3) is again applicable, because genitive-marked forms are more nounlike.

Second, the difference between unmarked and genitive-marked attributes could result from the semantic difference between **most** genitive and **most** adjectival attributes. According to Stassen (2005b: 479), verbal encoding of adjectives is sometimes restricted to a subclass which

11. (46) is grammatical with the meaning 'We are young families'.

denotes the less time-stable properties (e.g. 'hungry' but not 'female'). All the semantic classes of properties that can be described by genitives (see Koljadenkov & Zavodova 1962: 190–192) are very time-stable.

4. Verbal marking in non-predicative contexts

4.1. Verbally marked NPs in the nominative

In some cases, verbal markers do not accompany the word normally expected to be a predicate, but rather a word which would normally be regarded as a subject (49)–(50). For instance, translational equivalents of *kucə* 'at home' in sentences like (49) are usually called predicates in typological surveys dealing with non-verbal predicates; see, for example, Hengeveld (1992: 118–121).

(49) <i>kucə mon-əl-əní</i> house.IN I-PQP-PST.1SG 'I was at home.'	(50) <i>učitáł-ks mon-əl-əní</i> teacher-TRANS I-PQP-PST.1SG 'I was the teacher.' ('It's me who was at home.') ('It's me who was the teacher.')

Grammatical descriptions of Mordvin languages do not mention such cases, and sometimes cite relevant examples as instances of predicatively marked nominal forms; see, for example, Cypkajkina (2007: 98). Therefore, the traditional analysis assumes that such phrases are predicates.

Alternatively, it is possible to suppose that they are subjects. This analysis, which is adopted in this paper, seems more natural if it is assumed that the tense and agreement markers in (49) and (50) have some properties of clitic copulas. Arguments for and against treating these markers as clitics, or, rather, clitic clusters, are outlined in section 5.

One obvious argument in favor of the second analysis is that the phrases in question control predicate agreement, as in (49)–(50).¹² It is more usual to control predicate agreement for subjects than for predicates.

12. I have not come across any examples like (50) in the descriptions of Erzya. However, they are at least not unique. A similar example is given by Skribnik (2003: 120) for Buryat.

The clitical analysis of verbal markers on non-verbs in Mordvin was proposed earlier by Stassen. He claims that in Uralic languages “the suffixes of the subjective conjugation are to be analysed as enclitic pronouns” (1997: 289) in both verbs and non-verbs. My data does not fully conform to this claim. First, there is probably no reason to treat these markers as pronouns from the synchronical point of view. Second, I do not have any evidence of clitic behavior of the tense and agreement markers in verbs. Third, the verbal markers in non-verbs also have some affixal properties; see section 5.

The choice of the phrase which receives verbal marking is far from arbitrary. The non-predicative phrase which takes agreement marking must be in the focus:

- (51) — *ton ul'-ət' lavka-sə?*
you be-PST.2SG shop-IN
(a) — *af mon kucə-ł-əń*
NEG I house.IN-PQP-PST.1SG
(b) — **af mon-əł-əń kucə*
NEG I-PQP-PST.1SG house.IN
'Were you in the shop? — No, I was at home.'

The idea that a copulative marker can be used to mark focus has a typological basis. According to Kalinina (1998) and Eriksen (2005: 258), copulas sometimes mark foci in both nominal and verbal predictions.

Information structure is not the only relevant condition, and grammatical relations are equally important. If a sentence contains a focused subject and a topical predicate, the verbal marker can be attached to either of them, as in (52).

- (52) — *kijə ul'-ś-∅ kucə?*
who be-PST.3-SG house.IN
(a) — *mon kucə-ł-əń*
I house.IN-PQP-PST.1SG
(b) — *mon-əł-əń kucə*
I-PQP-PST.1SG house.IN
'Who was at home? — I was at home.'

However, if the predicate is in the focus, the verbal marking is possible for the focused predicate (51a), but impossible for the topical subject (51b).

4.2. The position of predicative markers within the NP

It is well-known that Mordvin extended noun phrases can have verbal marking attached either to the head (53) or to a modifier (54); see, e.g., Turunen (2006: 183–185; 2010: 191–192) and Hamari (2007: 38–40). In accordance with these descriptions, verbal encoding of modifiers demands definite marking on the head noun, as in (54).

- (53) *tń plox sašet-tada* (54) *tń plox-tada sašet-tńə*
you bad neighbour-NPST.2PL you bad-NPST.2PL neighbour-DEF.PL
'You are bad neighbors.' 'You are bad neighbors.'

As noted by Bartens (1996: 23), verbally marked adjectives can follow the heads, as in (55), which is usually impossible in Mordvin noun phrases.

- (55) *tń sašet-tńə plox-tada*
you neighbour-DEF.PL bad-NPST.2PL
'You are bad neighbors.'

According to Bartens (1996: 23–24), the modifiers which can get verbal marking are “restrictive, contrastive”. It is probably more accurate to say such modifiers are narrow-focused because restrictiveness is not a sufficient condition, as is evident from the comparison of (53) and (54), and contrastive relation is unnecessary (56).

- (56) *pete-ń silnaj-ť / *šilnaj ked-ənzə*
Petya-GEN strong-PL strong arm-3SG.POSS.PL
'Petya has strong arms.'

Hamari (2007: 40) supposes that attributes with verbal markers (like *plox-tada* in (54)) could be predicates, while the assumed noun heads (like *sašet-tńə* in (54)) are “additional specifier[s] of the subject”. This would explain the verbal marking as well as the observed word order freedom.

However, this does not seem to be necessarily the case.

As argued in the previous section, Moksha verbal marking is sometimes attached to focused subjects. This supposition could probably be extended to modifiers. The word order difference is relatively natural in view of the information structure split within the noun

phrase. For instance, compatible contrasts can cause all kinds of NP splits in Russian; see, e.g., Pereltsvaig (2008). These splits in Russian cannot be analyzed as involving a predicative adjective and a noun in the position of a “specifier of the subject” because the adjective in these constructions agrees with the detached noun and not the assumed subject. This problem does not arise if complex structure is claimed for the predicate rather than the subject, as in Lyutikova (2012). The latter analysis could be applicable to the Moksha data, but its possible implications are not addressed in this paper.

The definite marking on the noun is also most naturally explained in terms of information structure. If the modifier is in the narrow focus, the head noun is part of the topic, or, probably, one of the topics, depending on the assumed model. As shown in Kashkin (2007, ms.; 2014, ms.), both in Erzya and Moksha, topicality can trigger obligatory definite marking.

To sum up, it is possible to analyze the verbal markers on adjectives within noun phrases as focus marking, although an alternative analysis cannot be excluded.

4.3. Verbally marked adverbial modifiers

Adverbial modifiers can also sometimes receive verbal marking (57). These examples are not perfect, but most speakers do find at least some of them grammatical.

- (57) *?mon išak-əl-ən kucə*
I yesterday-PQP-PST.1SG house.IN
'I was at home YESTERDAY.'

As in other cases of verbal marking of non-predicates, it is only possible if the adverbial modifier is focused (57) and impossible if the predicate is in the focus (58).¹³

- (58) **mon išak-əl-ən af kucə*
I yesterday-PQP-PST.1SG NEG house.IN
'Yesterday I was NOT AT HOME.'

13. The verbal marking is not always possible for the focused adverbial modifiers. The exact conditions which allow it merit further investigation.

Most crucially, non-verbal marking of adverbial modifiers is sometimes possible for non-verbal predication with a nominative group in the predicate:

- (59) *?mon kunarə-l-ən vrac̄*
I long.ago-PQP-PST.1SG doctor
'I was a doctor long ago.'

Since (59) involves two NPs in the nominative, it is probably inevitable to suppose that at least one of them is (part of) the predicate, and therefore the verbally marked phrase is not the predicate. Unlike the case discussed in section 4.2, the adverbial modifiers do not seem to allow any alternative analysis. It is therefore safe to assume that the markers in question can be used in non-predicative phrases.

5. Conclusions

- 1) The nominal unit which gets verbal marking in Moksha can be rather full-fledged both in morphology and syntax. However, the most complicated structures, like possessively marked nouns or postpositional phrases with definite nouns, cannot be combined with some of the verbal markers. The conjugation paradigm of non-verbal predicates is very reduced.
- 2) Verbal marking on non-verbs is not only possible in predicates. Its distribution is determined at least by the following properties.
  1. Part of speech: verb > non-verb
  2. Information structure: focus > topic
  3. Grammatical relation: predicate > non-predicate (subject, attribute or adverbial modifier)

These properties are in turn arranged in the hierarchy 1. > 2. = 3., i.e., the finite verbal predicates get predicative marking whenever present, while topical nominal predicates and focal nominal non-predicates in nominal predication compete for the verbal marker. Exactly one of them gets it. Another way to summarize this data is shown in Table 4.

	focus	topic
(finite) verbal predicate	obligatory	
nominal predicate		possible
nominal non-predicate (a subject or an adjective within a nominative group) in a non-verbal predication	possible	impossible

Table 4. Verbal predicative marking.

3) Verbal markers in non-verbs exhibit some clitic-like properties.

- Their realization rules involve the presence of a similarly-looking morpheme; see the discussion of the nominal plural marker in the non-past in section 2.2.2. Similar rules are sometimes found in clitics; see, e.g., Zwicky (1987).
- These makers are relatively unconstrained in terms of what part of speech they can attach to (2.2.1), and retain the syntactic structure of the phrases they attach to (2.2.3);
- These markers can follow the additive clitic (2.2.3);
- In some cases (though not always), the markers can be dropped under coordination (60).

- (60) *kucə ton i mon-əl'-ən*
house.IN you and I-PQP-PST.1SG
'YOU AND I were at home.'

The clitical nature of these markers was claimed earlier by Stassen (1997: 289), however, virtually no synchronical evidence was given to confirm this statement.

However, some properties of these markers are non-typical for clitics.

- Verbal markers on non-verbs fall within the stress domain, which is a basically affixal property, though attested in clitics; see, e.g., Spencer & Luís (2012: 85–89).

The stress in Moksha is normally word-initial; however, in certain cases stress is attracted to open vowels; see, e.g., Bondarko & Poljakov (1992: 142). This holds true for verbally marked nominals, including the supposed subjects. For example, the verbal marker in (61) is stressed.

- (61) *učitəl'-nə minnə-támə*
teacher-DEF.PL we-NPST.1PL
'WE are the teachers.'

- Even though these markers show little sensitivity to the part of speech of the host, they impose lots of restrictions concerning its semantics and the morphological affixes it contains; see section 3.
- Agreement markers cannot take wide scope over conjoined phrases which host them (62). The narrow scope over conjoined phrases is also associated with affixes; see the discussion of this property in Spencer & Luís (2012).

- (62) *?kucə ton i mon-əl'-əmə*
house.IN you and I-PQP-PST.1PL
'YOU AND I were at home.'

This data suggests that tense and agreement affixes in Moksha constitute a class which is intermediate between clitic copulas and predicative markers proper.

This suggestion does not extend to tense and agreement markers in verbs because they do not seem to exhibit any clitical properties, aside from the formal similarity with the markers on non-verbs. This does not necessarily imply that the verbal markers in verbs and non-verbs are different. Spencer and Luís (2012: 207) observe that in some languages the same markers can behave clitically or affixally depending on their position.

- 4) Moksha non-verbal predicates demonstrate several tendencies in their agreement patterns. Most of these tendencies are typologically expected. Many of them are also mentioned in grammatical descriptions of Erzya. A comparison of Mordvin languages in this respect is given in Table 5.

Each row corresponds to a tendency. The first column lists the expressions which are more likely to get verbal marking in Mordvin languages (to the left of the “>” mark) and less likely to get verbal marking in Mordvin languages (to the right of the “>” mark). The second column (Moksha) and the third column (Erzya) depict the

Moksha	Erzya, according to grammatical descriptions
Person marking of adjectives and the like in the non-past	
1st person, 2nd person > 3rd person	obligatory > ungrammatical
Person in 1PL and 2PL	grammatical > ungrammatical (Turunen 2010: 85–86)
indefinite nouns > definite nouns, personal pronouns, nouns with possessive affixes	obligatory > optional
indefinite locations > definite locations	frequent > rare (Turunen 2010: 195) or grammatical > ungrammatical (Cypkajkina 2007: 87)
indefinite locations > definite locations	obligatory > optional in positive sentences; grammatical > ungrammatical in negative sentences
locative predicates > nominal predicates	(no clear difference) more frequent > less frequent (Turunen 2010: 147–148)
adjectives with less time-stable semantics > adjectives with more time-stable semantics	(no clear difference) grammatical > ungrammatical (Cypkajkina 2007: 91)
adjectival attribute > genitive- marked attribute	obligatory > optional
genuinely plural forms > genuinely singular forms (e.g., 'family')	grammatical > ungrammatical (Turunen 2010: 195)
adjectives denoting property > nouns denoting class-membership	(no clear difference) (not enough data)
Number in 3PL	
indefinite locations > definite locations	obligatory > optional
genuinely plural forms > genuinely singular forms (e.g., 'family')	obligatory > ungrammatical in the non-past
adjectives with less time-stable semantics > adjectives with more time-stable semantics	(no clear difference) grammatical > ungrammatical (Cypkajkina 2007: 91)
adjectival attribute > genitive- marked attribute	obligatory > optional in the non-past
adjectives > nouns	grammatical > ungrammatical (Turunen 2010: 195)

Table 5. Tendencies in Mordvin verbal marking.

grammaticality of these expressions in the respective order. For instance, the data in the upper-left corner of the table should be read in the following way: 1) person marking of adjectives in the non-past in Moksha is obligatory in the 1st and 2nd person and 2) ungrammatical in the 3rd person.

It is clear from the table that even though the tendencies are generally the same, they are manifested in different ways in Moksha and in Erzya. Whenever enough data is available, Moksha shows a stronger tendency for the verbal marking to be present.

Acknowledgements

The study presented in this paper is a part of a larger research project on Moksha Mordvin, and I would like to thank its participants for their help and support.

I gratefully acknowledge comments from Alexandra Drofa, Maksim Fedotov, Pavel Koval, Alexey Kozlov, Anton Kukhto, Ekaterina Novikova, Svetlana Toldova, and the anonymous reviewers of this paper. I also wish to thank Ruslan Idrisov for correcting the phonological transcription. All remaining errors are my own.

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project 13-06-00884).

Abbreviations

ABL	ablative	NZR	nominalization (nominalizer)
ADD	additive particle	O	object
CMPR	comparative (case)	OBL	oblique
CN	connegative	PL	plural
DAT	dative	POSS	possessive
DEF	definite	PQP	pluperfect
EL	elative	PRON	personal pronominal stem
GEN	genitive	PST	past
IN	inessive	S	subject
NEG	negation	SG	singular
NEG.EX	negation of existence	TRANS	translative
NFIN	nonfinite		
NPST	nonpast		

References

- Bartens, Raija 1996: Über die Deklinationen im Mordwinischen. – *Finnisch-Ugrische Forschungen* 53. 1–113.
- 1999: *Mordvalaiskielen rakenne ja kehitys*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Bondarko, L. V. & O. E. Poljakov (eds) 1992: *Sovremennye mordovskie jazyki. Fonetika*. Saransk: Mordovskoe knižnoe izdatel'stvo.
- Bubrix, D. V. 1953: *Istoričeskaja grammatika erzjanskogo jazyka*. Saransk: Mordovskoe knižnoe izdatel'stvo.
- Cypkajkina, V. P. 2007: *Temporal'nost' v mordovskix jazykax i principy ee opisanija*. Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta.
- Dryer, Matthew S. 2007: Clause types. – Timothy Shopen (ed.), *Language Typology and Syntactic Description*. 2nd edition. Cambridge: CUP.
- Eriksen, Pål Kristian 2005: *On the Typology and the Semantics of Non-Verbal Predication*. PhD Thesis. University of Oslo.
- Erina, O. 1997: *Čästicy v mordovskix jazykax*. PhD Thesis. Tartu.
- Hamari, Arja 2007: *The Negation of Stative Relation Clauses in the Mordvin Languages*. Helsinki: Société Finno-Ougrienne.
- Haspelmath, Martin 1999: Explaining article-possessor complementarity: Economic motivation in noun phrase syntax. – *Language* 75, 2. 227–243.
- Hengeveld, Kees 1992: *Non-Verbal Predication*. Berlin – New York: Mouton de Gruyter.
- Kalinina, E. Ju. 1998: *Nefinitnye skazuemye v nezavisimom predloženii: Opyt tipologičeskogo issledovanija*. Avtoreferat. ... kand. filol. nauk. Moscow State University.
- Kashkin, E. V. 2007, ms.: *Upotreblenie opredelennogo sklonenija v šokšinskem dialekte erzjanskogo jazyka*. Expedition report.
- 2014, ms.: *Opredelennoe sklonenie v mokšanskem jazyke, govor s. Lesnoe Cibaevi i Lesnoe Ardaševo Temnikovskogo rajona Mordovii (po materialam letnih ekspedicij 2013–2014 gg.)*. Expedition report.
- Koljadenkov, M. N. 1954: *Grammatika mordovskix (erzjanskogo i mokšanskogo) jazykov. II. Sintaksis*. Saransk: Mordovskoe knižnoe izdatel'stvo.
- Koljadenkov, M. N. & R. A. Zavodova 1962: *Grammatika mordovskix (mokšanskogo i erzjanskogo) jazykov. I. Fonetika i morfologija*. Saransk: Mordovskoe knižnoe izdatel'stvo.
- Lyutikova, E. A. 2012: O dvux tipax inversii v russkoj imennoj gruppe. – *Russkij jazyk v naučnom osveščenii* 2. 65–106.

- Novikova, E. S. 2014: K tipologii pljuskvamperfekta: semantika vtorogo prošedšego vremeni v mokšanskem jazyke. – O. V. Kuznecova et al. (eds), *Odinnadcataja Konferencija po tipologii i grammatike dlja molodyx issledovatelej. Tezisy dokladov*. St. Petersburg: Nestor-Istorija. 122–124.
- Pereltsvaig, Asya 2008: Split phrases in colloquial Russian. – *Studia Linguistica* 62, 1. 5–38.
- Rueter, Jack 2010: *Adnominal Person in the Morphological System of Erzya*. Helsinki: Société Finno-Ougrienne.
- Serebrennikov, B. A. 1967: *Istoričeskaja morfologija mordovskix jazykov*. Moscow: Nauka.
- Skribnik, Elena 2003: Buryat. – Juha Janhunen (ed.), *The Mongolic languages*. London – New York: Routledge. 102–128.
- Spencer, Andrew & Ana R. Luis 2012: *Clitics: An Introduction*. Cambridge: CUP.
- Stassen, Leon 1992. A hierarchy of predicate encoding. – Michel Kefer & Johan van der Auwera (eds), *Meaning and Grammar: Cross-linguistic perspectives*. Berlin: Mouton de Gruyter. 179–201.
- 1994: Typology versus morphology: The case of the zero-copula. – *Nordic Journal of Linguistics* 17, 2. 105–126.
- 1997: *Intransitive Predication*. Oxford: Clarendon Press.
- 2005a: Predicative Adjectives. – Martin Haspelmath & al. (eds), *The World Atlas of Language Structures*. New York – Oxford: OUP. 478–481.
- 2005b: Nominal and locational predication. – Martin Haspelmath & al. (eds), *The World Atlas of Language Structures*. New York – Oxford: OUP. 482–485.
- Turunen, Rigina 2006: Complex morphosyntactic features in nominal predicates in Erzya. – *SKY Journal of Linguistics* 19. 173–187.
- 2009: A typology of non-verbal predication in Erzya. – *Acta Linguistica Hungarica* 56, 2–3. 251–313.
- 2010: *Nonverbal Predication in Erzya. Studies on morphosyntactic variation and part of speech distinctions*. PhD Thesis. Helsinki.
- Zaicz, Gábor 1998: Mordva. – Daniel Abondolo (ed.), *The Uralic Languages*. London: Routledge. 184–218.
- Zwicky, Arnold M. 1987: Suppressing the Zs. – *Journal of Linguistics* 23, 1. 133–148.

RIGINA AJANKI & ANNA-MARIA KANGASTUS
University of Helsinki

Subject person indexation in Erzya

Abstract This paper focuses on person forms as subjects in Erzya, especially on interplay between free and bound person indices. We show that the frequency of cross-indexing (free and bound person indices appearing together) depends partly on the clause type: when the predicate is nonverbal, cross-indexing is far more frequent than in transitive and intransitive clauses. The data suggest that cross-indexing is employed in 20–30% of transitive and intransitive clauses. We aim to find the factors that affect the employment of cross-indexing. We observe that in Erzya free person indices do not seem to mark a change in subject, rather, they are employed to mark contrastive subjects, sometimes with an emphasizing suffix, and sometimes on their own. This means that in written Erzya bound person indices are employed under all kinds of pragmatic conditions. They occur not only in cases of continuous topic, but also in the case of changing topic. Cross-indexing seems to be used to represent written spoken language, thus free person indices occur relatively frequently in those parts of the prose texts which illustrate dialogues. This phenomenon can be explained by topic persistence: subjects with referents that display a higher topic persistence also exhibit a higher rate of expressed subject pronouns.

1. Introduction

In this paper, free and suffixal encoding strategies of Erzya subject are inspected. The focus is on the encoding of person, which can be made by two strategies: free forms, often labelled as pronouns; and suffixal forms, often labelled as person suffixes. To begin, the theoretical and methodological issues are dealt with. We define the phenomenon as **person indexation** instead of using the more traditional terms *pronouns* and *agreement*. In the present study we restrict our focus to intransitive and transitive constructions. In intransitive constructions, the Erzya verb is inflected in subject conjugation¹. However, in transitive constructions, if the object is definite and the aspect perfective, the verb is inflected in object conjugation. The complex factors involved in the choice between subject and object conjugation are not dealt with here. In intransitive constructions, the main argument of the verb, subject, can be encoded by free or/and bound forms. In transitive constructions, two arguments, subject and object, can be encoded by free and bound forms. As free person forms are facultative in Erzya, we aim to discover the factors that affect their employment. The main hypothesis is that continuous topic is represented by bound person indices and changing topic by free person forms. As will be shown, there are also other factors affecting the encoding strategy of subject person.

The data set for the present study was collected from the electronic corpus of Research Unit of Volgaic Languages in Turku. The data set consists of *S'atko* journals from the year 2003. The primary data of this study consist of 469 intransitive clauses collected from *S'atko* 2003, journal number 2, and 525 constructions in which the verb is inflected in object conjugation, gathered for the purposes of Kangastus' (2012) MA thesis.

1. Erzya makes use of two conjugational paradigms. In subject conjugation, also referred to as indefinite conjugation, the suffixes mark only the subject. In object conjugation, also referred to as definite conjugation, the suffixes mark both subject and object. More detail is given in Section 4.

2. Subject and person

The relationship between subject and object, though not universal, is one of the central issues in descriptions of grammar of any language. There is a correlation between syntactic encoding and semantic roles: the subject is likely to be the more agent-like and the object the more patient-like participant in an event. These roles are, however, easily changed, not least because of the discourse pragmatic characteristics with which syntactic encoding also has to correlate (e.g. Kibrik 2001). The discourse-pragmatic roles of noun phrases are determined by an NP's place in the information flow of the discourse. Accordingly, the subject is often the topic, with the object and verb together constituting the comment. There is, however, no one-to-one correspondence between subject and topic (e.g. Kibrik 2001: 1414).

Encoding of person also belongs to the core issues of linguistics. In the descriptions of grammars of European languages, it is often stated that subject NP controls verbal agreement (e.g. Kibrik 2001), and suffixal encoding of person is generally considered as a kind of an agreement phenomenon, different from free person forms (see for discussion e.g. Ferguson & Barlow 1988: 1–3; Haspelmath 2013). Definitions of agreement vary, as well as the terminological choices, and thus similar kind of phenomena have been described with terms such as *concord*, *indexation*, *person head marking* or *person cross-referencing* (Siewierska 2004: 125–126).

In his previous works, Haspelmath (2002: 65) defines agreement as a syntactic relation in which the inflectional behaviour of a word or a word phrase is determined by the properties of the nominal constituent to which it is closely related. Also a distinction between two kinds of agreement phenomena is often made: *grammatical* and *anaphorical agreement*: in *grammatical agreement* the assumed controller is double indexed by free and bound forms, while in *anaphorical agreement* the assumed controller is not present. If we consider, for example, the encoding of subject as free person forms and affixes on verb, in anaphorical agreement no free person forms are employed, but the person of the subject is encoded only as an affixal element (e.g. Bresnan & Mchombo 1987: 752; Givón 1984: 362).

In this paper, we will use Haspelmath's (2013) proposal for describing the phenomenon of subject person encoding in Erzya. Haspelmath (2013: 5) suggests that instead of describing bound person forms in terms of the concepts like *pronoun* and *agreement*, they could be treated as **argument indices** or **person indices** (see also Lazard 1998), and correspondingly, the grammatical process of providing verbs, nouns and adpositions with argument indices is termed as **indexing**. Argument indices on verbs are often called **subject and object indices** after their argument-class.

Haspelmath's (2013) ideas are in line with Croft (2001: 29) who suggests that agreement indexes the referent rather than the phrase denoting the referent. Then, agreement is double indexation, by the independent argument phrase and by the agreement affix. According to this approach, all indices are referring expressions. Although there is an asymmetry between an independent noun phrase (in our case, a free person pronoun) and a pronominal affix (here a person marker that has fused to the predicate), this asymmetry is not one of referring expression vs. nonreferring expression. Agreement is considered category-form covariation in a way that the form of the target depends on the category of the controller. Regardless of this, as Haspelmath (2013: 5–8) notes, argument indices can co-occur in the same narrow clause with nominals that have the same role and reference. According to Haspelmath, the appropriate term for the nominal occurring together with person indices is **conominal**, defined as follows: an index is conominated when a coreferential nominal in the same clause is present. An index may be conominated by a full nominal or by a free pronoun. Not all indices can be conominated to the same extent, and thus, three different situations can be distinguished: A conominal may be **obligatory**, it may be **optional** or it may be **impossible**.

In this paper, we will use the term *person index*: in constructions where subject conjugation is employed in Erzya, we have subject indices and in constructions where object conjugation is employed, we have subject and object indices, as the complex morphemes carry information of the both arguments. To describe person indexing in Erzya, using the cross-indexing terminology and methodology described above: Erzya makes use of person indices with optional conominals.

3. Erzya clause types

In Erzya, the argument structure of a clause defines the clause type. There are three basic clause types in which subject is present as only in zero transitive clauses there is no subject. The linguistic elements to index the core arguments of the basic clause types vary from zero indexing to suffixes, free person forms and free noun phrases. The main clause types of Erzya can be divided into Zero Transitive, Intransitive, Transitive and Nonverbal predicate clauses, see Table 1.

Clause type	Subject	Object	Lexical class of predicate
Transitive	x	x	verb
Intransitive	x	—	verb
Nonverbal predicate	x	—	adjective, noun, quantifier, pronoun
Zero Transitive	—	—	verb or adjective, noun, quantifier

Table 1. The core elements of Erzya basic clause types.

In intransitive clauses, the predicates are verbs conjugated by suffixes showing the person and number of the subject. In transitive constructions, the complex suffix carries information on the person of the subject and (in object conjugation) the object. When conjugational suffixes are employed, subject and object referents do not require other encoding. According to Bartens (1999: 112–113, 172), this kind of *zero encoding* is typical for Erzya. The terminological choice Bartens has made is somewhat misleading: zero encoding would be a proper term only in case of the third person singular nonverbal predicate, like in example 5b.

Our paper sets its focus on intransitive clauses, and transitive clauses in which the verb is inflected in either subject or object conjugation. In the following we will, however, briefly discuss a third type of clause, namely nonverbal predicate clauses, and the encoding of subject in them in comparison to intransitive clauses.

Nonverbal predicate cannot obtain objects but they differ from typical intransitive clauses with respect to the lexical class of the predicate: it is not a verb. Existential and possessive clauses are often included with nonverbal predicate clauses as well (Dik 1997: 193–216; Hengeveld 1992; Payne 1997: 111–121; Hamari 2007). It is suggested in Turunen (2010) that in Erzya, existential and possessive

constructions differ from non-verbal predicate constructions both semantically and with regard to their morphological coding, but the borderlines between the clause types are fuzzy. Zero transitive clauses are discussed in (Ajanki 2014), nonverbal predicates are discussed in Hamari (2007) and Turunen (2010).

In Erzya, the presence of conominals, both subject and object, is always optional. For comparison, in Finnish, conominal for encoding subject is optional in 1st and 2nd persons and obligatory in 3rd persons. It has been observed cross-linguistically that in spoken language free person forms and pronouns are applied more frequently than in written standard language (see on Finnish e.g. Mauranen & Tiittula 2005: 36, on German e.g. Weinert 2007: 12). Cross-indexing is regarded as useful just to ensure that the information gets through: multiple cues regarding the subject of the clause are better than one single cue, when the latter is missing or masked by other material (Dahl 2004: 202; Croft 2001: 233–234). As Croft (*ibid.*) notes, cross-indexing also makes it possible to alter word order for topicalisation.

4. Encoding subject person in transitive, intransitive and nonverbal predicate clauses

The following examples illustrate subject person marking in intransitive and nonverbal predicate clauses. Intransitive constructions resemble nonverbal predicate clauses in the sense that the bound person forms are identical. The verb is inflected in subject conjugation by bound person forms which express the person of the subject. The theoretical approach taken allows us to assume that, as meaning is often expressed in a distributed way, a single meaning element such as ‘first person singular subject’, can be expressed by two form elements, in our case free and bound person indices (Haspelmath 2013: 3). In examples 1a and 1b, the subject is in Haspelmath’s terms, cross-indexed. Cross-indexing is especially typical for non-verbal predication in Erzya (see Turunen 2010), but less so for intransitive clauses, as will be shown in this paper.

The third person encoding of intransitive and nonverbal predicate clauses is different, but only in its analysis. Namely, from a diachronical point of view, the bound third person indices have no element

referring to person. The third person forms do not actually display any person index but the verb is inflected in its present tense participle form, represented by *-i*, which in plurals is further inflected by the plural marker *-t/t'* (Bartens 1999: 112, 172). Just for comparison, the Finnish person forms are structured in the same way, but from another present tense participle. Thus, the term *agreement* is inappropriate in this sense as well, as person is indexed only once. In Erzya, the verb form is, opposite to Finnish, in itself sufficient for identifying the person. Thus, the forms that are diachronically participles, index the third person subject.

(5a) Intransitive clause

Ud-i.
sleep-3SG
'(S)he sleeps.'

(b) Nonverbal predicate

Mazij.
beautiful
'It/(S)he is beautiful.'

In nonverbal predication, if the subject refers to the third person singular, it is never an inflectional element, but it can be left totally unexpressed. Typologically, the zero-coded forms refer to the third person singular and present tense, which has been explained in terms of the frequency or typological unmarkedness of the third person singular (see e.g. Haspelmath 2002: 33, 240; Croft 2006: 89, 114).

Person indexation in Erzya transitive constructions is a complex phenomenon primarily because of the factors affecting the choice of conjugational paradigm. In transitive constructions, the case marking of the object varies, and object conjugation is applied in the grammatical system in interplay with case marking. Thus object conjugation is not automatically employed if the construction is a transitive one: the definiteness of object, the case marking of object as well as the aspect of the clause affect the choice between subject and object conjugation. These factors have been dealt with previously (e.g. Keresztes 1999a, 1991b; Alhoniemi 1992, 1996; Itkonen 1972; Wickman 1955), and are not the target of this study.

Erzya object conjugation forms a complex system also in another respect. The object conjugational paradigm displays rich syncretism: many of the forms are syncretic. According to Keresztes (1999b: 18), the amount of complexity decreases because there are many similar forms in the paradigm. As Keresztes (1999b: 53) mentions, if all the

possible combinations of subject and object had had their own suffixed elements, there would be 112 forms. This kind of almost complete paradigm, in which all the combinations of subject and object have their own suffixes, exists only in case of the third person object. These forms show a difference according to the person and number of the subject. The difference in number is, however, displayed only when the subject is in singular. If the object is not a third person, the degree of syncretism means that it is possible to unambiguously retrieve information about object person and number from its bound form only in particular person/number combinations (Aranovich 2007: 188; Bartens 1999: 125; Keresztes 1999b: 53).

Because the suffixes applied in object conjugation are partly syncretic, it is not absolutely clear that we can speak of cross indexation of person in case of object conjugation. In object conjugation, the role of the free person forms is different from their role in subject conjugation. The situation differs from intransitive constructions in that even though the suffixed marking of subject and object is obligatory, the effects of syncretism are such that in many cases, the subject and object person can be identified only on the basis of the previous discourse. Because of syncretism, we might assume that free person forms are added in order to make the persons of subject and object explicit. Trosterud (2007: 290–298) shows that those forms that display their unique suffixes also occur most frequently in texts, and accordingly, less-frequently used verb forms display more syncretism. Even though we could assume that in transitive clauses free forms would be applied more often, to get rid of the ambiguity that arises from the bound forms, it is shown below that in transitive clauses, in which object conjugation is applied, free subject forms are not employed more often than in intransitive constructions. The data were not, however, inspected with regards to the form of object conjugation suffix. An avenue for further study is that the data should be studied with regards to syncretic forms, in order to find out whether syncretic forms are more likely to be accompanied with free person forms in order to avoid ambiguity.

The following examples illustrate the argument indexing possibilities, that is encoding of subject and object in transitive clauses in which the verb is inflected in object conjugation. Thus, all the

constructions contain a verb onto which a bound subject and object suffix, bearing information on the person of the both arguments, is fused. The constructions vary in the extent to which they contain cross-indexation of person. In example 6, both subject and object are cross-indexed by free person forms. In example 7, the person value of the subject is cross-indexed, while the person value of the object is indexed only by the bound form. On the contrary, in example 8, the person value of the subject is indexed only by the bound form, whereas the person value of the object is cross-indexed. In example 9, both subject and object are indexed by a single bound person form².

- (6) Subject: free person form, object: free person form

[Subject] – [Verb-Subj/Obj] – [Object]

<i>Ton</i>	<i>soda-sak</i>	<i>sonže.</i>	<i>Leme-ze</i>	—	<i>Vala.</i>	(2/2003: 1)
2SG	know-2SG>3SG	3SG.GEN	name-3SG		V.	

'You know her. Her name is Valya.'

- (7) Subject: free person form, object: only bound person form

[Subject] – [Verb-Subj/Obj]

<i>Tiń</i>	<i>mole-dě,</i>	<i>mon</i>	<i>sasa-tadiż,</i>	—	<i>mer-ś</i>	<i>son.</i>	(5/2003: 1)
2PL	go-IMP.2PL	I	reach-1SG>2PL		say-PST1.3SG	3SG	

'You just go, I will reach you, he said.'

- (8) Subject: only bound person form, object: free person form

[Verb-Subj/Obj] – [Object]

<i>Nej</i>	<i>uš,</i> —	<i>mer-i</i>	<i>Tjušta,</i> —	<i>Sardanapal</i>	<i>ińazor-oś</i>		
Now	already	say-3SG	T.	S.	tsar-DEF		
<i>tšav-samiz,</i>	<i>a</i>	<i>ton</i>	<i>saj-fanzat</i>	<i>este-nze.</i>		(7/2003: 1)	

kill-3SG>1SG but 2SG.GEN take-3SG>2SG self-3SG

'Now, says T., Sardanapal the tsar kills me but he will take you for himself (as a wife).'

- (9) Subject and object: bound person form

[Verb-Subj/Obj]

<i>Vandi</i>	<i>rana</i>	<i>stav-tadiż.</i>		(7/2003: 2)
tomorrow	early	wake-1PL>2SG		

'Tomorrow we will wake you up early.'

2. In examples in which the suffix encodes both the subject and object, the subject person is marked first: subject > object.

In the following sections, we will describe the circumstances under which cross-indexing is employed. There are no grounds for assuming that the presence of free forms is syntactically or semantically determined. Our hypothesis is that the factors affecting the use of free person forms are related to pragmatic issues, that is, the information flow of the discourse.

5. Cross-indexing subject

5.1. Relative frequency of free subject person in intransitive, transitive and nonverbal predicate clauses

In the following we will use the term *intransitive clause* for all clauses in which subject conjugation is employed. The term should more probably be *subject conjugation construction*, because a small amount of clauses have a verb inflected in subject conjugation occurring together with an indefinite object. Correspondingly, the term *transitive clause* is in this paper applied only for constructions in which the verb is inflected in object conjugation. Firstly, we will discuss the frequencies of free person forms and cross-indexing, and below, we will concentrate on describing the factors affecting the employment of free person forms.

The data set for the research has been collected from the journal *S'atko*. The intransitive data are presented in Table 2. The intransitive clauses are collected from *S'atko* number 2 from 2003. The data of 469 clauses originate from different parts of the journal. These data consist of texts written by various authors to avoid possible distortions arising from using a single idiolect. It was easy to gather 469 intransitive, as intransitive clauses form the most frequent clause type.

Kangastus' data (2012: see especially 56–57) consist of transitive constructions in which the verb is inflected in object conjugation, including altogether together 525 verbs. The data reveal the approximate relationship between the person indexation strategies: how often the person forms are encoded by free person forms and how often the bound forms alone are enough. In Table 3 we have compared the

employment of cross-indexing and suffixal person forms in our data of transitive clauses and intransitive clauses.

Table 3 illustrates that the subject is encoded by a free person form less frequently as by a bound person form in both transitive and intransitive clauses. However, when comparing transitive *and* intransitive clauses with nonverbal predicate clauses, the results are opposite.

The variation in nonverbal intransitive clauses is different from the variation observed in the basic intransitive and transitive clauses: if the predicate is not a verb, it is not necessarily inflected in subject conjugation even if functioning as a predicate. Verbs, on the other hand, are always inflected when functioning as predicates. In other words, transitive and intransitive clauses are different from nonverbal predicate clauses because in nonverbal predicate clauses, bound person forms are optional. In the data collected by Hamari (2007: 134) and Turunen (2010), cross-indexation is the most frequent method for encoding the subject. In other words, free personal forms are often overtly coded together with bound person forms, occurring in 434/561 constructions altogether. The third person singular forms are different: there is no bound person form and the free forms can be left unexpressed as well, as discussed in Section 4 above. Thus they are excluded from our frequency analysis.

On the basis of Tables (2–4), we have produced Table 5 which illustrates that cross-indexing of subject seems to be as frequent in transitive as in intransitive clauses: in both construction types, cross-indexing is clearly less frequent than suffixal indexing of person. The percentages for nonverbal predicate clauses represent an average counted from Turunen's and Hamari's data from Table 4. Table 5 illustrates that cross-indexing using free person forms occurs more generally in nonverbal predicate clauses than in transitive and intransitive clauses in Erzya.

According to Nikolaeva (2001: 17–18), in Khanty free subject forms are more often omitted in object conjugation. This, she states, is due to the frequent presence of a secondary topic in clauses with object conjugation. Our data of Erzya do not show same kind of tendency, as a free subject is left unexpressed with broadly similar frequency in intransitive and transitive clauses. Correspondingly, it seems to us that there are no differences in subject person indexation in Erzya between intransitive and transitive constructions.

Intransitive clauses: encoding of subject		
Free NP	181	39%
Free person form	78	17%
Other pro-form together	15	3%
Suffixal person	187	40%
Total	469	100%

Table 2. Encoding of subjects in intransitive clauses.

	Transitive clauses		Intransitive clauses	
	%	%	%	%
Free person form	71	18	78	29
Only bound person	313	82	187	71
Total	384	100	265	100

Table 3. Encoding of person in transitive clauses and intransitive clauses.

Nonverbal predicate clauses, 1st and 2nd person	T	%	H	%
Free person form	189	71	245	83
Only suffixal person form	77	29	50	17
Total clauses	266	100	295	100

Table 4. Free and suffixal person forms in nonverbal predicate clauses. T = (Turunen 2010: 177 FUF), H = (Hamari 2007: 134). Turunen's data represent only present tense constructions.

	Cross-indexing	Suffixal person index
Transitive	18%	82%
Intransitive	29%	71%
Nonverbal predicate	77%	23%

Table 5. Cross-indexing of subject person in Transitive, Intransitive and Nonverbal predicate clauses.

5.2. Subject and topic continuity

In many languages where cross-indexation is possible but not obligatory, employment of free person forms is affected by topicalisation (e.g. Lambrecht 1994). In this paper, we focus only on subjects. The function of free person forms as the object of transitive constructions is left for future study. The main question in our study is, whether the free person forms bear some kind of pragmatic function, one possibility being topic continuity (Givón, 1983a). In Givón (1983b), the subject is regarded as a grammaticalized topic, and in Givón (1983a: 8), the primary topic and grammatical subject are regarded as equal.

It is not always clear that a clause can contain only one known, identifiable and activated referent, that is, one topic. Thus, it has become necessary to define the concept of secondary topic (Lambrecht 1994: 147–150; Nikolaeva 1999, 2001). In some languages, such as Komi and Khanty, secondary topic may have become grammaticalized. In the Vym' dialect of Komi, dative case is applied to encode secondary topics (Klumpp 2009). In Ob-Ugric languages the primary topic is the subject. An object that has some syntactic properties typical for subject and triggers object conjugation, is in Khanty a secondary topic (Nikolaeva 2001: 17).

Givón's scale of topic accessibility (e.g. 1983a: 14), here not presented as a whole, predicts that if the topic is continuous, it is more likely to be encoded as a bound person form than as a free person form, and vice versa.

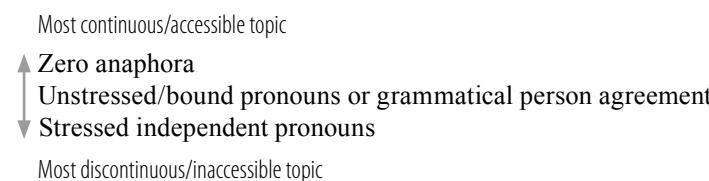

Figure 1. Givón's scale of topic accessibility (1983a: 14).

Accordingly, it will be tested whether in Erzya a discontinuous topic, encoded usually as a subject, is more likely to be encoded as a free person form.

The second question to be answered is whether in Erzya an unactivated topic, as well as a contrastive or emphasized topic, is likely to be expressed with free forms, whether lexical NPs or person forms. Considering this from another angle, this means that we will study whether the factor of subject continuity matters in the choice of encoding person: whether the changing topic is encoded as a free person form, or whether the suffixal person forms can occur alone also in case of a changing topic.

Thirdly, Givón's (e.g. 1983a) concept of *topic persistence* measures a topic's importance in the discourse. In some languages, subjects with referents displaying higher topic persistence exhibit a higher rate of expressed subject pronouns, suggesting that expressed subjects are an indicator of importance in the local discourse. For example, LaCasse and Goodrow (2014) note that specificity and topic persistence affect first person plural subject pronoun expression in Mexican Spanish.

Accordingly, cross-indexing with free person forms can be motivated by two contradictory factors: changing primary topic and topic persistence. In case of changing primary topic, the subject of the clause changes, and it is assumed that to draw the attention to the fact that the primary topic has changed, the free person form is applied. In case of topic persistence, free person forms might be indicators of importance in the discourse.

A fourth aspect of the question is the effect of genre. Cross-linguistically it has been observed that cross-indexing is more general in spoken data than in written, academic text (e.g. Weinert 2007). This means that we should employ data which represent one specific genre to exclude the effects of genre. Because our data are drawn from many kinds of genres, any observations pertaining to a single genre are based on a relatively small data set, and accordingly we recommend that our findings should be tested on larger data sets in future.

6. Why cross-indexing is used

In this section, we bring together the observations made on the basis of our data of transitive and intransitive clauses. Our results suggest that (i) subject change does not explain free person forms, that is, discontinuous topic does not trigger employment of free person index; (ii) suffixal person indices are ambiguous, and (iii) deictic person forms behave differently, especially when employed in dialogues representing written spoken language.

6.1. Free person indices only rarely indicate subject change

Above it was suggested that change of topic might explain the use of free person forms. In line with this view, we assume that the further back the referent of person index is situated in the previous context, the more informative the element that refers to it has to be. In other words, a free person form is likely to be used if the referent has not been mentioned in the recent context. Furthermore, if the referent is indexed only by a bound person form, the referent is likely to be easily accessible (Hakulinen & Laitinen 2008: 162; Ariel 1990: 69–93). In the analysis we have taken into account only those person forms which are not marked morphologically as emphasized or contrastive, as the reason for their use in these cases is self-evident.

In intransitive data, not including data from dialogues, which will be dealt with below, in 28/70 cases the free person form is used when the subject changes. This means that in 42 cases a free person form is used even though the subject does not change. It will also be shown below that subject change is, in most cases not indicated by free person forms.

In example 10 free person form 1SG is employed because of changing subject. In the previous clauses, the speaker talks in the 1PL, and the change into singular actor is relevant.

- (10) *Ašt'-inék valske-ń zoŕa-s. Mejle mon*
 stay-1PST.1PL morning-GEN dawn-LAT After 1SG
tuj-iń kolhozo-ń pakša-ń soka-mo. (2/2003: 4)
 go-1PST.1SG kolkhoz-GEN field-GEN plough-VN
 ‘We stayed until the dawn. Afterwards I left
 to plough the kolkhozes field’

In intransitive data there is one occurrence in which the grammatical subject changes but the topic is continuous. The situation, in which the grammatical subject is not the topic, is typical in Erzya clauses encoding feelings (Ajanki 2014). In example 11 the experiencer subject of 1SG is in Erzya dative, *mońeń*. The employment of nominative subject *mon* in the beginning of the following clause can be regarded as a marker of subject change, but not topic change.

- (11) *Viŕseńt'- škamon. Te-ń ej-ste mońeń mel'sparo.*
 Forest-DEF.INE alone.1SG this-GEN POP-ELA 1SG.DAT good.mood
Mon *pek večka-n išta, tuji-ń škamon,*
 1SG very love-1SG like.this leave-1PST.1SG alone.1SG
čatmońe-ż, čuv-tneń jutko-va
 be.silent-PST.PTCP tree-DEF.PL.GEN amongst-PROL
vešne-me pang-t. (2/2003: 3)
 search-VN mushroom-PL
 ‘I am alone in the forest. That makes me into good
 mood. I like it very much like this, I left alone, silently
 among the trees to search for mushrooms.’

In the data from transitive clauses, there are seven cases in which the free person form refers to another syntactic unit than the subject of the previous context. Usually the syntactic unit of the previous clause that becomes the subject, is the object. In example 12, the subject changes from the 3SG of the previous context into 3PL. The other participant is in singular, and thus, when the plural form is employed, the point of reference is clear.

- (12) *Ińe azoro-s soglaśa-s di šni-nże načalnike-nze, meks sín pek pŕevej-ste dum-iż te t’eve-nť.* (7/2003: 1)
 great lord-DEF agree-PST1.3SG and praise-PST1.3SG>3SG
 chief-3SG why 3PL very wise-ELA
 think-PST1.3PL>3SG this thing-GEN.DEF
 ‘The lord agreed and praised his chiefs, how they so wisely thought of this thing.’

In example 13 the employment of *son* (3SG) does not serve a purpose such as emphasis or contrast. The use of the free person form *son* as subject, the agent who will act, and *ton* as object, the target, may occur to emphasize the change in role, as *Tušta* becomes a target rather than an actor.

- (13) *Pašteńa koźjaika-zo šeste mer-i: -Paro di mažij ińazorňe-m, Tušta, ton toń-s ilja liše ture-me Sardanapal' ińazoro-nť karšo, son toń čav-tanzat.* (7/2003: 1)
 P. wife-3SG then say-3SG good and beautiful
 lord-1SG T. 2SG 2SG-REFL NEG.IMP.2SG leave.CNG
 fight-VN S. lord-GEN.DEF against 3SG
 2SG.GEN kill-3SG>2SG
 ‘Then says her wife Paštenja: “My good and handsome lord, Tušta, do not go you yourself to fight against Sardanapal-tsar, he will kill you.”’

6.2. Bound person indices are ambiguous

Though subject change can partly explain the occurrence of free person forms in our data, it appears that subject change – which is in Erzya almost identical with the concept of change of topic or discontinuous topic – does not in most cases require free person indices. The data from both intransitive and transitive clauses show that cross-indexing is not necessarily employed to indicate changing subject. Instead, bound person indexing is enough. In fact, the study of suffixal indexing reveals that change of subject is more frequently **not** indicated by free person form.

In the transitive clause data, there are 223 clauses in which the free subject forms are lacking inside a complex sentence. Inside this group we identified 130 clauses (58%) as representing continuous topic. As almost half of the cases with suffixed subjects are used in case of non-continuous topic, we cannot regard this factor as very important. In these clauses the subject changes, but the new subject does not achieve free pronominal encoding. Thus, even though one might assume that the change of the subject would cause marking of the new subject as a free NP or a pronominal form, because there is contrast between two possible actors, this seems not to be the case in Erzya.

In the data from intransitive clauses, free person forms are typically absent when the subject stays the same. This is especially typical for subordinate clauses which have the same subject as the matrix clause has. The data offer plenty of examples in which suffixed encoding can be regarded as an indicator of continuous topic and subject continuity. This is especially typical in subordinate clauses, in which the free subject is not repeated because it is already present in the matrix clause. However, in intransitive data there are several examples in which changing subject and topic are not indicated with free person indices, but only bound indices are used.

In examples 14 and 15 the subject changes, in 14 from 3SG to 1SG and in example 15 from 3PL to 1SG, without cross-indexing.

- (14) *Kona ejste-nk duma-sí, koda čavo-ms di čav-sí Sardanapalo-n, še-ńeń Ø maks-sa tějeŕe-m, Tundalka-n, kožajka-ks di put-sa sex pokš načalnike-ks.* (7/2003: 1)
 who PO.PELA-3PL think-3SG>3SG how kill-INF and
 kill-3SG>3SG S.-GEN it-DAT give-1SG>3SG
 daughter-1SG T.-GEN wife-TRA and put-1SG>3SG
 SUP big chief-TRA
 ‘The one of you, who figures out how to kill Sardanapal, to that one I will give my daughter Tundalyka as a wife, and I will put him as the biggest leader.’

- (15) *Apak učo pile-ze-ń kajatot'-ś-t'*
 NEG.PST.PTCP wait.CNG ear-LAT-1SG echo-PST-3PL
vajgel'-t'. Kuncola-n. (2/2003: 3)
 voice-PL listen-1SG

'Unexpectedly voices echoed in my ears. I am listening.'

Impersonal clauses, which are related to our topic of subject indexing, are described here separately. Impersonal clauses are constructed in Erzya with the third person plural bound indices. Thus in impersonal constructions, the lack of free person index serves a specific function. If the third person plural forms are employed as impersonals, the free person forms are not used at all in these data. In our data there are 20 clauses (6%) that can be regarded as impersonals. Examples 16–17 illustrate impersonal usage of the third person plural forms.

- (16) *Rossija-so t'e-ń t'je-me a karma-t,*
 Russia-INE it-GEN do-INF NEG will-2SG
vačodo Ø kulovt-tadíz. (2/2003: 1)
 immediately kill-3PL>2SG

'In Russia you can't do it, you will be killed immediately.'

- (17) *Varštav-iń pert'pelga-n, vraćo-m – vaksso-n. Son*
 glance-PST1.ISG around-1SG doctor-1SG by-1SG 3SG
tet'a-nzo marto eŕ-i Leme-ze Mihal Frolovič, son=gak
 father-3SG with live-3SG name-3SG M. F. 3SG=too
vrač. Ava-st meļat Ø kalm-iž. (2/2003: 1)
 doctor mother-3PL recently bury-PST1.3PL>3SG

'I glanced around, my doctor was close to me. He lives with his father. His father's name is Mihal Frolovitš, he is also a doctor. Their mother was buried recently.'

6.3. Cross-indexing is frequent in the dialogues

First and second person, as deictic persons, have obvious referents in the discourse. Second person forms typically appear only in those parts of the data which illustrate dialogues. As the referents are evident, in comparison to the third person which might refer to multiple referents, we assume that their occurrence of free first/second person

forms together with suffixal forms serves other functions than the third person free forms.

The employment of free deictic person forms is in Erzya different from the employment of the third person free forms: as in all the data, suffixal encoding of person was highly more frequent than cross-indexing, the situation is different in case of the first and the second person.

In transitive clauses the first and second person subjects occur altogether in 73 clauses, and in more than half of the clauses (46/73), free person forms are applied. Furthermore, in most of these clauses (36/46), the free form refers to the subject of the previous clause, and only in 10 clauses, the free form represents a changing subject.

We think that there are two possible explanations to this phenomenon, both of which should be tested with bigger amount of data. One explanation is topic persistence: the expressed subjects are an indicator of importance in the local discourse. The second one is related to genre: free pronouns might enhance the feeling of spoken language in a written dialogue. Naturally, this hypothesis should be tested with data from spoken Erzya.

In example 18 the first subject form *tońś* is emphasized by a suffix. The second form is a third person form in an introductory phrase. In introductory phrases, free person forms are usually applied. In imperative clause free person forms are normally absent, as in this example. The last free person form of 2SG is emphasized, but unmarked.

- (18) *Tońś mer-it' – ška-t ul-i. Éravi uš*
 2SG.EMPH say-1PST.2SG time-PX.2SG be-3SG must already
kište-ms pe-de-pe-s! – *mizoldo-z mer-ś son.*
 dance-INF head-ABL-head-LAT smile-PST.PTCP say-1PST.3SG 3SG
Illa apargado... A ton a beŕáńste
 NEG.IMP.2SG get.annoyed.CNG but 2SG NEG badly
kištat, – šni-mim son. (2/2003: 8)
 dance-2SG praise-PST.3SG>1SG 3SG

“You yourself said that you have time. One has to dance from the beginning till the end,” he said, smiling. “Don’t get annoyed ... You don’t dance badly”, he praised me.”

In Martinov's text (S'atko 2/2003: 71) cross-indexing occurs during a passage which illustrates a discussion between two participants, one of whom is drunk. There are several free person forms in the speech of the drunken man, see example 19, in which free person forms are marked with bold.

- (19) *A ton soda-t, koso mon šim-iń? /.../ Mon*
 But 2SG know-2SG where 1SG drink-1PST.1SG 1SG
šim-iń svad-ba-so! Čárkod-it? **Mon** umok
 drink-1PST.1SG wedding-INE understand-1PST.2SG 1SG long.ago
čárkod-iń, koda ton večk-sak moń ni-ńt'
 understand-1PST.1SG how 2SG love-2SG>3SG 1SG.GEN wife-DEF.GEN
sazoro-nzo, líja-ks meŕe-ms, Maruška-ń. Mon
 sister-3SG.PX other-TRA say-INF Maruska-GEN 1SG
veše-dě soda-n, moń=gak veše soda-samíz.
 all-ABL know-1SG 1SG.GEN=too all know-3PL>1SG
Čárkod-it? (2/2003: 71)
 understand-1PST.2SG

'But do you know, where I drank? /.../ I drank in a wedding.
 Did you understand? I understood a long ago that you love
 my wife's sister, in other words, Maruska. I know about
 everyone. Everyone knows me too. Did you understand?'

Besides the differences between text genres mentioned above, we believe that differences between written and spoken language require further investigation. It is plausible that with more data we will be able to understand the role of person indexation, especially of cross-indexing. If we compare written and spoken language, we are likely to find that there are factors such as redundancy in spoken language, that are used in order to get a message through regardless of the noise in the surroundings. These kind of factors are not present in the written language, but they may be found in the background when we study the features of spoken language imitated in literature.

6.4. Other reasons to use free person indices

The free person forms are used without any apparent pragmatic function as well. In 16 cases from the transitive clause data, a free third person form refers to the subject of the preceding clause. This is illustrated in example 20.

- (20) *Zveŕe-ń obuća-so Némvrod' ińazoro-ś maŕa-ś,*
 wood-GEN nature-INE N. lord-DEF hear-PST.1SG
sto Kiśaro-ń narodo-ńt' di pléma-ńt'
 that K.-GEN people-GEN.DEF and tribe-GEN.DEF
jutko-va mol-i pokš avol' soglasija. Son
 between-PROL go-3SG big NEG harmony 3SG
purń-iže eše-nze soldatvije-nze di tu-ś
 gather-PST.1SG>3SG own-3SG soldier.power-3SG and leave-PST.1SG
kiśar-tńeń lang-s. (7/2003: 1)
 kisar-PL.GEN.DEF POP-ILL
 'In the forest Nimvrod lord heard, that there was a great
 disharmony between Kisar-lord people and tribe. He
 gathered his army and left to the *kisar* people.'

Example 21 is taken from a biography during which the topic does not change. There is one free 3SG form in the whole biography, to refer to the same subject. The employment of *son* seems here to mark emphasis: it was he, not anyone else, who translated the famous poets.

- (21) *Erža-ń kel-s son jutavtś A.S. Puškine-ń,*
 Erzya-GEN language-LAT 3SG translate-1PST.3SG A.S. Pushkin-GEN
S.A. Ješeńine-ń, V.V. Majakovskoje-ń di lamo
 S.A. Esenin-GEN V.V. Mayakovskoy-GEN and many
líja pojete-ń stix-t' di poema-t. (2/2003: 69)
 other poet work-PL and poem-PL
 'It was he who translated A.S. Pushkin's, S.A. Esenin's, V. V. Mayakovskoy and many other poets's works and poems.'

Last, a free person index may fulfill the function of contrastive person form in itself, without markers of emphasis. Example 22 is taken from a story, in which the speaker tells to his soldiers, how he plans to kill a character called Sardanapal. In the first part, the subject is in 2PL, indexed in the first clause by a bound form, then by a free form with the suffix of emphasis. In the imperative constructions the free person indices are usually not applied, but *tińš karmado* contains emphasized free subject. Then the subject changes into 3PL and 2PL becomes the object. There are two clauses in which free person forms are present. As the speaker returns to his main topic, Sardanapal, he marks it with emphasized free person form *sońš* as well as with his name *Sardanapal*. The last sentence has a new subject, 1SG, again marked

with free person form. In this discourse it is important to pay attention to the actors. It is a leader's order, and the hearers' attention must be drawn to the subjects.

- (22) *Velt-ink jama-ńt' lango-nzo ilév-se di val-ink moda-so, štobu avol' soda-v-o, a tiń-ś karma-do led-ńe-me Sardanapalo-ń vije-nze lang-s. Koda karmi-t' siń=gak strength-3SG.PX along-LAT when begin-3PL 3PL=too led-ńe-me tink lang-s, šeste karma-tado shoot-FREQ-VN 2PL.GEN along-LAT then begin-2PL pota-mo udalo-v, siń tuj-t' tink melga té retreat-VN behind-LAT 3PL go-3PL 2PL.GEN after this tarka-va-ńt'. Kodak soń-ś Sardanapal pačkod-i té place-PROL-DEF when 3SG-EMPH S. arrive-3SG this tarka-ńteń, mon šešte vana té varíne-va-ńt' place-DEF.DAT ISG immediately PTL this whole-PROL-DEF sonze led-sa nal-so-ńt'. (7/2003: 1)*
 3SG.GEN shoot-1SG>3SG arrow-INE-DEF

'You covered the pit with birches and filled it with soil, in order that it cannot be seen, but then you yourself start to shoot Sardanapal's groups. When they too start to shoot you, then you start to retreat to the back, they will go after you along this place. When Sardanapal himself arrives to this place, I will immediately shoot him through this hole with an arrow.'

7. Conclusions

In the present study we have discussed the encoding of subject in Erzya. We have focused on person forms and the interplay between free and bound person indices. We have shown that the frequency of cross-indexing, that is, free and bound person indices together, depends partly on the clause type: when the predicate is nonverbal, cross-indexing is far more frequent than in transitive and intransitive clauses. The data suggest that cross-indexing is employed in 20–30% of transitive and intransitive clauses. Free person indices do not seem to mark changing

subject. They are employed to mark contrastive subject, sometimes with an additional emphatic suffix, sometimes on their own. Bringing our observations together, in written Erzya bound person forms are employed under all kinds of pragmatic conditions. As expected, they occur in case of continuous topic, but also in case of changing topic. In Erzya this means that the change of subject does not automatically – and not even generally – trigger free person indexing.

In writing, cross-indexing seems to be used to represent the spoken language. Free person indices occur relatively frequently in those parts of the prose texts which illustrate dialogues, with the deictic 1st and 2nd person forms especially frequent in this genre. In introductory phrases, such as '(s)he said', the third person singular free subject is also employed. This phenomenon can be explained by topic persistence: subjects with referents displaying higher topic persistence exhibit a higher rate of expressed subject pronouns. Cross-indexed subjects are an indicator of importance in the discourse. It has also been observed that in the world's languages cross-indexing may be more typical in spoken data. Erzya spoken material should be studied in order to find out whether the frequent occurrence of cross-indexing in dialogues can be explained by a correspondingly high frequency in speech.

List of glosses

1	first person	EMPH	emphasized
2	second person	FREQ	frequantative
3	third person	GEN	genetive
ABL	ablative	ILL	illative
CLT	elite	IMP	imperative
COMP	comparative	INE	inessive
COND	conditional	INF	infinitive
CONJ	conjunctive	LAT	lative
CNG	connegative	NEG	negation word
DAT	dative	NOM	nominative
DEF	definite	PL	plural
DIM	diminutive	POP	postposition
ELA	elative	PROL	prolative

PRS	present tense	REFL	reflexive
PST	past tense	SG	singular
PTCP	participle	SUP	superlative
PTL	particle	TRA	translative
PX	possessive suffix	VN	verbal noun

References

- Ajanki, Rigina 2014: Zero-transitive clauses in Erzya. – Nobufumi Inaba, Jorma Luutonen, Arja Hamari & Elina Ahola (eds), *Juuret marin murteissa, latvus yltää Uraliin. Juhlakirja Sirkka Saarisen 60-vuotispäiväksi 21.12.2014*. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 270. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. 3–17.
- Alhoniemi, Alho 1982: Eräitä näkökohtia mordvan nominaalisen predikaatin käytöstä. – *Lauseenjäsennyksen perusteet. Seminaari Seilissä 9.-10. 1982*. Publications of the Linguistic Association of Finland 9. Turku. 47–58.
- 1992: *Mordvan sijasynkretismistä*. Sykli 62. Turun yliopiston suomalaisten ja yleisen kielitieteen laitoksen pienoittä. Turku.
- 1996: Über die Unterschiede bei der Verwendung der Subjekt- und Objektkonjugation im Ersa- und Mokscha-Mordwinischen. – Heikki Leskinen, Sándor Maticák, Paavo Pulkkinen, Risto Raittila & Tõnu Seilenthal (eds), *Congressus Octavus Internationalis Fennougristarum: Jyväskylä 10.–15.8.1995. Pars III. Sessiones sectionum. Phonologia & Morphologia*. Jyväskylä. 68–71.
- Aranovich, Raúl 2007: Optimizing verbal agreement in Mordvin. – *Studia Linguistica* 61. 185–211.
- Ariel, Mira 1990: *Accessing Noun Phrase Antecedents*. London & New York: Routledge.
- Bartens, Raija 1999: *Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys*. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 232. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Bresnan, Joan & Sam Mchombo 1987: Topic, pronoun and agreement in Chichewa. – *Language* 63. 741–782.
- Croft, William 2001: *Radical Construction Grammar. Syntactic Theory in Typological Perspective*. Oxford: Oxford University Press.
- 2006 [2003]: *Typology and Universals*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Dahl, Östen 2004: *The growth and maintenance of linguistic complexity. Studies in Language Companion Series*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins.
- Dik, Simon C. 1997: *The Theory of Functional Grammar. Part I: The Structure of the Clause*. 2nd edn. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Ferguson, Charles A. & Michael Barlow 1988: Introduction. – Michael Barlow & Charles A. Ferguson (eds), *Agreement in Natural Languages: Approaches, Theories, Descriptions*. Stanford: Stanford University Press. 1–22.
- Givón, Talmy 1983a: Topic continuity in discourse. An introduction. – Talmy Givón (ed.), *Topic continuity in discourse. A quantitative cross-language study*. Typological Studies in Discourse 3. Amsterdam: John Benjamins. 1–41.
- 1983b: Topic, Pronoun, and Grammatical Agreement. – Talmy Givón (ed.), *Topic continuity in Discourse: A Quantitative Cross-language Study*. Amsterdam: John Benjamins. 149–188.
- 1984: *Syntax: A functional-typological introduction. Volume I*. Amsterdam: John Benjamins.
- Hakulinen, Auli & Lea Laitinen 2008: Anaforinen nolla. Kielioppia ja affekteja. – *Virittäjä* 112. 202–223.
- Hamari, Arja 2007: *Negation of Stative Relation Clauses in the Mordvin Languages*. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 254. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Haspelmath, Martin 2002: *Understanding morphology*. London: Arnold.
- 2013: Argument indexing: A conceptual framework for the syntactic status of bound person forms – D. Bakker & M. Haspelmath (eds), *Languages across boundaries: Studies in memory of Anna Siewierska*. Berlin: Mouton DeGruyter. <http://www.academia.edu/1208796/Argument_indexing_A_conceptual_framework_for_the_syntactic_status_of_bound_person_forms>
- Hengeveld, Kees: 1992: *Non-Verbal Predication. Theory, Typology, Diachrony*. Functional Grammar Series 15. Berlin.
- ISK = A. Hakulinen, M. Vilkuna, R. Korhonen, V. Koivisto, T. R. Heinonen & I. Alho 2004: *Iso suomen kielioppi*. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 950. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Itkonen, Erkki 1972: Über das Object in den Finnisch-Wolgaischen Sprachen. – *Finnisch-Ugrische Forschungen* 39. Helsinki. 153–213.
- Kangastus, Anna-Maria 2012: Subjekti ja objektiin referenssi ersämordvan objektkonjugaatiolauseissa. Pro gradu -tutkielma. Suomalais-ugrilaisen kielentutkimus. Helsingin yliopisto.

- Keresztes, László 1999a: Die determinierte Konjugation im Mordvinischen und die Urgeschichte. – C. Hasselblatt, P. Jääsalmi-Krüger (eds), *Europa et Sibiria. Gedenkband für Wolfgang Veenker*. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Band 51. Wiesbaden: Harrasowitz. 235–242.
- 1999b: *Development of Mordvin Definite Conjugation*. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 233. Helsinki.
- Kibrik, Aleksandr E. 2001: Subject-orientated vs. subjectless languages. – Martin Haspelmath (ed.), *Language Typology and Language Universals: An International Handbook*, Vol. 2. Berlin: Mouton de Gruyter. 1412–1423.
- Klumpp, Gerson 2009: Variation in Komi object marking. – Andreas Dufter, Jürg Fleischer & Guido Seiler (eds), *Trends in Linguistics. Describing and modeling variation in Grammar*. Berlin: Mouton de Gruyter. 325–359.
- LaCasse, Dora & Erika Goodrow 2014: How Specificity and Topic Persistence Affect First Person Plural Subject Pronoun Expression in Mexican Spanish. Conference abstract, read in 43rd NNAV (New Ways of Analyzing Variation), October 2014.
<http://www.nnav43.illinois.edu/program/>
- Lambrecht, Knud 1994: *Information structure and sentence form: Topic, focus, and the mental representations of discourse referents*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lazard, Gilbert 1998. *Actancy. Empirical Approaches to Language Typology*. Berlin & New York: Mouton de Gruyter.
- Mauranen, Anna & Liisa Tiittula 2005: Minä käänössuomessa ja supisuumessa. – Anna Mauranen & Jarmo Jantunen (eds), *Käännössuomeksi. Tutkimuksia suomenosten kielestä*. Tampere: Tampere University Press. 35–69, 265–266.
- Nikolaeva, Irina 1999: Object Agreement, Grammatical Relations, and Information Structure. – *Studies in Language* 23:2. 331–376.
- 2001: Secondary topic as a relation in information structure. – *Linguistics* 39. 1–49.
- Payne, Thomas E. 1997: *Describing morphosyntax. A guide for field linguists*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Siewierska, Anna 2004: *Person*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Skribnik, Elena 2001: *Pragmatic structuring in Northern Mansi*. Congressus Nonus Internationalis Fenno-ugristarum. 2. Pars VI. Dissertationes sectionum: *Linguistica III*. Tartu. 222–239.
- Trosterud, Trond 2007: *Homonymy in the Uralic two-argument agreement paradigms*. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 251. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Turunen, Rigina 2010: Nonverbal Predication in Erzya. Studies on morpho-syntactic variation and part of speech distinctions. Helsinki: University of Helsinki. <<http://urn.fi/URN:ISBN:978-952-10-6277-3>>
- Virtanen, Susanna 2015: *Differential Object Marking in Eastern Mansi*. Helsinki: University of Helsinki.
- Weinert, Regina 2007: Demonstrative and personal pronouns in formal and informal conversations. – Regina Weinert (ed.), *Spoken Language Pragmatics: Analysis of Form-Function Relations*. London: Continuum. 1–28.
- Wickman, Bo 1955: *The form of the object in the Uralic languages*. Uppsala universitets årsskrift 6. Uppsala: Almqvist & Wiksell Boktryckeri Aktiebolag.

Data references

- S'atko = Ся́тко* 2003: 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10. Material from Erzya journal *S'atko*. Research Unit of Volgaic Languages in Turku.

RIHO GRÜNTHAL
University of Helsinki

Transitivity in Erzya: second language speakers in a grammatical focus

Abstract In Erzya, transitivity is indexed both in the verb conjugation and the inflection of the object. The degree of definiteness and object case alternate, while the verb displays the cross-reference of the person and number of both the subject and object. This morphologically complex transitivity marking system is a major challenge for speakers of Erzya as a second language.

The article examines the variation of Erzya transitive clauses in light of data drawn from interviews with non-native Erzya speakers who have a Slavic or Turkic language as their first language. During the HALS fieldwork in Dubenskiy district at the Republic of Mordovia in August 2013, a survey test was conducted with 68 transitive clauses representing patterns of both high and low transitivity. The answers of the Erzya second language speakers demonstrated that they had adopted Erzya transitivity as a system involving both nominal and verbal inflection. However, the marking of transitivity varied between individual speakers regardless of their background. Although the interviewed non-native Erzya speakers were very fluent, there was a clear contrast between the answers of native and non-native speakers.

1. Introduction

Although transitivity is one of the most basic syntactic and semantic features of the world's languages, and has been examined from multiple angles in the literature (Hopper & Thompson 1980, 1982, Kittilä 2002a, 2002b, Naess 2007), it has been less frequently mentioned as a category influenced by language contact. The marking of transitivity in a given language may involve both nominal and verbal inflection.

In Erzya, an absolute non-ergative language, transitivity is morphologically marked both in the conjugation of the verb and the inflection of the object, which obey an exceptionally complex set of morphosyntactic rules (Aranovich 2007, Keresztes 1999). It combines the alternation of the case of object, characteristic of the other western Uralic languages, Saamic and Finnic (Denison 1957, Hakulinen & al. 2004: 881–899, Kont 1963, Wickman 1955: 11–55, Erelt 2003: 96–97), with the cross-reference of the person and number of both the subject and object in verbal inflection, characteristic of eastern Uralic (Honti 1998–1999, Siegl 2013: 249–255, Trosterud 2006: 248–303, Virtanen 2013).

Nominal paradigms marking transitivity tend to avoid syncretism, whereas verbal paradigms include portmanteau suffixes that agree with the person and number of the subject and object, in an instance of complex four-level agreement unique to the Uralic language family, as noted by Trosterud (2006: 246). However, individual forms other than the third person singular (as object) often overlap with one another, which increases their morphosyntactic cumulation (Keresztes 1999, Trosterud 2006). The predicate *sajimiz* (1), for instance, can be translated in six different ways: (a) 'you (many) took me', (b) 'they took me', (c) 'you (one) took us', (d) '(s)he took us', (e) 'you (many) took us' and (f) 'they took us'.

- (1) *dešateva okťabría té-sta saj-i-miž*
tenth October here-ELA take-PST-3PL/1SG
'They took me/us on the tenth of October.' (Povodimovo 2013)

The indefinite or definite object may occur in three different cases: nominative, as in *jarsamopel'* (2); genitive, as in *inžethień* (3); and partitive, as in *přakado* (4) (frequently labeled as ablative).

- (2) *Vežava-ś anoksta-ś lamo jarsamopel'*
[youngest] hostess-DEF prepare-PST.3SG much food
'The [youngest] hostess prepared a lot of food.' (ÈK 82)
- (3) *Siń čokšne-ń pert' kavaňa-st' inže-t'-ne-ń*
they evening-GEN around entertain-PST.3PL guest-PL-DEF-GEN
'They entertained the guests the whole evening.' (ÈK 83)
- (4) *Baba-ś... kavaň-i-że topo-ń přaka-do*
grandmother-DEF entertain-PST-3SG/3SG curd-GEN pie-PRT
'The grandmother served with cheesecake.' (ÈK 84)

Recently, transitivity in Uralic has been examined in terms of differential object marking (Iemmolo & Klumpp 2014 (see also for further literature), Virtanen 2013, 2014). The structural variation in the transitive clauses of languages such as Erzya and Moksha, that display both a special objective conjugation of verbs and a case alternation of the object, is more than a simple interplay between the verb and the object. Dalrymple and Nikolaeva (2011) suggest that information structure and topicality are more intensively involved in the semantics of the transitive clause than assumed in previous studies. Typologically, object marking is commonly driven by animacy, definiteness/identifiability, and specificity (Iemmolo & Klumpp 2014: 271, Sinnemäki 2014). The importance of verbal semantics and verb classes to the discussion of object marking has also been raised (Iemmolo & Klumpp 2014: 273–274, Næss 2003).

In Erzya and Moksha, the two Mordvinic languages, the object is primarily marked for case, which combines with number, possession and definiteness. Unlike in all other Uralic languages, definiteness is an inflectional category and, along with possessive suffixes, determines specific referential relations in a clause. The system of marked identifiable referents and diverse objects consists of a wide set of alternatives.

In contemporary colloquial Erzya, code-switching and shifts to Russian dominate at various levels. There are several domains that trigger the use of Russian instead of Erzya, in which bilingualism and language shift are widespread. However, there is no indication of direct Russian influence on the way Erzya marks transitivity.

Object property	Verb property
Case	Combinable property
Number	Objective conjugation
Definiteness	Person and number of subject
Possession	Person and number of object
	Tense
	Mood
	Negation
Subjective conjugation	
Person and number of subject	Tense
	Mood
	Negation
Non-finite verbs	
	Negation

Table 1. Inflectional marking of transitivity in Erzya.

Given that a verb inflected in the objective conjugation may mark the person and number of both the subject and the object, pronominal subjects and objects are often displayed as zero-marked anaphoric constituents (Kangastus 2012, Keresztes 1999). Sentences in Erzya that display non-pronominal subjects and objects show the widest variation in their ways of indexing transitivity.

Every native speaker has the skill of combining and discerning different degrees of transitivity in spoken Erzya by means of selecting mutually combinable properties from the “transitivity kit” of Table 1.

Example (5) is drawn from an interview with a native Erzya speaker at Povodimovo during a field trip in August 2013¹. Units involved in the indexing of transitivity are marked with bold, such as the predicate *sodasə́ń* in (5c) and the object *ńetńeń* in (5f). The length of the example emphasises their frequency in colloquial language.

1. The interview was transcribed by Nina Agafonova following the encoding tradition of native Erzya researchers at the University of Saransk. Here, the text is presented in a considerably simplified way.

- (5a) *s-it'*   *sinć*   *vybirajut, a l'ijasta mer-et'*
come-3PL themselves select.3PL but otherwise say-3PL
'They choose [the books] themselves, but sometimes they say.'
  - (b) "**dajka** *moń-eń* **mäji-jak** *interésnoj*".
give I-DAT something-ENCL interesting
'Give me something interesting.'
  - (c) *a mon soda-səń soderžańija-st* *bolšenstvo i annatacija-st*
but I know-1SG/3PL content-3PL majority and annotation-3PL
'But I know the contents of most [books] and.'
  - (d) *lov-səń*   *i išt'aka. Kužma Abramovə-ń uš narašvat,*
read-1SG/3PL and so [K.A.]-GEN already top.hit
Praskurinə-ń mäjlä
[P.]-GEN after
'I read the notes and so on. Kuz'ma Abramov's [books] were already hits, afterwards Proskurin.'
  - (e) *ul'-ńe-st'*   *väsike-ń papulärnoj-t'*, *Rasputinə-ń väsike-ń.*
be-FREQ-PST.3PL all-GEN popular-PL [R.]-GEN all-GEN
'There were all kind of popular [books], Rasputin's all.'
  - (f) *ńe-tńe-ń*   *večke-łe-ż*, *siń večke-łe-ż*   *ńe-t'*
they-PL.DEF-GEN love-PST-3PL/3PL they love-PST-3PL/3PL those-PL
'The people loved them, they loved those.'
  - (g) *vadrá kniga-t-ńe-ń. ńe-t'*   *Žurbini väsä Kočetev*
beautiful book-PL-DEF-GEN those-PL [Ž.] all [K.]
ńeka avtora-ś.
presumably author-DEF
'Beautiful books. Those Zhurbini and all, Kochetev is presumably the author.'
  - (h) *mon väsä sodə-łe-ń, pek sodə-łe-ń, väsäke-ń sodə-łe-ń,*
I all know-PST-1SG very know-PST-1SG all-GEN know-PST-1SG
'I used to know everything, I knew very well, I knew all.'
  - (i) *avtor-t-na-ń*   *väsäke-ń*
author-PL-DEF-GEN all-GEN
'any authors'
- (Povodimovo 2013)

Transitivity is manifested in multiple ways in this sample. Several verbs are conjugated in the objective conjugation, and there is a clear interplay between the definite object and the verb that indicates

the person and number of both the subject and the object. The focused pronominal subject *mon* is overtly manifested in (5c). The verb *soda-sən* ‘I know (them)’ agrees with the first person singular subject and third person plural object *sodəržanijast* ‘their content’. In (5f) the verb *večkelez* ‘(they) loved (them)’ agrees with a zero-anaphoric subject and the definite plural object *nētneñ* ‘these’. However, a transitive verb may occur in the subjective conjugation as well, lacking formal agreement; but syntactically still interacting with the indefinite object as in *väšä sodə-le-n* ‘I used to know all’ (5h).

More generally speaking, the examples (5c, 5f) demonstrate higher transitivity compared to (5h), which exemplifies lower transitivity. There are many other aspects, such as the categories listed in Table 1 and the semantic properties of words involved, that have to be taken into account in the analysis of individual clauses. (For further discussion, see Grünthal (2008) and Keresztes (1999)).

This kind of system is a major challenge for a second language speaker attempting to adopt communication skills in an Erzya-speaking society. Individual forms characteristic of transitive clauses feature repeatedly in the language of fluent non-native speakers as shown in (6).

- (6a) ...*tožə fabrika-sə robotä, Aktabərskej-sə. univerſitetə-n-zə*
...also factory-INE work.3SG [A.]-INE university-GEN-3SG
přad-i-že,
finish-PST-3SG/3SG
- (b) *mäjlä līs-ne-s*   *roboṭa...*   *vetérénar*   *vrače-ks,--*
after leave-FRE-PST.3SG work   veterinary   doctor-TRA
- (c) *ńej uš vara šemnacət' let to-sə robotä. --*
now already ENCL seventeen year there-INE work.3SG
- (d) *[N.N.] kožika-za, tože přad-i-ndžä, kafta univerſitet-skəj*
[N.N.] wife-3SG also finish-PST-3SG/3PL two university-ADJ
přad-s,
finish-PST.3SG

‘[N.N.] also works in a factory, at Oktyabrskiy. (S)he graduated from the university. Later ((s)he) went to work as a veterinary doctor. Now (s)he has already been working for seventeen years. His wife graduated from the university as well, she completed two university grades.’
(Kabaev 2013)

The informant uses possessive suffixes fluently, as in the object *univerſitetənza* ‘her/his university’ in (6a), applying a verb in the objective conjugation *přadíze* ‘((s)he) finished (it)’ that agrees with the third person singular subject and third person singular object. At the end of the sample (6d), the informant demonstrates with *přadindžä* ‘(s)he finished (them)’ that there is a clear difference between a singular and plural third person object, which has to be indicated with the verb. However, this statement is followed by a completing sentence *kafta univerſiteckəj přad-ś* ‘(s)he finished two universities’, a self-repair that has an elliptic determiner, the adjective derivation *univerſiteckəj* that lacks a syntactic head.

In the current paper, we shall examine the variation of Erzya transitive clause in the light of data drawn from interviews with second language speakers (ESL). In contemporary language, the alternation of the mentioned parameters of transitivity does not show any simplification in the speech of native Erzya speakers (NES) despite of heavy foreign interference. Our main hypothesis is that Erzya second-language speakers who have a Slavic or Turkic language as their first language inconsistently use those elements of the Erzya transitive clause in which the morphosyntactic simplification eventually begins.

We assume that the multiple marking of transitivity in Erzya and morphologically complex inflectional forms in both nominal and verbal paradigms are a major challenge for speakers of Erzya as a second language. Above, it was shown that the degree of transitivity influences the inflection of the object and verb. In principle, simple transitive clauses indicating low transitivity decrease morphological complexity. High transitivity, in turn, often triggers more complex forms such as the definite genitive and objective conjugation of verbs (cf. Grünthal 2008, Koljadenkov 1954: 133, 1959: 202). However, these two extremes cover several other combinations and, consequently, it is possible to mark transitivity in a number of ways.

Given that both the object and verb are marked, we assume that a non-native speaker could eventually find a simplified way of encoding transitivity. During the HALS field trip, this was tested with a questionnaire. Both object marking and verbal inflection were observed to assess the degree to which ESL respondents could apply

their core properties. Initially, before talking to any of the respondents, the test proposed the following hypotheses:

- (i) In the speech of ESL, the inflection of both the object and verb is simplified in one way or another, although speakers tend to use them to mark transitivity.
- (ii) In the speech of ESL, cross-reference of the person in verbal inflection decreases, which in turn increases the need to use pronouns.

2. Data and methods

During the HALS fieldwork in Dubenskiy district at the Republic of Mordovia in August 2013, a survey test was made on 68 transitive clauses representing patterns of both high and low transitivity. The test clauses were originally selected from the descriptive Finnish grammar (Hakulinen & al. 2004), slightly modified for these purposes. The informants were asked to translate the sentences orally from Russian into Erzya. In principle, such a method runs an increased risk of the interference of the source language. Translating test clauses does not, for instance, correspond to the claim of the naturalness of primary data applied in language description and documentary linguistics (Himmelman 1998) and diverges considerably from normal speech, as illustrated in (1–2).

However, in the given case study, the main aim is not to document the typology of transitivity in Erzya, but the adoption of a complex way of indexing transitivity by non-native speakers. Given that one would need almost an unlimited number hours of conversational speech to achieve examples of various transitive constructions and inflectional patterns, there would have been insurmountable practical limits to use a linguistically rigorous interviewing technique based on narrative data. In fact, those characteristics that are seen in example (5) representing contemporary colloquial Erzya are unambiguously represented in the test clauses as well.

Eighteen informants who could easily speak Erzya and Russian in parallel responded to the questionnaire. Thirteen informants were native Erzya speakers (NES) and five had learned colloquial Erzya as a second language (ESL) in their local environments. Only one of them had used written texts in learning the language. Three of the ESL informants spoke a Slavic language, either Russian or Ukrainian, as their first language, whereas two were native speakers of Chuvash, a Turkic language. In both cases the native tongue of the informants displays regular object marking in transitive clauses, whereas neither Slavic nor Turkic languages have a special objective conjugation.

In Russian, aspect plays a crucial role in grammar and involves both the verbal and adverbial constituents. In the questionnaire, there were some Russian sentences and verb pairs such as *ja porezal* ‘I cut [PST]’: *ja rezal* ‘I was cutting’ that exhibited aspect in terms of prefix alternation. This, however, does not have a one-to-one correspondence in Erzya, which does not have grammatical aspect. The ESL respondents’ answers to the questionnaire did not show any unambiguous influence of the Russian aspect system. More generally speaking, the Erzya verb uses derivation to distinguish between continuity and discontinuity, which in Russian are conveyed by aspect marking. Russian test clauses that displayed a morphological aspect marker, however, were only occasionally reflected in the Erzya responses.

The competence of Erzya of individual speakers varied somewhat, but everyone was very fluent by all criteria at a communicative level, as the analysis of the examples below shows. All used Erzya regularly in their everyday life. Nevertheless, occasionally many of the informants had to reconsider some of the translations they gave during separate discussions. The test situation was based on face-to-face interviews and initiated by a brief presentation of the aims of the project and the personal background of the informant. The interviewer read the test sentence in Russian, the sociolinguistically dominant language (which all ESL and NES respondents used regularly), and the informant was requested to translate it into Erzya. The test sentence was repeated as many times as the informant wished. Otherwise, only Erzya was used in the test situation as a medium of communication.

Given that several native Erzya speakers responded to the same questionnaire in four different villages, the answers of the ESL respondents can be compared to those of NES. Generally speaking, Russian – which was the metalanguage of the questionnaire – did not directly influence the use of basic properties of the object and verb. However, there are some test clauses in which the language of the test clause is reflected in the answer. The use of focused pronouns is the most obvious example. In example (7), for instance, the sample sentence (7a) in Russian² includes the pronominal subject *ja* ‘I’. The NES respondents regularly had a corresponding sentence-initial pronominal subject (7b), whereas one ESL respondent used a zero-anaphoric subject (7c) diverging from the basic pattern of the NES and other ESL respondents. Unlike in Russian, a pronominal object is not obligatory in Erzya because the verb involves the reference to the person and number of the object. However, if the object is a focused pronoun as *sonze* ‘him/her’, it is overtly manifested, as the answers of both NES and ESL respondents shows.

(7a) Ja vstreti-l ego.	(b) <i>Mon vast-i-ja sonze.</i>
I meet-PST.M he.ACC	I meet-PST-1SG/3SG (s)he-3SG
‘I met him.’	
	(c) <i>Son-ze karčo vast-i-ja.</i>
	(s)he-3SG against meet-PST-1SG/3SG

Likewise, an object pronoun is regular in the answers of both NES and ESL respondents. In general, unlike Russian (8a), an object pronoun is not obligatory in Erzya because the reference to the possessor may be indicated by a possessive suffix as in *bibliotekasonzo* (8b) (a response of a NES). In the answers of NES speakers, the verb *vetimim* ‘(s)he took me’ was always inflected in the objective conjugation agreeing with the third person singular subject and first person singular object. As a rule, the pronominal object was omitted, whereas the possessive pronoun *svoju* ‘her’ of Russian was encountered with a focused possessive pronoun *ešenze* (8c).

2. In the description of the data, the Russian test sentences are always presented first and indexed with a number and the letter *a* as 3a, 4a, 5a, etc. Glossed examples in Erzya are italicized, while those in Russian are not. In the text, special reference is made to distinguish between the answers of native Erzya speakers (NES) and Erzya second language (ESL) respondents.

- (8a) *Vera prive-la menja v svo-ju bibliotek-u.*
 Vera.NOM bring-PST.FI.ACC in her-ACC library-ACC
 ‘Vera took me to her library.’

- (b) *Vera vet'-i-mim biblioteka-so-nzo.*
 Vera bring-PST-3SG/1SG library-ILL-3SG
- (c) *Vera vet'-i-mim eše-n-ze biblioteka-v.*
 Vera bring-PST-3SG/1SG own-GEN-3SG library-LAT

The answers of ESL included more variation. Three out of five used the correct verb form *vetimim* with (8d) or without (8e) the object pronoun, whereas one replaced the verb with the causative-reflexive derivative *sovavtovi* ‘brings in’, in the present tense instead of the past tense, and converted the objective conjugation to subjective (8f), thus not displaying this category, which in general is important for marking transitivity.

- (d) *Vera vet'-i-mim eše-n-ze bibliotéka-s.*
 Vera bring-PST-3SG/1SG own-GEN-3SG library-ILL
- (e) *Vera vet'-i-mim bibliotéka-v.*
 Vera bring-PST-3SG/1SG library-LAT
- (f) *Vera sova-v-to-v-i moň ese-n-ze biblioteka-s.*
 Vera bring.in-REFL-CAUS-REFL-3SG I.GEN own-GEN-3SG library-LAT

More generally speaking, in many cases the answers of ESL respondents did not diverge strikingly from those of NES respondents but were often almost identical, most notably in simple transitive clauses. The biggest differences occurred in complex transitive sentences including multiple referential relations such as the possessive and other adverbials in addition to the subject, object and verb.

We shall first proceed with the discussion of the mechanisms of object marking (section 3.1), the use of four-argument verbal inflection (section 3.2) and non-finite transitive clauses (section 3.3). The relationship between different strategies for marking transitivity and sentences that involve a manifold argument structure will be more closely elaborated in section 4.

3. Multiple indexing of transitivity

3.1. Object marking

The object is inflected in case, number, definiteness and possibly person, if the object has a possessor. The boundaries between these morphemes are mainly identifiable, but syncretism occurs occasionally in morphologically cumulative forms. As mentioned, the choice of the case of the object depends on the degree of transitivity but NES respondents also display some morpheme alternation between literary Erzya as *kinont'* in (9b) and areal variants as *kinost'* in (9c).

- (9a) Ja vide-l éto kino.
I see-PST.M this film
'I saw this film.'
- (b) Mon né-i-ja té kino-n-t'.
I see-PST-1SG/3SG this film-GEN-DEF
- (c) Mon né-i-ja té kino-št'.
I see-PST-1SG/3SG this film-GEN.DEF

In general, the ESL informants had a very good command of the Erzya case system, and in simple transitive clauses the case of object was usually identical with NES, as in (9d). However, as indicated in (9e–f), either the verb *ńejiń* in (9e) or the object *kinoś* in (9f) easily contradicts the morphosyntactic main rule according to which verbal inflection in objective conjugation forms must co-occur with definite objects, as is seen in the examples of NES. The object displays definiteness, as expected, but in the given example, the definite nominative suffix *-s* encodes both case and definiteness instead of the expected definite genitive suffix *-nt'*. The demonstrative pronoun *té* 'this' increases the deictic definiteness of the noun phrase 'this film', as it co-occurs with the definiteness suffix.

- (d) Mon ne-i-ja té kino-ń-t'.
I see-PST-1SG/3SG this film-GEN-DEF
- (e) Mon ńej-i-ń té kino-ń-t'.
I see-PST-1SG this film-GEN-DEF
- (f) Mon né-i-ja té kino-ś.
I see-PST-1SG/3SG this film-DEF

In addition to case, the answers of ESL speakers show the importance of definiteness in Erzya transitive clauses. Animacy, which (according to Sinnemäki's (2014) sample of 744 languages) affects case selection in roughly 30% of languages, is not involved in the variation of the case of the object in Erzya.

3.1.1. Indefinite object

The indefinite object in Erzya is in the nominative or partitive³ case as a rule, but only exceptionally in the genitive; for instance, if the object is a demonstrative pronoun or a proper noun (Grünthal 2008). However, the answers of both NES and ESL respondents included quite a lot of variation. The most unambiguous indication of indefiniteness is the subjective conjugation form of the verb that has no reference to the object. Furthermore, the NES respondents regularly used an object in the indefinite nominative (10b). In one of the answers of the NES respondents, the object occurred unexpectedly in the definite genitive (10c), a pattern that was repeated by one ESL speaker as well.

- (10a) Mal'čik tašči-t lodk-u.
boy pull-3SG boat-ACC
'A boy is pulling a boat.'
- (b) Čori-ńe-ś usk-i venč.
boy-DIM-DEF pull-3SG boat
'A boy is pulling a boat.'
- (c) Čori-ńe-ś usk-i vence-n-t'.
boy-DIM-DEF pull-3SG boat-GEN-DEF

A test sentence with an accusative object in Russian, which was regularly met with the indefinite nominative in the vast majority of NES answers, led to more variation in the answers of ESL respondents. In one answer, the object had the definite nominative suffix *-ś* here as well (10d); two respondents used a different verb such as *kandoms* 'carry; take' (10e) instead of *uskoms* 'take, drive, ride', and one used the nominative plural instead of singular (10f).

3. In this article we apply the term "partitive" following the grammatical descriptions of the Finnic languages. Traditionally, grammars of Erzya more often describe it as the ablative, although it is probably more typically used for core grammatical relations than for indicating spatial relations. However, the most recent Erzya grammar, for instance, mentions object marking as the first function of the ablative (EK 84).

- (d) Ćora-ńe ušk-i lodka-ś. (f) Ćora ušk-i lodka-t.
boy-DIM pull-3SG boat-DEF boy pull-3SG boat-PL
(e) Ćora-ńe-ś kand-i venč.
boy-DIM-DEF carry-3SG boat

The partitive is less frequent in comparison to the nominative and the genitive, but nevertheless occurs regularly in certain transitive clauses. Complements of certain processual verbs such as *jarsams* ‘eat’ typically display the partitive. The more limited use suggests that actually, the occurrence of the partitive could be accounted for as case government of individual verbs instead of a syntactically and semantically ruled case of object.

Example (11a) sought to test to what extent other properties of the object are attached to the partitive. The answers of NES respondents were very uniform, as all of them used an indefinite partitive *kašado* and the verb *jaršin* (11b) lacking any reference to the object. Most of the respondents emphasized the subject *telefonoś* ‘the telephone’ as the topical constituent by using the definite nominative suffix -ś. One of the respondents added a possessive suffix adding a possessive relation that, as well as possession, assigns definiteness (11c).

- (11a) Ja e-l kaš-u, kogda zazvoni-l telefon.
I eat-PST.M porridge-ACC when ring-PST.M telephone
'I was eating porridge when the telephone rang.'
- (b) Mon jarš-i-ń kaša-do, žardo zvoňa-ś telefono-ś.
I eat-PST-1SG porridge-PRT when ring-PST.3SG telephone-DEF
(c) Jarš-i-ń kaša-do, žardo zvoňa-ś telefono-nok.
eat-PST-1SG porridge-PRT when ring-PST.3SG telephone-1PL

The partitive case government of the verb *jarsams* is indicated in most of the ESL answers as well. However, despite a simple lexically derived rule, there was a lot of variation in the form of the object. Two of the respondents had the standard form of the indefinite partitive object. One respondent, in general a very fluent speaker, dropped the final vowel of *kašad*, which shows a confused perception of the case at issue and drops the final vowel of the suffix -do (11d). Another added a possessive suffix to the object *kašadon* (11e), a feature which more generally speaking often corresponds to definiteness. Finally, one of

the ESL respondents inflected the word *kaša* : *kašu* ‘porridge’ according to Russian morphology and thus, by displaying code-switching, avoided the selection of the correct form of the object in Erzya (11f).

- (d) Mon jarc-i-ń kaša-d, nárdó zvoňa-ś telefon.
I eat-PST-1SG porridge-PRT when ring-PST.3SG telephone
(e) Mon por-i-ń kaša-do-n, žardo zvoňa-ś telefono-ś.
I eat-PST-1SG porridge-PRT-1SG when ring-PST.3SG telephone-DEF
(f) Te-dé kona zvoňa-ś telefon jarsiń kašu.
this-PRT which ring-PST.3SG telephone eat-PST-1SG [porridge-ACC]

Given that an indefinite noun is, in principle, less marked than a definite noun, one would assume that indefinite objects are easier for non-native speakers than definite ones. However, in the light of examples (10–11), this is only partly true. Some of the ESL speakers gave the same answers as the NES respondents but quite often there was some sort of confusion in the morphological indexing of objects in this type of transitive clause.

3.1.2. Definite object

Above, it was claimed that, similarly to NES respondents, the ESL speakers seek to index the definiteness of the object (see example 9). In Russian, definiteness is not obligatorily overtly manifested, and instead of the case of the object, the aspect of the prefixal verb *posmotrel* ‘watched’ is decisive, whereas there is no direct indication of the definiteness or indefiniteness of the object *kino* (12a). The NES answers suggest that the object is perceived as a definite one. Furthermore, the definite object *kinont* ~ *kinost'* ‘the film’ triggers the objective conjugation of the verb *vanija* ‘I saw (it)’ (12b–c).

- (12a) Ja posmotre-l kino do konc-a.
I watch-PST.M film until end-GEN
'I watched the film till the end.'
- (b) Mon van-i-ja kino-ń-t' pe-dé pe-s.
I watch-PST-1SG/3SG film-GEN-DEF end-PRT end-ILL
(c) Mon van-i-ja kino-ś-t' do konc-a.
I watch-PST-1SG/3SG film-GEN-DEF until end-GEN

In this example, the verb has two determiners: the object and the adverbial. This increases the number of those variables to which ESL informants reacted in their responses. Only one of five used a definite genitive object *kinont'* ‘of the film’ in this example, whereas in all other answers, definiteness was indexed as the definite nominative *kinoš* ‘the film’ instead of genitive (12d). One respondent used a focused deictic pronoun and a subjective conjugation form of the verb *vaniń* ‘I saw’ instead of *vanija* (12e).

- (d) *Mon van-i-ja   kino-ś   pŕado-ma   vidš.*
I watch-PST-1SG/3SG film-DEF end-INF until
- (e) *Mon van-i-ń   te   filme-ś   do   konc-a.*
I watch-PST-1SG this film-DEF until end-GEN

3.2. Four-argument verb conjugation of ESL

One of the basic differences between the verb of Russian and Erzya is that in Russian, verbal aspect and the alternation of verb stem and prefixes form the core of the sentence structure, whereas in Erzya, transitivity is frequently marked with the four-argument objective conjugation. The systems are definitely distinct, despite a massive influx of Russian vocabulary; there is no indication of Russian influence in the use of the Erzya objective conjugation.

The Erzya objective conjugation is based on a distinct paradigm that, in addition to tense and mood, marks the person and number of both the subject and the object. However, the most complete set of distinct forms is attested when the object is in the third person singular. In all other cases, there is ample syncretism and paradigmatic overlapping that increases the importance of contextual anaphors. For more detailed description of the object conjugation, see (Bartens 1999: 125–127, 175–176, ÈK 2000: 173–203, GMdJa 1962: 304–320, Keresztes 1999, Koljadenkov 1954: 133–193, Trosterud 2006: 248–303).

The interplay between the object conjugation and the definite genitive object was briefly introduced in examples (9, 12), which suggest that, in principle, the ESL speakers are well informed about the use of both categories. However, if there are more arguments as in (12) the risk of deviating from the morphosyntactic rules characteristic of Erzya transitive clauses becomes higher.

3.2.1. Focused pronoun and object conjugation

Examples (13b, 14) show that ESL speakers master the verbal inflection rules and objective conjugation like the NES respondents, if the object is a focused pronoun. In a practical speech situation, a pronominal object is often lacking, if it is not focused. One of five ESL informants had difficulties with the objective conjugation forms and repeatedly used a different object reference, as in *ledńisiź* ‘(they) shoot (them/him/her)’ (14d), which was not mentioned in the sentence of the questionnaire. The selected form marks the 3PL subject, whereas the object is either 3SG or 3PL. However, in (14), most other ESL informants simplified the inflection by using a consonant stem of the verb *ledi-tadiž*; as evidenced by NES respondents, this has a stable vowel stem *ledi-tadiž* (14b). The four-agreement suffix *-tadiž* allows several interpretations of which the contextually correct one is used in the glossing⁴.

(13a) <i>Menja zameti-li.</i> I.ACC notice-PST.PL ‘They noticed me.’	(b) <i>Moń níej-i-miż.</i> I.GEN see-3PL/1SG
(14a) <i>Vas perestrelja-jut kak utok.</i> you.ACC shoot-3PL like duck ‘You will be shot down like ducks.’	
(b) <i>Tink ledi-tádiž téke utáka-t.</i> you.GEN shoot-3PL/2PL like duck-PL	
(c) <i>Tink led-ńi-tádiž koda jakśargo-ń-t'</i> . you.GEN shoot-FRE-3PL/2PL like duck-GEN-DEF	
(d) <i>Led-ńi-siź téke utka-t.</i> shoot-FRE-3PL/3PL ⁵ like duck-PL	
(e) <i>Tink led-tádiž koda utka-t-ńe.</i> you.GEN shoot-3PL/2PL like duck-PL-DEF	

3.2.2. Imperative objective conjugation and pronominal object

The increase of categories such as tense and mood added to the object of four-argument verb forms increased the divergence in the answers of ESL speakers, as in simple sentences with a focused object pronoun.

4. The following glossings are possible: 1SG/2PL, 3SG/2PL, 1PL/2PL, 1PL/2SG, 3PL/2SG, 3PL/2PL.

5. The verb could be encoded as 3PL/3PL or 3PL/3SG.

In imperative objective conjugation forms, for instance, most ESL answers deviated from those of NES informants. In (15a), the subject is in the second person plural and the object is in the first person singular, which is marked in the NES answers very uniformly (15b). In two ESL answers, the reference to both subject and object was as expected, whereas one used a 2SG subject in *ńeji-mak* instead (15c) and one hybrid form seeking to use an objective conjugation form but ending up with a reference to 3SG subject and 3SG object (15d).

- (15a) *Zamet'-te menja!*
notice-IMP.2PL I.ACC
'Note me!'
(b) <i>Ńeji-miž moń!</i>
see-2PL/1SG I.GEN
(c) <i>Ńeji-mak moń!</i>
see-2SG/1SG I.GEN
(d) <i>Ńej-i-nže moń!</i>
see-PST-3SG/3PL I.GEN

The same happened with imperative objective conjugation forms referring to 2SG subject and 1SG object. The NES respondents used uniformly the inflectional form *sajemak* (16b–c), which has only one encoding 2SG/1SG 'You, take me!'. The cumulative morphosyntactic information is reflected in the ESL answers that, as a rule, firstly sought to indicate that the form is imperative and only secondly marked the objective conjugation. In three of the five ESL answers, the reference to the person of the object changed to 3SG as in *sajik* 'take (it)' (16d) instead of 3SG in the questionnaire.

- (16a) *Vozmi menja s sob-oj!*
take.IMP.2SG I.ACC with oneself-INS
'Take me along with you!'
(b) <i>Saje-mak moń maro-t!</i>
take-IMP.2SG/1SG I.GEN with-2SG
(c) <i>Saje-mak marto-t!</i>
take-IMP.2SG/1SG with-2SG
(d) <i>Saj-ik moń maro-nk!</i>
take-IMP.2SG/3SG I.GEN with-2PL

These examples show that morphosyntactically cumulative objective conjugation forms such as the imperative, which display the four-agreement pattern with the reference to the person and number of the subject and object, are harder to adopt for ESL informants in comparison with indicative forms.

3.3. Non-finite verb complements in modal constructions

Transitive non-finite verbs are a special subtype lacking any morphologically marked reference to subject and object. They are typically used in modal constructions, in which agentivity is manifested in some other way. However, infinitives have obligatory complements such as objects which, in principle, follow the same object marking rules that were discussed above. The person of the object is indicated with a pronoun regardless of topicality (17a). In the answers, there was no significant difference between the answers of NES respondents (17b–c) and ESL speakers (17d), though one of the latter ones had difficulties in finding the correct dative form of the pronoun and duplicated the 3SG suffix *-ze*.

- (17a) *Emu nužno zameti-t' menja.*
he.DAT must notice-INF I.ACC
'He must notice me.'
(b) <i>Soń-en-ze éravi moń néje-ms.</i>
(s)he-DAT-3SG must I.GEN see-INF
(c) <i>Soń-en-ze éravi néje-ms moń.</i>
(s)he-DAT-3SG must see-INF I.GEN
(d) <i>Soń-en-ze éravi moń néjems.</i>
(s)he-DAT-3SG must I.GEN see-INF
(e) <i>Son-ze-n-ze éravi zameti-t' moń.</i>
(s)he.3SG.GEN-DAT.3SG must [notice-INF] I.GEN

If the object is a noun, case and definiteness are the core variables. Non-finite verbs are not inflected and, consequently, are more stable compared to the high morphosyntactic variation of objective conjugation forms; they display a two-level hierarchy, which affects the inflection of the object as well. In all answers to (18a), the object is kept in sentence-initial position, normally the position of the subject or agent. The NES answers uniformly used a definite genitive object (18b). Two of them replaced the non-finite construction with an inflectional mood, either the conjunctive or desiderative, and converted the verb to objective conjugation (18c–d). Only one ESL respondent used the definite genitive *téve-ń-t'* thing-GEN-DEF 'of the thing', one used the indefinite genitive, whereas three preferred a definite singular nominative (18e)

which was more frequently used as the index of a definite object, especially in the speech of the Chuvash informants.

- (18a) Delo xote-li raz"jasni-t'.
thing want-PST.3PL clarify-INF
'They wanted to clarify the thing.'
- (b) *Teve-ń-t'* hoteli jovt-ńe-ms.
thing-GEN-DEF [want-PST.3PL] tell-FRE-INF
- (c) *Teve-ń-t'* tolkova-vli-ńek.
thing-GEN-DEF understand-CNJ-1PL/3SG
'We wanted to understand the thing.'
- (d) *Teveń-t'* téji-ksil-iż.
thing-GEN-DEF do-DES-3PL/3SG
- (e) *Teve-s'* hofe-li razjasni-t'.
thing-DEF [want-PST.3PL] clarify-INF]

In (19a) the agent is in sentence-initial position. In the answers of both NES and ESL, the object occurs regularly in a sentence-final topical position. The previous ones used either a definite genitive (19b) or indefinite nominative object (19c) pretending that both are possible. The two Chuvash informants used an indefinite nominative (19d), whereas the three other ESL, who were native Slavic speakers, used a definite nominative (19e) which did not occur in NES answers.

- (19a) Tebe nužno iska-t' mal'čik-ov.
you.DAT must search-INF boy-PL.ACC
'You much search for the boys.'
- (b) *Tońet'* eáavi vešne-ms cori-ńe-t-ńe-ńi.
you.DAT must search-INF boy-DIM-PL-DEF-GEN
- (c) *Tońet'* eáavi vešne-ms cora-t, cora-ejkakš-t.
you.DAT must search-INF boy-PL boy-children-PL
- (d) *Tońet'* eáavi vešne-ms cora-t.
you.DAT must search-INF boy-PL
- (e) *Tońet'* eáavi vešne-ms cori-tńe.
you.DAT must search-INF boy-PL.DEF

This, too, emphasizes the difference between simple and morphosyntactically cumulative transitive clauses. The higher number of optional constituents increases syntactic complexity in non-finite constructions, which increased the differences in the form of object between NES and ESL respondents.

4. The connection between the objective conjugation and case of object

Finally, we will reconsider the relationship between the objective conjugation and the case of object on the basis of the assumption that the objective conjugation most typically co-occurs with an object in the definite genitive. Above (example 18) it was seen that the Chuvash-speaking informants tend to use the definite singular nominative more often than other respondents. The NES answers to (20a) display the definite genitive object, although one used the singular definite nominative (20c), the same case that the Chuvash informants used here, too.

- (20a) Mužčin-u otvez-li v bol'nic-u.
man-ACC take-PST.PL in hospital-ACC
'The man was taken to the hospital.'
- (b) Ćora-ń-t' usk-i-ż bol'nica-v.
boy-GEN-DEF take-PST-3PL/3SG hospital-LAT
- (c) Ćora-s' usk-i-ż bol'nica-v.
boy-DEF take-PST-3PL/3SG hospital-LAT

Definiteness is not only a property of the object, because other nouns display it as well. So far, several examples have shown the importance of definiteness as a dominating category in Erzya transitive clauses. Example (21a) includes an adverbial that, in Russian, is less focused than the object *ošibki* 'mistakes'. The NES answers include quite a lot of variation showing a diverse perception of topicality. However, in a vast majority, the adverbial was marked as definite (21b–c). In all responses the verb was inflected in the subjective conjugation, co-occurring with an indefinite plural nominative object.

- (21a) Ja замети-l v tekst-e ošibk-i.
I notice-PST.M.SG in text-PRE error-PL.ACC
'I noticed errors in the text.'
- (b) Mon red-i-ń il'ved'evks-t šormadovks-so-nt.
I notice-PST-1SG error-PL writing-INE-DEF
- (c) Mon néj-i-ń tékste-st' ošibka-t.
I see-PST-1SG text-DEF error-PL

Only one ESL respondent used a definite adverbial *teksstent'*; another one used a definite genitive object co-occurring with the expected

objective conjugation form *ńeija* ‘I saw (it)’ (21d), which failed to indicate the agreement with the 3PL object as it was indexed as 1SG/3SG. One Chuvash respondent applied a definite singular nominative object *ošibkaś* ‘the mistake’ (21e), likewise co-occurring with an objective conjugation form.

- (d) *Mon ńe-i-ja teks-ste ošibkał-ńe.*
I see-PST-1SG/3SG text-INE error-PL-DEF
- (e) *Mon ńe-i-ja zametka-s ošibka-ś.*
I see-PST-1SG/3SG note-INE error-DEF

Given that definiteness is an inflectional category of all nouns – and semantically it is manifested in possessive suffixes as well – the topical relations are often complex. The test sentence (22a) exemplifies a simple transitive clause that has a numeral phrase as an object. The NES respondents used almost equivocally a postposition *ejestest* ‘from them’ with a possessive suffix as the complement of the phrase, the word itself referring to both the spatial frame consisting of a group of people and person 3PL. Furthermore, they consistently used a definite plural genitive object *kavtotńeń* two-PL-DEF-GEN ‘the two’ and a verb conjugated as a four-argument one *mujiż* ‘they found (them)’ (22b) with only slight divergence. The ESL speakers used different strategies to cope with increased morphosyntactic complexity. One applied passivization, converting the verb to a reflexive derivation *mujevst'* ‘they were found’ and the object to the definite nominative subject *kavto-t-ńe* two-PL-DEF ‘the two’ (22c). In the rest of ESL answers, either the case of object was not the assumed definite plural genitive but nominative (22d), or a personal pronoun was used (22e) instead of an endemic postposition with a possessive suffix.

- (22a) *Dvo-ix iz nix naš-li.*
two-PL.GEN from they.PL.GEN find-PST.PL
‘Two of them were found.’
- (b) *Kavto-t-ńe-ń ejste-st muj-i-ż.*
two-PL-DEF-GEN from.ELA-3PL find-PST-3PL/3PL
- (c) *Kavto-t-ńe ejste-st muje-v-st'.*
two-PL-DEF from.ELA-3PL find-REFL-PST.3PL
- (d) *Kavto-t-ńe ej-ste-st muj-i-ż.*
two-PL-DEF from.ELA-3PL find-PST-3PL/3PL
- (e) *Kavto-t-ńe-ń sin-st ejste muj-i-ż.*
two-PL-DEF-GEN they-3PL from.ELA find-PST-3PL/3PL

The relationship between the four-argument verb conjugation and object marking was tested in imperative sentences that included an adverbial as well. The deictic relation of the object was indicated with a demonstrative pronoun that generally assigns definiteness (23a). The NES answers included both a definite singular genitive (23b) and nominative object (23c). The alternation of case suggests that definiteness is the primary category, in comparison with case, in this kind of high transitivity clauses. As was seen above, some ESL informants tended to use the definite nominative object in certain sentences diverging from the preferred patterns of NES (cf. examples 22e and 21e). In this test sentence, one of the ESL informants inflected the object *spisok* ‘list’ according to Russian grammar lacking any case ending (23d), while others displayed both the definite genitive *spisokońt* ‘the list’ (23e) and nominative object *końovoś* ‘the paper’ (23f).

- (23a) *Otnes-i ètot spisok na kuxn-ju.*
take-IMP.2SG this.M list to kitchen-ACC
‘Take this list to the kitchen.’
- (b) *Kand-ik té końovpel'kse-ń-t' kuhńa-v.*
carry-IMP.2SG/3SG this [paper.half]-GEN-DEF kitchen-LAT
- (c) *Kand-ik té spisoko-ś kuhńa-v.*
carry-IMP.2SG/3SG this list-DEF kitchen-LAT
- (d) *Kand-ik ažo té spisok kuhńa-v.*
carry-IMP.2SG/3SG IMP.2SG this list kitchen-LAT
- (e) *Kand-ik té spisoko-ń-t' kuhńav!*
carry-IMP.2SG/3SG this list-GEN-DEF kitchen-LAT
- (f) *Kand-ik té końovo-ś kuhńa-v.*
carry-IMP.2SG/3SG this list-DEF kitchen-LAT

In the Finnic languages, negation decreases telicity, and the partitive, a case typically indexing low transitivity, is used in negative clauses. In Erzya, negation does not trigger any change in the case of object, as is seen in the answers to (24a). All NES respondents regularly used the definite genitive, mostly in connection with a past tense negation verb in the objective conjugation *ežija* ‘I didn’t (it)’ (24b). In a couple of cases, the finite negation verb was converted to the subjective conjugation *eziń* ‘I didn’t’ (24c). The answers of ESL speakers, though there were fewer of them, included more variation. The object was always assigned as a definite one, either a nominative *filmeś* ‘this film’ (24d) or genitive *kinost’ ~ kinont’* (24e–f).

- (24a) Ja ne vide-l èto kino.
I NEG see-PST.M this film
'I didn't see this film.'

- (b) Mon eži-ja néje té kino-ń-t'
  - (c) Mon ezi-ń néj té kino-ń-t'
  - (d) Mon ežiń néje té filme-ś.
  - (e) Mon ei-ja néj té kino-st'.
  - (f) Mon té kino-ń-t' ezi-ja néje.
- I NEG.PST-1SG/3SG see.CNG this film-GEN-DEF

The questionnaire included some longer examples as well, but as a rule they led to less focused answers. Other variables, such as word order, were considered during the tests. However, given the multiple morphological indexing of transitivity, word order does not play a crucial role in the way transitivity is manifested. Still, there are certain construction types, such as the deontic modal verb phrase involving the auxiliary reflexive verb *eŕavi* which caused ambiguity in the answers to (25a). The vast majority of NES answers started with a sentence-initial definite genitive object *té těvení* that otherwise is not the most common place (25b). However, a couple of the NES respondents changed it to the definite nominative *problemaś* (25c) that as the sentence-initial constituent should be encoded subject rather than object. All ESL speakers preferred the latter pattern, and the subjectivization of the sentence-initial constituent in the definite nominative.

- (25a) Problem-u nado ešče reši-t'.
problem-ACC must still solve-INF
'The problem still has to be solved.'

- (b) Te těve-ń-t' eŕavi topavto-ms.
  - (c) Problema-ś eŕavi reša-ms.
- this thing-GEN.DEF must fulfil-INF
- problem-DEF must solve-INF

5. Conclusions

The application of a questionnaire was an effective way of data collecting because both native Erzya speakers and second language speakers were willing to answer the questions and could do so with ease. Obviously, the test situation was not fully unusual, since Erzya speakers speak parallel Erzya and Russian daily. In our view, the methodological bias caused by a potential transfer influence of the source language (Russian) did not interfere much the core of the transitive clause, the investigated topic. If the transitivity pattern was corrupted in the ESL answers, it mainly resulted from their different perception of inflectional patterns instead of the source language of the test situation. The most salient grammatical elements of the Erzya transitive clause were actively used by all NES and ESL informants.

The main aim of our article was to test the adoption of Erzya morphosyntax by second language speakers. The topic of the paper, the transitive clause, is illustrative from many perspectives. Firstly, it consists of morphologically marked, mutually intertwining morphosyntactic rules that affect the inflectional properties of the object and the verb. Secondly, the inflectional forms of object and verb are morphologically complex involving several categories. The object involves the case, number, definiteness and possession, whereas a four-argument verb involves the person and number of subject and object in addition to tense and mood as was summarized in table 1. Thirdly, other optional adverbial arguments increase the multiplicity of grammatical relations in an individual sentence.

The answers of the ESL informants showed that they had adopted Erzya transitivity as a system involving both nominal and verbal inflection. However, the marking of transitivity varied between individual speakers. In simple transitive clauses consisting of the core arguments only, the answers diverged only a small amount from those of NES respondents. If the morphosyntactic complexity increased and there were more adverbial constituents or verbal categories such as the imperative involved in the clause, the perception of transitivity of ESL speakers became more ambiguous. In the indexing of the object, definiteness was repeatedly given a higher priority with respect to case. As regards verbal inflection, the morphosyntactically cumulative

objective conjugation forms were mainly correct but sometimes failed in showing the assumed congruence between the verb, subject and object. Furthermore, they were occasionally replaced by other conjugation strategies, such as the subjective conjugation instead of the objective one, if the object was marked and did not have a clear person reference.

Finally, it can be stated that the contrast between the answers of native and non-native speakers is clear despite the fact that this test was based on a small sample and the number of NES and ESL informants was rather low.

Abbreviations

1	first person	ILL	illative
2	second person	IMP	imperative
3	third person	INE	inessive
ABL	ablative	INF	infinitive
ACC	accusative	INS	instrumental
ADJ	adjectivizer	LAT	lative
CAUS	causative	LOC	locative
CNG	connegative	M	masculine
CNJ	conjunctive	N	neuter
DAT	dative	NEG	negation, negative
DEF	definite	NOM	nominative
DES	desiderative	PL	plural
DIM	diminutive	PRE	prepositional
ELA	elative	PRT	partitive
ENCL	enclitic	PST	past
F	feminine	REFL	reflexive
FRE	frequentative	SG	singular
GEN	genitive	TRA	translative

References

- Aranovich, Raúl 2007: Optimizing verbal agreement in Mordvin. – *Studia Linguistica* 61(3). 185–211.
- Bartens, Raija 1999: *Mordvalaiskielen rakenne ja kehitys*. MSFOu 232.
- Dalrymple, Mary & Irina Nikolaeva 2011: *Objects and information structure*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Denison, Norman 1957: *The partitive in Finnish*. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica.
- ÈK = Èrzjan' kel'. *Morfemika, valon' teevema dy morfologija*. Redkollegijas': D. V. Cygankin (otv. red.) & al. Saransk: Krasnyj Oktjabr' 2000.
- Erelt, Mati 2003: Structure of the Estonian language. Syntax. – Mati Erelt (ed.), *Estonian language*. Linguistica Uralica: Supplementary series 1. 93–129.
- GMdJa 1962 = *Grammatika mordovskikh jazykov. Fonetika i morfologija*. Red. M. N. Koljadenkov & R. A. Zavodova. Saransk: Naučno-issledovatel'skij institut jazyka, literatury, istorii i èkonomiki.
- Grünthal, Riho 2008: Transitivity in Erzya Mordvin. – Bereczki András, Csepregi Márta, Klima László (szerk.), *Ünnepi írások Havas Ferenc tiszteletére*. Urálisztikai Tanulmányok 18. Budapest: ELTE. 219–239.
- Hakulinen, Auli, Maria Vilkuna, Riitta Korhonen, Vesa Koivisto, Tarja Riitta Heinonen & Irija Alho 2004: *Iso suomen kielioppi*. Helsinki: Finnish Literature Society.
- Himmelmann, Nikolaus P. 1998: Documentary and descriptive linguistics. – *Linguistics* 36. 161–195.
- Honti, László 1998–1999: Gondolatok a mordvin tárgyas igeragozás uráli alapnyelvi hátteréről. – *Nyelvtudományi Közlemények* 96. 106–119.
- Hopper, Paul J. & Sandra A. Thompson 1980: Transitivity in grammar and discourse. – *Language* 56. 251–299.
- 1982 (eds): *Studies in transitivity. Syntax and Semantics* Vol. 15. New York: Academic Press.
- Iemmolo, Giorgio & Gerson Klumpp 2014: Introduction. – *Linguistics* 52. 271–279.
- Kangastus, Anna-Maria 2012: Subjektin ja objektiin referenssi ersämordvan objektiikonjugaatiolauseissa. Helsinki: University of Helsinki. [An unpublished master's thesis]
- Keresztes, László 1999: *Development of Mordvin definite conjugation*. MSFOu 233.

- Kittilä, Seppo 2002a: Remarks on the basic transitive sentence. – *Language Sciences* 24 (2002). 107–130.
- 2002b: *Transitivity: Towards a Comprehensive Typology*. Turku: University of Turku.
- Klumpp, Gerson 2014: Identifiability, givenness and zero-marked referential objects in Komi. – *Linguistics* 52. 415–444.
- Koljadenkov 1954 = М. Н. Коляденков: *Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков II. Синтаксис*. Саранск: Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики.
- 1959 = М. Н. Коляденков: *Структура простого предложения в мордовских языках*. Саранск: Мордовское книжное издательство.
- Kont, Karl 1963: *Käändsdönaline objekt läänemeresoome keeltes*. Keele ja kirjanduse instituudi uurimused 9. Tallinn: Eesti NSV Teaduste Akadeemia.
- MSFOu = *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. Helsinki: Finno-Ugrian Society.
- Næss, Åshild 2003: What markedness marks: The markedness problem with direct objects. – *Lingua* 114. 1186–1212.
- 2007: *Prototypical transitivity*. Philadelphia: John Benjamins.
- Siegl, Florian 2013: *Materials on Forest Enets, an Indigenous Language of Northern Siberia*. MSFOu 267.
- Sinnemäki, Kaius 2014: A typological perspective on Differential Object Marking. – *Linguistica* 52. 281–313.
- Trosterud, Trond 2006: *Homonymy in the Uralic Two-Argument Agreement Paradigms*. MSFOu 251.
- Wickman, Bo 1955: *The form of the object in the Uralic languages*. Uppsala.
- Virtanen, Susanna 2013: Informaatiorakenteen vaikutus suoran objektiin merkintään mansin itämurteissa. – *Journal de la Société Finno-Ougrienne* 94. 293–335.
- 2014: Pragmatic direct object marking in Eastern Mansi. – *Linguistics* 52. 391–413.

HEINI ARJAVA
University of Helsinki

Experimenting on spatiality: Elicitation with three-dimensional toys in a field study of Erzya

Abstract This paper discusses the methodological issues in the study of spatial expressions. It addresses the question of the most beneficial forms of elicitation, and draws its observations from data of the Erzyan language spoken in the Republic of Mordovia, collected on the field trip in August 2013. The study focuses on the uses of a three-dimensional stimulus kit in collecting Erzya spatial forms. The goal of the study was to avoid interference from a metalanguage (Russian) and enable quasi-spontaneous, speaker-focused answers. Toy settings of static as well as dynamic situations with animate and inanimate objects resulted in varying answers of case and adposition spatial phrases. Through several case studies and examples this article sheds new light on current Erzyan spatial map and the linguistic choices of people of different ages and backgrounds.

1. Introduction

This article belongs to a series of experimental field studies carried out by the students on the Helsinki Areal and Language Studies (HALS) field trip to the Dubyonki district of Mordovia, and it aims at developing the methodology used in the study of locational expressions in Erzya, alongside updating the linguistic spatial map of Erzya-Mordvin. Erzya has a rich system of spatial expressions, by which I specifically refer to spatial cases and adpositions, as well as directional motion verbs. Many of the adpositions and examples of their former use have been described in Heikki Paasonen's *Mordwinisches Wörterbuch* (Paasonen 2014), the material for which was collected between 1889–1901. They have also been commented on in later studies by Russian scholars (Bočkaeva 1954, Ščankina, 1980, *inter alia*). This article is based on a provisional attempt to review the spatiality map and its practical uses in modern Erzya through fieldwork experiments in Mordovia in August 2013, as well as support the general aims of HALS, the study of language change and language preservation (cf. Pikkarainen 2016, this volume; Shagal¹ 2016, this volume). The chief approach was testing a three-dimensional elicitation method (using Lego toys and other plastic figures in constructing spatial settings), with Erzya acting mainly as a test language for the experiment.

The student-oriented approach meant that the main goal was to test and train fieldwork methods in the context of an Erzya speech community, as well as to gather examples of modern spoken Erzya from speakers of Erzya in general. My field partner's and my own knowledge of Erzya and Russian was fairly limited, which shifted the focus of the study from language analysis to methodological experimenting.

Nevertheless, the actual study also had the more purely linguistic goal of studying the spatial forms and preferences of their use in quasi-spontaneous contexts in the spoken Erzya of current speakers. This kind of spatial expressions are easy to study even with a basic knowledge of the language, since both questions and answers of the subject tend to consist of relatively simple clauses or phrases (copula

constructions, intransitive clauses and adpositional phrases). Also, the non-speaking aspect was enforced by using the aforementioned reconstructible toy settings, which will be described in more detail in Section 3. This kind of functional, non-paradigmatic approach had rarely been used in previous research of Erzya (Riho Grünthal, p.c.).

The data were collected by doctoral student Erika Sandman² and myself, and were recorded and filmed with the help of Chingduang Yurayong during communication with thirteen Erzya speakers who represented different age groups from children to elders, as well as different educational backgrounds.

This article begins with an overview of the Erzya spatial system followed by a description of the method and data used. The treatment of the results begins with linguistic case studies, and finally, the main focus of the study, the method under development, will be critically discussed.

2. General features of spatial relations and Erzya spatial forms

The original starting point of the study was paradigmatic in nature. The goal was to test which of the postpositions given in Heikki Paasonen's *Mordwinisches Wörterbuch* (a list of which, collected by Riho Grünthal, is displayed as an appendix) would be used in spontaneous description of basic spatial settings by the speakers, and in which manner they would be used. It would be wrong, however, to restrict the spatial forms to postpositions, since the postpositions are intricately combined and alternated with spatial cases. Examples of spatial cases, adpositions and case-inflected adpositions are given below (1a–d). (1a) is an example of a noun inflected in a spatial case, (1b) a postpositional phrase with nominative agreement/government, (1c) an independent postposition with a possessive suffix, and (1d) shows case-inflected postpositions in adpositional phrases.

1. I thank Ksenia Shagal for excellent feedback on the article manuscript.

2. Whom I also thank for helpful comments.

(1a) <i>kudo-so</i> house-INE 'in a house'	(b) <i>kudo vaks-so</i> house by-INE 'beside a house'	(c) <i>vaks-so-n</i> by-INE-1SG 'by me'
(d) <i>čuvto alo</i> (tree under) 'under a tree' <i>čuvto al-ov</i> (tree under-LAT) '(to) under a tree' <i>čuvto al-do</i> (tree under-ABL) 'from under a tree'		

As will be seen in later examples, adpositions also govern nouns in different case forms depending on the context; the cases used with the adpositions are the unmarked nominative, as in previous examples, and the genitive.

An important aspect of linguistic space expressions is the degree of complexity of the sets of spatial expressions. Languages vary in the degree in which they code locations and directions on the verb or a noun (traditionally termed verb-framed and satellite-framed languages, see, e.g., Talmy 2000), as in the English verb-based transitive *enter a house* vs. the adverbial in Finnish, *mennä sisään taloon*, 'go into a house'. Variation also naturally occurs in the specificity of the forms languages have for inner and outer, concrete and more abstract spatial relations. When expressing path, Erzya features both detailed nominal location forms and varying movement verbs which differ in their semantic scope. Such verb variation can be seen, for instance, in verbs like *mołems*, the general verb of 'going', and *sovams* 'enter'. Fine-grained nominal distinctions include, for instance, the lative *kudov* 'towards a house' vs. the illative *kudos* 'into a house', and the aforementioned directional affixes on static adpositions such as *vaks-ka* 'beside-PROLAT', 'to the side of something'. In order to get examples featuring these characteristics of Erzya, several settings including paths and movement were included in the experiment.

3. Methodology: further developing the stimulus method

Already early on in the study, it was decided that the method of stimulus kits would be the best way to achieve our purposes of functional elicitation, which avoids formal interference from metalanguage as

well as predetermined focus in figures and grounds. The traditional elicitation method of translating from or to a metalanguage should be considered unsuitable when studying spatiality not only since it poses the danger of automatic translation/loaning, but also due to the deictic and often three-dimensional nature of spatial expressions. It is important to have a systematic set of questions and situations prepared in order to reflect the existing hypotheses and make the study systematic, but it is equally important to provide the informants with some freedom in how they wish to describe the complicated three-dimensional world they see.

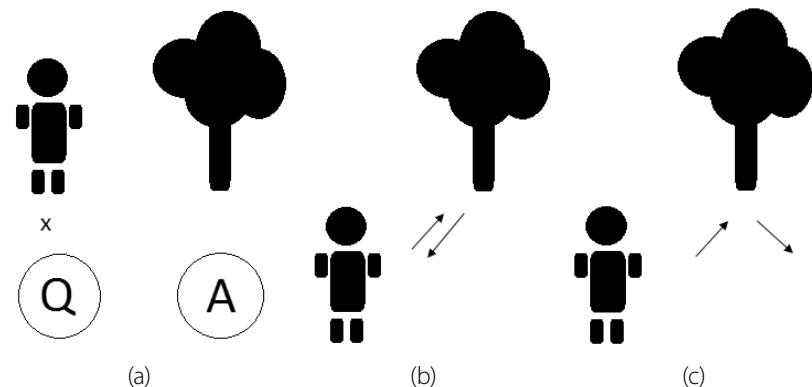
The sets of stimuli that have often been used in this kind of non-translating elicitations include photograph kits, drawings, and videos. Typical examples of such experiments are described in Bowerman & Pederson (1992) with their 'Topological relations picture series' and Levinson's et al. 'The Man and Tree Games' (Levinson et al. 1992) with photographs of plastic figures. Also famous non-verbal stimuli are the 'Pear story' films by Wallace Chafe (1980), and in Skopeteas et al. (2006), information structure is studied through pictures of physical contact, such as a person pushing another down from a table. Articles based on the use of three-dimensional stimuli kits include Birjuk & Usačeva (2012) and Zayceva (1991).

Following the non-translating principle above, but also aiming to increase freedom and variability in the experiment, we decided to utilize a three-dimensional stimulus kit method without using pre-recorded material and by constructing scenes with a set of toys. This had the basic advantage of avoiding the interference from Russian or any other metalanguage, but also the possibility of creating new quasi-spontaneous situations based on what the speakers would say. We also hoped that the toy settings would help to keep the attention of the informants, children and elderly alike, and encourage the speakers to explain their own ideas via the toys, to show reverse settings, etc. However, the experiments still aimed to follow a standard pattern of basic key settings and questions (see below), and we had some basic situations which we aimed to show to all the informants.

An interesting aspect is also the phenomenon of spatial and directional deixis in which the focus of relations is shifted depending on who observes the situation. The classical theory of *figure* and *ground*

Picture 1. A Playmobil setting.

Picture 2. Example of a setting featuring static relations in the study (Q = interviewer, A = informant, x = the object the location of which asked, arrows = movement of the object asked).

(Talmy 1972) divides the spatial setting into the object in focus and the background to which the figure is related (cf. *The horse is behind the house*, in which *horse* = figure and *house* = ground). This dichotomy was expected to provide various viewpoints in our quasi-spontaneous answers, and examples will be given in later sections.

The elicitation was performed by moving toy figures and objects on and around toy backgrounds such as stables, wagons and carriages; an example of the settings and some of their graphic presentations can be seen in pictures 1 and 2. Our stimuli kit included a Playmobil package consisting of a stewardess, a wagon with boxes, a teapot, teacups, juice cans, food trays and a shoulder-length handbag; and also a Lego Friends kit including a girl, a horse, a tree, a carrot, a wheelbarrow, and a stable. Of these, the wagon, the tree and the stable were expected to act as natural grounds, whereas the animated objects, the humans and the horse, were planned to act as the figures.

The settings basically included two kinds of situations: static scenes depicting locations of objects with respect to each other, and dynamic scenes, where movement of an object with respect to other objects or the background was included (with the point of view of the interlocutors serving as the foreground). Expressions like *The horse is between the women* (referring to the girl and stewardess) or *The woman is walking around a tree* were expected. Answers with regard to these settings could be acquired with very simple and conveniently non-leading stimulus questions, chiefly, ‘Where is X?’ (*Koso X?* [where X-DEF]) and ‘What is X doing?’ (*Meze tei?* [what do.3sc]). Additional assurances like ‘Can it be said...?’ were asked with *Možna meřams...?* All of the questions were in Erzya.

In general, the preparations for the experiment were relatively straightforward. The informants were told in broad lines that the questions would concern spatial expressions. Then the basic questions were asked right away, and if the informant did not seem to understand their purpose and did not provide an answer, a second question like ‘Is the girl in front of the carriage?’ (when she actually was behind it) usually prompted an expected answer. This worked equally well with children and older people.

4. The Data

The data of the study were collected over five days (August 16th to 20th, 2013) in the villages of Morga, Ardatovo, Kochkurovo and Povodimovo (names are here given in their Russian form). We interviewed thirteen informants, four of whom were children who provided a limited amount of data, mostly because of concentration problems, two young adults of ca. 20 years, three educated and middle-aged adults, and four people above 50 years of age. The specific information on the informants is gathered in Table 1.

Age-group	Code	Sex	Year of birth	Place	Comments
1	AGS	female	1955	Morga	
	GE	male	ca. 1950s	Povodimovo	
	MTB	female	1941	Povodimovo	
	VIA	female	1953	Povodimovo	
2	KP	female	1960	Ardatovo	teacher
	SIB	male	1980	Morga	
	VN	female	ca. 1960s	Ardatovo	teacher
3	MAK	female	1991	Kochkurovo	student
	NAZ	female	1993	Ardatovo	student
4	ANA	female	2007	Kochkurovo	
	ALE	male	2003	Kochkurovo	schoolchild
	IVA	male	2001	Kochkurovo	schoolchild
	SER	male	2001–2003	Kochkurovo	schoolchild

Table 1. The informants of the study.

5. Linguistic results

This section discusses the actual results of the experiment and is organized as follows: first, some general observations on the types of answers by the informants are considered, followed by five linguistic case studies, and finally, a few additional remarks are made.

Linguistically, the speakers provided many of the sought-for expressions, although the toy-based elicitation method, which required active participation from the informants, also tended to confuse them, especially at the beginning. This might be due to their being more used to straightforward interviews and translation tasks, if they had been in similar situations. Interestingly and expectedly, the freedom of choice of the spatial expressions resulted in variation both in the choice of verbs and in the nominal forms. Age groups and individuals differed in their amount of loaning from Russian, ratio of analytic and synthetic expressions and the choice of synonymous adpositions with slightly different meanings (cf. the degree of concreteness in adpositions *přaso/lanksso*, ‘on’, see below). The speakers also provided variation in their choices of case government in postpositional phrases, sometimes using genitive, sometimes nominative, mainly with static postpositions ‘beside’, ‘in front of’ and ‘behind’. As mentioned already briefly in Section 2, according to Bartens (1999: 164), Erzya postpositions take their dependent words in nominative or genitive depending on their definiteness, and thus the variation in the case forms used in the study may reflect only this distinction.

From a more detailed point of view regarding the actual forms used, some interesting variation could be seen, especially between the two adpositions which both signify the relation ‘on/above’: *lanksso* and *přaso* (the latter meaning literally ‘head-INE’). These were often used in unpredictable manner, and both occurred in the speech of the same speakers.

1. In the first case study, the setting where the female figure had a hat on its head and the question being ‘Where is the hat?’, the majority of answers contained the inessive form (-so). However, two instances with the postposition *lanksso* were also given, one by the ten-year old boy ALE, another as one possible alternative by the middle-aged SIB

(2b). *Pŕaso*, literally meaning ‘in the head’, should not here be confused with the postposition ‘on’.

(2) ‘Hat on a person’s head’

- (a) IVA/SER-2001: (b) ALE-2003 (similar answer by SIB-1980):

<i>p̪ra-so</i>	<i>p̪rá lank-so</i>
head-INE	head on/above-INE
'on (the) head'	'On/above the head'

- (c) MAK-1991 (similar answers by NAZ-1993, SIB-1980, KP-1960, VIA-1953, and MTB-1941):

Avaš šljapa-zo prá-so-nzo.
 Woman hat-POSS head-INE-POSS
 'The hat of the woman is on her head.'

2. On the occasion when the female toy figure was carrying a bag with a long strap on its shoulder (*lavtov/přeča*, Russian loanword), we again got answers varying between the uses of inessive form and the adposition *lanksø* (with optional possessive forms for ‘shoulder’). Note that only the teacher KP used the possibly more literary Erzyan, non-Russian form of ‘shoulder’ in (3).

(3) ‘Bag hanging off the shoulder’

- (a) IVA/SER-2001: (b) ALE-2003 (similar answer by MAK-1991):

<i>p̥léča-so</i>	<i>p̥léča lank-so</i>
shoulder-INE	shoulder on/above-INE
'On (lit. in) the shoulder'	'On (the) shoulder'

- (c) NAZ-1993 (similar answer by SIB-1980):

p'leča-nzo lank-so
shoulder-POSS on/above-INE
'On her shoulder'

- (d) KP-1960:
lavtov-nzo lank-so, lavtov-so-nzo
 shoulder-POSS on/above-INE shoulder-INE-POSS
 ‘On her shoulder, on (in) her shoulder’

3. Equally interesting was the situation in which an animated object, a person or a horse, was located sitting in a tree (4). Again, both *lankso* and *píraso* occur, though *lankso* notably fewer times:

- (4) ‘A person/horse sitting/standing in a tree’
(a) ANA-2007 (similar answer by IVA-2001, NAZ-1993, MAK-1993, KP-1960, VIA-1953, and MTB-1941);

čuvto praso
tree on (head-INE³)
'on a tree'

- (b) ALE-2003 (similar answer by MAK-1991):
čuvto lankso
tree above
'on/above a tree'

Similar variation between *pŕaso* and *lankso* could be seen in the settings ‘Teapot on a wagon’ and ‘Teacup placed downwards on the teapot’, and this did not seem to correlate with i.e. age of the informants. As suggested by Jack Rueter (p.c.), the distinction between the two postpositions might lie in the sharpness of the ground, that is, between broader and more pointed platforms. However, more research is needed to determine the limits of variation.

4. The use of motion verbs was versatile. At least *lísems* ‘come out’, *jutams* ‘go by, go over’, *molems* ‘go, move’, *sovams* ‘go in, enter’, and *jakásems* ‘go’ (with a mention of *sams*, ‘come’) were frequent in the answers, and same direction verbs often occurred in free variation. Directional cases also experienced similar variation. Both are illustrated in (5), where a figure moved into a house made from the toy package. The verb ‘enter’ did not occur in the speech of children, and illative and lative in ‘house’ alternated. (It could be speculated, however, that in some cases showing of the actual entering may have remained unclear. The stimulus kit used lacked an actual house, which had to be constructed of a box, and this may have lessened its relatability.)

(5) ‘Walking into a house’

- (a) KP-1960:
Sov-i kudo-s
 enter-3SG house-ILL
 'She enters/goes into the house'

3. The postpositions will henceforward be given non-glossed unless there are other case forms than the standard inessive.

- (b) NAZ-1993:
Tejtere-ś mol-i kudo-v.
 girl-DEF go-3SG house-LAT
 ‘The girl goes to(wards) the direction of a house.’
- (c) ALE-2003:
Mol-i kudo-s
 go-3SG house-ILL
 ‘She goes into the house.’
- (d) SIB-1980 (similar answers by MAK-1991 and MTB-1941):
Tejtere-ś sov-as kudo-s
 girl-DEF enter-PST.3SG house-ILL
 ‘The girl enters/goes into the house.’
- (e) IVA/SER-2001:
Mol-i kudo-s, mol-i kudo-ste-n(t)
 go-3SG house-ILL go-3SG house-ILL-DEF
 ‘She goes into the house.’
- (f) VIA-1953:
Ava-ś s-i kudo-v
 woman-DEF come-3SG house-LAT
 ‘The woman comes towards a house.’

5. Some situations seemed to be more flexible to interpret, for example, the setting in (6), where a woman and a girl were passing each other and thus the figure and ground were merged. It can further be noted that here there is no easily conceivable inanimate ground, whereas the other objects are both animate and thus in fairly equal relationship to each other. Note also the variation among the previous motion verbs in bold, as well as the alternation between the expressions *karado karšo*, *vakska* and *melga mercit molit* for the meaning of ‘passing by’. Here it seems that the situation was non-conventional or complicated enough to provide very different modes of expression.

(6) ‘Two persons walking towards and passing by each other’

- (a) IVA/SER-2001:
Jakš-it. (With prompting:) ***Jakš-it*** *karado karšo.*
 go-3PL go-3PL against.one.another
 ‘They go. – They go past each other.’

- (b) NAZ-1993:
*Ava-ś i tejtere-ś **jut-it** karado karšo.*
 woman-DEF and girl-DEF go-by-3PL against.one.another
 ‘The woman and the girl go by each other.’
- (c) MAK-1991:
*Ava-ś (d)i tejtere-ś **juta-ś(t)** karado karšo.*
 woman-DEF and girl-DEF go-by-PST.3PL against.one.another
 ‘The woman and the girl went by each other.’
- (d) SIB-1980:
*Ava-ś i tejtere-ś **juta-st** vaks-ka.*
 woman-DEF and girl-DEF go-by-PST.3PL by-PROLAT
 ‘The woman and the girl went by (each other).’
- (e) KP-1960 (similar answer by MTB-1941):
*(K)aršo vast-it, **mol-it** karado karšo.*
 against meet-3PL go-3PL against.one.another
 ‘They meet, they go by each other.’
- (f) VIA-1953:
Nei ava-tejtert melga mercit molit
 now woman-girl after ?-3PL go-3PL
 ‘Now the woman and the girl walk past each other (?).’

Finally, a small observation of the use of synthetic case forms vs. analytic adpositions includes the static relation ‘inside’. According to paradigms and study materials (e.g. Hamari 2012) *being inside something* can be expressed alternatively and seemingly interchangeably with the inessive form *-so* or the postposition *ejse*. However, *ejse*, or its other case inflected forms like *ejste* ‘from inside’ did not occur in the main data at all, while the inessive form *-so* was widely used. However, the 72-year-old MTB used the postposition *potso*, ‘in’, as the only one of the informants. On the other hand, while for ‘inside’, the synthetic form was preferred, in the setting where a person was crossing a bridge, both the adpositional *sed langa* and case-inflected *sedga [sed-ga]* in proative were given for the meaning ‘along/over the bridge’. This also happened independently of the age of the informant. Of course, one must not forget that the amount of data was very limited, and thus these observations should be treated with caution.

Russian words, as expected, were widely spread in the data, both with children and elderly people. Thus it was notable, for instance, that SIB-1980, who seemingly aimed at non-Russian forms and precise language, alone spontaneously used *velkska* ‘over’ and *pelga* ‘around’ instead of *troks* (‘over’) and the Russian loanword *krugom*⁴ (‘around’) which were used by all the others. (Especially interesting is the variation between *troks* and *velkska* (‘over’), neither of which is of Russian origin, and both of which occur in Paasonen’s dictionary.) The Erzya–Russian distinction could also be seen in the Erzyan postpositions meaning ‘beside’, *vaksso* vs. *bokaso*. The children only used the Russian based form *bokaso* (derived from the Russian word *bok* ‘side’); the other age groups varied.

6. Reactions and evaluation of the method

The unconventional research setting was generally accepted with curiosity, although not totally without confusion. In general, this kind of experiment may enable activating and keeping the interest of especially children longer than with more ‘clinical’ methods. A hilarious example of this was an interview in which the child informants were distracted by a car during the questioning, but could be reintroduced to the experiment by the interviewer playing along and starting to play with a toy vehicle, thus recapturing the children’s attention.

Similarly to the elder informants, the youngsters grasped quickly the idea of the elicitation after being given a few examples. Their answers also tended on the non-varying side (with less variation in the adpositions and other words used), which might reflect their being used to mechanical exercises at school. The middle-aged group with one educated man and two teachers provided several times multiple alternative answers for one situation, as they clearly appreciated the idea of collecting all the possible forms in the language.

4. There was one case in which the children used *krugom* ‘around’ as a preposition (*krugom lišmant*, *krugom holodinikent*) in listing their answers. This seems to be unusual in Erzya, as pointed out by Riho Grünthal, but the loanword from Russian, *krugom*, might have affected also the constituent structure, and if the corpus of experimental results contains much enough postpositions loaned from Russian, it is an interesting task to find out what happens with them after loaning.

Finally, the idea of free elicitation often remained unclear to some of the informants, and instead of spatial expressions, they could give answers like ‘The woman went shopping’ or ‘The tree is on a field’, where the objects were not described in relation to each other at all. Returning to the example (3) with the bag on a woman’s shoulder, two informants interpreted the situation differently (7):

- (7) VIA-1953 (similar answer by MTB-1941):

Sumka-se ked-se-nze.
bag-POSS hand-INE-POSS
'Her bag is in her hand.'

However, especially the elderly people also seemed to use the most colourful and idiomatic language of the informants, perhaps prompted by the free discussion situation.

On several occasions the descriptions we had in mind beforehand automatically included grounds. Thus for instance, we expected the answers to be of the pattern “Woman walks via the carriage” (cf. Picture 2c), or “Woman comes out of the house”. Instead, we often got answers with only a motion verb, and had to make additional questions with *Koso?* or *Kosto?* (‘where’, ‘whence’) to get the informants to include the background. The movement ‘A goes via X to B’ appeared especially complicated, and no fine-grained analyses of the situation containing all three aspects (A, B and X) were obtained. It shows that the speakers do not always focus on the same things as the interviewer, and the location/ground may matter less to them than, say, the nature of the movement. Thus, the elicitation must be combined with more verbal questions and examples, if more detailed and complex analyses are required. One way to direct focus would be to emphasize the ground and movements in the questioning (cf. Birjuk & Usacheva 2012).

In this study, however, the main interest was seeing how divergently the speakers would spontaneously use their spatial vocabulary, and not in pressing them to provide so-called hypothetical laboratory answers.

The method, when compared with photographs, showed its advantages in its practically unlimited potential to create new spatial relations, especially with the motion expressions. The motions and

directions were easy to change, and the informants could themselves show what they meant by particular forms and words. The advantage of avoiding Russian as a metalanguage was mentioned already, as well as the possibility of using non-spoken communication as a starting point in a study of a new language which the researcher does not know well yet, or at all.

Some criticism must be given to the interviewing method, since due to its experimental nature, all situations and questions were not asked of all the informants. Thus, data on some linguistic aspects remained too scarce for any conclusions to be drawn. Naturally, had there been a second stage in the study, a formula based on the most productive settings in the first experiment would have been compiled.

Finally, some evaluation of the stimulus kit used should be considered. Although the toy kit proved to have advantages and is promising for future studies, it should be carefully planned what kinds of objects provide the easiest settings to elicit. The stewardess with her wagon used in this study were not perhaps the best choice since they were not particularly familiar or commonplace to the people of Dubyonki, and the identification of the objects was not straightforward. Wider settings like herds of animals and multiple trees would probably also serve as more diverse grounds in simulating varying spatial relations. ‘The optimal 3D stimulus kit’ is yet to be developed.

7. Conclusions

The versatile toy method used in this study, differing from traditional two-dimensional approaches, proved interesting and worthy of further development. More systematic questionnaires combined with the toys than what was possible in this study will be useful in the future.

All in all, the method served as a useful activating device, which effectively required the active participation of the informants. From a cognitive point of view, the unconventional, touchable, yet in some ways artificial toy settings may even inspire informants to process actively what they see from a new point of view, which can itself tell something of the human ways of dividing and conceptualizing the world and thus be of interest for cognitive approaches.

A further step in the study would be to analyze thoroughly the whole data, of which only a glimpse could be introduced here. For instance, to a fluent Erzya scholar it might be interesting to compare in more detail the elaborateness and richness in variation of forms and meta-speech in different age groups, of which the elder speakers provide the most colourful examples. Also the finer semantic and diachronic mapping of the cases and postpositions used would be important in order to update the spatial expressions used in modern Erzya.

Finally, the method itself proved fruitful but also posed challenges in the sense that in the freer elicitation speakers often opted for the simple expressions, did not express some directional nuances, or dropped the deictic ground altogether. Thus, determining the whole map of spatiality in Erzya requires further studies and development of the method, but the toy setting used here also gave valuable insights into the actual, functional use of modern Erzya space forms.

Abbreviations

ABL	ablative	PL	plural
DEF	definite	POSS	possessive
ILL	illative	PROLAT	prolative
INE	inessive	PST	past tense
LAT	lative	SG	singular

References

- Bartens, Raija 1999: *Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys*. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 232. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
 Birjuk O. L. & Usačeva M. N. 2012: Diskursivnye faktory, vlijajuščije na vybor meždu posleložnoj i posleložno-padežnoj formoj v besermjanskom dialekte udmurtskogo jazyka. [Discourse factors influencing the choice between the case form and the postpositional construction in Beserman Udmurt]. – A. I. Kuznecova (ed.), *Finno-ugorskije jazyki: fragmenty grammatičeskogo opisanija. Formalnyj i funkcionalnyj podhody*. [Finno-Ugric Languages: the Fragments of Grammatical Description. *Formal and Functional Approaches*]. Moscow: Russkije slovari. 607–646.

- Bočkaeva, A. I. 1954: Upotreblenie poslelogov s vnutrenne-mestnymi padežami erzja-mordovskogo jazyka. [Use of postpositions in the context of inner locative cases.] – *Trudy Instituta jazykoznanija*. Moskva. 174–180.
- Bowerman, Melissa & Pederson, Eric 1992: Topological relations picture series. – Stephen C. Levinson (ed.), *Space stimuli kit 1.2: November 1992*, 51. Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics.
- Buzakova, R. N. 1978: Sinonimika padežnyx form i posleložnyx konstrukcij. Na materiale erzjanskogo literaturnogo jazyka. [The synonymy of cases and postposition phrases in light of the Erzya literary language.] – *Finno-ugristika 1*. Saransk. 22–32.
- Chafe, Wallace (ed.) 1980: The Pear Stories: Cognitive, Cultural, and Linguistic Aspects of Narrative Production. Norwood, New Jersey: Ablex.
- Hamari, Arja 2012: Ersän peruskurssi. [Introductory course in Erzya.] University of Helsinki: Course manual.
- Lenz, Friedrich 2003: Deictic conceptualization of space, time and person: Introduction. – Lenz, F. (ed.), *Deictic conceptualization of space, time and person*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Levinson, S. C., Brown, P., Danziger, E., De Leon, L., Haviland, J. B., Pederson, E. & Senft, G. 1992: Man and Tree & Space Games. – Stephen C. Levinson (ed.), *Space stimuli kit 1.2: November 1992*, 7–14. Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics.
- Levinson, S. C. & Wilkins, D. P. (eds) 2006: *Grammars of space: Explorations in cognitive diversity*. No. 6. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lyons, John 1977: Deixis, space and time. – *Semantics*, Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press. 636–724.
- Paasonen, H. 2014: The dialect dictionary of Mordvin languages based on Heikki Paasonen's materials (H. Paasonen's Mordwinisches Wörterbuch) <<http://www.ling.helsinki.fi/~rueter/PaasonenMW.shtml>>
- Saarinen, Sirkka 2007: Entwicklungstendenzen der Postpositionssysteme im Mari und im Mordwinischen. – *Incontri Linguistici 30*. Pisa: Roma. 85–94.
- 2005: Die Nominalkategorie und das Postpositionssystem der Wolga-sprachen. – *Congressus Decimus Internationalis Fenno-Ugristarum, Pars I, Orationes plenariae*. Joshkar-Ola. 161–174.
- Ščankina, N. A. 1980: Vyraženie prostranstvennyx otноšenij narečijami. [Expressing space in the dialects.] – *Finno-ugristika 3*. Saransk. 95–109.
- 1984: Poslelogi, sovmeščajuščie v sebe značenija prostranstva i vremeni, v mordovskix jazykax. [Mordvin postpositions expressing space and time.] – *Problemy grammatičeskogo stroja mordovskix jazykov*. Saransk. 186–192.
- Skopeteas, Stavros & Fiedler, Ines & Hellmuth, Sam & Schwarz, Anne & Stoel, Ruben & Fanselow, Gisbert & Féry, Caroline & Krifka, Manfred 2006: Questionnaire on Information Structure: Reference Manual. – *ISIS* Vol. 4.
- Talmy, Leonard. 1972: *Semantic structures in English and Atsugewi*. Doctoral dissertation, University of California, Berkeley.
- 2000: *Towards a Cognitive Semantics*. 2 vols. Cambridge: MIT Press.
- Zajceva G. L. 1991: *Daktilogija. Žestovaja reč*. [Cheirology. Sign speech.] Moscow: Prosveščenie.

Appendix Some basic adpositions in Paasonen (2014)

Adposition	Translation, German (English)	Occured in the data of this study	
<i>alo</i>	<i>unter</i> (under)	x	
<i>bokaso</i>	<i>an der Seite</i> (beside)	x	
<i>cirese</i>	<i>an der Seite</i> (beside)		
<i>čovor</i>	<i>zusammen mit etw.</i> (with)		
<i>ejse</i>	<i>in</i> (in)	x (?)	
<i>ekšę</i>	<i>hinter</i> (behind)		
<i>ikele</i>	<i>vor</i> (in front of)	x	
<i>jutkso</i>	<i>zwischen</i> (between), <i>unter</i> (under)		IV
<i>karšo</i>	<i>gegenüber</i> (opposite of)	x	
<i>kedse, kece</i>	<i>bei</i> (beside)		
<i>kise</i>	<i>wegen</i> (because of), <i>für</i> (for), <i>statt</i> (instead of)		
<i>krugom</i>	<i>um – herum</i> (around)	x	
<i>kuvalga</i>	<i>durch</i> (through), <i>längs, entlang</i> (along), <i>von</i> (from), <i>über</i> (over)		
<i>lankso</i>	<i>auf, über</i> (on, over)	x	
<i>malaso</i>	<i>in der Nähe</i> (near)		
<i>mej'le</i>	<i>nach</i> (after)		
<i>mekejs</i>	<i>bisüber – hin</i> (all the way to)		
<i>melga</i>	<i>nach</i> (after)	x	
<i>pačk</i>	<i>durch, hindurch</i> (through)		
<i>pe</i>	<i>Ende, Schluss</i> (end)		
<i>pel'e</i>	<i>auf der Seite</i> (beside)		
<i>pel'ga</i>	<i>an der Seite entlang</i> (by the side of)	x	
<i>peŕt</i>	?		
<i>polas</i>	<i>für</i> (for)		
<i>potso</i>	<i>innerhalb</i> (inside), <i>in</i> (in)	x	
<i>pŕaso</i>	<i>auf</i> (on), <i>über</i> (above)	x	
<i>tarkaso</i>	<i>statt</i> (instead of)		
<i>troks</i>	<i>in die Quere, querüber</i> (crossing over), <i>querdurch</i> (crossing through), <i>hindurch</i> (through), <i>über – hin, hinüber, über</i> (over)	x	
<i>udalo</i>	<i>hinter</i> (behind)	x	
<i>vakska</i>	<i>vorüber</i> (past)	x	
<i>vaksso</i>	<i>neben</i> (beside)	x	
<i>velkska</i>	<i>über etw. hin</i> (over), <i>darüber hin</i> (beyond)	x	
<i>verde</i>	<i>von oben</i> (fromover)		

BOGLÁRKA JANURIK
University of Szeged

The structural analysis of intrasentential code-switches in bilingual Erzya–Russian spoken discourse

Abstract This paper studies the structure of intrasentential code-switches in bilingual Erzya–Russian discourse. These utterances show variation attributable to the incongruence between structures in the two languages and to the different coping strategies of the speakers.

The occurrence of different code-switching types depends on the degree of congruence of Erzya and Russian structures. Incongruence results in the avoidance of matrix language structures and the use of embedded language islands in which the rules of the Russian language are applied (typically with numeral, adverbial, and verb phrases). In other cases, compromise strategies are used, which results in double marking or other types of mixed constructions that accelerate the conversion of the two languages.

If two structures are considered congruent in the two languages, they can be harmonized, i.e. one of them is substituted for the other. Harmonization concerns infinitives and the partitive uses of the genitive case in Russian and ablative case in Erzya.

To explain the variation of code-switching types, I apply several models used in the grammatical analysis of intrasentential code-switches (Muysken 2000, Myers-Scotton 2002, Sebba 2009). I also refer to pragmatically oriented approaches (Gafaranga 2000) and discuss Auer’s (1999) continuum model.

1. Introduction

This paper aims to present typical cases of intrasentential code-switching (CS) on the basis of recordings from ten Erzya–Russian bilinguals. The Erzya–Russian bilingual discourse shows variation, which can be attributed to incongruence between structures in the two languages and to the different coping strategies of the speakers. Although my focus is on the grammatical structure of these bilingual utterances, I also refer to sociolinguistic and pragmatic factors that could explain the variation within and the occurrence of mixed constructions.

After a general description of the aims of the paper, I introduce several models used in the grammatical analysis of intrasentential code-switches (Muysken 2000, Myers-Scotton 2002, Sebba 2009). I also refer to pragmatically oriented approaches (Gafaranga 2000) and discuss Auer’s (1999) continuum model (section 2).

Having given an overview of the theoretical background of grammatical code-switching, I discuss the methodology of data collection and analysis (section 3). I reflect on problems occurring during fieldwork.

In section 4, I focus on the grammatical analysis of the CS data, particularly cases in which variation can be attested. In cases discussed in section 4, Erzya and Russian structures are incongruent, and the examples can be analyzed using binary models, e.g. the Matrix Language Frame (MLF) model. In section 5, I discuss ambiguous cases in which the mixed structure can be the result of both pragmatic factors (self-repair, repetition, etc.) and the incongruence between the structures.

In section 6, I sum up the results of the paper and argue that further research should focus on explaining the sociolinguistic factors behind the attested variation in bilingual Erzya–Russian speech.

2. Models used for the grammatical analysis of code-switches

In this section, I present two types of model for CS: universal and continuum models. In both types of model the term *congruence* plays an important role in the explanation of occurring CS types. According to Deuchar (2005: 256), congruence “refers to a notion of equivalence between the grammatical categories or word classes of different languages”. Congruence between Erzya and Russian structures is also one of the factors explaining variation present in Erzya–Russian bilingual discourse.

2.1. Muysken’s (2000) typology

In code-switching research, both the sociolinguistic and the structural aspects of CS are studied. The sociolinguistic models of CS concentrate on variation, while the syntactic theories rather focus on regularity, with the intent to explain how and why intrasentential switches occur. There are also models which provide universal constraints to define when speakers use code-switches, for instance, Myers-Scotton’s MLF model (1993).

Theories on CS vary regarding the existence of constraints. Some reject the existence of constraints altogether, while others suggest that constraints do apply, but they are not universal (Muysken 2000). According to Muysken, it is rather the sociocultural environment and the sociolinguistic background of the contact situation that defines and predicts the type of CS. Other approaches only question the existence of specific constraints for CS, and suggest that principles of universal grammar are also in action in CS (Mahootian 1993).

In Muysken’s model, there are three “code mixing” (intrasentential CS) categories: alternation, insertion, and congruent lexicalization. In alternation, the switch usually occurs on clause boundaries, and it involves a full switch. In both of the clauses, the grammatical frame and the lexical items are from one language. In example (1), the first and the last clauses are in Erzya, while the intervening one (*prosto, ne znaju čisto po čelovečeski* ‘I just do not know, to be

completely honest') is in Russian. The adverb *prosto* 'simply' might have triggered the switch. (Orthographic transcription is used in the examples.)

- (1) *jalaks-on' aras' ejkakš-onzo, no aras',*
younger.brother-GEN.SG there.is.not child-POSS.3SG.PL well there.is.not
prosto, ne zna-ju čisto po čelovečeski, a
simply not know-PRS.1SG purely by personally not
soda-n mej-s i problema-s'
know-PRS.1SG what-ILL.SG and problem-DEF.SG
 'My younger brother has no children, he just simply does not have any. I just do not know, to be completely honest, I don't know what the problem is.'

The other type of intrasentential CS in Muysken's model is insertion. In cases of insertion, the grammatical structure is provided by one language, while the elements inserted into it are from the other language. In example (2), the Russian numeral phrase *časov pjat'* (hour-GEN.PL five) 'at around five' is inserted into an Erzya clause. According to the rules of standard Russian, the construction should be a prepositional phrase: *v časov pjat'* (in hour-GEN.PL five). Preposition drop in Russian constructions is a typical phenomenon in the speech of Erzya-Russian bilinguals (cf. Shagal 2016, this volume). In example (2), the grammatical frame of the clause is set by the Erzya language. In the numeral phrase, however, rules of the Russian language apply. For instance, approximation is expressed by the inversion of the numeral and the noun, and the numeral is in the genitive plural as required by the numeral 'five' as the head. Thus, example (2) is a typical case of insertion:

- (2) *čokśne lan-ga čas-ov pjat' mol-inek*
 evening on-PROL.SG hour-GEN.PL five go-PST.1PL
 'We went in the evening, at around five.'

In the case of one-word insertions, the question arises as to how to differentiate between established borrowings and code-switches. Some of the criteria (monolingual language use, frequency, etc.) used for this distinction cannot be applied to Erzya–Russian bilingual discourse. There are no monolingual Erzya communities such that a certain

variety could be used as a basis for defining borrowings, and my corpus is not big enough for a frequency analysis. One-word switches which are inserted into the Erzya morphosyntactic frame using Erzya morphological markers cannot be unambiguously defined as borrowings or code-switches. Thus, I excluded one-word switches with Erzya inflections from my analysis, and I focus on longer constructions and one-word switches which are inserted into the Erzya grammatical frame using Russian morphological markers.

In Muysken's typology, the third type of intrasentential switch is defined as congruent lexicalization. These are typically mixed structures in which both of the languages provide the grammatical frame of the utterance. In example (3), the Russian predicate *nrvavitsja* (like-PRS.3SG-REFL) 'pleases' has an argument which is expressed by an Erzya personal pronoun in the dative. The construction 'it pleases me' is present both in Erzya and Russian; both of the predicates require a dative argument, so the two constructions are combined here.

- (3) *mon-en' son nrvav-it-sja ne to čto kak*
 my-DAT.SG (s)he please-PRS.3SG-REFL not it that as
čelovek koda loman' a i koda robot-yčja
 person as person but also as work-PTCP
 'I like her not only as a person, as a person, but also as an employee.'

In Muysken's model, congruent lexicalization is present usually in the case of languages which are typologically similar. However, Erzya–Russian data also demonstrate cases of congruent lexicalization (cf. example (3) above and examples (13) and (16) of gender agreement below), although the two languages are typologically very different. This can be attributed to prolonged convergence. Muysken intended to find a connection between the formal and the sociolinguistic aspects of CS structures:

Alternation	balanced bilinguals, stable bilingualism
Insertion	former colonial settings, L1 is dominant
Congruent lexicalization	typologically similar languages with equal prestige

Table 1. Muysken's model (2000).

2.2. The Matrix Language Frame Model and Sebba's (2009) typology

Another model widely used for the analysis of CS is Myers-Scotton's MLF model (2002) which differentiates between two types of CS: classical and composite CS. In classical CS, one language creates the grammatical frame, while elements of the other language are inserted into this frame. According to Myers-Scotton (2002), the other type of CS is composite CS, in which the matrix language of the utterance cannot be determined unambiguously, thus, the grammatical structure of the utterance is determined by a composite matrix.

Congruence is a relevant term in the MLF model as well. In classical CS, switching only occurs if the constructions in the two languages are sufficiently congruent with each other. "This checking occurs at three levels in the mental lexicon: lexical-conceptual structure, predicate-argument structure, and morphological realization patterns" (Sebba 2009: 42). The MLF model provides an explanation for cases in which there is no congruence between the structures in the two languages. The most typical solution is the emergence of an EL island, i.e. a constituent that contains EL system morphemes. For instance, the Erzya phrase *kolmo ijede* (three year-ABL.SG) is replaced by its Russian equivalent along with the preposition required by the rules of the Russian language.

- (4) *Se patja-s' na tri god-a mon-de starši-l'*
 this elder.sister-DEF.SG on three year-SG.GEN 1SG-ABL.SG old-PST2.3SG
 'This elder sister was three years older than me.'

Sebba's typology of CS types (2009) is also based on the concept of congruence. If the structures are congruent, switching can occur. There are cases in which there is no congruence, but switching nevertheless occurs. These instances can involve EL islands, double forms, and mixed constructions, which are usually accompanied by flagging, hesitation, pause, fillers, etc.

Sebba describes three strategies in his typology: harmonization, neutralization, and compromise. Different strategies of harmonization are applied if there is congruence. In these cases, the structures are labeled identically by the speakers. Sebba poses the question of why speakers consider these structures equivalent: is it because universal

categories do exist, is the equivalence constructed by stable bilingual intellectuals, or is the harmonized system conventional and acquired during the process of language acquisition? Example (3) is a typical case of harmonization, as speakers consider the 'it pleases me' constructions equivalent in the two languages.

If the structures are too divergent, speakers can apply neutralization strategies in which the L2 structure is inserted into an L1 frame, thus avoiding the necessity to adapt the L2 element. Possessive structures are formed differently in the two languages. Erzya requires a possessor–possessed order, while in Russian, the possessed–possessor order is the default. There is discrepancy in the form too. While possessors are in the genitive case in both languages, in Erzya, the possessed has a possessive suffix as well. Resulting from this difference, possessive constructions are inserted as a unit into the Erzya frame. In example (5), the Russian possessive construction *glava goroda* 'mayor, lit. head of town' is inserted into an Erzya utterance, the possessive construction is used as one unit, and the Erzya translative suffix is not attached to the head of the construction (*glava* 'head'), but to the last word (*goroda* 'city-GEN.SG'):

- (5) *mon' cëra-m nej robot-y v Alatyr-e*
 my son-POSS.1SG now work-PRS.3SG in Alatyr-PREP.SG
mer-ems glava gorod-a-ks
 say-INF head town-GEN.SG-TRANSL
 'My son now works as a mayor in Alatyr.'

The third option is the use of a compromise strategy which violates the rules of both languages. A typical compromise strategy is the use of bare forms. For instance, in example (6), the phrase *juridičeskij fakul'tet* 'faculty of law' is in the nominative case, although Erzya would require an inessive ending, while Russian would require a preposition and the adjective and the noun both to be in the prepositional case. However, there is also a pragmatic explanation for the use of the bare form here. The phrase *juridičeskij fakul'tet* 'faculty of law' can be considered a comment, an explanation added to the utterance.

- (6) *tonavtne-s' universitet-sè juridičeskij fakul'tet*
 study-PST.3SG university-INE.SG legal faculty
 'He studied at the university, faculty of law.'

2.3. Gafaranga's (2000) model

There are other approaches which do not focus on congruence but try to reformulate the question of equivalence altogether. For instance, Gafaranga (2000) does not focus on formal criteria, but rather on the speaker's choices in defining the base code, or the medium of interaction. In his view, not all language alternation phenomena can be considered CS, as the medium of the interaction can be bilingual as well. In defining the medium of conversation, he relies on the speakers' activities during which they reveal the medium. If speakers are searching for the right word, the *mot juste* in Gafaranga's terms, they can rely on different techniques, both monolingual and bi/multilingual ones. If they use an expression from another language, it does not automatically qualify as CS. Switches are explicit if the speaker uses expressions like "I do not remember the word in this language, I am going to use another".

Explicit switches occur in my data, especially in cases where an authority figure (e.g. a university teacher) is present at the interview. Speakers then clearly intend to avoid Russian words in their speech, which results in medium repair. Medium repair switches are flagged by pause, hesitation, and speakers asking for assistance (e.g. *Koda karmi eržaks?* 'How is it in Erzya?'). A typical case of medium repair can be observed in example (7):

- (7) čokšne lan-ga koda mer-ems, koda
 evening on-PROL.SG how say-INF how
 erzja-ks vstreča-jem-sja
 Erzya-TRANSL.SG meet-PRS.IPL-REFL
 'In the evening we how to say, how it is in Erzya, we meet.'

However, if the switch goes unnoticed by the other speakers, we have to assume that the medium of interaction is bilingual and that both the language switched from and the language switched to are part of this medium. Myers-Scotton (1993: 213) also emphasizes that CS is the "unmarked choice" in bilingual communities where speakers identify themselves with both languages and cultures. This "unnoticed" bilingual strategy is labeled as other-language repair and is not an instance of CS in Gafaranga's model, while explicit switches are considered

medium repairs. In my paper, I apply a formal approach but I also mention some of the flagged CS cases which can be explained by Gafaranga's model.

2.4. Auer's continuum (1999)

Auer's continuum (1999) model describes the former scenario. He differentiates between three phases of language contact. The first, code-switching, phase is characterized by preference for one language at a time; switches have a pragmatic function, and they are used as contextualization cues and rhetorical and stylistic devices. If the frequency of switches increases, the conversation-organizing function of the switches is lost and their use shows rather certain grammatical patterns. Variation is characteristic of this phase. The right end of the continuum is the phase of fused lects, in which there is no variation, switched forms are used obligatorily, and the two language systems have fused. The Erzya–Russian bilingual variety shows characteristics of this second phase.

Code-switching	Language mixing	Fused lects
switches have a pragmatic function	variation	no variation switched forms are obligatory

Table 2. Auer's continuum (1999).

2.5. Applicability of the models

The models presented above account for the variation in the Erzya–Russian bilingual data. If the structures are not congruent in the two languages, the most typical strategy of the speakers is to insert the whole Russian phrase into the Erzya discourse, as in example (4). These forms are called EL islands (MLF model) or insertions (Muysken 2000), and Sebba (2009) describes this strategy as neutralization. As the majority of the data comprises insertions, I focus on this type of code-switching in the analysis section of my paper.

To a lesser extent, my corpus also contains mixed forms which can arise as the result of both congruence and incongruence. If the constructions are similar in the two languages, as in the case of

example (5), harmonization occurs and the grammatical frame of the utterance is constructed by both of the languages, resulting in a hybrid construction. If the structures are incongruent, the usual strategy is neutralization, as mentioned above. However, a compromise might also be reached; this process results in hybrid constructions, double-marking, or bare forms which violate the rules of both languages, as in example (6). This strategy usually involves flagged switches (marked by hesitation, pause, or asking for help), which are the only type of CS in Gafaranga's (2000) model.

Insertion is the most common type of code-switching in my data. Due to frequent insertions, CS cannot have a pragmatic function. There is variation of forms which exist simultaneously. Based on these facts, we can claim that the Erzya–Russian bilingual variety is in the language mixing phase of Auer's continuum. The continuum model reflects variation and the complexity of the contact situation, and allows for transition between the categories. It presupposes that earlier there might have been a CS phase, but there is not enough recorded data available to support this claim.

3. Methodology

The data analyzed in this paper were collected during my fieldwork in two Erzya settlements in Mordovia: Baevo (Ardatovsky District, Mordovia, Russia) and Atyashevo (Atyashevsky District, Mordovia, Russia) in 2008, 2010, and 2011, and two diaspora villages in Chuvashia: Atrat (Alatyrsky District, Chuvashia, Russia) and Altyshevo (Alatyrsky District, Chuvashia, Russia) in 2010. The diaspora speakers are in a double minority situation, as only Russian and Chuvash have official language status in the Chuvash Republic.

The data presented in the paper are based on a corpus of ten semi-structured interviews. During my field trip to the diaspora villages, I was accompanied by an Erzya–Russian bilingual speaker, who was a member of the local community. This way I was able to collect naturally occurring language data with smooth switches. However, her family members targeted a more formal, monolingual version of Erzya, knowing that she is a university teacher and a researcher of

the Erzya language. Their conversations, at least in the beginning, involved more negotiation, flagged switches, and medium repair, cf. example (7).

I used the snowball method: the community members themselves made suggestions as to whom we should speak to. Consultants were recorded from all walks of life and ranged in age from 35 to 85. As a result, it is not possible to conduct a quantitative analysis of the collected data. Future research should focus on the study of sociolinguistic factors behind the observed variation.

4. EL islands

Even if we find congruence between the structures in the two languages involved in CS, there is variation in the switching techniques. The most typical cases are smooth switches as presented by Kovács (2001), in which an EL element is inserted into a matrix language (ML) constituent. These are usually one-word switches which resemble borrowings (mainly nouns and discourse particles), however, “1) even when the ML is clearly in control of the grammatical structure, the output may be highly variable; and 2) the influence of the ML on the frame for CS may diminish over time as convergence begins” (Fuller–Lehnert 2000: 401).

In this section, I focus on EL islands which occur if the structures of the two languages involved in CS are not congruent. In these instances, speakers apply an avoidance technique, i.e. they circumvent the use of compromise strategies and opt for a monolingual construction. Typical cases of these constructions are numeral phrases, verb phrases, and adverbial phrases, especially time expressions.

4.1. Numeral phrases

In my corpus, the most typical cases of EL islands are numeral phrases. The numeral phrases are not congruent in the two languages. In Erzya, the nominative singular is used after the numeral ‘one’, while the complements of numerals ‘two’ and higher are in the nominative plural. The Russian system is more complex: the nominative singular

is used after ‘one’ and its compound counterparts. If the head is the number ‘two’, ‘three’, or ‘four’ (except for numbers ending in twelve, thirteen, and fourteen), the argument is in the genitive singular, while it is in the genitive plural in all other cases. This is the rule if the numerals are in the nominative or accusative case. If numerals are in other cases, they agree with the noun.

- (8) *se platija-s' kis mon-e maks-st'*
this dress-DEF.SG for 1SG-DAT.SG give-PST.3PL
četire kilogramm-a tovzuro-t
four kilogram-GEN.SG grain-NOM.PL
'They gave me four kilograms of grain in return for the dress.'

Numerical phrases are used as chunks; they are not analyzed but rather applied as one unit and Erzya suffixes can be attached to them. In example (9), the noun ‘year’ (*let*) is in the form required by the numeral according to the rules of Russian. The switch could have occurred within the numerical phrase, and instead of the Russian *let* (year.PL.GEN), the Erzya equivalent *ije* ‘year’ could have been used. In example (9), however, the Russian numerical phrase is transferred as one unit and it is inserted into an Erzya frame as an EL island. The Erzya inessive ending is attached to the Russian phrase ‘eighteen years’.

- (9) *mirde-nen' lis-in' vosemnadcat' let-sè*
husband-DAT.SG go-PST.1SG eighteen year.PL.GEN-INE
'I got married when I was eighteen.'

In example (10), the word ‘year’ has two genitive markers, but this does not represent a case of double marking, as the Russian genitive is required by the numeral ‘thirty’, while the Erzya genitive indicates that the person was born in that given year.

- (10) *tysjača devjatsot tridcat-ogo god-a-n' mon*
thousand nine.hundred thirty-GEN.SG year-GEN.SG-GEN.SG 1SG
'I am from the year 1930.'

In my database, years and dates are predominantly referred to in Russian. These time expressions are also applied as chunks. In example (11), both the year 1967 and the duration of the stay are expressed using Russian numeral phrases:

- (11) *te-zè perejexa-l-i šestdesyat sed'm-om god-u*
it-ILL.SG move-PST-PL sixty seven-PREP.SG year-PREP.SG
te-sè erja-tanok uš sorok tri god-a
it-INE.SG live-PRS.1PL already forty three year-GEN.SG
'We moved here in '67 and we have already
lived here for forty-three years.'

4.2. Verb phrases

Verbal constructions can also occur as EL islands. In this case, not only the stem but also inflections of the verb are transferred. A typical case of a code-switched verb phrase can be observed in example (12), in which the clause *ne stojit langazo korklems* ‘it is not worth talking about it’ contains a Russian inflected verb *stojit* (worth-PRS.3SG) with the Russian negative particle *ne*, while other parts of the clause are in Erzya.

- (12) *škola-n' tože objasn-it' trudno, ne sto-jit*
school-GEN.SG too explain-INF hard not worth-PRS.3SG
lan-ga-zo korkl-ems, daže zaplač-es' mon'
on-PROL.SG-POSS.3SG talk-INF also cry-PRS.2SG my
škola-n' lan-ga
school-GEN.SG on-PROL.SG
'It is also hard to explain school, it is not worth talking about it,
you are going to start crying (if I tell you) about the school.'

My corpus also contains past tense verb forms which are transferred together with their inflectional suffixes. Russian singular past tense forms are marked for gender. The endings *-l/-l-a/-l-o* and *-l-i* mark the singular masculine, feminine, neutral, and plural forms respectively. Gender as a grammatical category is absent from Erzya. The occurrence of gender agreement in bilingual utterances with a Russian predicate is not always attested. In Russian, the gender assignment system is morphological, but it displays “noticeable overlap with semantic criteria, the most dominant of which is the assignment of gender according to natural sex of real-world entities” (Corbett 1991: 63–65).

Some types of subjects are more likely to trigger gender agreement. As most of the gender-agreement cases in my data are Russian

past tense verbs with a feminine marker, I focus on this particular agreement pattern. No utterances could be found in the corpus which would show the use of feminine markers if the subject is either masculine or neutral.

The use of feminine forms in the case of feminine subjects seems to correlate with animacy hierarchy. Animate subjects are more likely to trigger gender agreement than inanimate ones. In the ten interviews, there were only three instances in which the masculine form of the verb was used with an animate feminine subject. These examples are all from the interviews with elderly people over 80 years old. This seems to correlate with the results of Shagal (2016, this volume), who also found gender mismatch in the Russian monolingual speech of elderly Erzya–Russian bilinguals.

The results also show that pronominal subjects agree with the verb in gender to a greater extent than nominal subjects do. In example (13), a woman consultant talking about herself uses a pronominal subject and a Russian past tense predicate with the past feminine suffix:

- (13) *to-so mezejak aras' mon objasni-l-a*
it-INE.SG nothing.NOM.SG there.is.not 1SG explain-PST-F
'There is nothing, I explained.'

There is only one instance of gender mismatch with a pronoun subject. In example (14), the female speaker is talking about herself but opts for the masculine past tense form of the verb.

- (14) *mon ne hote-l, ne hote-l venča-ms*
1SG not want-PST.M not want-PST.M marry-INF
'I did not want to get married.'

There is variation in utterances with an animate noun phrase as the subject. Let us compare examples (15) and (16). The word ‘friend’ triggers agreement, while the by-default feminine noun ‘mother’ does not:

- (15) *mon' ava-m zapreti-l škola-v jaka-ms*
my mother-1SG.POSS forbid-PST.M school-LAT.SG go-INF
'My mother forbade me to go to school.'

- (16) *jalga-m tože reši-l-a postup-at'*
friend(F)-1SG.POSS also decide-PST-F apply-INF
'My friend also decided to apply [to the university].'

Inanimate nouns also show variation as regards gender agreement. In example (18), the feminine subject agrees in gender with the verb, while in example (17), agreement is missing. The utterance in example (17) would be expected to show gender agreement because all the elements of the utterance are code-switches from Russian, in which gender agreement is not optional and does not show variation.

- (17) *sorok perv-om vojna nača-l-sja*
forty first-INSTR.SG war start-PST.M-REFL
'The war began in '41.'

- (18) *kak lovn-oma kniga son nazyva-l-a-s'*
as read-PTCP book it call-PST-F-REFL
'It was called a reading book.'

4.3. Adverbial phrases

Besides numeral and verb phrases, adverbial constructions are one of the most common categories to occur as EL islands. This can be explained by typological differences between the two languages. While Russian applies prepositions, Erzya is rather a suffixing language with a rich case system. In example (19) below, we can see a typical case of a time expression occurring as an EL island.

It is usually time expressions that occur as adverbial phrases in EL islands in the bilingual discourse being studied. According to Kovács (2001: 199), “they are usually optional arguments of the verb and thus have a looser connection with it than obligatory parts of the sentences. This looser connection makes it easy to use them as embedded language islands”. In example (19), the place adverbial is the argument of the verb *jakams* ‘to go’; the time adverbial is indeed an optional adjunct:

- (19) *s vos'mi let škola-v jak-ilt'*
from eight.INSTR.SG year.PL.GEN school-LAT.SG go-PST2.3PL
'They went to school from the age of eight.'

The use of time expressions shows variation – the Erzya and Russian forms can co-occur in the language use of the same speaker, even in the same utterance. In example (20), *sentjabrjasto* ‘in September’ follows the rules of the Erzya language and contains the elative suffix used with the name of months, while the other time adverbial is a Russian prepositional phrase *v oktjabre* ‘in October’:

- (20) *sentjabrja-sto tonavkl-inek, a v oktjabr-e*
 September-ELA.SG study-PST.1PL but in October-PREP.SG
uze mon' ava-m saj-imim škola-sto
 already my mother-POSS.1SG get-1SG<3SG school-ELA.SG
 ‘In September we were studying, but in October
 my mother took me from school.’

Other types of adverbial construction are also common in my corpus. In the example (21), the prepositional phrase is not an optional adjunct, it is the argument of the verb ‘to teach’:

- (21) *tonavt-imiz' na special'nost' torpedist-a*
 teach-PST.DEF.1PL<3PL to profession torpedo.operator-GEN.SG
 ‘We were trained as torpedo operators.’

5. Strategies of harmonization and compromise

In this section, I discuss cases in which the strategies of harmonization and compromise are relevant (Sebba 2009).

If two structures are considered congruent in the two languages, they can be harmonized, i.e. one of them is substituted for the other (Sebba 2009). Harmonization occurs, for example, in the case of infinitives. Erzya has two infinitive forms, one having the ending *-ms/-ams/-ems/-oms* and the other *-(o)mo/-(e)me*, while there is no such distinction in Russian. As a result, the two systems cannot be harmonized completely, which causes variation. In monolingual Erzya utterances, with verbs of motion, the infinitive *-(o)mo/-(e)me* is typically used. This is also the case with the verb *kadovoms* ‘to stay’. In my data, this rule was followed even in code-switched utterances, in which the finite verb was from Russian. In example (22),

the Russian predicate *ostalsja* (stay-PST.M-REFL) occurs with the infinitive *-(o)mo/-(e)me*, as the construction is harmonized with its Erzya equivalent:

- (22) *ki osta-l-sja nasovsem robota-mo*
 who stay-PST.M-REFL for.good work-INF2
 ‘Who stayed to work for good.’

There is variation with other type of verbs, cf. example (23) and (24). However, it is also possible that not only the type of the finite verb but also other factors should be taken into account. In the case of the Erzya verb ‘to want’ (*bažams*), there is variation in monolingual utterances as well. This variation is also present if the finite verb of the utterance is the Russian equivalent, as the verb *hotet* ‘to want’. My data is not sufficient for a thorough investigation of this variation. For a detailed analysis of this phenomenon, elicited data is needed. In example (23), the infinitive *-ms/-ams/-ems/-oms* is attested, while example (24) has the infinitive form *-(o)mo/-(e)me*.

- (23) *meze tyn' xot-ite kevkstne-ms?*
 what 2PL want-PRS.2PL ask-INF
 ‘What do you want to ask?’

- (24) *kolxoz-s ne xote-l-i mol-eme*
 kolkhoz-ILL.SG not want-PST-PL go-INF2
 ‘We did not want to go to the kolkhoz.’

Another case of harmonization concerns the partitive use of the genitive case in Russian and the partitive use of the ablative case in Erzya. The verb ‘to want’ (*bažams*) cannot have an ablative argument in Erzya, and its Russian equivalent *hotet* ‘(to want)’ requires a genitive argument. In example (25), the Erzya object is in the ablative case as required by the Russian code-switched verb in the utterance:

- (25) *kujar-do ki hoč-et*
 cucumber-ABL.SG who wants-PRS.3SG
 ‘Who wants some cucumber?’

Furthermore, the Erzya ablative is not used in negative existential sentences, whereas in Russian, the subject has to be in the genitive form. Example (26) is an instance of a hybrid construction, in which

the subject *mezejak* ‘nothing’ is in the nominative as required by the rules of Erzya, but the Russian adjective *int'eresnogo* (interesting.GEN), which should agree with the subject in case, is in the genitive. The predicate of the negative existential utterance is in Erzya: *aras'* ‘there is not’. The Russian element (*int'eresnogo* interesting.GEN) of the construction agrees with the Russian equivalent of the actual Erzya predicate:

- (26) *mezejak interesn-ogo aras'*
nothing.NOM.SG interesting-GEN.SG there.is.not
‘There is nothing interesting.’

Compromise strategies can involve partial repetition, as in example (27). In this hybrid construction, the modifier (‘years’) is part of the surface structure in both languages, but approximation is expressed only in Russian. Approximative numeral phrases have different word order in the two languages. In Russian, approximation is expressed by a reverse order, the modifier of the phrase *let* ‘years’ preceding its head *šest'-s'em* ‘six-seven’. In Erzya, approximation is expressed by the suffix *-ška*, while the head (*koto-s'is'em* ‘six-seven’) – modifier (*ijet'* ‘years’) order does not change. In example (27), these two structures are combined and the words for ‘years’ occur in both languages in the surface structure:

- (27) *uze praktikuj-et-sja let koto-sisem ije-t'*
already practice-PRS.3SG-REFL years six-seven year-NOM.PL
‘They have been doing it for 6–7 years.’

These compromise strategies can lead to more extensive convergence of the two languages. Example (28) is a typical case of a hybrid phrase in which the numeral *kavto* ‘two’ is in Erzya, but the head noun *kilometra* (kilometer-GEN.SG) is formed according to the rules of Russian. Another piece of evidence that the grammatical frame is provided by Russian is that approximation is expressed by inversion. Approximation in Erzya is expressed not by reversed constituent order, rather by the suffix *-ška*, in this case: *kavtoška kilometrat* would be the Erzya form of this construction. However, the word *kilometra* could also be considered the nominative form of the word *kilometra* ‘kilometer’ in Erzya. This possibility is not plausible as the Erzya

number *kavto* ‘two’ would require its complement to be plural, in the form *kilometrat*.

- (28) *minek vir-enek naverno kilometra*
our forest-POSS.1PL perhaps kilometer
kavto ej-ste-de-nek
two us-ELA-ABL-1PL.POSS
‘Our forest is perhaps two kilometers from us.’

In this section, we observed which strategies Erzya–Russian bilinguals apply if the two languages of the discourse are (in)congruent. The results fit in with the phases of Auer’s (1999) continuum model. The structures show variation, but code-switches do not usually have pragmatic functions. CS is rarely seen as a deviation from the norm: evidence for this is the low number of medium repairs in the corpus. Unfortunately, as a result of the lack of historical data, we do not know whether the first phase, in which CS has a pragmatic function, existed or not. On the basis of these results, we can claim that the Erzya–Russian bilingual variety shows characteristics of the language mixing phase of Auer’s continuum (1999).

6. Conclusions and further research

In my paper, I studied the structure of intrasentential CS in bilingual Erzya–Russian discourse. The occurrence of the different CS types depended on the degree of congruence of Erzya and Russian structures. Incongruence resulted in the avoidance of ML structures and the use of EL islands in which the rules of the Russian language applied. In other cases, compromise strategies were used, which resulted in double marking or other types of mixed constructions that accelerate the conversion of the two languages.

Further research should focus on explaining the variation in CS, that is to say whether the strategies for dealing with (in)congruence correlate with the sociolinguistic background of the speakers (age, gender, language proficiency, etc.). Furthermore, the motivation behind the choice of one particular strategy in the case of incongruence also has to be investigated.

As studies on other Finno-Ugric languages in contact with Russian (Karelian: Sarhima 1999, Kildin Saami: Pineda 2009, etc.) have revealed similar CS patterns, it would be also worth studying how other typologically similar languages in contact with Russian relate to these cases, and whether there are general patterns for the management of (in)congruence.

List of glosses and other abbreviations

1	1st person	MLF	Matrix Language
2	2nd person		Frame model
3	3rd person	NOM	nominative
ABL	ablative	PL	plural
CS	code-switching	POSS	possessive
DAT	dative	PREP	prepositional
DEF	definite	PROL	prolative
EL	embedded language	PRS	present
ELA	elative	PST	past
F	feminine	PST2	2nd past
GEN	genitive	PTCP	participle
ILL	illative	REFL	reflexive
INE	inessive	SG	singular
INF	infinitive	TRANSL	translative
INF2	2nd infinitive	1SG<3SG	1st person singular
INSTR	instrumental		object and 3rd person
LAT	lative		singular subject
M	masculine	1PL<3PL	1st person plural object
ML	matrix language		and 3rd person plural subject

References

- Auer, Peter 1999: From codeswitching via language mixing to fused lects. Toward a dynamic typology of bilingual speech. – *The International Journal of Bilingualism* 3(4). 309–332.
- Corbett, Greville G. 1991: *Gender*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Deuchar, Margaret 2005: Congruence and Welsh–English code-switching. – *Bilingualism: Language and Cognition* 8(3). 255–269.
- Fuller, Janet M. & Heike Lehnert 2000: Noun phrase structure in German–English codeswitching. Variation in gender assignment and article use. – *The International Journal of Bilingualism* 4(3). 399–420.
- Gafaranga, Joseph 2000: Medium repair vs. other-language repair. Telling the medium of a bilingual conversation. – *The International Journal of Bilingualism* 4(3). 327–350.
- Kovács, Magdolna 2001: *Code-switching and Language Shift in Australian Finnish in Comparison with Australian Hungarian*. Åbo: Åbo Akademii University Press.
- Mahootian, Shahrzad 1993: A null theory of code switching. Ph.D. dissertation, Northwestern University.
- Muysken, Pieter 2000: *Bilingual Speech. A Typology of Code-mixing*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Myers-Scotton, Carol 1993: *Duelling languages. Grammatical structure in codeswitching*. Oxford: The Clarendon Press.
- 2002: *Contact Linguistics*. Oxford: Oxford University Press.
- Pineda, David 2009: Pereključenie kodov ili „smešannyyj lekt“ [Code-switching or Fused Lect.] – *Poljarnyj vestnik* 12. 26–42.
- Sarhima, Anneli 1999: Syntactic Transfer, Contact-induced Change, and the Evolution of Mixed Codes. Focus on Karelian–Russian Language Alternation. Helsinki: Finnish Literature Society.
- Sebba, Mark 2009: On the notions of congruence and convergence in code-switching. – Barbara E. Bullock & Almeida Jacqueline Toribio (eds), *The Cambridge Handbook of Linguistic Code-Switching*. Cambridge: Cambridge University Press. 40–57.
- Shagal, Ksenia 2016: Contact-induced grammatical phenomena in the Russian of Erzya speakers. – Ksenia Shagal with Heini Arjava (eds), *Mordvin languages in the field*. Uralica Helsingiensia 10. Helsinki: Finno-Ugrian Society & Department of Finnish, Finno-Ugrian and Scandinavian Studies.

KSENIA SHAGAL
University of Helsinki

Contact-induced grammatical phenomena in the Russian of Erzya speakers¹

Abstract This paper investigates the peculiarities of the Russian language spoken by the Erzya community in the Dubyonki district of the Republic of Mordovia. The analysis is based on a corpus of spontaneous interviews with Erzya-Russian bilingual speakers recorded during the field trip in August 2013.

The study focuses on the grammatical phenomena that can presumably be explained by the influence of the mother tongue of the Erzya people on their Russian speech, namely various cases of unexpected gender assignment, overuse of nominative with numerals and classifiers, dropping prepositions in locative contexts and beyond, and non-standard verb argument encoding.

The article discusses possible mechanisms of how language contact can affect the Russian speech of the bilinguals, ranging from the difficulties caused by the lack of a certain category in Erzya to direct structural copying. It is shown that a local variety of a dominant language can reflect structural features of a minority language as manifested in recurring deviations from the dominant language standard found in the speech of local bilingual individuals.

---

1. I would like to express my gratitude to Niina Aasmäe, Boglárka Janurik, Seppo Kittilä and Natalia Stoynova for their useful comments on an earlier version of this paper. I am also indebted to Alina Podgornova for checking my Erzya examples and to Andrew Logie for checking my English. All shortcomings are of course my own.

1. Introduction

The Russian language is a very diverse and heterogeneous entity manifested in a great number of dialects, sociolects and contact varieties that differ from each other in many aspects. Some of these varieties have been used for a significant period of time by large groups of people and have thus become fairly established, developing their own sets of phonetic, morphological, syntactic and lexical features. By contrast, some are both unstable and elusive, and can only be seen as a composite of frequent peculiarities shared between several individual speakers. The variety under investigation in this study is the Russian language spoken by the Erzya community of the Dubyonki district on the eastern border of the Republic of Mordovia, a variety that occupies an intermediate position between the two aforementioned alternatives.

The population of the Dubyonki district, according to the 2010 Russian census (VPN 2010), is 13 851 people. Mordvin (almost exclusively Erzya) comprise 86.4% (11 968 people), the rest of the population being predominantly Russian (10.5%, 1 454 people) and Tatar (2.5%, 348 people). No official data is available on the number of Erzya speakers in the district, but the share seems to be fairly large. According to the census, the overall percent of Mordvins speaking Mordvin languages within the territory of the republic is approximately 57.5%, but in rural areas the percentage is presumably even higher due to particularly substantial proportions of elderly people, who are generally better speakers of minority languages. There are also people of other nationalities, e.g. Russians and Ukrainians, who learn the language when they move to Erzya-speaking areas. Thus, the prestige of Erzya in the district is fairly high and the language is used in a wide variety of communicative situations (Pikkarainen 2016, this volume).

The data presented in this paper comes from a corpus of interviews recorded in the villages of Dubyonki, Povodimovo, Chindyanovo, Kochkurovo and Kabayevo during the field trip organized by the Helsinki Area and Language Studies (HALS) initiative in August 2013. The corpus comprises 5 hours of spontaneous interviews recorded by Merja Pikkarainen and myself. The interviews were predominantly

aimed at collecting language biographies of the speakers, but some general topics were discussed as well. There were 21 interviewees, the youngest was aged 21 and the oldest was 83. All of them were fluent in both Russian and Erzya, and claimed to use both languages at least to some extent in their everyday communication. Apart from this, no specific selection of informants was made.

However, there is a very significant difference between the generations' proficiency in Russian. Most speakers aged around 50 or younger acquired the two languages simultaneously. As they reported, in their childhood both Erzya and Russian were extensively used in their families and in the wider community. Because of the early acquisition, the Russian variety they speak contains some regional lexical items and salient phonetic features, cf. Pussinen (2010), but in terms of grammar their speech has almost no deviations from the standard language. On the other hand, speakers over 50 years old acquired Erzya as their mother tongue within the family, and only learned Russian after entering elementary school, i.e. approximately at the age of 7. Therefore, they are not balanced bilinguals. Erzya should be regarded as their first language and Russian as their second. Due to this, they make more mistakes in their Russian speech than the younger speakers, including grammar mistakes. For some cases the most probable reason for mistakes is simply incomplete second language acquisition. This paper, however, focuses on the grammatical phenomena that can be to a lesser or greater extent explained by the influence of the mother tongue of the Erzya on their Russian speech. Since such mistakes are mostly made by elderly speakers, the examples used in the article come predominantly from their interviews.

Two phenomena that are left outside the scope of this study are code-switching and code-mixing, cf. Auer (1999), Muysken (2000). Thus, we are not interested in the choice of the language that speakers make in various situations or in the mechanisms of switching from one language to another, and nor are we looking for the instances of Erzya grammar being applied to Russian lexical material. These issues are to some extent discussed in Janurik (2016, this volume). This article is concerned with the recurring grammatical mistakes of individual speakers that altogether constitute the outline of the Russian variety spoken by Erzya-Russian bilinguals.

The following sections of the paper discuss the most frequent of such phenomena, namely various cases of unexpected gender assignment (Section 2), overuse of nominative with numerals and classifiers (Section 3), dropping prepositions in locative contexts and beyond (Section 4), and non-standard verb argument encoding (Section 5). The discussion is followed by some concluding remarks (Section 6).

2. Unexpected gender assignment

Probably the most prominent morphosyntactic feature of the Russian of Erzya speakers are various gender mismatches. In standard Russian the majority of adjectival nominal modifiers agree in gender with the modified noun, while past tense verbs show gender agreement with singular 3rd person subjects or reflect the actual sex of the 1st or 2nd person subject. However, in the Russian speech of Erzyas deviations from this rule are frequently observed, for instance of the type illustrated in (1), where a past tense verb appears in the masculine form instead of agreeing in gender with the feminine subject:

- (1) ***dočk-a***   ***stira-l-∅***,   ***banj-a***
 daughter(F)-NOM.SG   wash-PST-M.SG   bathhouse(F)-NOM.SG
topi-l-∅,   ***ubork-a***   ***sdelala-l-∅²***
 heat-PST-M.SG   cleaning(F)-NOM.SG   do-PST-M.SG
 ‘The daughter washed the clothes, heated
 the bathhouse, did the cleaning.’

It should be noted that the forms attested in the sentence above are indeed masculine and cannot be considered as a result of the final vowel reduction in the corresponding feminine forms *stira-l-a*, *topi-l-a* and *sdelala*. The endings of such feminine forms in the speech of Erzyas often take secondary stress, due to which reduction becomes highly unlikely (Nina Aasmäe, p.c.). In addition to that, some other cases provide evidence that it is, indeed, the real masculine form being used, for instance (2), where the appropriate feminine form would be *uš-l-á* (leave-PST-F.SG) and the stressed final vowel would not be subject to reduction:

2. All the Russian and Erzya examples are given in the romanized respective orthographies.

- (2) ***potom doč-en'k-a***   ***ušě-l-∅***
 then   daughter(F)-DIM-NOM.SG   leave-PST-M.SG
 ‘Then the daughter left.’

It is shown in Ellis et al. (2012) that the gender system of the first language can influence that of the second language by directly transferring the gender of individual lexical items. However, in the situation in question this is not the case. Firstly, Erzya, unlike Russian, does not have the grammatical category of gender, so there are no specific values of the category that could be transferred. Secondly, gender mismatches due to transfer tend not to occur in the case of semantic gender, i.e. with animate referents, while in the Russian of Erzya speakers they are very widespread.

Gender mismatches are observed in a range of situations, e.g. when a verb in the past tense has to agree with its subject, cf. (1)–(2) above, and in numerous cases when various modifiers in attributive or predicative function are expected to agree with a noun, cf. (3) and (4) respectively:

- (3) ***odin noga torč-it tak***
 one.M.NOM.SG leg(F).NOM.SG stick.out-PRS.3SG so
 ‘One leg is sticking out this way.’
- (4) ***Man'k-a bol's-oj***
 Man'ka(F)-NOM.SG big-M.NOM.SG
 ‘Man'ka is the older.’

Another common type of gender assignment mistake is when a female speaker refers to herself using masculine forms, cf. (5):

- (5) ***i ja rad-∅***
 and 1SG happy-M.NOM.SG
 ‘And I am happy.’

In some cases when the ending is unstressed it is not clear whether the adjective bears the masculine agreement or appears in the invariant *-oj/-ej* form that the Erzya language regularly uses to adopt Russian adjectives, cf. Lipatov & Matjuškin (1985: 116). The vowel in the final syllable is reduced to such an extent that it might be interpreted as either masculine nominative /y/ or invariable /e/, cf. (6):

- (6) *bab-a*   *ljubopytnəj*
 woman(F)-NOM.SG   curious
 ‘The woman is curious.’

The use of such forms in indirect cases suggests that at least occasionally it is the invariant *-oj/-ej* form that is employed, cf. (7), where the form *mordovskogo* would be expected in standard Russian:

- (7) *my stesnjalis' ot mordovskoj jazyk-a*
 1PL be.ashamed.PST from Mordovian language(M)-GEN.SG
 ‘We were ashamed of the Mordovian language.’

However, in many other situations it is almost impossible to provide a definite answer.

It is worth mentioning that all the clear examples of gender assignment mistakes attested in our corpus are the instances of masculine forms used instead of feminine. Bubrix (1985: 153) claims that the opposite also occurs, in particular when the words ending in *-a* are perceived as belonging to the feminine class as the majority of such words in Russian, cf. (8):

- (8) *spravedliv-aja sud'j-a*
 fair-F.NOM.SG judge-NOM.SG
 ‘fair judge’

This example, however, is not strictly accurate, since the word *sud'ja* in standard Russian belongs to the common gender and can be used with either masculine or feminine agreement depending on the sex of the referent. Unfortunately, it is the only example provided in the article and the author does not explicitly specify the context in which it was used, so it cannot be considered as clear evidence.

At the same time, according to Bubrix, masculine agreement is triggered by those feminine nouns ending in consonants, which he illustrates with the example in (9):

- (9) *tjažol-yj žizn'-∅*
 hard-M.NOM.SG life(F)-NOM.SG
 ‘hard life’

This, however, is not the case in all the examples collected during our field trip and presented above. Therefore, even if such mistakes occur in the speech of Erzyas but are lacking from our corpus due to its limited size, they can still be said to be less common than the overuse of masculine gender marking of the type described in this section.

3. Nominative with numerals and quantifiers

In Russian, most numerals and quantifiers in a direct case — nominative or accusative — require the quantified noun to be genitive plural, while regular paucal numbers (*dva* ‘two’, *tri* ‘three’, and *četyre* ‘four’) combine with the genitive singular, cf. Comrie, Corbett (1993: 876), as illustrated in (10):

<i>(10) mnogo synovej-∅</i>	<i>pjat' synovej-∅</i>	<i>dva syn-a</i>
many son.PL-GEN	five son.PL-GEN	two son-GEN.SG
‘many sons’	‘five sons’	‘two sons’

Erzya in most such contexts employs the nominative plural form. For instance, nouns appear in nominative plural after the word *lamo* ‘many’ and usually after the numerals, especially if the sole or last numeral is between 2 and 10 (Zaicz 1998: 196), cf. (11):

<i>(11) lamо cěra-t</i>	<i>kavto cěra-t</i>
many boy-NOM.PL	two boy-NOM.PL
‘many sons’	‘two sons’

Therefore, it is not surprising that Erzya speakers use the nominative form in this context in Russian as well, cf. (12)–(14):

<i>(12) dva synov'j-a</i>	<i>(13) dva det-i</i>	<i>osta-l-o-s'</i>
two son.PL-NOM	two children(PL)-NOM	remain-PST-N.SG-REFL
‘two sons’	‘two children remained’	
<i>(14) det-i mnogo, vnuk-i mnogo</i>		
children(PL)-NOM	many	grandchild-NOM.PL
‘many children, many grandchildren’		many

This can probably be at least partly explained by the fact that the nominative is used as a default case in the speech of those Erzyas who are less fluent in Russian, cf. direct objects *banja* and *uborka* in (1). It should be noted, however, that with numerals and quantifiers it is always the plural form that is used. Besides, the use of nominative in this syntactic context seems more frequent than in others, which might suggest that the general prevalence of the nominative is not the only relevant factor here.

Nominative can also be used instead of regular genitive in the singular with uncountable nouns, e.g. *zarplata* ‘salary’ in (15):

- (15) *u kogo zarplat-a malo*
at who.GEN salary(F)-NOM.SG few
'who has little salary'

Thus, although the overuse of nominative with numerals and quantifiers can be regarded as a part of a general tendency in the Russian of Erzya speakers, its abundance in this particular context might suggest that language contact plays some role here, too.

4. Preposition drop

Another peculiar feature of the speech of the Erzya-Russian bilinguals which appears to be fairly widespread is dropping of the prepositions. This phenomenon is also described by Daniel et al. (2010) in some local Russian varieties of Daghestan. It is especially common before the locative case, which is also called prepositional in Russian (*predložnyj padež*) due to the fact that it always has to be governed by a preposition in the standard modern language. Example (16) illustrates the dropping of the preposition *v* ‘in’ from the prepositional phrase *v Saranske*:

- (16) *Saransk-e živ-ět*
Saransk-LOC live-PRS.3SG
'(He/she) lives in Saransk'

There is no one-to-one correspondence for the Russian locative case in Erzya, but in most cases this meaning in Erzya is encoded by the inessive case, cf. (17):

- (17) *son er-i Saranskoy-se*
3SG.NOM live-PRS.3SG Saransk-INE
'He/she lives in Saransk.'

On the whole, in Erzya general spatial meanings, such as ‘in’, ‘to’ or ‘from’, are mostly expressed by spatial case forms, and it is exactly these contexts that demonstrate preposition dropping in the Russian of Erzya speakers. For instance, preposition *v* can be dropped also from the prepositional phrase with a directional meaning, cf. *v Diveevo* ‘to Diveevo’ in the example (18):

- (18) *potom ja ezdi-l-a Diveevo*
then 1SG.NOM drive-PST-F.SG Diveevo(N).ACC.SG
'Then I used to go to Diveevo.'

In the Erzya equivalent of this sentence the goal argument is coded by the lative case, cf. (19):

- (19) *mejle mon ardt-n'-i-n' Diveeva-v*
later 1SG.NOM drive-FREQ-PST-1SG Diveevo-LAT
'Then I used to go to Diveevo.'

Other prepositions can be dropped as well, for instance example (20) most likely illustrates the dropping of the preposition *na* from the phrase *na aborty* ‘for/to abortions’:

- (20) *my kak ži-l-i? abort-y ne xodi-l-i*
1PL how live-PST-PL abortion-NOM.SG NEG go-PST-PL
'How did we live? We did not go for abortions.'

The only non-spatial context in which preposition dropping is attested in our data is the possessive construction, where the preposition *u* ‘at’ is lacking from the regular prepositional phrase *u menja*, cf. (21):

- (21) *menja tri dočk-i³*
1SG.GEN three.NOM daughter(F)-GEN.SG
'I have three daughters.'

3. The word *dočki* ‘daughter’ in this example is glossed according to the rules of the standard Russian language, i.e. it is considered genitive singular as it should be after the paucal numeral. However, as shown in section 3, in the Russian of Erzya speak-

In Erzya the possessee is marked by a possessive marker and the possessor appears in genitive without any adpositions, cf. (22):

- (22) *mon' kolmo t'ejt'ere-m*
1SG.GEN three girl.NOM.SG-POSS.1SG
'I have three daughters.'

Therefore, judging from the available corpus, for any context in Russian where prepositions can be dropped by Erzya speakers there is a corresponding Erzya construction with the same meaning expressed by means of a case (or a case and a possessive marker). A possible explanation for this is that the resulting Russian constructions are of the analogical nature and reflect the structure of the first language of the bilinguals. This claim is supported by the fact that in other contexts where Erzya employs postpositional phrases for argument encoding, e.g. in comitative constructions with the postposition *marto* 'with', preposition dropping in Russian is not attested.

5. Non-standard argument encoding

The Russian speech of the Erzya-Russian bilinguals is also abundant with non-standard verb argument encoding, cf. (7) repeated here, where the stimulus of the Russian verb *stesnjat'sja* 'to be ashamed' is expressed by a prepositional phrase rather than by a genitive noun phrase (*mordovskogo jazyka*) as would be the case in standard Russian:

- (7) *my stesnjalis' ot mordovskoj jazyk-a*
1PL be.ashamed.PST from Mordovian language(M)-GEN.SG
'We were ashamed of the Mordovian language.'

This marking most probably occurs due to the parallel with the Erzya verb *viz'd'ems* 'to be ashamed', whose stimulus is regularly expressed by the postpositional phrase with the elative meaning, cf. (23):

---

ers it is common to use the nominative plural form, which for the word in question is exactly the same (*dočki*).

- (23) *min' viz'd'-i-n'ek mordvan' kel-en't' ej-ste*
1PL be.ashamed-PST-1PL Mordovian language-DEF.GEN.SG in-ELA
'We were ashamed of the Mordovian language.'

Apparently, the Russian preposition *ot* 'from' corresponds to the Erzya elative in a rather regular way. Example (24) illustrates its non-standard use with the Russian verb *sprosit'* 'to ask', the source argument of which in the standard language is coded either by the preposition *u* with the noun in the genitive (*u menja*) or simply by the accusative (*menja*):

- (24) *eščë čego xot-ite sprosit' ot menja?*
else what.GEN want-PRS.2PL ask from 1SG.GEN
'What else do you want to ask me?'

The corresponding Erzya verb *k'evkst'ems* 'to ask' requires an elative Source argument, which can be coded either by the elative case marker, cf. (25), or by the postpositional phrase with the elative postposition *ked'ste*, cf. (26):

- (25) *k'evkst'e-ms šabra-sto*
ask-INF neighbour-ELA
'to ask a neighbour'

- (26) *m'ez'e n'evak k'evkst'e-vli-d'e mon' k'ed'-ste?*
what.NOM else ask-SUBJ-2PL 1SG.GEN hand-ELA
'What else do you want to ask me?'

The Russian preposition *ot* is reported to have a case correspondence not only in the Russian of Erzya speakers, but also in the speech of Enets-Russian bilinguals. As shown by Stojnova & Shluinskij (2010: 163), the speakers of the Forest Enets dialect (Samoyedic, spoken in the Krasnoyarsk Krai) tend to use the preposition *ot* for encoding the object of comparison, e.g. *ot sestry* in (27):

- (27) *vot etot tot kto postarše*
PTCL this.M.NOM.SG that.M.NOM.SG who older
vrode ot sestr-y-to
PTCL from sister(F)-GEN.SG=PTCL
'this one, the one who is older than the sister'

The authors claim that this comparative construction is clearly a calque from Enets, where the object of comparison is marked by the ablative case, cf. (28):

- (28) *modⁱ nozun^{i?} aga entsiu-? ma-mbi-tf*
 1SG 1SG.ABL big person-NOM.PL say-HAB-3PL.PST
 'People older than I were saying...'

Difficulties with choosing the correct verb argument encoding in Russian experienced by Erzya and Moksha speakers are also described by Bubrix (1985: 154). Thus, for example, instead of the standard Russian collocation *ostat'sja doma* 'to stay at home', where *doma* is an adverb derived from the word *dom* 'house', or the construction with the locative case *ostat'sja v dome* 'to stay in the house', they prefer to combine the verb *ostat'sja* with the prepositional phrase *v dom* meaning 'into the house', cf. (29):

- (29) *ostat'sja v dom-Ø*
 stay in house(M)-ACC.SG
 Lit. 'to stay into the house'

Bubrix explains this by the influence of the Erzya structure of the corresponding phrase where the verb *kadovoms* 'to stay' governs the illative dependent, cf. (30):

- (30) *kadovo-ms kudo-s*
 stay-INF house-ILL
 'to stay at home'

Indeed, the illative case in Erzya is best translated into Russian by the combination of the preposition *v* 'in' and the accusative case; employing this analogy thus causes the mistake in verbal argument encoding.

Not all the verbs in Russian are equally subject to argument structure alternation in the speech of Erzyas. All the mistakes attested in our corpus occur in the situations where some Erzya locative case marker or postposition is represented by the Russian preposition that appears incorrect in the context. It would be most valuable to have a detailed description of the Russian verbs that are least stable in this respect and tend to change their argument structure by analogy with

the corresponding Erzya verbs. Unfortunately, the data we currently possess is too limited for such purposes and so this must await further investigation.

6. Conclusions

The mistakes of the Erzya-Russian bilinguals presented in this article significantly differ from each other in the importance of language contact and in the exact way in which contact influences their speech. The main reason for numerous gender mismatches is apparently the lack of the respective category in the first language of the speakers. The use of nominative with numerals and quantifiers might be explained as a part of the general tendency of Erzyas to overuse the nominative in Russian but the frequency of this construction suggests that language contact also contributes to its emergence. Meanwhile, preposition dropping in the constructions with general spatial meaning most likely occurs due to the fact that for the speakers of Erzya, a language with a fairly rich case system, the morphological encoding of locative meanings is more natural than using adpositions. Finally, in the case of non-standard argument encoding the importance of contact is most evident, since it is the instance of direct structural copying from the first language to the second.

The described features also vary from each other in their status, since some of them should probably be treated as occasional errors and some are regularly attested in the speech of several people. However, taken together with the properties concerning the other language levels, all these peculiarities constitute the local variety of the Russian language, which provides rich material for language contact research. It is also important to note that the mistakes, of course, do not occur in all of the situations where they could be expected, and what triggers their emergence is a very interesting question in its own right.

It has to be emphasized once again that this article should by no means be regarded as a consistent description of the Russian language spoken by Erzyas. Rather it should be considered an attempt to look at the peculiarities in their Russian speech through the prism of interaction between the two languages. It has been shown in numerous works

that the dominating language can influence the language undergoing language attrition in many aspects, cf. Andersen (1982), Myers-Scotton (2002), Siemund (2008), but the data presented in this article suggests that the opposite process is also possible, even though it is manifested not in the structural changes of the language system but in the recurring deviations from the standard in the speech of individual bilinguals.

Abbreviations

1	1st person	INF	Infinitive
2	2nd person	LAT	Lative
3	3rd person	M	Masculine
ACC	Accusative	N	Neuter
DEF	Definite	NEG	Negation
DIM	Diminutive	PL	Plural
ELA	Eitative	POSS	Possessive
F	Feminine	PRS	Present
FREQ	Frequentative	PST	Past
GEN	Genitive	PTCL	Particle
HAB	Habitual	REFL	Reflexive
ILL	Illative	SG	Singular
INE	Inessive	SUBJ	Subjunctive

References

- Andersen, Roger W. 1982: Determining the linguistic attributes of language attrition. – Richard D. Lambert & Barbara F. Freed (eds), *The Loss of Language Skills*. Rowley, MA: Newbury House Publishers. 83–118.
- Auer, Peter 1999: From codeswitching via language mixing to fused lects: Toward a dynamic typology of bilingual speech. – *The International Journal of Bilingualism* 3(4). 309–332.
- Bubrix, D. V. 1985: Russkij jazyk v ego otlicijax ot mordovskogo. – O. E. Poljakov (ed.), *Problemy mordovsko-russkogo bilingvizma*. Saransk: Mordovskoe knižnoe izdatel'stvo. 146–166.
- Comrie, Bernard & Greville Corbett 1993: *The Slavonic Languages*. London: Routledge.
- Daniel, M., N. Dobrushina & S. Knyazev 2010: Highlanders' Russian: Case Study in Bilingualism and Language Interference in Central Daghe-

- stan. – A. Mustajoki, E. Protassova & N. Vakhtin (eds), *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*. Slavica Helsingiensia 40. Helsinki: Yliopistopaino. 65–93.
- Ellis, Carla, Simone Conradie & Kate Huddlestone 2012: The acquisition of grammatical gender in L2 German by learners with Afrikaans, English or Italian as their L1. – *Stellenbosch Papers in Linguistics*, Vol. 41. 17–27.
- Janurik, Boglarka 2016: The structural analysis of intrasentential code-switches occurring in bilingual Erzya–Russian spoken discourse. – Ksenia Shagal with Heini Arjava (eds), *Mordvin languages in the field*. Uralica Helsingiensia 10. Helsinki: Finno-Ugrian Society & Department of Finnish, Finno-Ugrian and Scandinavian Studies.
- Lipatov, S. I. & P. G. Matjuškin 1985: Osvoenie russkix zaimstvovanij v mokša-mordovskom jazyke v uslovijax dvujazyčija. – O. E. Poljakov (ed.), *Problemy mordovsko-russkogo bilingvizma*. Saransk: Mordovskoe knižnoe izdatel'stvo. 110–118.
- Muysken, Pieter 2000: *Bilingual Speech: A Typology of Code-mixing*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Myers-Scotton, Carol 2002: *Contact Linguistics, Bilingual Encounters and Grammatical Outcome*. New York: Oxford University Press.
- Pikkarainen, Merja 2016: Jazykovye biografi v Dubenskom rajone respubliki Mordovija. – Ksenia Shagal with Heini Arjava (eds), *Mordvin languages in the field*. Uralica Helsingiensia 10. Helsinki: Finno-Ugrian Society & Department of Finnish, Finno-Ugrian and Scandinavian Studies.
- Pussinen, Olga 2010: Osobennosti jazykovoj situacii i russkogo jazyka v Mordovii. – A. Mustajoki, E. Protassova & N. Vakhtin (eds), *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*. Slavica Helsingiensia 40. Helsinki: Yliopistopaino. 106–126.
- Siemund, Peter 2008: Constraints and common paths of contact-induced language change. – Peter Siemund & Noemi Kintana (eds), *Language Contact and Contact Languages*. Amsterdam: John Benjamins. 3–11.
- Stojnova, N. & A. Šluinskij 2010: Russkaja reč' lesnyx èncev: zarisovki issledovatelej vymirajuščego jazyka. – A. Mustajoki, E. Protassova & N. Vakhtin (eds), *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*. Slavica Helsingiensia 40. Helsinki: Yliopistopaino. 153–165.
- VPN 2010 = *Vserossijskaja perepis' naselenija 2010 goda*.
http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm 7.10.2014.
- Zaicz, Gábor 1998: Mordva. – Daniel Abondolo (ed.), *The Uralic Languages*. London: Routledge. 184–218.

List of contributors

Rigina Ajanki (University of Helsinki) <a href="mailto:<rigina.ajanki@helsinki.fi>"><rigina.ajanki@helsinki.fi>	Нина Агафонова (Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва) <a href="mailto:<ohanina@rambler.ru>"><ohanina@rambler.ru>
Heini Arjava (University of Helsinki) <a href="mailto:<heini.arjava@gmail.com>"><heini.arjava@gmail.com>	Надежда Кабаева (Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва) <a href="mailto:<nadkab@rambler.ru>"><nadkab@rambler.ru>
Riho Grünthal (University of Helsinki) <a href="mailto:<riho.grunthal@helsinki.fi>"><riho.grunthal@helsinki.fi>	Нина Казаева (Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва) <a href="mailto:<nikazaeva@yandex.ru>"><nikazaeva@yandex.ru>
Boglárka Janurik (University of Szeged) <a href="mailto:<boglarka.janurik@ut.ee>"><boglarka.janurik@ut.ee>	Елена Ломшина (Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва) <a href="mailto:<enlomshina@mail.ru>"><enlomshina@mail.ru>
Anna-Maria Kangastus <a href="mailto:<amkangastus@gmail.com>"><amkangastus@gmail.com>	Мерья Пиккарайнен (Хельсинкский университет) <a href="mailto:<merja.pikkarainen@gmail.com>"><merja.pikkarainen@gmail.com>
Maria Kholodilova (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; Higher School of Economics, St. Petersburg) <a href="mailto:<hol_m@mail.ru>"><hol_m@mail.ru>	Иван Рябов (Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва) <a href="mailto:<ryabov.74@bk.ru>"><ryabov.74@bk.ru>
Jack Rueter (University of Helsinki) <a href="mailto:<rueeter.jack@gmail.com>"><rueeter.jack@gmail.com>	
Merja Salo (University of Helsinki) <a href="mailto:<merja.salo@helsinki.fi>"><merja.salo@helsinki.fi>	
Ksenia Shagal (University of Helsinki) <a href="mailto:<ksenia.shagal@gmail.com>"><ksenia.shagal@gmail.com>	